

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

2(32)'2010

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(32)'2010

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте Уральского государственного педагогического университета: www.journal.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2010

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: А. И. СУЕТИНА,

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Заведующий отделом перевода: И. С. ПОЛЯКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2010. Вып. 2(32). – 200 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 2 (32)

Подписано в печать 01.06.2010. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 25,0. Тираж 500 экз. Заказ 3326.
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2010
© Политическая лингвистика, 2010

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

2(32)'2010

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief :

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		8
--------------------	--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Балашова Л.В. Саратов, Россия	Концептуализация <i>власти</i> в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект)	9
Будаев Э.В. Нижний Тагил, Россия	Междисциплинарные истоки политической метафорологии	15
Будаев Э.В., Чудинов А.П. Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия	Американская лингвистическая советология: начальный этап	26
Демьянков В.З. Москва, Россия	Реставрация и модернизация: заметки по лингвистической политологии	32
Карасик В.И. Волгоград, Россия	Сознательность: лингвокультурный комментарий	35
Кобозева И.М. Москва, Россия	Лексикосемантические заметки о метафоре в политическом дискурсе	41
Пименова М.В. Кемерово, Россия	Политическая концептуальная система	47
Синельникова Л.Н. Луганск, Украина	О содержании концепта «толерантность» в политическом дискурсе	56
Стернин И.А. Россия, Воронеж	Государство и язык	61
Червиньски П. Катовице, Польша	Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (6)	66
Шустрова Е.В. Екатеринбург, Россия	Дискурс Барака Обамы: приемы и образы	77

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бажалкина Н.С. Москва, Россия	К проблеме внутреннего содержания политических афоризмов английского языка	92
Башкатова Ю.А. Кемерово, Россия	Метафорический образ внешности политика в российском дискурсе СМИ	97
Васильев А.Д. Красноярск, Россия	Игры в слова: манипулятивная эвфемизация	101
Жерновая О.Р. Н.Новгород, Россия	Этнокультурные стереотипы как отражение меняющейся культурной и политической действительности общества	109
Култышева И.В. Нижний Тагил, Россия	Уловки в доказательстве как способ аргументации в предвыборных листовках	114
Мохова Е.К. Сургут, Россия	Метафорический образ свободы в дискурсе Нельсона Манделы	119

Нахимова Е.А. Екатеринбург, Россия	Урбонимы в политической коммуникации: Кондопога и Пикалево	122
Немирова Н.В. Сыктывкар, Россия	Современный экономический кризис в зеркале прецедентности: мифы и реальность	128
Садуов Р.Т. Уфа, Россия	Использование музыкального видеоклипа как специфическая характеристика политического дискурса Барака Обамы	135
Шимчик Т. Катовице, Польша	Влияние политики на названия шахт в Польше после 1918 года	143

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Дементьев В.В. Саратов, Россия	Русские культурные и коммуникативные ценности у А.И. Солженицына	150
Иванова С.В. Уфа, Россия	Антикризисные манипулятивные стратегии в профессиональных PR-текстах (по материалам официального сайта компании FANNIE MAE)	165
Конова М.А. Оренбург, Россия		
Каган Е.Б. Екатеринбург, Россия	Метафоры из сферы-источника «мир неживой природы» в заголовках российских, американских и британских СМИ	172
Каслова А.А. Чернова Н.А. Екатеринбург, Россия	Концепт УСПЕХ / SUCCESS в русской и английской языковой картине мира	176
Распаева Г. Д. Челябинск, Россия	Прецедентные имена с субсферой-источником «Новый Завет» в произведениях Л.Н. Толстого	181
Скворцов О.Г. Екатеринбург, Россия	Компонентный анализ и корпусная методология при исследовании семантической сферы «LIGHT / DARKNESS» в зарубежной лингвистике	184

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Стрикленд Д.А. Иллинойс, США	О неясности в политической риторике: отклонение законопроекта о борьбе с крысами в палате представителей конгресса США в июле 1967 года	189
--	---	-----

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ

Амиров В.М., Чудинов А.П. Екатеринбург, Россия	Российская журналистика под гнетом цензуры	194
Правила предоставления рукописей авторами в журнал «Политическая лингвистика»		197

CONTENTS

EDITORIAL		8
PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Balashova L.V. Saratov, Russia	Conceptualization of <i>Authority</i> in Sociomorph Literary and Slang Metaphor (Comparative Aspect)	9
Budaev E. V. Nizhny Tagil, Russia	Interdisciplinary Origins of Political Metaphorology	15
Budaev E. V., Chudinov A. P. Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia	The Initial Stage of Linguistic Sovietology in the USA	26
Demiankov V.Z. Moscow, Russia	Restoration and Modernization: Some Notes on Linguistic Political Science	32
Karasik V. I. Volgograd, Russia	Conscientiousness: a Lingocultural Commentary	35
Kobozeva I.M. Moscow, Russia	Lexico-Semantic Notes on Metaphor in Political Discourse	41
Pimenova M.V Kemerovo, Russia	Political Conceptual System	47
Sinel'nikova L.N. Luhansk, Ukraine	Content of the Concept "Tolerance" in Political Discourse	56
Sternin I.A. Russia, Voronezh	The State and Language	61
Chervinsky P. Katowice, Poland	Language of the Soviet Reality: Semantics of Positive in Designation of Persons (6)	66
Shustrova E.V. Ekaterinburg, Russia	Barack Obama's Discourse: Devices and Images	77
PART 2. POLITICAL COMMUNICATION		
Bazhalkina N.S. Moscow, Russia	On the Problem of the Inner Content of Political Aphorisms in the English Language	92
Bashkatova Y.A. Kemerovo, Russia	Metaphorical Image of a Politician's Physical Appearance in Russian Mass Media Discourse	97
Vasilyev A.D. Krasnoyarsk, Russia	Word Games: Manipulative Euphemisation	101
Zhernovaya O.R. Nizhniy Novgorod, Russia	Ethnic-Cultural Stereotypes as a Reflection of Changing Cultural and Political Reality of a Society	109
Kultysheva I.V. Nizhny Tagil, Russia	Language Manipulations in Reasoning as a Method of Argumentation in Pre-Election Leaflets	114
Mokhova E.K. Surgut, Russia	Metaphorical Representation of Freedom in Nelson Mandela Discourse	119

Nakhimova E.A. Ekaterinburg, Russia	Urbonyms in Political Communication: Kondopoga and Pikalevo	122
Nemirova N.V. Syktyvkar, Russia	Modern Economic Crisis in Terms of Precedence: Myths and Reality	128
Saduof R.T. Ufa, Russia	Musical Video Clip as a Specific Characteristic of Barack Obama's Political Discourse	135
Szymczyk T. Katowice, Poland	Influence of Politics on Names of Coal Mines in Poland after 1918	143

PART 3. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE

Dementyev V.V. Saratov, Russia	Russian Cultural and Communicative Values in the Works by Alexander Solzhenitsyn	150
Ivanova S.V. Ufa, Russia	Crisis Management Manipulative Strategies in Professional PR-Texts (on FANNIE MAE site materials)	165
Konova M.A. Orenburg, Russia		
Kagan E.B. Ekaterinburg, Russia	Metaphors with the Source Domain «Inanimate Nature» in the Headings of Russian, American and English Mass Media	172
Kaslova A.A., Chernova N.A. Ekaterinburg, Russia	Concept <i>Успех</i> / <i>Success</i> in Russian and English World Visualization Through Language	176
Raspaeva G.D. Chelyabinsk, Russia	Precedent Names with the Sub-Source Sphere «New Testament» in L.N. Tolstoy's Works	181
Skvortsov O.G. Ekaterinburg, Russia	Componential and Corpus Approaches to the Analysis of the ' <i>Light</i> / <i>Dark</i> ' Family in Foreign Linguistics	184

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Strickland D.A. Illinois, USA	On Ambiguity in Political Rhetoric: Defeat of the Rat Control Bill in the House of Representatives, July 1967	189
---	---	-----

PART 5. REVIEWS

Amirov V.M., Chudinov A.P. Ekaterinburg, Russia	The Russian Journalism under Oppression of Censorship	194
Manuscripts requirements		197

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет тридцать второй выпуск «Политической лингвистики». Редакционная политика остается прежней.

Мы по-прежнему сохраняем узкую специализацию с ориентацией на максимально широкий круг читателей. Наши авторы представляют различные научные школы и направления в России и в других странах.

Мы по-прежнему не платим гонораров, но и не берем денег за публикацию с авторов. К сожалению, мы не всегда имеем возможность бесплатно выслать каждому автору экземпляр журнала, в котором опубликована его статья.

Мы сохраняем четыре основных раздела нашего журнала:

– «Теория политической лингвистики» (этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике);

– «Политическая коммуникация» (раздел включает статьи и материалы преимущественно практического характера);

– «Язык – политика – культура» (представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики);

– «Из истории политической лингвистики» (здесь публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, написанные много десятилетий назад, но сохраняющие свою значимость для теории и истории науки).

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Однако вынуждены подчеркнуть, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы не имеем возможности достойно оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы соответствующих публикаций.

Мы лишены возможности достойно оплачивать труд профессиональных переводчиков. Поэтому вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, однако стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои публикации известные специа-

листы – профессора Л.В. Балашова (Саратовский государственный университет), В.З. Демьянков (Институт языкознания РАН), В.И. Карасик (Волгоградский государственный педагогический университет), И.М. Кобозева (МГУ им. М.В. Ломоносова), М.В. Пименова (Кемеровский государственный университет), Л.Н. Синельникова (Луганский государственный университет), И.А. Стернин (Воронежский государственный университет), но мы не менее рады и статьям относительно молодых исследователей политического дискурса.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно ознакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны: (343) 2357612 (кафедра);

(343)3361592 (гл. редактор А.П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на начало 2010 года наш журнал занял почетное пятое место в разделе «Филология», поскольку наш импакт-фактор РИНЦ составляет 0,125 и мы уступаем только журналам «Вопросы когнитивной лингвистики» (0,348), «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» (0,292), «Филологические науки» (0,229), «Вопросы языкознания» (0,150). В первой десятке оказались также журналы «Человек. Образ. Сущность» (0,118), «Иностранные языки в школе» (0,118), «Личность. Культура. Общество» (0,115), «Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка» (0,056), «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология» (0,056), «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» (0,056). Разумеется, приведенные цифры не в полной мере отражают научную значимость соответствующих журналов: существуют и другие признанные научным сообществом показатели.

Более полные данные о Российском индексе научного цитирования и импакт-факторе РИНЦ представлены на сайте РИНЦ (<http://elibrary.ru>) и в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» (2010, № 2, с.143).

С уважением и надеждой на сотрудничество:

профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов,
доцент Эдуард Владимирович Будаев,
доцент Мария Борисовна Ворошилова,
техн. редактор Анастасия Игоревна Суетина.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Балашова Л.В.
Саратов, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В СОЦИОМОРФНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И СЛЕНГОВОЙ МЕТАФОРЕ (сопоставительный аспект)

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье дан анализ концептуального представления о власти в метафорической системе русского языка. Выявлены основные метафорические модели власти. Установлена специфика их реализации в истории русского литературного языка и в современном сленге.

Ключевые слова: власть, концептуальная модель, метафора, литературный язык, сленг.

Сведения об авторе: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет.

Контактная информация: E-mail: balashova53@yandex.ru.

Balashova L.V.
Saratov, Russia

CONCEPTUALIZATION OF AUTHORITY IN SOCIOMORPH LITERARY AND SLANG METAPHOR (comparative aspect)

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article analyzes the conceptual notions of power in the metaphorical system of the Russian language. The basic metaphorical models of authority have been analyzed. The specificity of their realization in the history of the Russian literary language and modern slang has been stated.

Key words: authority, conceptual model, metaphor, literary language, slang.

About the author: Balashova Lubov Viktorovna, Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics, Professor.

Place of employment: Saratov State University.

ВЛАСТЬ – один из ядерных социально-культурных концептов в языковой картине мира – представляет собой левый член иерархической оппозиции («верхи» / «низы»; «имущие» / «неимущие» и т.п.) и обладает сложной, многоуровневой структурой. Его концептуальным ядром являются признаки – (1) 'право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л.'; (2) 'право и возможность влиять на социальное, имущественное и др. положение кого-л.'. Такими функциями обладает целый ряд властных структур:

- привилегированные слои общества (*аристократ, барин, господин*);
- правящие верхи (*олигарх, плутократ, номенклатурщик*);
- верховные правители (*государь, правитель, тиран, император*);
- законодатели (*депутат, парламентарий*);
- высшие должностные лица (*президент, канцлер, губернатор*);
- должностные лица – по отношению к остальному населению (*префект, управленец, аппаратчик*);
- служащие в органах правопорядка, надзора, судопроизводства, учета и распределения – по отношению к остальному населению (*милиция, судья, следователь, шериф, инспектор, контролер*);
- руководитель предприятия, учреждения (*директор, управляющий*);
- администраторы, управляющие, старшие по должности (*декан, звеньевой, комендант, управдом*);

- старший по положению; тот, кто стоит во главе какой-л. организации, группы, направления (*лидер, предводитель, председатель, атаман*).

- социально-экономическая элита (*банкир, магнат, фабрикант*);

- социально-общественная, культурная элита (*авторитет, столпы общества, городские тузы*).

Кроме того, внутри отдельных социальных групп властными функциями и полномочиями наделяются их отдельные представители (ср.: *отец* – в традиционной семье; *учитель* – в коллективе учащихся; *священник, падре, гуру* – в среде верующих).

Сложность концепта ВЛАСТЬ усиливается тем, что при его реализации могут актуализироваться различные признаки, указывающие на природу и степень влияния властных структур (и их представителей) на отдельного человека и общество в целом (ср.: право, финансы, физическая и военная сила, духовное, идеологическое и эмоциональное влияние).

Характерной особенностью реализации данного концепта является регулярное использование метафорических средств (ср.: [Балашова 1999; 2001; 2002; 2004; 2009; Баранов 1991; 2004а, 2004б; Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев, Чудинов 2005; 2008; Чудинов 2001, 2003а; 2003б; 2005; Шейгал 2004]). В частности, исследователи отмечают, что к числу наиболее устойчивых источников формирования концептуальных моделей относятся странственная метафора, метафора обладания, социоморфная метафора. Именно последняя стала объектом исследования в данной работе.

Как показал анализ словарей русского литературного языка и сленга, социоморфная метафора регулярно используется при именовании властных структур как в литературном языке, так и в сленге, причем в самой частотности таких номинаций есть ряд особенностей.

По мнению большинства исследователей, основные функции метафоры – характеризующая и эмоционально-экспрессивная. Именно поэтому в литературном языке переносные значения практически не встречаются в официальных терминосистемах (ср. номинацию должностных лиц, законодателей и др.). Напротив, регулярно (особенно в публицистике и разговорной речи) социоморфная метафора фиксируется при именовании, с одной стороны, неофициальной – экономической, общественно-политической, идеологической и культурной – элиты (ср.: *нефтяной / газетный ко- роль; кумир молодежи; властитель сердец / умов / судеб*), с другой – руководителей, официальных лиц, оказывающих непосредственное влияние на жизнь народных масс (правители, чиновники) и/или подчиненных (ср.: *отец народов; местные сановники; царские са- трапы*).

При формировании многих переносных значений в данной семантической сфере в литературном языке регулярно полностью или частично нейтрализуются различия между типами властных структур. Например, существительное *хозяин* в значении 'полновластный распорядитель' может быть отнесено к правителю, чиновнику, руководителю трудового коллектива и лицу, способному оказывать временное или постоянное экономическое, интеллектуальное, эмоциональное и другое влияние на кого-л. (ср.: *Хозяин* (о Сталине, о любом начальнике); *отец – хозяин в доме; хозяин положения*).

Современный сленг (этим термином мы именуем внелитературные социальные идиомы) также регулярно использует социоморфную метафору (по данным словарей, записей устной речи и Интернет-коммуникации – около 400 единиц), причем здесь есть как общее, так и специфическое в сравнении с литературным языком.

С одной стороны, в переносных значениях наблюдается регулярная полная или частичная нейтрализация различий между типами властных структур (ср.: *барин* – 'начальник; руководитель'; *са-трап* – 'любой руководитель'), а с другой, – метафорическое именование таких структур может быть более дробным и последовательным, чем в литературном языке.

В частности, в уголовном арго наиболее разработанными являются подсистемы «Лидеры преступных группировок» и «Представители правоохранительных органов и охранные структуры в местах заключения» (ср.: *дири- жёр* – 'комендант в ИТУ'; 'главарь группировки рэкетиров'; *дворник* – 'прокурор'; *вождь* – 'на-

чальник отряда в ИТУ'; *казак* – 'вожак преступной группы; вожак среди арестантов'). В военном жаргоне чаще всего таким способом характеризуют «Командный состав вооруженных сил» (ср.: *Иван Грозный* – 'комбат'; *папа* – 'командир части'). В сленге автомобилистов так именуют представителей ГИБДД (ср.: *мастер / оператор машинного доения, гоблин, соловей, соловей-разбойник*).

Наиболее разнообразной сфера ВЛАСТИ оказывается в молодежном, школьном и студенческом жаргонах, ср.:

- «Преподавательский состав» (ср.: *Гарри Поттер, пастух, чабан, Мюллер* – 'директор школы'; *дуче* – 'строгий дежурный учитель'; *жандарм, скрипка* – 'учитель; классный руководитель'; *пастух, указка* – 'воспитатель'; *инкви- зитор* – 'преподаватель-экзаменатор'; *мазай* – 'ректор'; *бункер, явка* – 'деканат');
- «Милиция» (*мушкетер, ряженный, са- нитар джунглей* – 'милиционер');
- «Контролер в общественном транспорте» (*стюардесса, контра* – 'кондуктор- контролер');
- «Авторитетный, уважаемый человек» (*автор, весовой, солидол, старая гвардия, бо- бер, полкан, бык*).

В целом, в общем жаргоне и отдельных видах социальных идиом самой продуктивной в плане формирования социоморфной метафоры оказывается тематическая группа «Представитель правоохранительных органов» (более 60% от общего числа рассмотренных сленговых единиц).

Менее регулярно (до 20 единиц) с помощью социоморфной метафоры в сленге именуются руководители трудовых коллективов и неформальных объединений (*бойрин, воевода, дирижер*), а также представители законодательной и исполнительной власти всероссийского и регионального уровня (*базар фуфло- мётов* – 'Государственная Дума'; *пайковый* – 'относящийся к номенклатуре, элите, правительству'; *скоморох* – 'депутат Государственной думы'; *нарком, пастух, туз* – 'высокое должностное лицо'). Примерно с той же продуктивностью представлены обобщенные именованья чиновника (как непосредственного представителя власти на местах, от которого зависит судьба гражданина – *Швондер, гробовщик*), а также старшего поколения в семье (в основном – отца, реже – матери: *спонсоры* – 'родители'; *пахан* – 'отец'; *паханка* – 'мать').

Властные функции могут закрепляться за мужем и женой, причем в последнем случае признак финансовой власти выходит на первый план (*таможня, финансовый директор* – 'жена'). В целом номинации лица, от которого под-властный зависит экономически и с которым его связывают личные (обычно сексуальные и навязываемые) отношения, представлены единичными примерами (*папик, хозяин* – 'богатый

любовник; покровитель'). Показательно, однако, что ни разу в современном сленге не зафиксировано социоморфных метафор, характеризующих представителей церкви (по отношению к верующим) или лиц, оказывающих идеологическое, морально-этическое влияние на кого-л. Данный аспект «властных» отношений в обществе для носителей всех видов социальных идиомов оказывается неактуальным.

С точки зрения продуктивных источников и концептуальных моделей метафоризации, в литературном языке и современном сленге также обнаруживаются общие и специфические черты. В частности, уже в древнерусском языке в пределах социальной макро модели властные структуры концептуально способны продуцироваться как левый член оппозиции в рамках лексики родственных связей (*старшие* – *младшие родственники*); военной лексики (*победитель* – *побежденный*); лексики социальной зависимости (*властитель* – *подвластный*, *независимый* – *зависимый*).

Наиболее стабильным среди них является первый вариант – модель иерархических отношений в пределах СП родственных связей. В целом представление о семье как об основе всяких иных отношений между людьми отмечается целым рядом исследователей [Трубачев 1991: 25; Степанов 2001: 555–562; Колесов 1986: 40–42]. Уже в XI – начале XV в. члены СП регулярно характеризуют межличностные, идеологические, межгосударственные отношения на основе аналогии с родственными связями. В метафорическом значении это обуславливает ядерное положение такого компонента, как 'близость, единство' властителя и подвластного: младшее поколение добровольно признает ведомый, зависимый от старших характер отношений, тогда как старшее поколение воспринимается как правитель, покровитель, духовный учитель (ср.: *Имѣти вамъ мене собѣ отцемъ, а мнѣ великому князю васъ держати въ сыновствѣ и во чти, безъ обиды*. Гр 1433). При этом руководство «отца» может быть связано не только заботой о подвластных, но и со строгим надзором за ними, тогда как «мать», напротив, только оберегает и не способна на наказания (*и рече Олегъ се [Киев] буди мати градомъ русскими*. ЛЛ 1377, 8). Функцию «отца» может выполнять также «муж» – по отношению к «жене» (зависимое положение). В древнерусском языке наиболее устойчиво данный вариант родственной концептуальной модели власти реализуется при указании на княжескую или церковную власть (ср.: смерть князя или первосвященника ассоциируется с «вдовством»: *К сему же не имѣнии отца твоего погубихъ. бѣдою вдовственою. и трѣбовании многа ради. нъ и цѣло снабдѣхъ*. ПрЛ XIII: 69а)).

Характерная особенность данной модели – тенденция к терминологизации ее членов, что проявляется уже в XI–XVII вв.: например, обра-

щение *отец, батюшка, мать, матушка* – по отношению к сильным мира сего: к покровителям; к отцам веры и отечества; к предводителям, чья власть признается добровольно. Так, в документах по разинскому восстанию регулярно фиксируются обращения *батюшка, батько* (*Да пожаловать бы вамъ породѣть за дом пресвятыя богородицы.., и за батюшку за Степана Тимофѣевича, и за всю православную Христианскую вѣру*. Разин 1670: 311).

В диахронии родственная концептуальная модель власти чрезвычайно стабильна и пополняется новыми членами (их немного, поскольку в целом это СП – закрытая система). В русском литературном языке XX – начала XXI в. она наиболее востребована в политическом дискурсе. Показательно, что при использовании новых членов метафоризация базируется на системе отношений, присущих традиционной русской семье: например, *мачеха* и *свекровь* – о несправедливой и склонной к агрессии власти (ср. о власти периода Перестройки: *Москва для Риги – свекровь, а не мать*). Сохраняется также тенденция к терминологизации (особенно в советский период): *старший брат* – о русском народе по отношению к другим национальностям СССР; *отец народов* – о Сталине). Сейчас подобные номинации обычно используются иронично: *Уж не предлагаете ли вы рухнуть на колени и взмолиться: “Владимир Владимирович, на кого ты нас, Царь-батюшка, покидаешь?”*.

В современном сленге родственная концептуальная модель власти чрезвычайно продуктивна в двух основных функциях. С одной стороны, это терминологическое обозначение лидера неформального закрытого объединения (ср.: в уголовном арго *мама* – 'женщина – глава преступной группы'; 'содержательница притона'; в военном жаргоне *дед* – 'старослужащий'). Наиболее системно такая модель востребована в уголовном арго. Например, судебный процесс осмыслен как обряд крещения или венчания: *крестный* – 'прокурор'; 'следственный или судебный орган'; *кум* – 'оперуполномоченный'; *сват* – 'сотрудник милиции'; *шафер* – 'присяжный / народный заседатель'; *венчать* – 'судить'. С другой стороны, это шуточно-ироничное обозначение начальника или контролирующего органа, чье отношение к подчиненным вряд ли отличается душевностью и снисходительностью (ср.: студенческом жаргоне *мама* – 'женщина-декан'; 'женщина-ректор'; в молодежном жаргоне *лапка* – 'милиционер'; в офисном сленге *отец народов* – 'об авторитарном руководителе').

Вторая социоморфная модель власти связана с использованием СП вооруженного конфликта (оппозиция: *победитель* – *побежденный*). В отличие от первой модели, основой для формирования метафор становятся признаки противоборства и активности (агрессивности) в отстаивании позиции лидера. С древ-

нерусского по современному русскому языку наиболее активно по этому принципу переносные значения формирует глагольная лексика (*завоевать, покорить, выиграть, пленить* и др.), причем в памятниках XI-XVII в., как правило, речь идет о власти идеологической и этической, о религиозных убеждениях (*Како покорити хужьшее лоучьшимъ*. ЖФСт XII: 170), хотя возможно указание и на лидерство в семье, коллективе и т.п. (ср.: *Мнози убо въ домъхъ рати имуть, да овъ отъ жены рать имать, овъ же отъ чадъ полоняемъ есть*. Изб 1073: 69). В современном русском литературном языке с помощью членов данного СП могут выражаться все возможные типы «властных» ситуаций (ср.: *покоритель сердец; политические временщики*), но в политическом дискурсе данная лексика приобретает терминологические черты при указании на выборы (в законодательные органы, на высшие исполнительные должности): *партия побеждает на выборах; представитель партии завоевывает власть* и т.д. Возможно, именно это становится причиной того, что в современном сленге данная концепция власти практически не представлена.

Третья (самая многочисленная и разнообразная) социоморфная модель также формируется за счет лексики социальной зависимости на базе оппозиций: *властитель – подвластный, независимый – зависимый*. Принцип развития производных значений достаточно однотипен: власть ассоциируется с независимым, обладающим социальными, экономическими привилегиями членом социума, а перенос связан с изменением приложения исходной ситуации. Так, наиболее стабильными в диахронии оказываются следующие варианты данной модели:

(а) социальная элита → экономическая / идеологическая элита или лидерство в межличностных отношениях (*властитель дум; домашний диктатор; король положения; царица бала*);

(б) экономическая элита → политическая / идеологическая и др. элита (ср.: *хозяин положения; байские замашки советской номенклатуры; крепостники* – о власти КПСС в деревне в СССР);

(в) социальная / экономическая элита в одном типе общества → социальная / экономическая / идеологическая элита или лидерство в межличностных отношениях в другом (удаленном во времени и/или в пространстве) типе общества (*царские сатрапы*).

Достаточно стабильным во времени оказывается ценностный компонент переносных значений. В частности, верховная наследственная власть, освященная церковью, обычно получает положительную оценку (о сакрализации монарха в России см. в работе: [Живов, Успенский 1987: 47-153]), тогда как власть, полученная в результате переворотов, завоеваний, – отрицательную; выборная власть и экономические

привилегии могут оцениваться как нейтрально, так и со знаками «+» и «-» (ср.: *феодал, рабовладелец, законодатель*).

В то же время именно в современном литературном русском языке значительно увеличивается продуктивность использования номинаций завоевателей, властителей недемократической ориентации, власть имущих в целом с позиции низших, подчиненных слоев, то есть с пейоративной оценочностью. При метафоризации актуализируются такие личностные качества, как пристрастие к насилию, корыстолюбие или отсутствие привычки к физическому труду (ср.: *сатрап, диктатор, тиран, феодал, барчук, барыня, министр*).

Данный процесс может идти постепенно. Так, члены гнезда *барин* в XIX в. в переносных значениях могут содержать как пейоративную, так и мелиоративную оценку. В частности, В.И. Даль так определяет переносное значение существительного *барство* – ‘все общие барские качества, по себе взятые; хлебосолюство, тороватость, властолюбие, тщеславие, спесь’ [Даль I: 49]. В советский период происходят изменения не только в системе прямых, но и переносных значений. На первый план выходит отношение человека к труду, и все лексемы приобретают ярко выраженную негативную оценочность (ср.: *барин, барич* ‘о человеке, который уклоняется от труда’). Подобную историю претерпевают и слова из СОГ *буржуа*, фиксируемые в словарях с XIX в.

Указанные особенности ярко проявляются в современном политическом дискурсе. (ср.: *Дикий капитализм породил племя региональных феодалов и барчуков*), причем самыми востребованными при характеристике современной власти со стороны оппозиции оказываются социальные системы античного рабовладельческого общества и российской монархии. Естественно, использование такого рода метафор имеет негативный (иронический и саркастический) характер: *Как только мы поменяем конституцию, произойдет обычная боярская аппаратная перестановка структур, мы потеряем гигантское количество социального времени; Путин – царь и всея Руси-Малороссии; Да сейчас каждый собственник, хоть самой захудалой парикмахерской, фотосалона, – рабовладелец!*

В современном сленге это также самая многочисленная и разнообразная метафорическая подсистема, функционирующая во всех типах социальных идиомов (ср.: *король* – ‘главарь шайки преступников’; ‘содержатель притона’; лидер какого-л. коллектива; уважаемый, авторитетный человек (во дворе, в школе, в районе и т.п.); *барин* – ‘начальник ИТУ’; ‘руководитель, начальник’; *барон* – ‘участковый инспектор милиции’; *бонза* – ‘шеф, руководитель’; *боярин* – ‘главарь воровской группировки’; *вельможа* – ‘начальник УВД, ОВД’; *император* – ‘глава крупной компании’; ‘начальник

ИТУ'; 'руководитель'; *помещик* – 'директор совхоза'; 'арендатор'). Наиболее регулярно с помощью этой группы лексики называют крупных чиновников, карательные и контролирующие органы, а также лидеров внутри коллектива. Как и в литературном языке, востребованной оказывается терминология российского монархического государства, хотя в целом источники метафоризации в сленге более разнообразные.

В частности, регулярно используется терминология современных государственных систем (*президент* – 'главарь преступной группировки'; 'лидер компании'; *министр финансов* – 'жена'); других эпох и стран (ср.: *богдыхан* – 'начальник ИТУ – уроженец Кавказа или Средней Азии'; *брамин* – 'начальник ИТУ'; 'шеф, руководитель'; *инквизитор* – 'экзаменатор'). Характерная особенность сленга – номинация властных структур различного типа с помощью антропонимов (ср.: [Балашова 2006]), причем это могут быть имена знаковых исторических фигур прошлого и настоящего, а также имена культурных феноменов – героев классической литературы, культовых фильмов и книг (ср.: *Борман* – 'начальник ИТУ'; 'завуч по воспитательной работе'; *Путин местного разлива* – 'губернатор; мэр'; *Бонд* – 'Борис Николаевич Ельцин'; *марксы* – 'родители'; *салтычиха* – 'авторитарный руководитель – женщина'; *швондер* – 'бюрократ; чинуша').

Показательно, что наибольшей продуктивностью обладает лексика, связанная с карательными органами сталинского периода в СССР и с фашистской Германией (*Мюллер* – 'начальник оперчасти ИТУ'; 'директор школы'; *фюрер* – 'жестокий авторитарный руководитель'; *особая тройка* – 'О комиссии преподавателей, принимающей последнюю передачу перед отчислением студента').

В Новое время (особенно с конца XIX в.) постепенно оформляется еще один вариант социоморфной модели, связанный с развитием промышленного производства. Некоторые профессии (должности) воспринимаются как привилегированные, другие – как не престижные, что создает основу для формирования метафор власти. Однако в языке такого рода переносов закрепляется немного. Самой устойчивой является театральная метафора, где властные функции закрепляются за такими профессиями (и должностями), как *кукловод* в театре марионеток, *дирижер* и *первая скрипка* – в оркестре, *режиссер* – в театре.

В сленге это устойчивый способ номинации власти (*дирижер* – 'начальник ИТУ'; 'главарь, вожак'; 'лидер'; *жандарм* – 'классный руководитель'; *лесник* – 'прокурор'; *мельник* – 'содержатель притона'; *пастух* – 'начальник'; 'конвоир'; 'работник милиции'; 'директор'; *пасечник* – 'участковый инспектор').

Формируются частные концептуальные модели (например, ассоциация современных контролирующих органов с такого рода органами

прошлого: 'работник милиции' – *вахмистр, городовой, жандарм, казак*).

Характерная особенность сленга – большое число шутливо-ироничных номинаций, где властные структуры получают номинацию по антонимическому принципу – через социально не престижные профессии, низкие должности и т.п. (ср.: *ассенизатор* – 'правительственная машина'; *гробовщик* – 'чиновник'; *кухарка* – 'женщина-руководитель'). Формирование каждого отдельного переносного значения имеет достаточно четкую мотивацию (ср. реплику В.И. Ленина о том, что «каждая кухарка сможет управлять государством»). Но в целом явно прослеживается негативное и неуважительное отношение к власти со стороны носителей сленга.

Таким образом, социоморфная метафора власти устойчиво используется для оценочной характеристики различных явлений той же социальной сферы, нравственных, моральных качеств личности. Формируемые в литературном языке концептуальные модели используются и в современном сленге, однако здесь есть целый ряд специфических особенностей, которые, с одной стороны, являются проявлением активных процессов в современном русском языке в целом, а с другой – отражают картину мира носителей сленга.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). – Саратов, 1998.

Балашова Л.В. Социальная метафора и языковая картина мира (на материале русского языка XI–XX вв.) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. – М., 2001.

Балашова Л.В. Отец или Владыка, чадо или раб? (Концепты адресата и автора в жанре утренней и вечерней молитвы) // Жанры речи. Вып. 3. – Саратов, 2002.

Балашова Л.В. Социальная метафора в диахронии (на материале лексики, противопоставленной по шкале «свой» – «чужой») // III Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований: В 2-х ч. Ч. 2. – Челябинск, 1999.

Балашова Л.В. Общественно-политическая лексика как источник метафоризации вне политического дискурса // Политическая лингвистика. Вып. 20. – Екатеринбург, 2006.

Балашова Л.В. Социальные иерархические отношения в пространственной системе координат (на материале русской метафоры в диахронии) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 4. Власть и речь. – Саратов, 2004.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004а. № 2.

Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лаккофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004б.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001.

Трубачев О.Н. Славянская этимология и праславянская культура // Историко-культурный аспект лексикологического описания языка. – М., 1991. Ч. 1-2. Ч. 1.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации – Екатеринбург, 2003а.

Чудинов А.П. Новые русские метафоры // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке – Екатеринбург, 2005.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003б.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

Чудинов А.П., Будаев А.В. Концептуальные исследования в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

© Балашова Л.В., 2010

Будаев Э.В.

Нижний Тагил, Россия

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИСТОКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье дана характеристика политической метафорологии как направления современных языковедческих изысканий, образовавшегося в результате междисциплинарного синтеза политической лингвистики, метафорологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, дискурс-анализа, психолингвистики и других дисциплин.

Ключевые слова: политическая метафорология, метафора, политический дискурс, когнитивная лингвистика, методология, междисциплинарный подход

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Институт филологии и массовых коммуникаций.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская д. 57.

E-mail: aedw@rambler.ru

Budaev E.V.

Nizhny Tagil, Russia

**INTERDISCIPLINARY ORIGINS
OF POLITICAL METAPHOROLOGY**

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper analyses political metaphorology considered as a new branch of linguistics integrating the methodological variety of approaches to political metaphor analysis. As political metaphor is a complex phenomenon political metaphorology takes shape at the intersection of several lines of investigation, namely political linguistics, metaphorology, cognitive linguistics, discourse-analysis, cultural linguistics, psychology and neuroscience, social sciences.

Key words: political metaphorology, metaphor, political discourse, cognitive linguistics, methodology, interdisciplinary approach

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Academy, Institute of Philology and Mass Communication.

Эволюция современной лингвистики характеризуется двумя противоположными и вместе с тем диалектически неразрывными процессами. С одной стороны, наблюдается дивергенция традиционных языковедческих методологий, которая выражается во все большей теоретической дифференциации и практической специализации лингвистических изысканий. С другой стороны, углубление и расширение научных поисков сопровождается объединением эвристики различных областей знания, что приводит к возникновению новых и перспективных исследовательских направлений. Одним из таких направлений стала политическая метафорология, сформировавшаяся на пересечении нескольких научных дисциплин.

По мнению Р. Джекендоффа [Jackendoff 2007], важнейшей задачей современной лингвистики является интеграция многочисленных теорий и «субдисциплин» языкознания, что особенно касается традиционных структуралистских подходов и когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, нейронауки, психолингвистики. В этом отношении политическая метафорология может служить примером подобного междисциплинарного синтеза, образовавшегося на стыке политической лингвистики, метафорологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, дискурс-анализа, психолингвистики и других «субдисциплин».

Среди истоков политической метафорологии важное место занимает область исследований, связанная с планомерным изучением политической коммуникации, которое началось еще в середине прошлого века и опиралось на пионерские исследования Гарольда Лассвелла, Пола Лазарсфельда, Уолтера Липпманна, Вик-

тора Клемперера, Джорджа Оруэлла и других специалистов. В конце прошлого столетия в лингвистике формируется обособленное направление, в центре внимания которого находится теория и практика анализа политического дискурса. Для обозначения этого направления исследований в мировой науке закрепилось наименование **политическая лингвистика** [Belgian 1997; Burkhardt 1996; Klein 1998; Sarcinelli 1989; Баранов 2001; Паршин 2001; Мухарямов, Мухарямова 2002; Романов 2002 и др.], а также смежные обозначения, акцентирующие те или иные аспекты политического семиозиса (например, «политологическая филология», «политологическое литературоведение», «политологическая лингвистика» [Демьянков 2002], «политическая семантика» [Politische 1989], «политическая дискурсология» [Русакова, Максимов 2006]).

Вторая область исследований, которая легла в основу политической метафорологии, имеет более чем двухтысячелетнюю историю: известно, что многие современные исследования по-прежнему базируются на определении, идущем еще от Аристотеля, который утверждал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Однако, несмотря на значительный объем накопленных знаний о метафоре, интерес к ней в настоящее время не только не ослабевает, а наоборот, усиливается в связи с переходом изучения метафоры на качественно новый уровень. В последние десятилетия сформировалась самостоятельная научная область – **метафорология** [Лагута 2003], объектом исследования которой является метафорика, включающая в себя как результаты метафорогенной

деятельности человека, так и все механизмы этой деятельности (нейрологический, синестетический, когнитивный, коммуникативный). Метафорология объединяет усилия философов, логиков, специалистов в области информатики, социологов, психологов, лингвистов, литературоведов и представителей иных наук для более адекватного и всестороннего анализа феномена метафоры.

Сближение этих двух направлений обусловлено как бурным развитием исследований, посвященных политической коммуникации, так и переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием ее роли в организации ментальных процессов и языковой картины социальных отношений. Возникновение политической метафорологии – одно из проявлений общей тенденции в эволюции современной лингвистики, проявляющейся в утверждении принципов методологического плюрализма, антропоцентризма и междисциплинарности.

Функционирование метафоры в политическом дискурсе довольно сложный феномен, поэтому неудивительно, что политическая метафора как объект политической метафорологии рассматривается с разных методологических позиций и в разных дисциплинах.

Одним из важнейших истоков современной политической метафоры является **когнитивная лингвистика**. В центре внимания когнитивной лингвистики находится язык как общий когнитивный механизм и когниция в ее языковом отражении. Когнитивная лингвистика возникла в США (М. Джонсон, Р. Джэкендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, М. Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, У. Чейф и др.) и получила значительное распространение, дальнейшее развитие и свою интерпретацию в российской науке (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, В.И. Карасик, И.М. Кобозева, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, В.В. Петров, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.).

В основе когнитивной теории метафоры лежит идея о том, что метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафоры в языке – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потен-

циала метафоры.

Исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации получили особое распространение. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены основателями теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980]. Помимо общей характеристики теории, американские исследователи рассмотрели следствия ментальной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишняя эмоциональная оценка метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это объясняет особенно повышенный интерес современных исследователей к когнитивному анализу политической метафорологии по всему миру (см. [Будаев, Чудинов 2008]).

На современном этапе исследователей когнитивной политической метафоры интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры». Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных метафор, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

По степени детализации анализируемого концептуального содержания можно выделить несколько подходов к когнитивному анализу политической метафоры. На первом уровне анализа выделяется группа исследований, авторы которых детально изучают метафоры, связанные с конкретными концептами сферы-источника. Примерами могут служить исследования метафор «Политика – это мост» [Benoit 2001], «Политика – это труд» [Berhó 2000], «Чехословакия – это двойной дом» [Druľák 2005].

При более широком охвате ученые анализируют одну конкретную сферу-источник метафорической экспансии и детально ее описывают. Опыт показывает, что сосредоточение вни-

мания исследователя на одной модели позволит охарактеризовать эту модель максимально полно, изучить ее «под лингвистическим микроскопом» и благодаря этому обнаружить закономерности, ускользающие при обозрении всей широкой картины. Так, И.В. Телешева [2004] детально рассмотрела российские и американские метафоры со сферой-источником «Болезнь». В диссертации Н.М. Чудаковой [2005] предметом исследования стали только метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в современном российском политическом дискурсе. В зарубежной лингвистике подобный характер имеют, в частности, недавние исследования М. Далмо [Dalmau 2005] и А. Мусолффа [Musolff 2006], проанализировавших метафоры родства в политических дискурсах нескольких европейских стран, и Л. Рязановой-Кларке [Ryazanova-Clarke 2004], рассмотревшей российскую криминальную метафорическую модель.

На следующем уровне предметом исследования становятся несколько сфер-источников, объединяемых по определенным критериям (концептуальный вектор, понятийная смежность семантических разрядов, прагматический потенциал и др.). Так, в исследовании А.Б. Рязановой [2002] детально анализируются метафорические поля со сферами-источниками «Война», «Криминал» и «Мир животных», которые в современном российском политическом дискурсе отличаются максимальной агрессивностью прагматического потенциала. В диссертации Н.Г. Шехтман [2006] рассматриваются метафорические модели со сферами-источниками «Спорт» и «Театр», которые относятся к числу зрелищных феноменов. В диссертации Т.С. Вершининой [2002] предметом изучения стала группа органистических метафор (зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора) в современном российском политическом дискурсе.

Основанием для объединения исходных понятийных областей может служить гендерный фактор [Gidengil, Everitt 1999, 2003], общность когнитивных структур базового уровня категоризации (термин Э. Рош) [Sandikcioglu 2003; Zinken 2002]. В монографии И. Насальски выделены египетские политические метафоры, акцентирующие смысл переходного состояния в развитии общества (беременность, болезнь, пробуждение, дорога и др.) [Nasalski 2004].

На самом общем уровне исследователь стремится по возможности полно охарактеризовать все наиболее важные сферы-источники метафорической экспансии. Лингвисты осуществляют мониторинг комплексов метафорических моделей за продолжительные периоды времени и создают лексикографические описания. В России ярким примером такого подхода стали словари А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1991; 1994]. В 1999-2002 гг. в Билефельдском университете был реализован российско-не-

мецкий проект по сравнительному изучению русской и немецкой политической метафорики эпохи перестройки и «поворотного» периода (die Wende-Periode) в Германии [Baranov, Zinken 2003; Zinken 2004; Zibatow 1998].

В XXI в. по всему миру реализуются проекты, посвященные комплексному и многоаспектному анализу концептуальных метафор. Среди них монографии А. Мусолффа [Musolff 2000, 2004], А.П. Чудинова [2001, 2003], Дж. Вэй [Wei 2001], О. Санта Аны [Santa Ana 2002], Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004a, Charteris-Black 2004b].

Большое влияние на формирование политической метафорологии оказали изыскания в области **дискурс-анализа**. Как показывают специальные обзоры, в лингвистике нет однозначного определения термина «дискурс». По справедливому замечанию Дж. Юла, «дискурс-анализ охватывает широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова «oh» и «well» используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре, представленных, например, в образовательных или политических дискурсивных практиках» [Yule 2000: 83].

Наибольшее распространение получило определение дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [Караулов, Петров 1989: 8], как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 1990: 136-137]. Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

В лингвистике сложилось два основных направления анализа политического дискурса: критический и дескриптивный [Fairclough 1985]. Критический подход направлен на исследование социального неравенства, выраженного в дискурсе. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления «не может быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию» [van Dijk 1993: 253]. В современной лингвистике критический дискурс-анализ получил широкое распространение, особенно применительно к анализу метафорики антииммигрантского дискурса [Baker, McEnery 2005; El Refaie 2001; Hardy 2003; Johnson 2005; O'Brien 2003; Santa Ana 1999, 2002].

Несмотря на широкую популярность критического дискурс-анализа, некоторые исследователи подвергают эту методологию критике. Так, известный специалист в области полити-

ческой коммуникации и политической метафоры П. Чилтон отмечает, что сторонники критического дискурс-анализа «пытаются бороться с несправедливостью различного рода, но едва ли возможно серьезное воздействие исследователей дискурса на продолжающийся геноцид, угнетение и эксплуатацию, свидетелями которого мы являемся» [Chilton 2004: x]. По мнению исследователя, большей научной значимостью для достижения постулируемых последователями критического дискурс-анализа целей обладают разработки в области когнитивной науки, чем идеологические позиции субъекта исследования [Chilton 2005].

Со своей стороны представители критического дискурс-анализа указывают на «мистический» характер когнитивных изысканий. В частности Н. Фэрклоу и его последователи отказываются от использования когнитивной методологии, связывая свою позицию с тезисом о принципиальной невозможности проникнуть в «черный ящик» сознания [см. напр. Chouliaraki, Fairclough 1999].

Это противостояние мнений в зарубежной лингвистике продолжает уже имеющий свою историю спор о том, что лежит в основе связи политического поведения и метафоры. Если сторонники критического дискурс-анализа настаивают на социальной первичности метафоры, ее укорененности в социальных практиках, то когнитивисты видят в метафоре ментальную первооснову.

На наш взгляд, в радикальной форме обе позиции представляются методологическими крайностями, не учитывающими диалектического характера факторов метафорогенеза. В российской науке метафизичность как гносеологический принцип преодолевается в когнитивно-дискурсивной парадигме, позволяющей рассматривать политическую метафору одновременно как ментальный и лингвосоциальный феномен. Соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка политической метафоры препятствует ее адекватному описанию. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «в реальной жизни когниция и коммуникация тесно между собой связаны и провести между ними строгие границы можно лишь достаточно условно, в когнитивно-дискурсивной парадигме возникает задача реалистического отражения функционирования языка и отдельных его категорий, единиц или конструкций, и усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004: 520].

Вместе с тем среди зарубежных специалистов синтез когнитивных и дискурсивных эвристик применительно к дискурс-анализу политических метафор находит все больше сторонников [Hülse 2003; Musolff 2004; Zinken 2002]. В частности известный специалист в области кри-

тического дискурс-анализа Р. Водак в одной из последних работ пишет о том, что «когнитивный и социокогнитивный подходы должны стать частью исследований дискурсивных практик, поскольку задачей любого направления в критическом дискурс-анализе является анализ / понимание и объяснение социальных проблем междисциплинарного характера» [Водак 2006: 108].

Отметим, что критическая составляющая вполне имеет право на существование и в рамках когнитивно-дискурсивного анализа. Специальных исследований по воздействию исследований метафоры критического толка на политические процессы не проводилось, однако едва ли можно полностью отрицать влияние научной деятельности официального советника Демократической партии Дж. Лакоффа на недавнюю победу демократов в США (помимо прочего имеются в виду три его последние книги [Lakoff 2004; 2006a; 2006b], которые использовались политиками-демократами в качестве пособий по коммуникации и получили самый широкий резонанс далеко за пределами научных кругов).

При дескриптивном подходе к дискурс-анализу политической метафоры превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования.

В современной политической метафорологии дескриптивный дискурс-анализ представлен многими направлениями. Среди них дискурсивная теория демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. В рамках этой теории метафоре отводится роль каузального фактора общественно-политических изменений [Андерсон 2006; Anderson 2001].

Синтез эвристик исследования метафорики и методов дискурсивного анализа социальных структур по А. Вендт осуществил П. Друлак [Drulak 2006]. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры являются отражением структур социальных. Исследователь проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза. Выделив метафоры самого абстрактного уровня, П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

Важное место в политической метафорологии занимает комбинаторная теория кризисной коммуникации (CCC-theory) Х. де Ландтсхеер и

ее единомышленников. Некогда Х. де Ландтсхеер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что существует зависимость между частотностью метафор и общественными кризисами [De Landtsheer 1992]. В очередном исследовании Х. де Ландтсхеер и Д. Фертессен [Vertessen, De Landtsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе.

Еще одно направление представлено исследованиями в русле постмодернистской теории дискурса. Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а анализ политического дискурса считается наиболее подходящим способом выявления этой онтологической метафоричности. Все «пустые означающие» (empty signifiers) политического дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени [Laclau 1996]. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью» (метафорическим может считаться, например, лозунг «We can do it ourselves» – «Мы можем сами собой управлять»), а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих» [Hansen 2005].

По мнению В. Моттьер [Mottier 2005], адекватный анализ проблемы взаимодействия метафоры и властных отношений необходимо основывать на синтезе герменевтического подхода с эвристиками дискурсивного анализа М. Фуко, что позволит преодолеть крайности слишком широкого деконструктивизма и слишком узкого когнитивизма.

На современном этапе идущая от Ф. де Соссюра структуралистская традиция анализа языковой системы сменяется активным внедрением в лингвистические исследования теории дискурс-анализа, вовлечением в методологический аппарат политической метафорологии широкий экстралингвистический контекст. В современной лингвистике структуралистский подход к метафоре сохраняет свою значимость (см. [Москвин 2006]), однако его эвристики ограничиваются системно-языковыми вопросами и мало подходят для анализа дискурса, для изучения того, как люди на самом деле говорят и пишут, а именно данный аспект приобретает в современном обществе все большую актуальность. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, «дискурсивная деятельность носит отчетливо выраженный специализированный характер, т.е. не может быть описанной вне указания на «среду» ее функционирова-

ния» [Кубрякова 2004: 526].

Вместе с тем важно отметить, что современная политическая метафорология не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Более того, феномен функционирования метафоры в политической коммуникации активно изучался с середины прошлого века, а идеи, положенные в основу современных подходов к дискурс-анализу, в той или иной степени разрабатывались в работах по политической метафоре в русле исследований по риторике и прагматике (см. [Будаев, Чудинов 2006]).

Важной составляющей современной политической метафорологии (особенно в ее российском варианте) является **лингвокультуроология**. Это направление современной лингвистики возникло на стыке языкознания и культурологии. Лингвокультурологический подход помогает решать одну из актуальных проблем политической метафорологии, заключающуюся в выявлении закономерностей метафорического моделирования картины мира в политических дискурсах различных государств. С одной стороны, многочисленные исследования фиксируют общие кросскультурные черты политической метафорологии. «Современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных... языков – вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» [Шмелева 2001: 5].

С другой стороны, следует согласиться с тем, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон 1990: 404]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и отечественные специалисты (Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, Е.М. Верещагин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, Б.А. Успенский и др.).

Ряд примеров лингвокультурологической специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса «Язык ислама» [Lewis 1988]. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стремях. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле». Если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим,

что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или собирательный образ древнерусского князя Владимира Красное Солнышко.

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или вверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того, чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе, и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Достаточно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских государств [Будаев 2006]. Межкультурное сопоставление политической метафоры Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что картина политической действительности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ.

Причины культурного своеобразия национальных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы связаны с геоклиматическими условиями того ареала, на котором формируется культура, с традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе не представляет собой раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности. Изменения в инвентаре политических метафор определенной культуры связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Примеры лингвокультурологической специфики политической метафоры приводит Дж. Вэй, рассматривая традиционную китайскую цветовую символику и ее взаимодействие с новообразованиями в метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом важное значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием непотизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, например, «носит красную шляпу», косвенно обвиняется автором метафоры в кор-

рупции [Wei 2001: 75-77].

Межкультурное своеобразие в концептуальных картинах мира может быть связано с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна интернет-публикация Дж. Лакоффа, в которой рассмотрен контраст между метафорическим осмыслением кризиса в Персидском заливе в США и арабских странах [Lakoff 1991].

Межкультурные различия в актуализации политических метафор прослеживаются не только при анализе традиционной специфики национальной картины мира, но и при исследовании частотности или продуктивности метафорических моделей, характерных для всех сопоставляемых дискурсов. Например, израильские исследователи А. Абади и Я. Сакердоти [Abadi, Sacerdoti 2001], сравнив метафоры израильского и американского политических дискурсов, обнаружили, что метафорическая модель со сферой-источником «Война» более продуктивна и частотна в израильском дискурсе, в то время как спортивные метафоры более распространены в дискурсе США. Авторы объясняют полученные результаты тем, что жизнь рядовых израильтян в большей степени связана с армией, чем жизнь американцев. Постоянные арабо-израильские конфронтации находят выражение во всепроникающей милитаризации израильского общества. Наоборот, в Израиле отсутствует характерный для США «культ спорта». В частности, количество популярных в США видов спорта значительно превосходит аналогичные показатели в Израиле.

Лингвокультурологический ракурс рассмотрения политической метафоры позволяет показать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и др.), а в третьих – имеет общечеловеческий характер. Продолжение лингвокультурологического исследования метафоры, задействованной в политическом дискурсе, позволит лучше разграничить закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, и специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

Осознание того факта, что метафора первично ментальный, а не языковой феномен, все чаще инициирует обращение ученых к **психолингвистическим** методикам при анализе политической коммуникации. Такие исследования часто направлены на изучение политической метафоры не как средства убеждения, а как отражения сознательных или бессознательных представлений коммуникантов о политической реальности.

Среди исследований политической метафоры, находящих основания в теориях глубинной психологии, выделяется монография

С. Кина [Keen 1988]. Опираясь на методологию юнгианской школы психоанализа, автор обратился к анализу архетипа тени в политической агитации и пропаганде. С. Кин показывает, что на агитационных плакатах и в политических карикатурах XX в. противоборствующие стороны во всех крупных военных конфликтах изображали друг друга с помощью дегуманизирующих метафор, среди которых наиболее распространены образы насильника, зверя, рептилии, насекомого, микроба, смерти, безликой орды и врага Бога.

С позиций психоанализа М. Аугустинос и С. Пенни [Augoustinos, Penny 2001] рассмотрели вопрос о том, как австралийские политики представляют проблему примирения между аборигенным и неаборигенным населением Австралии. Проанализировав 12 выступлений политиков (6 аборигенов и 6 неаборигенов), удалось показать, что в основе осмысления проблемы лежит архетипический метафорический образ совместного путешествия.

Психолингвистические методы исследования метафоры позволяют получать данные об особенностях метафорического конструирования мира политики рядовыми гражданами, что недоступно при традиционном анализе политического дискурса, материалом для которого обычно становятся тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами. Методы психолингвистики особенно важны при решении вопроса об эффективности использования метафор. Анализ политического или медийного дискурса позволяет только гипотетически говорить о воздействующей силе метафоры, в то время как для получения достоверных данных необходимо обратиться непосредственно к сознанию адресата коммуникации.

В качестве примера можно привести исследование Я. Босмана и Л. Хагендорна [Bosman, Hagendoorn 1991]. В первой части поставленного ими эксперимента изучалась эффективность метафорических и буквальных политических сообщений. Испытуемые читали неметафорическое и метафорическое описание политики шовинистической партии, а потом письменно заполняли опросные листы, в которых отвечали на вопросы о возможных путях противодействия подобной политике. Обработав результаты, Я. Босман и Л. Хагендорн пришли к выводу, что, хотя метафоры и оказывают влияние на идеи испытуемых, буквальное выражение не менее эффективно.

Помимо анкетирования ученые активно используют метод интервью. Преимущество этого метода связано с тем, что исследователь получает материал для анализа в ходе естественного общения с коммуникантом, а не из заранее подготовленных текстов. Подобная методика применяется в работах Д. Херадштейта, Г. Бонхэма, Т. Оберлехнера, В. Майер-Шенбергера [Heradstveit, Bonham 2005; Oberlechner, Mayer-

Schönberger 2002].

В ряде исследований политическая метафорология обогащается эвристиками **нейролингвистических** теорий. Ярким примером может служить нейрокогнитивная теория метафоры, образовавшаяся на стыке нейронной теории языка, теории первичных и сложных метафор и теории концептуальной метафоры. Нейронная теория языка направлена на выявление нейробиологических детерминант когниции и с общенаучных позиций ее становление – вполне закономерный этап в развитии метафорологии как комплексного междисциплинарного направления в изучении человеческого мышления. Необходимость такого развития теории Дж. Лакофф и М. Джонсон связывают с тем, что «когнитивные эффекты на верхнем уровне когниции возможны благодаря нейробиологии на ее нижнем уровне» [Lakoff, Johnson 1999: 570]. Если в когнитивной лингвистике исследователи обычно ограничивались анализом корреляций языковых и когнитивных явлений, то в нейронной теории языка ощущается значительный естественно-научный уклон. При таком подходе в качестве недостающего звена между когнитивной метафорой и метафорическим выражением рассматривается уровень моделируемых коннекционистских сетей, соотносимых с нейронной архитектурой человеческого мозга.

Нейрокогнитивный подход к изучению метафоры начинает активно развиваться в конце 90-х гг., когда ряд лингвистов Калифорнийского университета и ученых из института компьютерной науки в Беркли объединяют свои усилия. Важным результатом интеграции этих усилий стало понимание того, что язык, когнитивные процессы и сенсомоторная деятельность связаны с активизацией одних и тех же участков нейронной сети. Например, при восприятии метафор движения в мозге человека осуществляется ментальная симуляция физического действия, результаты которой проецируются обратно на сферу-мишень, привнося инференции, вытекающие из ментальной симуляции моторной деятельности [Lakoff, Johnson 1999: 583].

Практическим применением этой теории стали разработки компьютерных программ, моделирующих семантические сети коннекционистского типа. Одну из таких программ С. Нараянан применил к анализу концептуальных метафор движения, задействованных при осмыслении политики и экономики в американской прессе [Narayanan 1999].

Исследования политической метафоры с использованием психолингвистических и нейропсихологических методов позволяют посмотреть на феномен политической метафоры с новых позиций и скорретировать предположения, принимаемые при других методологических подходах без верификации.

Метафора на протяжении долгого времени оставалась предметом исследования филологов и философов, но в последнее время этот

феномен все чаще вызывает интерес у историков, социологов, политологов. В исследованиях подобного рода метафора не является первоочередным предметом исследования, вместе с тем в общественных науках анализ метафор становится распространенным методом познания социально-политической действительности. Исследователи фиксируют организующую роль метафор в постижении социально-политической реальности, метафорическую природу политической картины мира.

В частности, исследование политической метафоры – распространенное явление в **политологических** публикациях [Бляхер, Говорухин 2006; Потапчук 2006; Межуев 2006; Canêdo 1997; Rayner 1984; Smith 2002; Terchek 1999]. Примечательно, что политологи, часто не ставят перед собой задачу исследовать метафоры, но в результате научных изысканий обращаются к метафоре. К примеру, занимаясь политологической проблемой, которая, на первый взгляд, непосредственно не связана с метафорой («Идеология в структуре политического процесса»), С.В. Куньшиков делает вывод о том, что «идеология «работает» в политическом процессе не непосредственно, а через систему идеологических метафор, эффективность которых заключается в способности адекватно выражать ценностно-значимые для социальных групп смыслы политической деятельности» [Куньшиков 2006: 10].

В диссертации Б.Н. Халитова [2006] принимается опыт анализа «языковой войны» не только как публицистической метафоры, описывающей столкновение интересов каталонской и кастильской языковых групп в начале 1990-х гг., но и в качестве теоретико-политического концепта, когнитивного инструмента. Функция метафорического концепта проявляется в описании политического феномена и объяснении его причин.

Отметим, что во многих исследованиях политолого-социологического цикла получение научного знания основывается не столько на корпусном анализе собственно лингвистических явлений, сколько на аналитических размышлениях исследователя и опорой на наблюдения философов и социологов в области взаимодействия общественных процессов и политического мышления. В качестве примера может привести работу Я. Эзрахи [Ezrahi 1995], который, начиная от трудов Ж.Ж. Руссо, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Р. Дарендорфа и заканчивая современным социолого-политологическим дискурсом, прослеживает эволюцию метафоры механизма и театра как способов осмысления общества и политики. По мнению исследователя, эти две метафоры претерпевают своеобразное сращение, при котором детерминистическая механистическая метафора вуалируется театральной метафорой, что только эксплицитно затемняет дегуманизацию современного общества, но имплицитно свидетельствует о пред-

ставлениях его представителей о предопределенности и механистичности современной политики и общественных отношений.

Хорошей иллюстрацией подходов к политической метафоре в общественных науках является коллективная монография «Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World» [2008]. Хотя большая часть вошедших в книгу работ выполнена в политологическом, а не лингвистическом ключе, теоретический плюрализм представленных в книге работ позволяет получить комплексное представление о вариативности методологий. С одной стороны, знакомство с политологическим подходом расширяет представления лингвистов о методологических гранях политической метафорологии, позволяет увидеть объект в новом свете, с другой – для читателей-языковедов высвечивает достоинства собственно лингвистического анализа, эвристики которого иногда ускользают от политологов (более подробный анализ в [Будаев 2008]).

Разность метаязыка описания политической метафоры в когнитивной лингвистике, истории, политологии и других дисциплинах не мешает отмечать схожесть выводов, что служит свидетельством «объективной составляющей» этих исследований, обусловленной существенными закономерностями функционирования политической метафоры. Вместе с тем каждая из методологических граней политической метафорологии позволяет увидеть предмет анализа в несколько ином свете и приблизить исследователей к решению вопросов о сложном взаимодействии сознания, языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон Р. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006.
- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры [Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой]. – М., 1990.
- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
- Бляхер Л.Е., Говорухин Г.Э. Революция как «блуждающая» метафора: семантика и прагматика революционного карнавала // Полис. 2006. № 5.
- Будаев Э.В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1.
- Будаев Э.В. Политический язык и метафора: интерпретация и изменение мира // Политическая лингвистика. 2008. № 26.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2008.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры // Respectus Philologicus. 2006. № 9(14).
- Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и

антропоморфная в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006.

Демьянков В.З. Политический дискурс как объект политологической филологии // Политическая наука [Отв. ред. и сост. В.И. Герасимов, М.В. Ильин]. – М., 2002. № 3.

Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Под ред. В.И. Герасимова]. – М., 1989.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.

Куньшиков С.В. Идеология в структуре политического процесса: сущность и динамика функционирования: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2006.

Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты: В 2 ч. – Новосибирск, 2003.

Межуев Б.В. “Оранжевая революция”: восстановление контекста // Полис. 2006. № 5.

Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М., 2006.

Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука [Отв. ред. и сост. В.И. Герасимов, М.В. Ильин]. – М., 2002. № 3.

Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001.

Паутова Л.А. Стабилизационное сознание: опыт социологического исследования: Дисс. ... докт. социологических наук. – СПб., 2007.

Потапчук Е.Ю. Пятый элемент (Трансформация метафоры в современном российском политическом дискурсе) // Полис. 2006. № 5.

Романов А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход. – М.; Тверь, 2002.

Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4.

Ряпосова А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)»: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Телешева И.В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. Т. 14.

Халитов Б.Н. Языковые аспекты политического процесса: внутренние и международные измерения (на примере Каталонии): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Казань, 2006.

Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экс-

пансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М., 2006.

Чудинов А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).

Шехтман Н.Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: Дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. Т. 7.

Abadi A., Sacerdoti Y. Source domains of metaphors in political discourse. A cross-cultural study: Israel and the U.S.A. // RASK. 2001. Oct., 15.

Anderson R. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // Slavic Review. 2001. Summer.

Augoustinos M., Penny S.L. Reconciliation: The Genesis of a New Social Representation // Papers on Social Representations. 2001. Vol. 10.

Baker P., McEnery T.A. corpus-based approach to discourses of refugees and asylum seekers in UN and newspaper texts // Journal of Language and Politics. 2005. Vol. 4. № 2.

Baranov A., Zinken J. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // Metapher, Bild und Figur: Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten [ed. by B. Symanzik et al.]. – Hamburg, 2003.

Belgian Journal of Linguistics [ed. by M. Dominicy, J. Blommaert, C. Bulcaen] 1997. Vol. 11. Political Linguistics.

Benoit W.L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // Communication Studies. 2001. Vol. 52.

Berhó D.L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 2000. Vol. 54. № 2.

Bosman J., Hagendoorn L. Effects of literal and metaphorical persuasive messages // Metaphor and Symbolic Activity. 1991. Vol. 6 (4).

Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation [J. Klein, H. Diekmannshenke (Hrsg.)] – Berlin, 1996.

Canêdo L.B. As metáforas da família na transmissão do poder político: questões de método // Cadernos Cedes. 1997. Vol. 18. № 42.

Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical

- Metaphor Analysis. Basingstoke, 2004a.
- Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke, 2004b.
- Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London, 2004.
- Chilton P. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity [Ed. by R. Wodak, P. Chilton] – Amsterdam, 2005.
- Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. – Edinburgh, 1999.
- Dalmau M.S. The Iron Lady versus La Dama de Ferro: Western male-centred metaphors about Europe in the British and the Catalan public discourse. URL: <http://www.dur.ac.uk/modern.languages/depts/german/Musolff/eurofamily.pdf> – 2005.
- De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communicatuon and Cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4.
- Drulák P. Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12(4).
- Drulák P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identiy. URL: www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.
- El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics. 2001. Vol. 5. № 3.
- Ezrahi Y. The theatrics and mechanics of action: the theater and the machine as political metaphors // Social Research. 1995. Vol. 62. № 2.
- Fairclough N.L. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis // Journal of Pragmatics. 1985. Vol. 9.
- Gidengil E., Everitt J. Tough Talk: How Television News Covers Male and Female Leaders of Canadian Political Parties // Women and Electoral Politics in Canada [Ed. M. Tremblay, L. Trimble] – Toronto, 2003.
- Gidengil E., Everitt J. Metaphors and Misrepresentation: Gendered Mediation in News Coverage of the 1993 Canadian Leaders' Debates // Harvard International Journal of Press/Politics. 1999. Vol. 4. № 1.
- Hansen A.D. Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses. Paper to be presented at ECPR conference 2005, Granada. Draft version. URL: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf – 2005.
- Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics. – Washington, 2003.
- Heradstveit D., Bonham G.M. The "Axis of Evil" Metaphor and the Restructuring of Iranian Views Toward the US // Vaseteh. Journal of the European Society for Iranian Studies. 2005. Vol. 1(1).
- Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // Zeitschrift für internationale Beziehungen. 2003. Vol. 10. № 2.
- Jackendoff R. A Whole Lot of Challenges for Linguistics // Journal of English Linguistics. 2007. Vol. 35, No. 3.
- Johnson E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis // Bilingual Research Journal. 2005. Vol. 29. № 1.
- Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. – New York, 1988.
- Klein J. Politische Kommunikation - Sprachwissenschaftliche Perspektiven // Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch [O. Jarren, U. Sarcinelli, U. Saxer (Hrsg.)] – Opladen, 1998.
- Laclau E. Why do empty signifiers matter to politics? // The lesser evil and the greater good: The theory and politics of social diversity [Ed. J. Weeks] – London, 1994.
- Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction, 2004.
- Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm – 1991.
- Lakoff G. Thinking Points: Communicating Our American Values and Vision. – New York, 2006a.
- Lakoff G. Whose Freedom?: The Battle Over America's Most Important Idea. – New York, 2006b.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980.
- Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. – New York, 1999.
- Lewis B. The Political Language of Islam. – Chicago, 1988.
- Mottier V. Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory. URL: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Mottier.pdf – 2005.
- Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke, 2004.
- Musolff A. Metaphor Scenarios in Public Discourse // Metaphor and Symbol. 2006. Vol. 21. № 1.
- Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. – München, 2000.
- Nasalski I. Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politischen Sprache am Beispiel Ägyptens. – Wiesbaden, 2004.
- Oberlechner T., Mayer-Schönberger V. Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors. URL: <http://www.ksg.harvard.edu/leadership/Pdf/OberlechnerMayerSchonbergerWorkingPaper.pdf> – 2002.
- O'Brien G.V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States // Metaphor and Symbol. 2003. Vol. 18. № 1.
- Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World [ed. by T. Carver, J. Pikalo] – London: Routledge, 2008.
- Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwen-

dung [J. Klein (Hg.)] – Opladen, 1989.

Rayner J. Between Meaning and Event: An Historical Approach to Political Metaphors // *Political Studies*. 1984. Vol. 32.

Ryazanova-Clarke L. Criminal Rhetoric in Russian Political Discourse // *Language Design*. 2004. Vol. 6.

Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* [ed. by A. Barcelona] – Berlin, 2003.

Santa Ana O. 'Like an animal I was treated': anti-immigrant metaphor in US public discourse // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 2.

Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. – Austin, 2002.

Sarcinelli U. Symbolische Politik und Politische Kultur. Das Kommunikationsritual als politische Wirklichkeit // *PVS*. 1989. № 30.

Smith M.B. The Metaphor (and Fact) of War // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2002. Vol. 8(3).

Terchek R.J. Political Metaphors: Markets or Oligopolies? // *Associations*. 1999. Vol. 3(2).

Van Dijk T.A. Principles of Critical Discourse Analysis // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4(2).

Vertessen D., De Landtsheer Ch.. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics. URL: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.

Wei J.M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse. – Lanham, 2001.

Yule G. *Pragmatics*. – Oxford, 2000.

Zinken J. *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik*. – Bielefeld, 2002.

Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. Vol. 25. № 5/6.

Zybatow L. Antrag auf Gewährung einer Sachbeihilfe für das Projekt "Interkulturelle Analyse der Struktur kollektiver Vorstellungswelten (anhand von metaphorischen Modellen in der russischen und deutschen Presse)". – Bielefeld, 1998.

© Будаев Э.В., 2010

Будаев Э. В., Чудинов А. П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
АМЕРИКАНСКАЯ

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ:
НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Дана характеристика начального этапа в американской лингвистической советологии как направления в исследовании советской политической коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическая советология, Советский Союз, США, политическая коммуникация, история науки.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: aedw@rambler.ru

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, проректор по научной и инновационной деятельности, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Несмотря на то, что термин «советология» появился лишь в конце пятидесятых годов, реальная история лингвистической советологии начинается вскоре после возникновения Советского государства, когда в западных СМИ появились первые материалы, освещающие революционные изменения в России, в том числе ту роль, которую играли пропаганда и агитация.

В современной науке термин «советология» воспринимается как «зонтичный», как общее наименование целого ряда относительно автономных научных направлений: вполне обосновано выделение политической, экономической, лингвистической, культурологической, юридической и иных видов советологии [Будаев, Чудинов 2009а, 2008, 2007].

Коммуникативные особенности революционного дискурса закономерно привлекали внимание зарубежных специалистов, которые стремились понять, почему народ поверил большевикам и как им удалось удержать власть. Эти материалы сначала носили исключительно информационный характер, они относились к дискурсу СМИ, но постепенно при изучении советской политической коммуникации начали использоваться научно-исследовательские методики. Вместе с тем российские исследователи все чаще стремятся выявить специфику восприятия советской страны зарубежными специалистами [Касьянко 1987; Тихий 2000; Третьяченко 2010 и др.]. В подобных публикациях более полно представлены политическая и экономическая советология, тогда как

Budaev E.V., Chudinov A.P.
Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia
**THE INITIAL STAGE
OF LINGUISTIC SOVIETOLOGY
IN THE USA**

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper reviews the initial stage of the US linguistic sovietology considered as the direction of research into Soviet political communication.

Key words: linguistic sovietology, the Soviet Union, political communication, history of science.

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Contact information: 622031, Sverdlovskaya obl., g. Nizhny Tagil, ul. Krasnogvardeyskaya, d. 57.

About the author: Chudinov Anatoliy Prokopievich, Vice-rector for Academic and Innovative Activities, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

лингвистическая советология еще ждет своего описания: до сих пор не выделены хотя бы основные этапы ее развития. Однако ясно, что при ее периодизации невозможно в полной мере опереться ни на политическую историю Советского Союза, ни на историческую стилистику русского языка (историю русского литературного языка советского периода), ни на историю политической советологии. Вместе с тем данные всех названных научных направлений оказываются очень значимыми для правильного осмысления истории лингвистической советологии.

При рассмотрении истории лингвистической советологии мы выделяем пять основных этапов ее развития [Будаев, Чудинов 2009а, 2009б, 2008, 2007].

Первый из них – этап становления – относится к периоду с 1918 года до конца второй мировой войны. Особенности этого периода связаны с тем, что практически одновременно создавались и политическая лингвистика, и политическая советология, а левые идеи были весьма популярны в Северной Америке, Западной Европе и других регионах. В европейской политической лингвистике этого времени используются преимущественно общелингвистические методы и приемы исследования, тогда как на американском континенте преобладают исследования, выполненные в рамках общей теории коммуникации, социологии и политологии.

Второй этап приходится на период холодной войны, когда идеологическое противостоя-

ние было максимально обостренным и многим казалось, что близится начало третьей мировой войны. Именно в эти годы многие западные советологи стремились найти общие черты в советском и фашистском политическом дискурсе, хотя советским специалистам кощунственной казалась уже сама попытка такого сопоставления. Вместе с тем именно на этом этапе советология полностью сформировалась как научное направление, в котором использовались самые современные для того времени научные методы (контент-анализ, квантитативная семантика, риторическое исследование текста, структурные методы, анкетирование и др.). В этот период европейская советология испытывала максимальное идейное и методологическое воздействие с американской стороны. Это воздействие проявлялось не только в идейно-политической гегемонии, но в том, какие методы и приемы использовались при изучении теории и практики коммуникации в Советском Союзе.

Третий этап совпадает со временем «разрядки» в отношениях между Советским Союзом и США, между странами Варшавского договора и НАТО. Угроза прямого военного столкновения отчасти миновала, но сохранялась острая идеологическая борьба, которая сопровождалась боевыми действиями во Вьетнаме, в Афганистане и иных регионах. В эти годы арсенал советологии пополняется новыми методами и приемами (критический анализ дискурса, когнитивные исследования, психолингвистический эксперимент, психоанализ, дискурсивные методики и др.). Именно в этот период европейская советология активно использовала методы и приемы исследования, характерные именно для европейской науки, в том числе для французской школы анализа дискурса, для континентальной (Германия, Нидерланды, Австрия) школы критического дискурс-анализа. В период разрядки между американскими и европейскими специалистами обнаружилось и существенные идеологические различия в оценке советского политического дискурса.

Четвертый этап относится к периоду перестройки и демонтажа советской системы, когда политические разногласия обострились уже внутри советской страны, а зарубежные консультанты все чаще начали выступать как эксперты по вопросам строительства новой политической системы в России. В эти годы активизируются сопоставительные исследования, начинается изучение роли концептуальных метафор в политическом дискурсе, постоянно обсуждаются новые политические термины (*перестройка, гласность, ускорение*) и особенности использования традиционных политических терминов (*правые, левые, демократизация, свобода* и др.), активно изучаются особенности индивидуальных стилей политических лидеров (особенно М.С. Горбачева). Различия между советской и западной политической коммуника-

цией в этот период часто воспринимались как временные, что нередко приводило к недооценке российских традиций и специфики политической коммуникации в нашей стране.

Пятую группу составляют исследования современного (с 1992 года) российского политического языка, которые, по-видимому, уже выходят за рамки советологии. В последние годы они нередко обозначаются зарубежными и отечественными специалистами как относящиеся к лингвистической «*постсоветологии*» (*post-sovietology*). Возможно, этот термин воспринимается как не вполне удачный, но его внутренняя форма хорошо отражает направленность соответствующих исследований: исследуется дискурс, который, во-первых, установился *после* советского, а во-вторых – сохранил многие *свойства советского* дискурса.

Можно предполагать, что лингвистическая постсоветология со временем, в результате последовательной утраты признаков советского дискурса перерастет в исследование российской политической коммуникации, что может получить и терминологическое закрепление в виде термина (например, возможно обозначение «лингвополитическое россиеведение»).

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на невежестве и клевете на социалистическое государство, а советологи – малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие все русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей недостаточно информированных, ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и страшилками. Среди академических советологов действительно нередко встречались ушедшие в отставку сотрудники специальных служб или иных государственных структур. Можно предположить, что эти люди сохраняли те или иные связи со своими прежними работодателями и поэтому транслировали официальную точку зрения на Советский Союз, который в течение многих десятилетий враждовал со всем западным миром.

Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые, возможно, ошибались, но искренне стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Именно такие исследователи и заслуживают подлинной благодарности потомков. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приемов. К счастью, среди советологов всегда были специалисты, которые любили или хотя бы уважали нашу страну и изу-

чали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

Отметим также, что в США и иных западных странах некоторых советологов нередко подозревали в том, что они находятся под идеологическим влиянием коммунистической пропаганды и даже так или иначе связаны с советской разведкой и иными соответствующими организациями. Не секрет, что ученому в США (особенно в эпоху маккартизма) беспристрастно интересоваться СССР было настолько же небезопасно, насколько советскому исследователю проявлять непредвзятый интерес к Западу. С похожими проблемами сталкивались и западноевропейские ученые. Как отмечает Л. Франк, многие ученые, владевшие русским языком, боялись заниматься чрезвычайно политизированной советской проблематикой, предпочитая интересоваться темами, в которых они могли спокойно оставаться на почве научной объективности (например, размерами в ранней русской силлабо-тонической поэзии или немецкими переводами Антиоха Кантемира) [Frank 1965: 55]. Показательно, что одни и те же публикации нередко рассматривались на Западе как зараженные бациллами коммунизма, а в Советском Союзе – как грубые антисоветские пасквилы.

Подозрения в симпатиях к Советскому Союзу могли негативно сказаться на академической карьере ученого и его материальном положении, поэтому не следует думать, что западные специалисты, изучающие Советский Союз, всегда были абсолютно свободными, искренними и беспристрастными. Атмосфера вражды негативно сказывалась на научном дискурсе по обе стороны «железного занавеса», хотя степень зависимости, разумеется, была неодинаковой.

Необходимо подчеркнуть, что у истоков начального этапа развития лингвистической советологии стояли не академические ученые, а журналисты.

Уже в 1917 году в американской прессе появилось множество публикаций о событиях в России. Практически все журналисты положительно оценивали Февральскую революцию как освобождение от царской тирании, как переход к демократической системе власти. Октябрьские события уже не вызвали полного единодушия, но поначалу они оценивались преимущественно положительно и характеризовались как новый этап революции. Однако очень скоро произошло разделение на друзей и врагов советской России. Первые говорили о торжестве народовластия, вторые – о зверствах дикой необузданной толпы, подстрекаемой политическими преступниками. Красная Армия представлялась то как недисциплинированная шайка, которую в самом скором времени сметет народное восстание, то как вооруженный аван-

гард народа, сознательность которого гарантирует дисциплину. Как справедливо указывает современный российский специалист по истории, особенно негативно американцы относились к гражданской войне: большинство граждан США хорошо помнили о гражданской войне между южными и северными штатами [Тихий 2000].

В 1918 году вышла книга Луизы Брайант «Шесть месяцев в красной России», а год спустя появилась книга Бесси Биттик «Красное сердце Петрограда». По оценке советского специалиста Б. Гиленсона, «в этих книгах было немало верных и точных наблюдений, однако в них ощущалась известная импрессионичность манеры, чувствовалось, что их авторы поражены калейдоскопом сменяющихся событий, не всегда в состоянии точно уловить глубокие тенденции» [Гиленсон 1987: 334]. Публицистика этих авторов позднее активно использовалась в советологических исследованиях.

Вполне закономерно, что в Советском Союзе максимально высокую оценку и широкую известность получила книга американского публициста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (первой американское издание – март 1919 года; впоследствии книга была переведена на десятки языков и переиздана в самых разных странах). По существу, Дж. Рид показал технологию захвата власти большевиками, и в основе этой технологии было вовсе не вооруженное восстание и штурм Зимнего Дворца, а коммуникативные технологии – пропаганда и агитация. Как сообщает американский журналист, «день за днем большевистские ораторы обходили казармы и фабрики, яростно нападая на правительство» [Рид 1987: 42], обещая мир, землю и народовластие и проклиная врагов народа – капиталистов, контрреволюционеров и Керенского. Эту же мысль внушали своим читателям большевистские газеты, тираж которых постоянно возрастал. Яростные коммуникативные столкновения происходили на всевозможных митингах, собраниях, диспутах, съездах и конференциях. Американский журналист ярко продемонстрировал, что победа революции в 1917 году ковалась агитаторами и ораторами. Красная Гвардия и ЧК были созданы позднее. Подобные наблюдения представлены и в публикациях многих других зарубежных очевидцев российской революции. Это свидетельствовало, что революция и гражданская война в России начинались с коммуникативной войны. Российские технологии революционной пропаганды впоследствии тщательно изучались (а нередко – и применялись) специалистами из самых различных стран.

Сходную позицию по отношению к Советской России занимал знаменитый журналист, корреспондент газеты «Нью-Йорк пост» Альберт Рис Вильямс, который вполне оправданно считается первопроходцем в налаживании дружественных взаимоотношений между наро-

дами России и США. В 1919 году вышла из печати его книга «Ленин. Человек и его дело», позднее – «Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917–1918». По возвращении в Америку Вильямс активно выступал в защиту советской власти, агитировал против интервенции Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, вел пропаганду большевистских идей, читая лекции и выступая на страницах газет и журналов.

Однако многие американские журналисты высказывали совершенно иную точку зрения на Октябрьскую революцию и писали об анархии и терроре, о беззаконии и продовольственном кризисе. Например, А. Буллард, побывавший в нашей стране как представитель американского Комитета общественной информации, опубликовал книгу «Русский маятник» (*The Russian Pendulum*, 1918), в которой говорит об ужасах революции и гражданской войны, о тяжелых условиях существования и резко критикует публикации Джона Рида.

Изданная в том же году книга Джозефа Дж. Мерето «Красный заговор» отличалась резкой критикой большевиков, осуждением их внешней политики, «автократизма» Ленина и его стремления «распространить большевизм на все остальные страны».

В 1927 году на праздновании десятой годовщины революции в Советском Союзе побывал Теодор Драйзер, который рассказал о своих впечатлениях в книге «Драйзер смотрит на Россию» (1928). Писатель много говорит об успехах революции, но не скрывает и негативных впечатлений.

Совершенно иную позицию занимал корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве (с 1921 по 1934 год) У. Дюранти, который в книге «Я пишу так, как мне хочется» (*I write as I please*, 1935) восхищался пятилетним планом и полностью поддерживал политику советского государства. Он резко осуждал западных журналистов, которые занимали антисоветскую позицию, писали о терроре, голоде и нарушениях прав человека.

Московский корреспондент «Юнайтед Пресс интернейшнел» с Юджин Лайонс сначала (1928 год) выступал как сторонник советских экспериментов, но в конце своего пребывания в нашей стране (1934 год) занял ярко выраженную антисталинскую позицию и жестко критиковал Советский Союз в книге мемуаров «Командировка в утопию», которая была опубликована в 1937 году.

Известный дипломат Джозеф Дэвис был послом США в Советском Союзе (1937-1938 гг.) и отразил свои впечатления в документальной книге «Миссия в Москву», которая отличалась просоветским характером.

В публицистических книгах, подготовленных журналистами и дипломатами, помимо прочего, содержится богатый фактический материал, много метких наблюдений над особен-

ностями российской (советской) политической коммуникации, а поэтому они могут рассматриваться как открывающие первый этап лингвистической советологии. Собственно научные исследования, для которых необходимы отточенная методология и некоторая «отстраненность», беспристрастность, принадлежали перу академических ученых.

К числу основоположников лингвистической советологии как науки и политической коммуникативистики в целом справедливо относят Уолтера Липпманна (1889-1974), который в годы Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, а затем занялся изучением проблемы эффективности политической агитации и пропаганды. Многие его идеи уже давно воспринимаются как аксиомы и прописные истины, соответствующие исследования стали своего рода базой для формирования понятийно-терминологического аппарата политической лингвистики. Например, в современной науке активно используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса определения повестки дня» (*agenda-setting process*), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил такие явления, как реальная актуальность той или иной проблемы и ее «значимость» в восприятии общества, а также охарактеризовал определение повестки дня как важный прием манипулирования политическим сознанием.

У. Липпманн разработал эффективную методику применения контент-анализа как инструмента для исследования общественных представлений о политике. В частности, еще в 1920 году У. Липпманн совместно с Ч. Мерцем опубликовали исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции в России [Lippmann, Merz 1920]. Анализ показал, что среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих событиях ввиду антибольшевистской предвзятости публикуемых текстов. Это исследование продемонстрировало, что в большинстве текстов желаемое выдавалось за действительное (статьи убеждали читателей в скором крушении большевистского государства), не позволяя читателям делать собственные выводы и прогнозы.

Теоретические выводы У. Липпманн совмещал с практической политической деятельностью и оказывал влияние на принятие решений на самом высоком уровне. Так, будучи советником президента В. Вильсона, исследователь участвовал в составлении знаменитых «14 тезисов», в корне изменивших внешнеполитический курс США, в том числе и отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Вообще тесная переплетенность теории и практики, научно-академической и собственно политической деятельности – характер-

ная черта американской советологии. Из среды советологов вышли несколько Государственных секретарей, сенаторов, широко известных советников президентов США.

Важную роль в становлении лингвистической советологии сыграл Пол Лазарсфельд (1901-1976), активно занимавшийся изучением пропаганды (в том числе коммунистической) в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по изучению воздействия радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – исследовательского института, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фокус-группы, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к различным политическим проблемам, среди которых важное место занимало отношение к тоталитарным идеологиям и соответствующим режимам.

Среди ведущих американских советологов называют также профессора Гарольда Лассвелла (1902-1978), которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии. Использование этой методики позволило сделать вывод о том, что политический язык советской элиты на протяжении двадцатых-сороковых годов все дальше и дальше уходил от демократических традиций.

Значительное место в творческом наследии Гарольда Лассвелла занимают исследования, посвященные коммунистической риторике. В 1939 году он совместно с Дороти Блюменсток издал книгу «World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study» («Мировая революционная пропаганда: чикагское исследование») [Lasswell, Blumenstock 1939] (фрагменты на русском языке см. [Лассвелл, Блюменсток 2007]), которая начинается знаменитой фразой «Мы живем в век пропаганды». Столь важная роль, которую авторы приписывают пропаганде, связана с реальной социально-политической ситуацией, сложившейся в мире в 20-30-е гг. прошлого ве-

ка. Анализ, представленный Г. Лассвеллом и Д. Блюменсток, характеризуется детальностью проработки вопроса и целым набором ранее не применявшихся методов исследования, которые позднее вошли в методологический фонд зарубежной теории и практики политической коммуникации, но по ряду причин малоизвестны отечественным читателям.

Итак, на первом этапе развития американской лингвистической советологии ведущую роль играли журналисты и политики, которые создавали свои статьи и книги на основе личных впечатлений. Значительно позднее появились фундаментальные исследования, созданные по всем правилам академической науки.

Сопоставляя публикации исследователей из Европы и Америки, можно заметить, что до Второй мировой войны европейские специалисты обращались преимущественно к изучению изменений в системе языка, обусловленных революцией и новым политическим режимом. Они активно фиксировали семантические и лексические неологизмы, новые словосочетания и клише, отмечали изменения в стилистической окраске слов. Соответственно американские исследователи предпочитают рассматривать методы и приемы использования языка как средства воздействия, активно обращаются к прагматике речевой деятельности в политической коммуникации, умеют выделить наиболее существенные факты и ярко их представить.

Среди ведущих американских специалистов не было единства в антисоветской направленности: одни из них избегали прямых оценок, другие – писали о Советской России с заметной симпатией, третьи – были настроены критически и к политическому режиму и к его речевой практике. Едва ли не все советологи «первой волны» искренне любили Россию, хорошо знали ее историю и культуру, но их оценки часто носят субъективный характер, а их политические симпатии слишком сильно сказывались на характеристике советской действительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. – Екатеринбург, 2009а.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009b. № 3 (29).
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая постсоветология // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25).
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика 2007. № 3 (23).
- Гиленсон Б.А. А.-Р. Вильямс // Новая и Новейшая история. 1984. № 7.
- Касьянко В.И. Правда и ложь о Стране Советов. – М., 1987.
- Лассвелл Г., Блюменсток Д. Методика описания лозунгов // Политическая лингвистика. 2007.

№ 3 (23).

Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. – М., 1987.

Тихий К.Т. Американцы о стране Советов 1921-1933 гг. – Владивосток, 2000.

Третьяченко Е.А. Россия в восприятии политических и общественных деятелей США 1917-1945 // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. Выпуск 8. – Нижний Новгород, 2010.

Bourke-White M. Eyes on Russia. – New York: Simon and Schuster, 1931.

Davies J. Ed. Mission to Moscow. – New York:

Simon and Schuster, 1941.

Duranty W. I write as I please. – New York: Simon and Schuster, 1935.

Elias R.H. Theodore Dreiser: Apostle of Nature. – N. Y., 1949.

Frank V.S. Soviet Studies in Western Europe (Britain) // The State of Soviet Studies [Ed. by W. Laqueur, L. Labeledz] – Cambridge, MA: MIT Press, 1965.

Lasswell H., Blumenstock D. World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study. – New York; London: Alfred A. Knopf, 1939.

Lippmann W., Merz Ch. A Test of the News // The New Republic. 1920. Vol. 33(2).

© Будаев Э.В, Чудинов А.П., 2010

Демьянков В.З.
Москва, Россия

РЕСТАВРАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ:

заметки по лингвистической политологии

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Рассмотрены история, смысловое соотношение и вторичные значения слов модернизация, реставрация, осовременивание. Охарактеризовано соотношение терминов политическая лингвистика, политологическая лингвистика, лингвистическая политология.

Ключевые слова: Политическая лингвистика, политологическая лингвистика, лингвистическая политология, модернизация, реставрация, осовременивание.

Сведения об авторе: Демьяков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Институт языкознания РАН

Контактная информация: Москва, Большой Кисловский переулок, 1/13.

Demiankov V.Z.
Moscow, Russia

RESTORATION AND MODERNIZATION:

some notes on linguistic political science

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07

Код ВАК 10.02.19

Abstract. We focus on such words as *modernizatsiya* (modernization, updating, reconditioning, streamlining), *restavratsiya* (restoration, renovation, refreshment, revitalization, reanimation), *osovremenivaniye* (refashioning). The aim of the article is to trace these words' history of appearance and semantic change, semantic correlation and development of new meanings. We also define such terms as political linguistics, political science linguistics and linguistic political science and state their correlation.

Key words: political linguistics, political science linguistics, linguistic political science, modernization, restoration, refashioning.

About the author: Valery Zakievich Demiankov, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Благодаря А.П. Чудинову дисциплина, называемая «политическая лингвистика», бурно развивается в нашей стране.

Выражение *политическая лингвистика* означает не только «исследование языка политики», но и «лингвистические теории, окрашенные той или иной политической идеологией». Поэтому некоторые авторы предпочитают термин *политологическая лингвистика*, такой неоднозначностью не обладающий. Еще точнее, впрочем, было бы назвать эту дисциплину *лингвистической политологией*: в ней понятия и реалии, интересующие политологов, исследуются лингвистическими методами. Последнее именование устроено по образцу уже давно употребляемого термина *лингвистическая философия* в «оксбриджском» значении «исследование того, как понятия, интересующие философов, упоминаются не только в философских текстах, но и в обыденном языке». Есть у него параллель и с *лингвистической психологией* и *лингвистической эстетикой*, которым посвящены исследования последних лет.

Разумеется, на существо и на результатах самих исследований этот выбор именовании дисциплины никак не сказывается.

1. Реставрация. В синонимических словарях русского языка слово *реставрация* (от латинского *restauratio*. Ср. глагол *restauro* (-āvi, -ātum, -āre [re + stauro, sto]) «восстанавливать» (*aedem* – помещение); «возобновлять» (*bellum* – войну; *matrimonium* – брак)) стандартно фигурирует в следующем ряду: *восстановление, возобновление, воскрешение, возрождение, исправление, оживление, освежение* [Абрамов 1999].

Во французском языке это слово, заимствованное из латыни в XIII в. (Глагол *restaurer* «восстанавливать» датируется во французских

словарях еще раньше, концом X в.), произносится как *restauration* и имеет два значения:

1. Реставрация, восстановление (с XVI в.), особенно восстановление династий (в XVII в., применительно к событиям в Англии); а в XIX в. на родной французской почве вспомнили этот термин, относившийся к реалиям Англии, но на этот раз применительно к восстановлению династии Бурбонов (1814-1830 гг.); так же стали называть и стиль в искусстве этой же эпохи.

2. Ресторанное дело, а в швейцарском варианте – «ресторан» (ср. *ресторация* в русском).

В английском *restoration* связывается с их «реставрацией» в 1660-е гг., с восстановлением здоровья или формы – но не с ресторанным делом (написание слова *restaurateur* «ресторатор, владелец ресторана» по-английски явно указывает на позднее заимствование из французского).

По-русски в начале XIX в. это слово произносилось то как «ресторация» (на французский манер), то как «реставрация» (как в латыни). Напр., у А.И. Тургенева в «Хронике русского: Дневники 1825-1826 гг.» (1845) читаем: «Манюэля, изгнанного из камеры депутатов во время ресторации...». Здесь под ресторацией явно имеется в виду не ресторан, а реставрация Бурбонов.

По поводу этой самой реставрации во Франции П.А. Вяземский писал: «Впрочем, одним французам могла присниться мысль восстановить этот забытый остаток забытой династии. Можно заботиться о восстановлении принципа; реставрация имени, некогда славного, но окончательно погубившего славу себе свою, и к тому же реставрация личности, не имеющей сама по себе никакого нравственного и политического значения, есть одно политиче-

ское ребячество» (Старая записная книжка: Часть 1, 1825) И далее: «Французская история, с последнего десятилетия минувшего века до наших дней, есть не что иное, как фантазмагория, то кровавая и зверская, то жалкая и смешная, в которой, по какому-то сумасбродному треволнению, лихорадочно передвигаются и перебегают неожиданные события и лица» (там же).

В русском обществе XIX в. могли очень поразномерно употреблять это слово, иногда для сегодняшнего уха непривычно. Так, в тех же мемуарах П.А. Вяземского читаем: «[...] одна из крестьянок, которая не последовала за мужем своим в Сибирь и голосистее других оплакивала свое расставание с ним, ныне вовсе не рада возвращению его. **Брачная эта реставрация** ежедневно празднуется домашними ссорами и драками». Или в псевдо-археологическом смысле: «Пока не очистятся наносные груды камней, пепла и земли и не изроют почвы вокруг Иерусалима для отыскания следов древних стен и зданий, ничего не только положительного, но и приблизительного об объеме древнего города знать нельзя. Но входит ли эта реставрация в виды Промысла Божия? Это другой вопрос» (там же).

Известный русский критик XIX в. Аполлон Григорьев очень часто употребляет это слово в соположении со словом *реакция* (в значении «ретроградство»): «Наконец, что касается до французских романов этого времени, то они также отличались совершенно особенным характером, и притом вовсе еще не реакционным и даже не реставрационным» (Мои литературные и нравственные скитальчества, 1862).

Подытоживает эксперименты над словом *реставрация* в XIX в. В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863-1866). Ср.: «**РЕСТОРАЦИЯ** ж. франц. ресторан м. трактир, чистая харчевня. Ресторатор, хозяин съестного заведения. **Реставрация** (то же слово, первое по франц., второе по лат. произношению), выправка обветшалого здания, развалин или картины; вычинка, поправка, восстановление. Реставрировать что, худож. восстанавливать, отделять по-старому, вычерчивать целое здание, по догадкам, из следов развалин. *Все зодчие наши занимались реставрациями греческих либо римских памятников.* Реставратор, всякий, кто чинит и обновляет древние, поломанные ваяния и иные вещи» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., 1863-1866). Для него *реставрация* как термин политиков – не больше чем один из оттенков значения «восстановление».

В словарях же советского времени у слова *реставрация* политическое значение становится независимым от общего «восстановление в первоначальном виде чего-либо обветшалого или разрушенного (обычно произведений искусства, памятников старины)». Политическая

реставрация неизменно оценивается негативно. Например, в четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (1953-1958) и позже в словаре Ожегова, затем Ожегова и Шведовой и т.д. имеем два значения: «1. Восстановление в первоначальном виде чего-л. обветшалого или разрушенного (обычно произведений искусства, памятников старины). *[Архитектор] был вызван для реставрации кладбищенской церкви.* Чехов, Старость. *[Штруф! занимался также реставрацией картин, и Петр Евграфович нанял его промыть загрязненный лак на тестевом портрете.* Леонов, Скутаревский. 2. Восстановление прежнего, свергнутого политического строя. *Что такое реставрация? Переход государственной власти в руки политических представителей старого порядка.* Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов. – *Какого ты мнения, друг мой, – спрашивал он, – о реставрации монархического начала в современной Франции?* Куприн, Поединок». Впрочем, несколько раньше, в 1930-е гг. Д.Н. Ушаков (в «Толковом словаре русского языка». – М., 1935-1940) указывал как третье значение: «(Р прописное). Период с 1814 по 1830 г. во Франции, когда после Наполеона Бонапарта власть вновь перешла к Бурбонам, династия к-рых была свергнута во время буржуазной революции конца XVIII в. (истор.). *Эпоха Реставрации. Люди времени Реставрации.*»

Итак, выражаясь современным нам языком, когда мы реставрируем вещь или общественный уклад жизни, мы даже не надеемся обрести полноценный предмет: отреставрированная шуба, часы и т.п. только **выглядят как новые**, но что-то в них остается все-таки старым, менее добротным, чем было когда-то. Держа в руках отреставрированную чашку, мы лишь с опаской будем из нее пить, боясь снова повредить ее: мы с благоговением относимся к этой вещи как к музейному раритету, а не к предмету обихода. Ведь иначе мы говорили бы о возвращении, о новой вещи, а не о реставрации старой вещи.

2. Модернизация. Этот термин также пришел к нам из французского, где словари фиксируют дату его появления: 1876 год, в значении «попытка обновления и их результат», напр.: *Les efforts de modernisation dans l'industrie* «Попытки модернизации промышленности». Слово *moderne* во французском языке датируется 1361 годом как заимствование из поздней латыни *modernus*, от *modo* – «недавно, в последнее время». Глагол же *modernizer* «модернизировать» во французском появился в 1754 году.

Вряд ли мы встретим в современных текстах по-русски фразу о вреде модернизации: сегодня модернизация однозначно – всегда хороша. Когда речь идет об обновлении предмета – техники, оборудования и т.п., речь идет о ее усовершенствовании. Даже о модернизации

методов воспитания всегда можно было говорить позитивно. Вот что пишет, например, Н.К. Крупская: «Фёрстер внимательно следит за рабочим движением, его специальность – "этическое" воспитание юношества, **модернизация религиозного воспитания**» (Педагогические сочинения: Т. 1: Автобиографические статьи. Дореволюционные работы. – М., 1957).

Но в контексте «**модернизация** взглядов на что-либо» (сегодня исключительно редко) слово *модернизация* употреблялось примерно с конца XIX в. до середины 1960-х гг. в негативном смысле, а именно, как неадекватное приписывание прошлому некоторых черт настоящего.

Скажем, в «Малом энциклопедическом словаре в трех томах» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1899-1902) в статье об историке христианства Ренане, у М. Корелина читаем: «Отсюда захватывающий интерес его книг, отсюда же и коренной их недостаток – крайний субъективизм и модернизация первоначального христианства и его деятелей». И далее: «...тот же произвольный субъективизм в характеристиках, та же модернизация явлений прошлого». Негативный смысл сегодня очень непривычен, «ретрограден». Отзвук негативного отношения к модернизации имеем в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой: МОДЕРНИЗИРОВАТЬ, -рую, -руешь; сов. и несов., перех. 1. Изменять (изменять) что-л. соответственно современным требованиям и вкусам. *Мой станок был модернизирован. По моей просьбе на нем установили более мощный мотор.* П.Б. Быков, Путь к счастью. 2. Придать (придавать) прошлому не свойственные ему современные черты. *Модернизировать старую легенду.*

Итак, модернизация предмета, данного нам непосредственно, заслуживает похвалы, а модернизация суждений о предмете, данном только из чужих рук, представлялась раньше – как и сегодня – неоправданной. Такое «осовременивание» всегда заслуживало порицания.

Но со временем слово модернизация стало практически всегда означать позитив, а слово *осовременивание* – русская версия для заимствованного слова *модернизация* – и раньше, и сегодня чаще всего имеет негативный привкус. Ср. в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой: ОСОВРЕМЕНИТЬ, -ню, -нишь; сов., перех. (несов. осовременивать). Разг. Сделать более соответствующим духу, требованиям, настроению и т.д. современности. *Осовременить пьесу. «Возвращаясь к той книге, о которой я пишу, мне хочется подчеркнуть, что она не является*

препарированной, осовремененной переработкой эпоса. Симонов, На разные темы. Например: «**Реставрация** классического произведения, то есть изображение его на сцене так, как играли в старину, было бы чисто эстетическим и совершенно ненужным явлением. Но нельзя и **осовременивать** произведение, например, одевать Гамлета в советский френч и переносить целиком этот образ из далекой эпохи в нашу. Эти два творческих полюса одинаково чужды нашей Современности» (А.Н. Толстой, Публицистические произведения. М., 1959).

Заключение. И здесь мы возвращаемся к слову *реставрация* в его переносном смысле. Сегодня двумя крайностями считаются как реставрация прежнего общественного уклада, так и осовременивание.

В реставрированном общественном укладе столь же некомфортно жить, что и ехать в реставрированной карете прошлого: хотя бы потому, что каждая новая эпоха приносит с собой и новые стандарты удобства.

Впрочем, история каждый раз по-новому решает, что лучше: то, что кажется хорошим в прошлом (оно заслуживает реставрации или модернизации) или то, что нам кажется плохим сегодня.

Для многих из нас есть, видимо, какая-то житейская истина в поговорке «Мы люди бедненькие, но честненькие: носим все старенькое, но чистенькое».

Для тех, кто все-таки хочет реставрировать, вернуть видимость прежней новизны тому, что полюбили в старой жизни, следует иногда задуматься: а не **модернизируем** ли мы (в старом, негативном смысле слова) взгляд на вещи, которые хотим реставрировать, не идеализируем ли мы их? Более того: даже если нам удастся эти вещи реставрировать, будут ли они столь же надежны и удобны в новых условиях, что и тогда, когда они были новыми для своего времени?

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М., 1999.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., 1863-1866.

Словарь русского языка: В 4 т. [Под редакцией А.П. Евгеньевой]. – М., 1953-1958.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Малый энциклопедический словарь в трех томах. – СПб., 1899-1902.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М., 1935-1940.

© Демьянков В.З., 2010

Карасик В.И.
Волгоград, Россия

Karasik V. I.
Volgograd, Russia

СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ:

CONSCIENTIOUSNESS:

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

A LINGUOCULTURAL COMMENTARY

УДК 87'27

ГЧТИ 16.21.27

ББК Ш100.3

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. Анализируется концепт «сознательность», обозначающий осознанную ответственность. Обсуждаются понятийные и образные признаки данного концепта, выступающего индикатором советской эпохи, когда общественное благо было приоритетным по отношению к личному благу.

Abstract. The concept of conscientiousness is analyzed. We define conscious responsibility as placing common values higher than personal ones. The article deals with definition and exemplification of this concept which is an indicator of the Soviet epoch.

Ключевые слова: концепт, советская эпоха, ответственность, общественное благо, личное благо.

Key words: concept, the Soviet epoch, responsibility, common values, personal values.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, English Philology Department, Professor and Chair.

Место работы: Волгоградский государственный педагогический университет.

Place of employment: Volgograd State Pedagogical University.

Контактная информация: 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 32, кв. 55.

E-mail: vkarasik@yandex.ru.

Важнейшей характеристикой современного языкознания является его антропологическая направленность – ученые изучают язык, общение, коммуникативные ситуации для того, чтобы лучше понять суть человека. В этом состоит основное отличие антропологической лингвистики от лингвистики имманентной, ориентированной на освещение внутренней структуры языка, инвентаризацию его единиц и установление системных отношений между ними. В рамках антропологической лингвистики выделяется лингвоконцептология, предметом изучения которой являются концепты – кванты переживаемого знания. Лингвистическая концептология – это закономерный этап в развитии содержательной лингвистики, обогащенной достижениями философии, культурологии, психологии.

Одним из направлений лингвоконцептологии является анализ концептов как индикаторов эпохи. Имеются в виду ментальные образования, интерпретация которых требует объяснения специфических культурных ценностей, которые были актуальны в определенный исторический период и требуют разъяснения в наши дни, поскольку неадекватно понимаются молодыми современниками. Это в полной мере относится к эпохе Советского Союза. Лингвоконцептология в этом плане тесно смыкается с политической лингвистикой [Будаев, Чудинов, 2009; Будаев, Чудинов 2007; Карасик, 2004; Чудинов, 2001; Шейгал, 2004]. Проиллюстрируем сказанное на примере концепта «сознательность».

В словаре под ред. Д.Н. Ушакова (1940) дано следующее определение: сознательность 1. суц. к сознательный в 3 знач. *Сознательность поступка* (сознательный – намеренный, обдуманый, совершенный в состоянии сознания. *Сознательный обман*). 2. Способность,

уменьше отдавать себе отчет в окружающей действительности и в том, как надлежит действовать. *Наши съезды всегда освещали далеко вперед назревшие задачи партии и всегда были крупным этапом в подъеме коммунистической сознательности масс, в коммунистическом воспитании трудящихся. Молотов* (ТСРЯ 1940). В словаре под ред. С.Н. Кузнецова (1998) читаем: 1. Сознательность – к Сознательный. 2. Умение, способность правильно понимать, разбираться в окружающей действительности; чувство долга, ответственности, причастности к окружающей действительности. *Высокая сознательность. Политическая сознательность. Сознательность населения, молодежи, рабочих. Проявить сознательность.* (БТС). В словаре под ред. Д.В. Дмитриева (2003) находим следующую дефиницию: 1. Сознательным называют то, что имеет место при участии сознания. *Сознательный возраст.* 2. Сознательным называют человека, поведение которого основывается на понимании и строгом выполнении правил, требований. *Сознательный член общества. Сознательное отношение к труду, к своим обязанностям. Сознательная дисциплина.* 3. Сознательными называют действия, если они совершаются кем-либо с очевидно понятной целью и человек, который их совершает, знает, что хочет. *Сознательный поступок, выбор. Сознательная ложь* (ТСРЯ 2003). В словаре В.И. Даля (1882) приводятся определения глагола «сознавать», при этом значение должностования, которое прослеживается в приведенных выше толкованиях, не формулируется.

Таким образом, в содержании концепта «сознательность» лексикографы выделяют два смысла: 1) осознанность своих действий и вытекающая отсюда ответственность за них, 2) чувство долга, лежащее в основе такой осоз-

нанности. Эти смыслы тесно связаны между собой. В Философском энциклопедическом словаре (1983) сознательность объясняется как антипод стихийности: «Сознательным называется то, что осуществляется людьми в соответствии с заранее поставленной целью. Высшая форма сознательной деятельности основывается на познании и использовании законов природы и общества. Стихийным называется то, что осуществляется непреднамеренно, не контролируется людьми» (ФЭС). В соответствии с марксистской теорией люди планомерно строят светлое будущее на основе гармоничного сочетания интересов индивидов и общества, но общественное благо приоритетно по отношению благу личному. Именно поэтому идеологически маркированным требованием является понимание сознательности как долга человека перед обществом.

В русском языке идея осознанности своих действий уточняется через противопоставление сознательности, бессознательности и несознательности. Бессознательность – это отсутствие рефлексии в силу возраста либо состояния субъекта, это биологическая характеристика человека. В психологии различаются сознание и подсознание. Несознательность – это значимое отсутствие либо недостаточное наличие чувства долга, это нравственная характеристика человека. В этом плане сознательность сопоставима с совестью. В словаре под ред. Д.В. Дмитриева читаем: Совестью называют чье-либо чувство моральной ответственности за свое дурное поведение, безнравственное отношение к кому-либо. *Упреки, муки, угрызения совести. Иметь совесть* (ТСРЯ 2003). В словаре В.И. Даля совесть определяется так: нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития. *От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь. Совесть мучит, снедает, томит или убивает* (Даль). Обратим внимание на то, что в словаре В.И. Даля подчеркивается врожденное нравственное чувство, не случайно совесть отождествляется с Богом, в современных лексикографических источниках эта идея не выражена. Бессовестный человек совершает дурные поступки намеренно, т.е. знает, что поступок является плохим и сознательно нарушает нормы нравственности. Несознательный человек в этом сопоставлении не понимает, что его поступок противоречит таким нормам, его сознание включено, но направлено на удовлетворение утилитарных потребностей. Несознательность подразумевает недоразвитость, незрелость. Человека можно упрекнуть: «Какой ты еще несознатель-

ный!», но нельзя сказать: «Какой ты еще бессовестный!». Соответственно, сознательность воспитывается, формируется, вкладывается в человека, в то время как совесть пробуждается, оживает. Идея целенаправленного формирования сознательности является одной из центральных в марксистской идеологии.

Концепт «сознательность» является регулятивным ментальным образованием, и поэтому его образно-перцептивные признаки неразрывно слиты с оценочными. Для выявления образных и оценочных характеристик сознательного поведения были проанализированы особенности сочетаемости слов, обозначающих этот концепт в русском языке. Используются данные Русского национального корпуса (www.ruscorpora.ru).

Анализируя сочетаемостные характеристики слов, обозначающих концепт «сознательность», мы обращаем внимание на следующие признаки: кто является носителем этого качества, как это качество проявляется, каковы последствия его отсутствия либо недостаточного наличия, с какими другими признаками ассоциируется сознательность или ее отсутствие.

Выделяется классовая сознательность, образцовым носителем которой выступает пролетариат:

Надо иметь сознательность, товарищи, вы же всё-таки рабочий класс (О. Павлов).

Рабочие должны иметь сознательность, поэтому в обращении к ним акцентируется их особая роль в обществе.

Особым типом сознательности является революционная сознательность:

Навсегда запомнил я эту бодрость духа, стойкость и революционную сознательность нижегородских рабочих (А. Микоян).

Сознательность революционеров предполагает их готовность пойти на самопожертвование во имя высоких идеалов. Известный советский политик подчеркивает стойкость рабочих, которые вышли бороться за свои права.

Партийная сознательность ассоциируется с активной жизненной позицией:

В партию должны приниматься те, кто не только примерно трудится на производстве, но и глубоко предан идеалам партии, является политически сознательным, активным общественником (Возрастание руководящей роли КПСС в коммунистическом строительстве).

В ряду неперенных качеств коммуниста перечисляются трудовой энтузиазм, вера в идеалы партии, политическая сознательность и общественная активность.

Политическая сознательность при социализме несовместима с нарушением закона:

Политически сознательный гражданин социалистического общества не совершает преступлений (А. Пионтковский).

В этом силлогизме политическая сознательность выступает условием высоконравст-

венного поведения, а нравственность является основой социалистического правопорядка.

Сознательность ассоциируется со скромностью, т.е. с нежеланием привлекать внимание к своей персоне:

Затем батальонный комиссар заговорил о том, что через госпиталь проходят сотни больных, но редко кого так любил персонал, как лейтенанта Шапошникова, – сознательный, культурный и застенчивый больной, всегда совестился попросить о чем-нибудь, утруждать персонал (В. Гроссман).

Персонажа называют сознательным, поскольку он стремился не привлекать к себе внимание фронтовых медиков, находясь в госпитале.

Расчет на сознательность возникает обычно в неблагоприятной ситуации:

Но здесь, как и во всех затруднительных случаях, мы рассчитываем только на сознательность передовых рабочих масс (Л. Каганович).

Классовая сознательность является индикатором высокого уровня развития соответствующих представителей этого класса – речь идет о передовых рабочих.

Сознательность может проявляться не только у взрослых:

Я тебе могу напомнить: ты сам, будучи еще мальчиком, доказал свою сознательность и активно помогал взрослым (А. Львов).

Сознательность детей выражается в их активном участии в общественно полезной деятельности взрослых.

Сознательность может проявляться в отказе от традиций:

Было такое дело: поднялся весь молодой сознательный народ против церковных браков (В. Шукшин).

Церковные браки были освящены традицией и выступить против них было смелым поступком для молодых сельчан.

Примером обстоятельств, требующих проявления сознательности, является выполнение своего профессионального долга без материального поощрения:

Было бы хорошо, если бы оплата актеров стала такой, чтобы не только «высокая сознательность» заставляла актера участвовать в спектакле (А. Эфрос).

Во многих театрах зарплата актеров является невысокой, и режиссерам приходится вызывать к сознательности участников спектаклей, причем сами режиссеры понимают несостоятельность этого аргумента, неслучайно автор использует кавычки.

Сознательность проявляется как внутренняя готовность человека совершить то или иное действие, в обиходе, например, оплатить свой проезд в общественном транспорте:

Контролерша, видимо, хотела сказать мне о роли доверия на современном этапе к человеку, о принципе «доверяй и проверяй» и о

том, что именно они, контролеры, призваны повышать сознательность граждан (В. Токарева).

В приведенном примере иронически комментируется стремление контролера выступить в роли воспитателя сознательности у граждан.

К числу способов формирования сознательности относится прежде всего устная агитация:

Надеюсь, что этот недостаток устраним хорошими регулярными беседами и поднимем политическую сознательность студенчества (М. Старков).

Регулярные беседы способствуют формированию должной установки граждан.

Политическая сознательность выражается в активном участии в общественной жизни, при этом некоторые субъекты используют неблагоприятные способы демонстрации своей преданности режиму:

В колхозе, да еще и до колхоза проявлял он высокую сознательность, чего-то на кого-то писал, клепал и хвост этот унес за собой в армию, дотащил до фронта (В. Астафьев).

В саркастической характеристике персонажа его высокая сознательность выражается в виде доносов в вышестоящие органы, показательно слово «клепал», т.е. занимался клеветой.

В политической практике сознательность часто выступает эрзацем подлинных моральных чувств:

И куда же делась эта русская доброта? Её заменила сознательность! До чего ж круто и бесповоротно напугали наш народ и отучили заботиться о тех, кто страдает (А. Солженицын).

По мнению известного писателя, такая замена свидетельствует о страхе, лежащем в основе сервильного поведения.

Сознательность проявляется при выполнении гражданского долга, например, при участии в голосовании:

Потом от имени всего коллектива агитаторов обратилась ко мне с просьбой не опаздывать, проголосовать пораньше, проявить с первого же шага своей новой жизни высокую сознательность (Е. Гинзбург).

Стремление выполнить свой гражданский долг как можно раньше является доказательством социальной зрелости.

Соответственно, гражданская несознательность наглядно проявляется во время выборов:

Не заразились еще предвыборной лихорадкой обе столицы, а также Саратов, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань и Калининград, в котором оказался самый несознательный избиратель (Н. Ратуани).

Отсутствие энтузиазма со стороны электората иронически объясняется как несознательность.

Сознательность проявляется только при условии наказания за несознательность:

Надеяться на сознательность граждан нелепо – кнута нет, а судебные приставы, если и доберутся до злостного неплательщика штрафов, максимум, что могут сделать, это пожурить: «Нехорошо, товарищ Пупкин, надо бы штрафики-то заплатить»... (А. Федоров).

В данном примере иронически раскрывается несостоятельность надежд на сознательность, если при этом отсутствуют юридические механизмы регулирования социально-экономических отношений.

В ряде случаев имитируемая сознательность выражает страх перед властями:

Он много раз за свою жизнь видел такие вытаращенные от страха глаза, изображающие неискреннюю сознательность (В. Дудинцев).

Людям свойственно маскировать малодушие под личиной высоких этических соображений.

Политическая сознательность может вступать в конфликт с общечеловеческой моралью:

Вы должны выдать его, если вы сознательный человек, — вдруг заметил завкадрами (В. Дудинцев).

Предательство всегда расценивалось как безнравственный поступок, но партийная сознательность для функционеров была выше моральных норм.

Сознательность субъекта в определенных ситуациях подтверждается документально:

Словом, потребовались то ли рекомендации, то ли поручительства, аттестующие претендентов на ребенка с наилучшей стороны, а также подтверждающие их сознательность (А. Эппель).

При усыновлении ребенка понадобились официальные документы, подтверждающие нравственную зрелость тех, кто решился на подобный шаг.

Усилия по воспитанию сознательности часто бывают бесплодными, поскольку воспитатели не принимают во внимание личность адресата:

В эпизоде, о котором идет речь, наш доблестный сыщик, которого играл Миронов, слезает со сфинкса, куда лев загнал всю компанию кладоискателей, и проводит со зверем душеспасительную беседу в духе коммунистической пропаганды, пытаясь пробудить в хищнике сознательность (Э. Рязанов).

В этом ироническом комментарии выражена отрицательная оценка коммунистической пропаганды, которая зачастую велась формально и поэтому закономерно вызывала отторжение у слушателей. Обратим внимание на фактическое отождествление сознательности и совести в данном примере.

Сознательность является важнейшим идеологическим показателем развития нового общества:

Нужно признать как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-

ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы и, наоборот, чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измелечение и вырождение самих работников в делег-крохоборов, тем вероятнее их перерождение (И. Сталин).

В отчетном докладе И. Сталина показаны последствия недостаточной сознательности ответственных работников – провалы в работе и забота о личных интересах.

Сознательность солдата проявляется в его дисциплинированности:

В дисциплинированности воина как в зеркале отражаются его высокая сознательность, внутренняя собранность, готовность самоотверженно выполнить свой священный долг защитника Отечества (Ю. Алехин).

Под дисциплинированностью понимается осознанная готовность к выполнению приказов, доведенная до автоматизма и переживаемая как выполнение высшего долга.

Обозначение сознательности в официальной пропаганде часто принимает формы штампов:

Политическая сознательность и моральная устойчивость бойцов является, наряду с боевой подготовкой и состоянием военной техники, важнейшим элементом боеспособности Красной армии (К. Ворошилов).

Впоследствии этот штамп превратился в короткую фразу характеристики: «Политически грамотен, морально устойчив». Интересно отметить, что в данном случае произошло принижение объекта оценки: сознательность является образованием более высокого уровня, чем грамотность.

Сознательность противопоставляется эгоизму:

Вы что, считали, только у вас есть сознательность, а здесь сидят бездушные эгоисты? (А. Берсенева).

Забота об интересах общества свидетельствует о наличии у человека души, в данном случае сознательность сближается с совестью.

Несознательность часто комбинируется с ленью:

Обмен паспортов идет уже несколько лет, а народ (несознательный и ленивый) все еще, извините, чешет в затылке (Б. Абкин).

В данном примере идет речь о непонимании социальной важности обмена паспортов и о лени как основе непонимания.

В экзальтированной риторике революционного времени несознательность рассматривается как один из пороков:

В то время как родина, истекая кровью, последним усилием старается сбросить с себя гидрою обвизшегося вокруг нее врага, вы дали одурманить себя шайке безвестных про-

ходимцев и превратились в несознательный сброд, в скопище разнузданных негодяев, обожравшихся свободой, которым, что ни дай, им все мало (Б. Пастернак).

Дифференциальные признаки такого общеоценочного употребления слов нейтрализуются. Аналогичным образом общеоценочным штампом становится определение «несознательный» в полуграматной речи или ее имитации:

И спать тебе не дает, фулиган несознательный! (В. Рыбаков).

Слово «хулиган» используется в расширительном значении («плохой человек»), при этом определение «несознательный», не добавляя никакой информации в словосочетание, усиливает его эмоционально.

В обиходной речи слово «сознательный» часто используется иронично:

Он у меня, когда выпьет, такой послушный, такой сознательный, ну прямо прелесть (И. Грекова).

Сознательность пьяного человека есть оксюморон.

Таким образом, сочетаемостные характеристики слов, обозначающих концепт «сознательность» в советской лингвокультуре, показывают, что его важнейшим ценностным признаком является индикация принадлежности к носителям передовой идеологии – революционерам, передовым рабочим, членам коммунистической партии. Сознательность предполагала готовность идти на трудности, лишения и жертвы ради великой цели. В быту сознательность проявлялась как скромность. Апелляция к сознательности часто выступала как способ воспитания человека и поэтому представляла собой диалог статусно-неравноправных собеседников. В качестве примеров сознательности фигурируют соблюдение трудовой и воинской дисциплины, участие в выборах, общественно-полезный труд. Весьма часто о сознательности говорили в иронической тональности, поскольку те, кто призывал проявлять это качество, относились к делу формально и сами не являлись образцами поведения. В случае конфликта между нормами морали и политической сознательностью предписывалось сделать выбор в пользу интересов партии. В основе многих проявлений политической сознательности лежал страх перед карательными санкциями государства. В революционной риторике и обиходной речи обозначения сознательности и несознательности могут десемантизироваться и стать знаками положительной и отрицательной оценки.

Для определения понимания советского концепта «сознательность» носителями современного русского языка первого десятилетия XXI в. был проведен опрос информантов, которым предлагалось завершить высказывание «Когда я думаю о сознательности / несознательности, я представляю себе...».

Приведу типичные предложения.

«Когда я думаю о сознательности, я представляю себе...»

- молодого человека, который пишет множество резюме в разные фирмы, чтобы найти престижную работу»;

- студента, который ищет дополнительную литературу для своего реферата по собственной инициативе»;

- инженера, который многократно перепроверяет расчеты»;

- секретаршу, которая без дополнительных инструкций решает вопросы в пределах своей компетенции и готовит документы для шефа»;

- водителя, который соблюдает все правила движения, даже когда он едет глубокой ночью, и на улицах никого нет»;

- дачника, который по справочникам выпивает себе семена»;

- пенсионера, который с вечера аккуратно раскладывает для себя лекарства на следующий день»;

- спортсмена, который в любую погоду рано утром совершает регулярную пробежку»;

- грибника, который аккуратно срезает грибы, чтобы не нарушить грибницу»;

- бармена, который не допускает недолива пива».

«Когда я думаю о несознательности, я представляю себе...»

- больного, который тайком курит, выскочив на порог больницы, а ему это строго запрещено»;

- студента, который пользуется шпаргалкой на экзамене»;

- часового, который нашел укромный уголок и заснул во время боевого дежурства»;

- рабочего, который забивает шуруп молотком вместо того, чтобы завинтить его»;

- молодых людей, которые легко вступают в интимные отношения, рискуя заразиться опасными заболеваниями»;

- студента, скачивающего реферат из Интернета»;

- сотрудника, откладывающего написание отчета на последний день, а потом судорожно составляющего его ночь напролет»;

- пассажира, который сорвал стоп-кран, чтобы выскочить, когда поезд тронулся»;

- молодых людей, отметивших праздник и громко поющих и смеющихся на улице в глухую ночь»;

- спортсмена, который принимает допинг перед выступлением».

Приведенные высказывания свидетельствуют о трансформации содержания концепта «сознательность» в сознании наших современников. Сознательным называют человека, который проявляет ответственность перед собой и близкими (не было предложений, в которых бы шла речь о чувстве долга перед обществом или государством). Несознательный человек ведет себя, по мнению информантов, безответствен-

но и беспечно. В ряду ответов наличествуют несерьезные высказывания (например, о честном бармене) и семантически неадекватные фразы (допинг квалифицируется как обман). Несознательность объясняется как нарушение разного рода запретов (относительно здоровья, академической этики, служебной дисциплины и др.). Сознательность трактуется как осознанное соблюдение правил или принятых решений. Обращает на себя внимание размытие границы между сознательностью и совестью, т.е. между институциональным и персональным чувством долга. Не отмечены высказывания, в которых сознательность была бы связана со страхом, на первый план выходит понимание стоящих перед человеком задач, т.е. сознательность смыкается с осознанностью.

Обратим внимание на типичных субъектов, которые квалифицируются с точки зрения сознательности: студенты, пассажиры, пешеходы, солдаты, рабочие. Обычно это – нижестоящие, подчиненные, подконтрольные люди, для которых существуют определенные правила. Это значит, что субъект оценки, который определяет уровень сознательности, всегда является вышестоящим по отношению к объекту оценки: сознательные студенты – с точки зрения преподавателей, сознательные водители и пешеходы – с точки зрения милиции, сознательные сотрудники – с точки зрения руководства, сознательные больные – с точки зрения врачей. Несмотря на то, что словосочетание «сознательный учитель» или «сознательный директор» выглядят, на первый взгляд странно, можно легко сконструировать контекст, в котором такие образования будут вполне уместны, например, если речь идет о тех, кто инспектирует деятельность тех или иных учреждений и оце-

нивает выполнение работниками тех или иных обязанностей.

Лингвокультурный концепт «сознательность» представляет собой реликт советской эпохи в русском языковом сознании. Идеологическое ядро этого концепта включает признаки планомерного изменения сознания индивидов и общества и контроля партии и государства над этим процессом. Смысловая трансформация, которой подвергся этот концепт в постсоветский период, состоит в замещении ценностной доминанты – вместо общественного блага на первый план выступило личное благо. Общая идея сознательности как ответственности сохранилась, так же, как и понимание статусного неравноправия при оценке сознательности, но вместо государства как субъекта этой оценки на эту позицию выдвинулись представители социальных институтов (образования, медицины, правопорядка). Наблюдается определенная нейтрализация различий между сознательностью и совестью, и это свидетельствует о возрастании доли стихийности в поведении людей.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология: монография [Урал. гос. пед. ун-т] – Екатеринбург, 2009. 291 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Эволюция лингвистической советологии. // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография [Урал. гос. пед. ун-т]. – Екатеринбург, 2001. 238 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. 326 с.

© Карасик В.И., 2010

Кобозева И.М.
Москва, Россия

ЛЕКСИКОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
О МЕТАФОРЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В работе обращается внимание на игнорирование в ряде отечественных работ по политическому дискурсу различия между лексикализованной и живой метафорой. Предлагаются критерии для отличия лексикализованной метафоры от живой (отсутствие эффекта реинтерпретации при синонимической замене; частотность кандидата в «метафорические выражения» по корпусу; наличие в элементарной дискурсивной единице других кандидатов в «метафорические выражения» с иной сферой-источником). В данном свете оцениваются исследования по «сочетаемости метафорических моделей».

Ключевые слова: политический дискурс, концептуальная метафора, живая метафора, лексикализация метафоры, реинтерпретация, частотность, элементарная дискурсивная единица.

Сведения об авторе: Кобозева Ирина Михайловна, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра теоретической и прикладной лингвистики.

Контактная информация: г. Москва 119992, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ, филологический факультет, к. 953.

Kobozeva I.M.
Moscow, Russia

LEXICO-SEMANTIC NOTES ON METAPHOR
IN POLITICAL DISCOURSE

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper focuses on the distinction between the lexicalized (frozen) and live metaphor that is ignored in some influential studies on Russian political metaphor. Some criteria for distinguishing live metaphors from dead are proposed including lack of reinter-pretation in case of synonymic substitution, frequency of alleged metaphoric expression in linguistic corpora, the presence of rival metaphoric expressions with different source domain in the same elementary discourse unit. In this light studies on the «combinations of metaphoric models» are dismissed as lacking the presupposed object of study.

Key words: political discourse, conceptual metaphor, live metaphor, lexicalization of metaphor, reinter-pretation, frequency, elementary discourse unit.

About the author: Kobozeva Irina Mihalovna, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Moscow State Lomonosov University, Philological Faculty, Department of Theoretical and Applied Linguistics.

В нашей стране яркая политическая метафора все чаще становится материальной силой, способной решать судьбы законов, политиков, партий.

А.П. Чудинов. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры

Когнитивно-лингвистическая теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff 1980] очень скоро стала одним из основных инструментов анализа политического дискурса. Это лишь одно из многочисленных подтверждений того, что П.Б. Паршин образно назвал «романом между когнитивной лингвистикой и анализом медиадискурса» [Паршин 2008: 208], и, добавив, политического медиадискурса в первую очередь. И не будет преувеличением сказать, что в российской лингвистике после появления пионерского словаря политической метафоры А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1991, 1994], никто не сделал так много для продвижения данного направления исследований, как А.П. Чудинов. Две его монографии о метафоре в политическом дискурсе [Чудинов 2001, 2003] соединяют в себе и глубокую теоретико-методологическую проработку исследуемого феномена, и убедительную демонстрацию рабочих возможностей предлагаемого подхода. Это не только и не столько инвентаризация политической метафоры, сколько моделирование исследуемого объекта во всей сложности его связей и с когнитивными механизмами, и с языковой картиной мира, и со структурой дискурса, и с целями политических субъектов.

Говоря о проблемах инвентаризации и систематизации метафорических моделей, А.П. Чудинов заметил, что «процесс значительно более важен, чем результат» [Чудинов 2001: 171], очевидно, имея в виду, что только реальные попытки многомерной систематизации большого фактического материала дадут тот опыт, который необходим для построения классификаций, адекватных разным задачам исследования политической метафоры. Если рассматривать политическую лингвистику как прикладную науку (см.: [Lakoff 1980]), то в политической метафоре для нее первостепенный интерес представляет то, что отражается в ее «третьем зеркале», по А.П. Чудинову [2001: 55], а именно то, как политический субъект воспринимает, моделирует и пытается воздействовать на политическую реальность. В рамках прикладного когнитивного и одновременно критического (в духе «критической лингвистики») подхода метафоры в политическом дискурсе интересны не только как индикаторы, позволяющие вести мониторинг общественных настроений, но и как инструменты, при помощи которых те или иные социальные группы продвигают в обществе те или иные политические взгляды и проекты в своих интересах. Именно концептуальные метафоры по-

следнего типа имеют шансы стать «материальной силой, способной решать судьбы законов, политиков, партий» [Чудинов 2001: 12]. Ниже следующие соображения относятся к исследованиям именно такой, прикладной, ориентации.

Основная цель прикладного критического лингвистического анализа политического дискурса – выявление на всех уровнях его организации тех языковых средств и способов подачи информации, которые обусловлены политическими взглядами и целями Говорящего Политического Субъекта (далее ГПС). Под ГПС мы понимаем не реального автора политического текста, а ту политическую группировку (организованную, как партия, или неорганизованную, как социальная группа), с позиций которой создавался данный текст. Естественно, что полный лингвистический анализ письменного, а тем более устного политического дискурса требует обращения ко всем более и менее традиционным разделам науки о языке. В сферу ответственности лексической семантики входит широкий круг задач – от установления той концептуальной категории, под которую ГПС подводит ситуацию, послужившую стимулом коммуникативного акта, до объяснения мотивов конкретных лексических выборов, которые сделал ГПС в ходе вербализации коммуникативного замысла. Такое объяснение будет заслуживать доверия только в том случае, если оно будет опираться на глубокое многоаспектное описание семантики слова.

При анализе семантики слова в политическом дискурсе приходится учитывать множество аспектов его содержательной структуры, выделяемых в современной семасиологии. К ним относятся, как минимум:

- **узуальное лексическое значение слова**, отражаемое в его словарном толковании;
- **актуальное значение слова** в данном вербальном контексте, которое при прямом его употреблении является стандартной контекстуальной модификацией (актуализацией) узуального лексического значения, а при переносном – связано с узуальным значением более сложным образом;
- **внутренняя форма слова** (при переносном употреблении совпадает с его прямым номинативным значением);
- **«модальные рамки»** (включая эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова и к адресату);
- **сочетаемостные ограничения** по валентностям слова (сфере действия);
- **коннотации**;
- **лексические значения других слов, ассоциируемых с данным по форме** (значения других ЛСВ того же многозначного слова, его омонимов и паронимов);
- **«фонетическое значение» слова**;
- **экстралингвистическая «проекция» слова** (связанные с ним схемы, фреймы, сценарии и т.п.);

- **социальная «проекция» слова** (его гендерная, классовая, групповая, профессиональная и т.п. маркированность);

- **идеологическая «проекция» слова.**

Все эти аспекты могут быть так или иначе задействованы с целью подачи денотируемой ситуации в устраивающей ГПС интерпретации и создания нужного ему эмоционального фона (тональности).

Непрямые (косвенные) номинации и нарушения семантических сочетаемостных ограничений – это естественные объекты прикладного критического анализа политического дискурса. В соответствии с основными принципами и постулатами лингвистической прагматики, если ГПС предпочел использовать косвенный способ обозначения денотата вместо существующего прямого или нарушил правила семантического согласования, значит, у него был для этого мотив. Если мы хотим выяснить такой мотив, мы должны достаточно внимательно относиться и к тем различиям в сфере тропов, которые были установлены еще в античной риторике, и к тем противопоставлениям, которые признаны в современных теориях метафоры.

Говоря о метафорах в политическом дискурсе, я буду трактовать это понятие в соответствии с когнитивной теорией метафоры достаточно широко, чтобы отвлечься от несущественных поверхностно-языковых различий, но не настолько широко, чтобы стирать важные различия, относящиеся к уровню когнитивных структур и механизмов [см. подр: Кобозева 2001]. В дальнейшем я перейду к вопросу, который больше всего беспокоит меня при чтении многочисленных работ, посвященных политической метафорике – небрежному отношению к различию между лексикализованной (мертвой, застывшей) метафорой и метафорой живой.

Обнаружив в тексте выражение, которое можно рассматривать как кандидат в поверхностные показатели концептуальной метафоры, не стоит поспешно заносить его в базу данных для политического мониторинга, не оценив предварительно его **риторический потенциал**. Данный параметр представляет собой шкалу. На одном полюсе этой шкалы – лексикализованные метафоры, то есть семантические дериваты слов, уже вошедшие в лексико-семантическую систему языка и, как правило, зафиксированные в толковых словарях в качестве производных узуальных значений. Естественно, толковые словари всегда несколько отстают от речевой практики, да и точных критериев для улавливания момента, когда пора фиксировать у слова новый семантический дериват, насколько нам известно, в лексикографии пока не выработано. Так, например, при всей несомненности сферы-источника переносного употребления слова *арена* вряд ли стоит рассматривать это слово в (1) как индикатор живой концептуальной метафоры «Мир политики – это цирк»:

(1) *На политической арене появились новые лица.*

Как свидетельствует словарь СИ. Ожегова, в современном русском языке у слова *арена* появилось генерализованное узуальное значение 'области деятельности' (ср. его свободную сочетаемость в этом значении с атрибутами *международная, общественная, социальная, политическая, внешнеполитическая, внутриполитическая, парламентская, идеологическая, академическая, журналистская, литературная, экономическая* (сочетания найдены в НКРЯ), указывающими на области деятельности, достаточно разные и по объему, и по сути, и по эмоционально-оценочному отношению к ним в обществе). Разумеется, связь с цирковой сферой-источником сохраняется у этого слова на правах его «внутренней формы», но сила этой связи близка к нулю и восстанавливается только при условии контекстной поддержки со стороны неконвенциональных, живых метафор. Характерно, что у А.П. Чудинова, обладающего тонким семантическим чутьем, в разделе «Театральная метафора», слово *арена* фигурирует как индикатор живой концептуальной метафоры в высказывании (2):

(2) *Сегодня и ежедневно на арене (подчеркнуто А.П. Чудиновым) нашего политического цирка непревзойденная команда клоунов* [Чудинов 2001: 119],

где оно употреблено по ходу развертывания метафоры «Российская политика – это цирк». Ясно, что основным индикатором данной метафоры в (2) является само слово *цирк* (к счастью, еще не получившее узуального переносного значения 'общественная деятельность'). Данную метафору в (2) развивает лексический показатель структурно подчиненной концептуальной метафоры «(Некоторые) политики – клоуны», и акцентируют ее отсылающие к той же сфере-источнику прецедентные феномены – формульные выражения из цирковой афиши: *сегодня и ежедневно, непревзойденная*.

С точки зрения способности повлиять на адресата лексикализованные метафоры ничем не отличаются от «первообразных» слов в их прямом употреблении. И те, и другие способны воздействовать на аудиторию всеми аспектами своей семантики, перечисленными выше. И те, и другие лишены главного свойства живой метафоры – семантической двойственности. Так, (1), несмотря на то, что в нем целых 3 полнозначных слова употреблены не в своих прямых номинативных значениях (*арена, появиться и лицо*) выражает только то, что можно на семантическом метаязыке записать как (3):

(3) 'политической деятельностью начали заниматься новые люди' и не включает в себя даже в качестве фонового смысл (4):

(4) 'это похоже на то, как если бы на арене цирка наблюдателю стали видны новые лица людей'

Запись (4) можно было бы назвать «этимологической семантической транскрипцией» для (1). Но подобная транскрипция и соответствующая ей разметка политического дискурса бесполезны для заявленных выше прикладных целей. Ср. с семантической двойственностью высказывания в (2), экспликацией смысла которого может быть нечто типа (5):

(5) 'наблюдая политическую деятельность (некоторых) российских политиков, можно сказать, что это поведение клоунов в цирке'.

Ясно, что только живая метафора отражает сознательно проведенную ГПС когнитивную операцию концептуализации области-цели в категориях области-источника и только она способна при подходящих условиях оказать соответствующее воздействие на восприятие адресатом денотируемой ситуации. В нашем случае не критически настроенный к восприятию политических текстов адресат получит заряд негативного отношения к людям, занимающимся политикой, которые, как клоуны в цирке, не занимаются серьезным делом, а за плату смешат публику. Очевидно, что внушение такого «пейоративного» отношения к политикам и политике выгодно власти, так как питает апатичность общества, в условиях которой власти гораздо легче достигать своих целей.

Перечислим некоторые признаки, позволяющие определить, является ли выражение, образованное при помощи метафоры (далее МВ), индикатором живой концептуальной метафоры. Эти признаки нужны постольку, поскольку словари не успевают фиксировать факты лексикализации метафор. Да и для опытного лексикографа они могут оказаться небесполезными.

Первый признак отличия лексикализованной метафоры от живой – это **отсутствие семантического эффекта переинтерпретации ситуации при замене данного МВ на синонимичное ему буквальное или метафорическое выражение**. Так, *арена* в (1) не является индикатором живой метафоры, потому что в данном контексте это слово можно заменить на другие МВ – *цена* или *сфера* при полном тождестве денотативного и сигнификативного значения предложения. Различия коснутся только «внутренней формы» ядра локативной группы, что проявится, в частности, в необходимости поменять предлог *с на* на *в* при замене *арены* на *сферу*). В отличие от этого замена *арены* на *цену* в (2), где присутствует живая метафора «Российская политика – это цирк» не только потребует в целях семантического согласования поменять *цирк* на *театр* и *клоунов* на *артистов*, но и приведет к переинтерпретации денотативной ситуации (= изменению сигнификативного значения предложения), которая уже будет концептуализироваться в категориях иной области источника и иметь иной потенциал воздействия на адресата. Хотя, как справедливо пишет А.П. Чудинов, метафоры ЦИРКА и

ТЕАТРА имеют общие «концептуальные векторы притворства, неискренности и внешней моделируемости происходящих событий» [Чудинов 2003: 115], но ТЕАТР – это в русской культуре храм высокого искусства, каким никогда не был ЦИРК, ТЕАТР не только развлекает, но и «сее разумное, доброе, вечное» (ср.: [там же: 115]). Оттого и отношение к артистам более серьезное и уважительное, чем к циркачам. Так что замена *арены* на *сцену* (с необходимыми сопутствующими заменами) переинтерпретирует денотативную ситуацию в рамках иной метафорической модели – «Российская политика – это театр», в которой сфера-источник ТЕАТРА отличается от сферы источника ЦИРКА хотя бы по слоту «Эмоционально-оценочного отношения» в подфрейме «УЧАСТНИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ».

Дополнительным свидетельством живого характера метафоры, лежащей в основе МВ, для именных МВ является ощущение странности, необычности сочетания данного МВ со своим атрибутом. Это ощущение ныне можно проверить по корпусу. Так, сочетание *политическая арена* кажется вполне привычным по сравнению с сочетанием *политический цирк*, что вполне коррелирует с данными НКРЯ, где первое имеет частоту 112, а второе – всего 2. Это явный знак того, что за МВ *политический цирк* стоит живая концептуальная метафора «Политика – это цирк».

Второй признак, в отличие от первого, не предполагает тестирования МВ при помощи тех или иных трансформаций исходного текста. Он непосредственно наблюдает и состоит в том, что в локальном контексте рассматриваемого МВ, то есть в контексте элементарной предикации (= клаузы = элементарной дискурсивной единицы (ЭДЕ) [Рассказы о сновидениях 2009]), обнаруживается другое МВ с иной сферой-источником, которое семантически не согласованно с первым и при этом не связано с ним сочинительной связью, как в нижеследующих примерах:

(6) ...Россия, *сталкивающаяся* – в силу ряда объективных причин – с *перспективой утраты позиций на региональных рынках*...

(7) «...медленно и болезненно происходит *отслоение партийной кожи* с государственных механизмов».

В (6) МВ *сталкиваться* имеет сферой-источником силовое взаимодействие движущегося твердого тела с другим твердым телом, оказавшимся на траектории его движения, а МВ *перспектива* восходит к сфере зрительного восприятия открытого пространства. Указанные схемы в принципе совместимы в рамках такой концептуальной схемы, как движение человека по пути в открытом пространстве (ср. возможность, и даже обычность ЭДЕ типа *в перспективе X столкнется с Y-ом*). Но в (6) *перспектива* выступает в роли контрагента и при ее буквальном прочтении ('видимая даль') не со-

гласуется с семантическими требованиями, которые предъявляет предикат *сталкиваться* в его буквальном прочтении к своему актанту с ролью контрагента. В (7) несовместимость *кожи* в ее буквальном понимании в контексте *отслоения*, с ролью части того целого, каким является *механизм* в его буквальном понимании, в комментариях не нуждается.

Мой опыт анализа подобных примеров позволяет сделать следующее индуктивное обобщение: если 2 или более МВ, восходящие к разным сферам-источникам и не связанные сочинительным отношением, встретились в рамках одной ЭДЕ, то только одно из них может быть индикатором живой метафоры. Это обобщение можно назвать «законом единственности живой метафоры в ЭДЕ». Само собой разумеется, что в случаях такого тесного контакта все МВ могут быть лексикализованными метафорами, как это имеет место в (6). Соответствующие переносные значения зафиксированы в словаре СИ. Ожегова. В случаях типа (7) одно из МВ – показатель живой метафоры, и какое именно – вполне очевидно. Если есть сомнения, можно использовать тест на синонимичную замену с проверкой семантического эффекта (см. выше первый признак различия живых и лексикализованных метафор) или удостовериться, что *государственный механизм* встречается в НКРЯ 97 раз, а *партийная кожа* – ни разу.

У данного эмпирическим путем полученного обобщения есть правдоподобное когнитивное основание. Если принять У. Чейфу, что дискурс порождается квантами, каждый из которых «вербализует один «фокус сознания» [Chafe 1994], то есть совокупность информации, которую селективное человеческое сознание может одновременно удерживать в активном состоянии» [Рассказы о сновидениях 2009], то получается, что семантический объем ЭДЕ, являющейся таким квантом, достаточно ограничен. Он включает описание одного события или состояния из концептуального домена А, которое при необходимости или при желании может интерпретироваться в терминах одного, но едва ли более, чем одного концептуального домена Б, отличного от А. Привлечение дополнительных доменов в рамках одного кванта затруднительно как при порождении дискурса, так и при его интерпретации.

Сформулированное выше обобщение вносит существенное уточнение в постановку проблемы «сочетаемости метафорических моделей» [Баранов 2003]. С позиций прикладного анализа политического дискурса того феномена, который в [там же] назван «внутренней сочетаемостью М-моделей» просто не существует, если под М-моделью понимать репрезентацию когнитивного механизма, сознательно применяемого ГПС в дискурсе с целью подать денотат в определенной интерпретации, а не репрезентацию когнитивного механизма, лежащего в основе фактов истории языка или в основе

явлений из области регулярной многозначности. Приводимые в [там же: 85] примеры на внутреннюю сочетаемость М-моделей:

- (8) *полнокровный рыночный механизм*,
 (9) *жестокие дети марксизма*,

как и следовало ожидать, содержат либо не одной, как в (8), либо только одну, как в (9), живую М-модель (ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ ЕЕ НОСИТЕЛЕЙ – ЭТО ТО ЖЕ, ЧТО РОДИТЕЛИ ДЛЯ ДЕТЕЙ).

«Внешняя денотативно связанная сочетаемость М-моделей», то есть случай, когда разные метафорические модели, примененные к одному и тому же денотату, входя в разные ЭДЕ (принадлежащие одному и тому же или разным ГПС), практически не ограничена. Точнее, она ограничена только экстралингвистически – со стороны онтологической природы самого денотата и прагматической задачи, решаемой автором в данном политическом дискурсе. Вряд ли тут удастся обнаружить интересные правила композиции смыслов.

Остается, как кажется, только «внешняя денотативно несвязанная сочетаемость М-моделей», иллюстрируемая в [Баранов 2003] примером:

- (10) *Бакатин ... прямо мишень для «акул пера».*

Сколько в (10) живых метафор? Закавыченные «акулы пера» – газетный штамп, но он, несомненно, сохраняет экспрессивность и активирует в сознании М-модель «НЕКОТОРЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ – ЭТО ОПАСНЫЕ ХИЩНИКИ». МВ *мишень* можно было бы сбросить со счетов как лексикализованную метафору (у слова *мишень* в словаре СИ. Ожегова зафиксировано переносное значение 'тот, кто или то, что является предметом каких-л. действий, нападок'), но относящаяся к нему частица *прямо* не позволяет этого сделать, так как служит свидетельством осознания говорящим семантической двойственности маркируемого этой частицей выражения ('это, конечно, не настоящая мишень, но что-то очень похожее на это'). Значит МВ *мишень* – показатель живой метафоры «НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ – ЭТО МИШЕНИ ДЛЯ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ». Выражение (10) нельзя признать стилистически безупречным, но оно вполне осмысленно, и его смысл можно эксплицировать при помощи (11):

- (11) *'Бакатин для журналистов – объект, на котором они совершенствуют свое умение морально уничтожать того, о ком пишут, и это похоже на то, как акулы тренируются в умении нападать на свою жертву'.*

Каждая из двух живых метафор вносит в этот смысл свою лепту, а значит, что они семантически взаимодействуют. Похоже, что в таких случаях более акцентированная (в понимании А.П. Чудинова) М-модель (с индикатором «акулы пера») подчиняет себе менее акцентированную (с индикатором *мишень*). В результате менее акцентированная модель утрачивает привязку к своей сфере-источнику (милитарной

сфере), сохраняя основную идею мишени как объекта, на котором тренируются. В результате композиции М-моделей получается результирующая модель, проецирующая на денотативную ситуацию сценарий «Поведение хищных животных» из сферы-источника акцентированной модели, в который добавлен эпизод, заимствованный из сценария «Поведение людей», прототипически относящегося к другой сфере-источнику.

Чтобы учесть примеры типа (10), сформулированное выше обобщение придется несколько ослабить, допустив, что в рамках одной МДЕ могут сосуществовать две живых метафоры, если одна из них представлена устойчивым выражением (идиомой, клише).

Возвращаясь к вопросу о риторическом потенциале лексикализованной метафоры, повторим, что он близок к нулю. Такая метафора в одиночку не способна запустить в действие механизм концептуальной реконструкции денотата в терминах сферы источника. Все нелексикализованные (они же живые) метафоры способны активировать этот механизм. Однако ясно, что среди последних можно с достаточной легкостью выделить метафоры традиционные (для дискурса всех или некоторых ГПС), намеренно гоняющие сознание адресата по уже неоднократно пройденному им пути между двумя концептосферами, и метафоры креативные, которые торят новые дорожки. Хороший пример креативной метафоры приведен в [Чудинов 2001: 73-74]: «Финансы – это градусник». Когда финансы вместо того, чтобы привычно метафоризовать их как кровь экономики (и тем подчеркнуть их важность), метафоризируют как градусник, то адресата явно подталкивают к тому, чтобы пересмотреть свое отношение к статусу финансов в экономике государства. Если экономика больна (традиционная для современной России политическая метафора), то, возможно, это болезнь крови (финансов) и для излечения больного врачам (политикам) надо что-то делать с его кровью (вмешаться в деятельность финансовой системы). Но если финансы – это градусник, показывающий температуру больного, глупо что-либо менять в данном инструменте: ведь это больному не поможет, а только затруднит процесс лечения. Примерно так и развивается своя метафора Г. Попов: «Если мы собираемся бороться с болезнью, то зачем бороться с градусником и температурой».

Креативные политические метафоры и есть те яркие метафоры, которые «все чаще становятся материальной силой, способной решать судьбы законов, политиков, партий». Хотелось бы, чтобы в анализе политического дискурса, осуществляемом с прикладными целями, таким метафорам уделялось больше внимания, чтобы они не тонули в массе конвенциональных и лексикализованных метафор. Фундаментальные филологические труды А.П. Чудинова по политической метафорике и созданная им шко-

ла дают надежду на существенный прорыв в области прикладного критического анализа политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику – М: УРСС 2001. 358с.

Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73-94.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. – М, 1994. 330с.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2001. № 6.

Паршин П.Б. Анализ медиадискурса и когнитивная лингвистика: true romance? // Язык средств

массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы II Международной научной конференции [сост. М.Н. Володина]. – М: МАКС-Пресс, 2008. 515 с. С. 207-209.

Рассказы о сновидениях [под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской]. – Языки славянских культур, 2009. 735 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. 238 с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. 248 с.

Chafe W. Discourse, consciousness, and time. – Chicago-University of Chicago Press, 1994.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago, 1980.

© Кобозева И.М., 2010

Пименова М.В.
Кемерово, Россия

Pimenova M.V.
Kemerovo, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА**

**POLITICAL
CONCEPTUAL SYSTEM**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы политической концептуальной системы, а также концептов, ее формирующих. Особое внимание уделяется заимствованному концепту политика: показаны пути формирования его концептуальных признаков на основе категориальной базы, определяющей каркас русской концептуальной системы.

Abstract. This article discusses the problem of the political conceptual system and different features and components which form the structure of the concepts (politics as an example). Analysis of the conceptual structure parts are demonstrated on the concept politics which allows to study the formation of its core component and interpretative field in different mass-media and literature sources.

Ключевые слова: политическая концептуальная система, развитие концептуальной структуры, метафоры

Key words: political system of concepts, development of the conceptual structure, concepts, metaphors

Сведения об авторе: Пименова Марина Владимировна, чл.-корр. САН ВШ, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и славянских языков

About the author: Pimenova Marina Vladimirovna, Corresponding Member of Siberian Academy of Science in Higher Education, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics and Slavic Languages.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650004, г. Кемерово, ул. Соборная, д. 7, кв. 37.

E-mail: pimenovaMV@rambler.ru.

Область политических концептов сложна и многоаспектна. Каждый язык по-своему представляет сферу политики. Эту область можно назвать **политической концептуальной системой**. К ней относятся: 1) концепты политических реалий (*политика, власть, реформа, перестройка, коррупция, террор*), 2) концепты политических органов власти (*Дума, Рада, конгресс, сенат*), 3) концепты политических объединений – партий, движений (*компартия, движение Наши, тори*), 4) концепты деятелей политического управления государства (*князь, царь, генсек, президент, премьер-министр, правительство, министр, воевода, дипломат; депутат, сенатор; губернатор*), а также известные политические персоналии (*Калита, Иван Грозный, Петр I, Сталин, Екатерина Великая*), 5) концепты политических деятелей и соответствующих им политических убеждений (*политик; (политическая) партия, консерватор, радикал, либерал, социалист, коммунист*), 6) концепты политических взаимоотношений между людьми (*избиратель, кандидат (на выборах), соперник; оппозиция*), 7) концепты внутренней и международной общественной жизни (*революция, переворот, выборы, иго, путч, война, переговоры, перемирие*), 8) концепты политических работников (*агитатор, политработник, политрук, имиджмейкер*), 9) концепты государств (*Россия, Китай, США, Германия, Польша*), 10) концепты национальностей (*немец, русский, китаец, американец, поляк*), 11) концепты внутри- и межгосударственного документооборота (*пакт, указ, соглашение, конституция*), 12) концепты населения страны и мира (*народ, нация, народность*), 13) концепты политического устройства страны (*многопартийность, однопартийность; дик-*

татура, республика; федерация; союз), 14) концепты политического «климата» государства (*национализм; толерантность; тирания; фашизм*), 15) региональные концепты (*Балканы, Азия, Европа, Средиземноморье, Поморье, Алтай, Сибирь, Урал, Забайкалье*), к которым относятся концепты известных краев, областей, городов, районов (*Москва, Париж, Кузбасс, Кемерово*), 16) концепты межгосударственных объединений (*коалиция, Антанты, НАТО, Евросоюз*), 17) концепты политического управления страной (*округ, штат, муниципалитет, область, регион*).

Следует отметить, что эта область лингвистики еще практически не исследована. В последнее время именно она привлекает к себе особое внимание концептологов Кемеровской школы концептуальных исследований и Уральской школы политической лингвистики. Отдельную область таких исследований составляют диссертации, посвященные политическим концептам [Мешкова 2005], в особенности проблеме «страна глазами жителей другой страны», которые были подготовлены в рамках Кемеровской школы: например, Россия глазами американцев [Орлова 2005], Германия глазами русских [Куданкина 2005], Америка глазами русских [Гришина 2004], выполненные под руководством проф. М.В. Пименовой, а также диссертации, подготовленные в рамках Уральской школы (Россия глазами британцев [Будаев 2006; Красильникова 2005], Россия и Америка глазами друг друга [Светоносова 2006], Россия и Франция глазами друг друга [Шаова 2005], российская политика глазами россиян [Тагильцева 2006], выполненные под руководством проф. Г.Н. Бабич, проф. Н.Б. Руженцевой, проф. А.П. Чудинова).

Нулевой концепт. Концептуальная система у каждого человека индивидуальна. Исследование индивидуальных концептуальных систем пока сводится к анализу авторских языковых картин мира. Принято считать, что язык отображает концептуальную систему, однако это не совсем так. Для многих носителей русского языка слова *клеверет*, *апологет*, *валоризация*, *монетаризм* ничего не значат: в языке слова есть, а их содержание им просто неизвестно. Это можно было бы объяснить простым фактом заимствования этих слов из другого языка, но если *валоризация*, *монетаризм* в русском языке появились относительно недавно, то *клеверет*, *апологет* известны с XI в., и слова эти до сих пор активно используются в политическом дискурсе. Для наших современников малоизвестными могут быть целые концептуальные области: сельское хозяйство, животноводство, национальная кухня, мифология и др. Не каждый может раскрыть полное содержание концептов, скрывающихся за словами *рожон*, *лён*, *конопля*, *крапива*, *взвар*, *Чур*, *Велес*, *Макошь*. Слова, не выражающие никакого смысла для носителя языка, объективируют **нулевой концепт**.

Типы концептов. По признаку появления концепты национальной концептосферы можно подразделить на **исконные** и **заимствованные**. **Исконные концепты** зародились в национальной концептосфере, **заимствованные** были в нее привнесены из других национальных концептосфер. Примером исконных русских концептов могут служить концепты *князь*, *богатырь*, *Русь*, *соловей-разбойник* и др. Заимствованными являются, например, концепты *идея*, *фантазия*, *император*, *президент* и т.д. Показателем заимствования обычно выступает заимствованное слово – репрезентант концепта. При переходе концепта из одной национальной концептосферы в другую переносятся, как правило, только понятийные его признаки; образные и ценностные признаки развиваются по аналогии со схожими исконными концептами. Так, в русской концептосфере концепт *идея* появился в начале XVIII в. с перенесенными из западноевропейских языков понятийными признаками 'мысль', 'замысел'. Структура заимствованного концепта *идея* стала развиваться по аналогии со структурой исконно русского концепта *мысль*.

По признаку развития структуры концепты можно разделить на **развивающиеся** и **застывшие**. **Развивающиеся концепты** – активно используемые в национальной концептосфере, пополняющие свою структуру новыми признаками. Примером развивающегося концепта может служить концепт *сердце*, в XIX и XX веках в структуре которого появились новые образные – артефактные – признаки 'мотор' (*мотор бараклит* «о сердце»), 'фотография' (*запечатлелось / проявилось в сердце*) и др. **Застывшими** считаются такие **концепты**, структуры

которых перестали пополняться новыми признаками; обычно такое явление связано с исчезновением реалий, связанных с этим концептом, процессом перехода слова – репрезентанта концепта – из активного словарного запаса в пассивный (это так называемые архаизмы и историзмы). Примером застывших концептов могут служить *князь*, *богатырь*, *соловей-разбойник*, *царь*, *император*.

По признаку постоянства базовой структуры концепты бывают **постоянными** (сохранившимися) и **трансформировавшимися**. **Сохранившиеся концепты** – такие, у которых понятийная и ценностная часть структуры концепта не изменилась, несмотря на исчезновение или трансформацию референтов. В качестве примера можно назвать концепт *правитель*, понятийная и ценностная часть структуры которого была перенесена на концепты *князь*, *царь*, *император*, *президент*. **Трансформировавшиеся концепты** – те, которые были перенесены на новые реалии в связи с исчезновением референтной базы. Так, концепт *придворный этикет* был постепенно перенесен после революции 1917 года на реалии советского правительства, при этом структура исходного концепта была трансформирована (особенно его сценарная часть, где субъект, объект и обстоятельство действий видоизменились).

По признаку первичности концепты делятся на **первичные** (основные) и **производные**. **Основные концепты** – те, что появились раньше и послужили базой для развития **производных**. На последнее указывают производные слова – репрезентанты концепта. Концепт *мысль* – первичный (основной) концепт, *замысел*, *помысел*, *умысел*, *вымысел* – производные. Первоначально производные концепты входили как составные признаки основного концепта, позже они стали развиваться самостоятельно, однако их структура до сих пор не достигла той степени развития, которая существует у первичного концепта.

По признаку актуальности концепты делятся на **ведущие** и **второстепенные**. Ведущие концепты еще называют ключевыми. К ним относятся такие концепты, которые широко представлены в паремиологическом фонде, фольклоре, художественной литературе. Примерами могут послужить такие концепты, как *душа*, *сердце*, *ум*, *человек*, *природа*, *мир*, *земля*, *солнце*, *небо* и др. Второстепенные концепты находятся на периферии концептосферы, они вторичны, менее актуальны, их репрезентанты менее частотны, например, концепты *чиновник*, *консультант*, *демонстрация* и др. В этой же классификации выделяются **постоянно актуальные**, **неактуальные** и **переменные** («плавающие») концепты. Постоянно актуальные есть ведущие (ключевые) концепты, неактуальные – второстепенные концепты, переменные («плавающие») – это концепты, периодически становящиеся актуальными и неактуальными.

Примером переменного концепта в русской концептосфере может служить *вера*. Первоначально этот концепт базировался на языческих верованиях, позже – на христианских, в советское время база концепта *вера* была перенесена на политических лидеров (Ленин, Сталин), сейчас вновь в российском обществе актуально православие, признаки которого выступают как основная часть структуры этого концепта. В зависимости от промежутка времени, когда концепт становится снова актуальным, он может стать трансформировавшимся. Переменные концепты могут менять имя, репрезентирующее концепт, и даже часть своей структуры. Так, в период войны на Кавказе в XIX веке в русской концептосфере был актуален концепт *абрек*. В последнее десятилетие этот концепт трансформировался и стал не менее актуальным под именем *чеченец* [Пименова 2006: 46-47].

Исторический фактор в исследовании концептуальной системы. Современная лингвистика, пройдя путь от изучения системы и структуры как формального выражения языка, обратилась к исследованию его имманентного остова – концептуальной системе. Концептуальная система подвержена воздействию на нее внешних культурных и исторических факторов. Так, например, концептуальная система политики в России включала в себя такие важные составляющие, как *князь*, *воевода*, *вече*, *уго*, которые относятся к типу застывших концептов, и концепты *политика*, *уния* и *хартия*, относящиеся к заимствованным.

Концептуальная система меняется, из нее исчезают исходные представления о мироустройстве. Современный человек с трудом осознает то, какими языковыми ресурсами он пользуется в повседневности. Особенно это заметно при анализе признаков концептов. Так, в выражениях *выстрелить из пушки* и *стрелять глазами* наш современник с трудом заметит метафору стрелы: *выстрелить / стрелять* букв. «выпустить стрелу». Такие же трудности будут в прочтении метафоры глубины в выражении *углубиться в лес* (глубина – это сложное понятие, включающее в себя сразу два признака: ‘вертикаль’ и ‘объем’, которые сохранились в русской концептуальной системе, но уже не осознаются носителями языка), метафор наказания громовержцем в сочетаниях *молния поразила*, *удар молнии* (в славянском фольклоре Перун – бог-громовержец, перуницы – молнии, его оружие наказания). За период существования этноса изменилась концептуальная сетка, понятиями (ячейками) которой носитель языка оперирует в своем познании действительности.

Рассмотрим один из заимствованных концептов, актуальных для наших дней, – *политика*. Сфера современной политики состоит из огромного количества заимствованных концептов, что указывает на ориентацию отечественной политики на Запад, т.к. заимствуются слова,

обозначающие те или иные политические реалии, из немецкого, французского и английского (а теперь и его американского варианта) языков. Для исследователя интересна история появления самого концепта, а также развитие в его структуре тех или иных концептуальных признаков.

В русском языке слово *политика* известно с эпохи Петра I. Происходит оно из греческого языка; через западноевропейские языки слово пришло в русский язык. Мотивирующий признак восходит к первоисточнику: греч. *политика* «государственная деятельность». Из греческого – латинское прилагательное *politicus* «имеющий отношение к государственным делам», «политический» [Черных II: 52].

Образные концептуальные признаки – первичный этап осмысления внутренней формы слова. «Образ должен изучаться с точки зрения генезиса, породивших его представлений. Религиозные представления важны не своим содержанием, но общим принципом своего возникновения; вот это-то возникновение, отрицающее формальную логику, говорит, что мышление понятиями вырабатывалось в течение долгих веков, и что ему предшествовало мышление образами» [Трубецкой 1908: 553]. Исследование языка позволяет заглянуть за кулисы производства образов, категорий, которые формируются в сознании народа, дает возможность увидеть мир так, как он представлен в языке. «У языка много предназначений, и каждое из них предъявляет свои права. Язык формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию – повседневную и «долгосрочную», обслуживает социальные акции, участвует в свершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, хранит историческую и культурную память народов, выражает и сохраняет знания о мире и человеке. ...Стремясь передать индивидуальное и мимолетное, ощущение и впечатление, язык использует приемы, разрушающие границы концептов: они утрачивают определенность» [Арутюнова 1988: 3]. Остановимся подробнее на концепте *политика*, на образных признаках его структуры.

Политика в русском языке может выражаться через метафору [см.: Пименова 2003; 2005а; 2005б; 2009]. «Метафора относится к числу тех феноменов, в которых наиболее ярко проявляется “душа народа”, его ментальный мир» [Чудинов 2004: 29]. Интересны метафоры, представляющие *политику* посредством:

а) предметных образов в метафорах: «политика – артефакт» (*Это очень хорошая словица – мне кажется, ее особенно полезно помнить тем, кто делает большую политику, историю*). Грищенко. Посторонний в Кремле), «политика – зеркало» (*политика отражает что; видеть сквозь зеркало политики*), «политика – узел» (*навязывать кому / чему какую политику; с какой политикой что связано*), «политика – механизм» (*политический ме-*

ханизм; инструменты политики; Во-первых, в анализе **механизмов** воздействия денежно-кредитной **политики** на факторы экономического роста. Бауэр. Золото как фактор экономического роста: методологический аспект // «Финансы и кредит», 2004.11.22), «политика – дом» (Как в целом государство намерено **выстраивать** свою **политику** в отношении евро? Чудодеев. Расписание на завтра // «Итоги», 2003.02.04), «политика – электрическая сеть» (Самая популярная партия в России – КПРФ – практически **выключена из государственной политики**. Фишман. Переоценка голосов // «Еженедельный журнал», 2003.04.01);

б) социальных образов: «политика – театр» (закулисная политика; играть в политику; политический спектакль; играть заметную / важную / главную / незаметную роль в политике), «политика – закон» (узаконить какую политику; соблюдать какую политику; нарушать политический запрет; политический режим); «политика – работа» (политработник; политическая работа среди масс; У меня замполит, брат ты мой, большой мастер воспитания матросов, ... редкий мастер политработы. Первенцев. Честь смолоду), «политика – воспитание / обучение» (политическое воспитание; политическое просвещение; политпросвет; политграмота). Политика определяется социальными взаимоотношениями, среди которых: союз, объединение, спор, война, борьба (изменять политике; политический альянс; политическая структура; политическая система общества; политический спор; политические баталии; Но моя личная жизнь всё теснее переплеталась с процессом русской **политической борьбы**, и обойти этой стороны моей биографии совершенно невозможно. Милюков. Воспоминания; Для тёмной **рукопашной**, какая есть истинная **политика**, этот человек не был годен. Солженицын. В круге первом; Для российской **политики**, как и для любой другой, **традиционна война** компроматов. Васильева. Держите форму, а содержание подтянется // «Рекламный мир», 2000.03.30), игра (Народ же никогда не **играет в политику**. «Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» // «Жизнь национальностей», 2004.06.16), спорт (Но при тогдашней национальной **политике**, в которой на **первое место ставилась борьба с «великодержавным шовинизмом»**, и речи быть не могло о **насильственной русификации**. «Обрусение» или нашествие иноплеменных? // «Наш современник», 2004.01.15);

в) пищевых образов, здесь политика переосмысливается как некий продукт (продукт политической деятельности; простая / незатейливая политика; политика с душком / запахом; разжевать свою политику народу; взвешенная политика; объесться политикой прост.);

г) образов стихий, например, землетрясения (политические потрясения), воды (поли-

тические течения), воздуха, дыма, сильного ветра (политический угар; политические бури);

д) имущественных образов (политические ресурсы; политические возможности; политические средства; Потребуется время, возможно, поколение, чтобы внешняя **политика России перешла в руки ориентированной на Европу, истинно демократической элиты**. Бжезинский: ни Польша, ни Россия не смогут господствовать в Европе // «Коммерсантъ-Власть», № 10, 1998);

е) антропоморфных образов врага (бороться с какой политикой; политика чья угрожает кому; Однако «за» высказались многие транснациональные коммерческие компании: экономика **взяла верх над политикой**. Шидловский. Шкурный интерес. Почему Коби Брайант не приезжает в Россию // «Известия», 2001.08.14), актера (Все понимали, что **политика** в этой истории **играет**, мягко говоря, не последнюю **роль**. Храмчихин. Комплекс полноценности // «Отечественные записки», 2003), думающего и осторожного человека (дальновидная политика; осторожная политика);

ж) ландшафтных образов горы (И значит, Советы начнут неуклонно **восходить на вершины политики**, теснить Америку, дразнить китайцев и менять мировой порядок. Архангельский. Послание к Тимофею), поля (Если проводить биологическую аналогию дальше, то можно сказать, что социальные **поля**, как и биологические виды, взаимодействуют между собой (наука, **политика**, религия, право, экономика, медиа, повседневность и т.д. Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата» // «Отечественные записки», 2003), заповедных охотничьих угодий (То есть **политика** воспринимается, как такие **заповедные охотничьи угодья** только для мужчин. Ганапольский, Лахова. Беседа М. Ганапольского с Е. Лаховой в прямом эфире «Эха Москвы». 2003), реки (истоки политики), родника (политические источники).

В образной части структуры концепта отражается детерминированный условиями жизни мир этноса. Слова, заимствованные из других языков, проходят дальнейшие этапы своего развития: внедряясь в новую концептуальную систему, заимствованное понятие обрастает дополнительными признаками, которые берутся из архаичных пластов национального сознания. Затем происходит включение их в опыт повседневной жизни с учетом субъективно-прагматических оценок. Исследование концептуальной политической метафоры – «это прежде всего исследование степени воздействия разнообразных языковых, культурологический, социальных, экономических, политических и иных факторов на национальную систему концептуальных метафор» [Чудинов 2003: 196-197].

Политика в русской языковой картине мира предстает «как неконтролируемая стихийная

сила, которая, после некоторой обработки с помощью особых технологических процессов, превращается в некий продукт, предмет или тип интерперсональных отношений, поддающийся контролю, управляемый и даже отрететированный, где каждый политический деятель исполняет отведенную ему роль, а вся политика – это театр, за кулисами которого разыгрывается тайный спектакль с незримо присутствующим ведущим. Однако, в отличие от театра, политика связана с областью не эмоциональных и эстетических, а этических и рациональных оценок (*правильная / неправильная политика, вредная / нужная политика*)» [Пименова 2005а: 38].

В русской языковой картине мира работа в области политики оценивается чрезвычайно негативно (*политика – грязное дело*), те, кто работает в этой области, именуются *политиканами*, а их деятельность – *политиканством*. При этом сама политика признается искусством (*искусство политики*). Использование механических метафор переводит политику в современно мире из области искусства в область знания и ремесла. В русском языке закрепилось слово *политизация* – проникновение политики в другую сферу (например, искусство; ср.: *политизация искусства*).

В процессе адаптации заимствованного слова к системе языка отмечается этап его подгонки к соответствующей концептуальной системе. Скрывающееся за словом понятие как бы примеривается к известным, познанным сферам действительности. Так, получение знания воспринимается в русской концептуальной системе как некое времяпрепровождение, поэтому и политика осознается как некое времяпрепровождение: занятие (*Но сейчас наш гость, лидер «Яблока» Григорий Явлинский выбирает уже другие формы протеста, когда речь идёт об основном виде его современной деятельности, занятии политикой*). Варфоломеев, Явлинский. Беседа В. Варфоломеева с Г. Явлинским в прямом эфире «Эха Москвы». 2003), а также интерес и увлечение (*«Вы знаете, – сказал я, – учёные мало интересуются политикой»*). Искандер. Летним днем; *Отец как раз политикой очень увлекался, это было его второе увлечение – после женщин*. Белоусова. Второй выстрел). Слова, характеризующие политику, выражают признаки 'начального этапа получения знания' (*Зеленоградский эксперимент стал прологом большой земельной политике, которая становится реальной жизнью со вступлением в действие нового Земельного кодекса*). Бударцева. Красная площадь не продается // «Вечерняя Москва», 2002.03.14), 'времени пути жизни' (*в зрелом возрасте он пришел к политике / в политику*), 'духовной культуры' (*Надо не политизировать культуру, а окультурировать политику*). Кабанова. Вечные жертвы Второй мировой. Взгляд на перемещенные культурные ценности из мест их перемещения // «Известия», 2001.12.19).

В современном русском языке мотивирующий признак исследуемого концепта прослеживается в первичном значении слова, его вербализующем: *политика* «1. деятельность государственной власти, партии или общественной группы в области внутригосударственного управления и международных отношений, определяемая классовыми интересами этой власти, партии, группы; система государственных мероприятий, направляющая деятельность в какой-л. области» (СРЯ, III: 261). Ср.: *политика президента, политика партии, политика правительства, политика блока*.

Второе значение слова *политика* «события и вопросы внутренней и международной общественной жизни» (СРЯ, III: 261). Словом *политика* в данном случае описываются ситуации происходящего в стране и мире (*текущая политика; политические события; политическая ситуация в стране / мире; В стране бурно росло всеобщее негодование и политическая обстановка обострилась до предела*). Булгаков. Багровый остров), а также союзы и объединения (*политические партии и движения*), их главы (*политические лидеры; политическое руководство*) и их деятельность (*политическая позиция; политическое направление*). Указанные значения слова связаны с дифференциацией особых типов категоризации политики; здесь второе значение политики выступает в рамках категорий знания (*разбираться в политике; в какой политике руководствоваться чем; о какой политике читать / писать / говорить / думать / размышлять; понимать чью политику; изучать политику; Анистья Михайловна, жена Ключевского, приносила чай, мы поднимали политические вопросы (а их было много в эти годы) и осаждали Василия Осиповича, желая знать его мнение*. Милюков. Воспоминания), а первое – в рамках категории занятия (*интерес к политике; интересоваться увлекаться политикой; политические интриги; политические игры*). Занятие политикой сейчас чаще переосмысливается как некая механическая деятельность (*политические технологии*), результатом которой будет некий продукт (*политическая кухня*). Политика есть предмет споров и обсуждения (*говорить о политике; обсуждать политику; спорить из-за политики; Брата не обманешь, надо будет сказать ему, что мы повздорили из-за политики*). Тургенев. Отцы и дети; *В городе все знакомые тревожно засуетились, заговорили о политике*. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Третье значение лексики *политика* «разг. Общий характер поведения, образ действий кого-л., определяющий отношение к кому-, чему-л.» (СРЯ, III: 261). Сценарий действий по отношению к кому-либо или чему-либо близок сценарию государственной деятельности; он включает в себя такие компоненты, как направление, курс (*вести какую политику; проводить кому/чему какую политику; простая / сложная /*

тонкая политика; к какой политике перейти / прибегать), оценку (политика устраивает кого; к какой политике относиться; с какой политикой быть согласным; поддерживать политику; отвергать политику; продуманная политика), ответственность (нести ответственность за какую политику; отвечать за свою политику).

Четвертое значение слова *политика* «разг. устар. Участие в революционной работе, в революционном движении» (СРЯ, III: 261). Ср.: *Иван Васильевич был далёк от всякой политики*. Милюков. Воспоминания; *Он, оказалось, к политике был причастен*. Горький. Городок Окуров; *Его, брат, за политику арестовали*. Гайдар. Школа.

Исследование концептов и их признаков интересно с позиций определения цельных блоков представления знания, соотносимых с соответствующей областью действительности. Такие знания, относящиеся к определенной сфере опыта, хорошо структурируются. При исследовании концепта *политика* была выделена особая сфера-источник: ЗНАНИЕ (KNOWLEDGE). Эта сфера выстраивается на основании нескольких факторов: 1) политика осознается как некая область человеческого опыта (*знать политику партии*); 2) политика понимается как некая концепция, план действий группы людей; 3) политика представляется в метафорах школьных знаний (*вопросы / задачи политики*); 4) политика воспринимается через призму рациональной оценки (*правильная / ошибочная политика*). Остановимся на этих пунктах подробнее (иллюстративные примеры взяты из [Денисов 2002], различных текстов русской литературы, а также из Национального корпуса русского языка: www.ruscorpora.ru).

1) Политика – знание / опыт / искусственность (*Это было поразительное время, особенно если вспомнить, что подобного опыта публичной политики у тогдашней российской элиты просто не было, а значит, она всему должна была учиться спонтанно, буквально на ходу*. Анцыферов. Иной путь, Или к чему могли привести петровские реформы // «Вокруг света», 2004.07.15; *Сдаётся мне, что и здесь на патриотических струнах учредителей сыграли какие-то дополнительные обстоятельства, препятствующие не искусственным в политике людям понять, что связывает искусство новоиспечённых лауреатов с автором «Тихого Дона»*. «Тихий Дон» против Гаагского трибунала // «Витрина читающей России», 2002.09.13). Такое знание определяет политику, проводимую в той или иной сфере общественной жизни, как известную одному человеку или некоторой группе людей (*Прежде всего надо знать политику этой партии*. Беседа в Самаре (2001); *Всё поначалу шло прекрасно, Галина Леонидовна дала слово никого не провоцировать и, к удивлению Андрея Николаевича, с поразительным тактом под-*

держивала за столом общий разговор, показывая редкостную осведомлённость в науке и политике. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», № 8, 1998), как некую изучаемую область социальной жизни (*Но его отличали фундаментальные знания в области экономики и политики, а большой педагогический стаж и работа в своё время на посту ректора Монгольского государственного университета, несомненно, выработали у него понимание роли молодёжи в современном обществе, умение улавливать новые веяния времени*. Жамбын Батмунх: *насилие не применять* // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.12.30), особую отрасль знания (*Об этом можно судить, в частности, по тому факту, что с критикой радикальных взглядов Д. Коидзуми на страницах японской печати выступили такие видные либерал-демократы, как бывшие генеральные секретари партии Х. Нонака и М. Кога, бывший и нынешний председатели партийного Совета по изучению политики С. Камэи и Т. Асо*. Неспешные шаги административной реформы в Японии // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.12.30; *На основании полученных сведений составлялись еженедельные сверхсекретные отчеты с традиционным для разведслужб делением на подразделы: политика, экономика, военное дело и техника*. Голубицкий. Гуманоид Бек-Тал // «Бизнес-журнал», 2004.01.30). Возможен иной сценарий получения знаний – дрессировка (*Но факт остается фактом: старый большевик Хрущев не просто натаскался в политике, обтерся в сталинских коридорах, научился понимать природу власти и выверять финальное решение*. Архангельский. Послание к Тимофею).

2) Политика – концепция / теория / гипотеза (*А пока его нет, очень сложно будет, даже если мы выработаем концепцию национальной политики, её проводить*. Вилькен. Рецепт чиновника // «Коммерсантъ-Власть», № 5, 1998). Эта часть понятийной компоненты структуры концепта соотносится с научным знанием. Соответствующая сфера опыта связывается с выработкой определенного плана действий, направленного на улучшение жизни государства (*Все они разработали политику привлечения иностранных инвестиций*. Чейз: «Главный» от бизнеса будет говорить с «главным» от государства // «Известия», 2002.04.21). Признак 'знание-концепция' реализуется посредством креативных предикатов со значением активной трудовой деятельности: *разработать, выработать, создать, (со)творить* (*На Западе в больших B2B-проектах создаётся совместная клиентская база, чтобы уменьшать конкуренцию и выработывать ценовую политику*. Аузан. Хотят ли русские B2B // «Эксперт-Интернет», 2001.03.12; – Да-да, – насмешливо сказал Мадьяров, – те могли создать не только

культуру, но и свою татарскую внешнюю и внутреннюю **политику**. Гроссман. Жизнь и судьба; *И дежурный, постоянный дежурный, небритый, в старой телогрейке, с наганом через плечо – всё выглядело захоластным по сравнению с блестящим Хаттынахом, где товарищ Смертин творил высокую политику*. Шаламов. Колымские рассказы).

3) Политика – школьное знание (в широком смысле этого понятия). Эта часть представлений о политике как особом знании самая разнородная. Она включает в себя:

а) знания, связанные с расчетами – математические знания или логика (*Как сочетать политику кнута и пряника с любовью – этого Але, видно, никогда было не понять*. Берсенева. Полет над разлукой; *Хотя политика РФ, безусловно, должна быть рассчитана на то, чтобы исключить вероятность подобного конфликта*. Меньшиков. Проблемы противоракетной обороны России // «Воздушно-космическая оборона», 2004.08.15). В расчетах возможны ошибки (*Именно он несет бремя обязанностей; на него должна возлагаться ответственность за ошибки и просчеты в государственной политике*. Грудцына. К вопросу об отмене всенародных выборов губернаторов // «Адвокат», 2004). Однако такие знания, скорее, относятся более к прагматической стороне жизни (*Потому, что многие и не подозревают о существовании такой важной проблемы, как проблема языковой политики*. Якубинский, Иванов. О теоретической учебе писателя), оцениваемой с позиций выгоды (*Для этого у нас и институты работают, что должны рассчитывать политику так, чтобы она была выгодна для нас*. Беседа в Воронеже. 2001),

б) знания, связанные с решением задач (*Задача обеспечения сбалансированности бюджета остаётся стратегической задачей финансовой политики на ближайшие 15-20 лет*. Российская экономика через четверть века // «Время МН», 2003.07.30; *Такого рода предприятия формировались и до послевоенных демократических реформ, но их учреждение приняло широкие масштабы позже, имея целью решение конкретных задач правительственной политики в финансовой, промышленной, научно-технической, социальной и других сферах*. Неспешные шаги административной реформы в Японии // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.12.30), поиском ответов на разные вопросы (*Мэр был даже готов работать в режиме директора завода, то есть проводить раз в две недели оперативки, решать вопросы менеджмента, модельной политики, осуществить текущее перевооружение*. Бударцева. Красная площадь не продается // «Вечерняя Москва», 2002.03.14; **В вопросах текущей политики разбирается**. Партийная рекомендация. 1947). У таких задач поставлены условия (*Адресность помощи – главное условие социальной политики ком-*

бината. Бруев. Есть миллиард на МГОКе! // «Горная промышленность», 2004.06.30),

в) усвоенные знания, обусловленные изучением правил (*Реально политику в образовании диктует Минфин*. Бунимович. Фурсенко закончил школы // «Новая газета», 2005; *До того жёг и пёк этот Троцкий, что в борьбе с ним на первых порах Сталин сорвался, изменил главному правилу всякой политики: вообще не показывать, что ты ему враг, вообще не обнаруживать раздражения*. Солженицын. В круге первом),

г) знания, полученные наглядным способом (*Ставший наглядным примером новой политики власти по отношению к олигархам Владимир Гусинский в Кремль приглашён не был*. Вардуть. Схватка бульдогов под столом // «Коммерсантъ-Власть», № 31, 2000);

4) Военные учения (*Это всё маневры, это всё большие маневры большой политики*. Домбровский. Хранитель древностей. Приложение).

5) Зашифрованные знания. Такие знания мало известны широкому кругу, доступ к ним разрешен только избранным (**В политике информация кодируется совсем иначе, чем в науке или в экономике**. Филиппов. Участь эксперта // «Отечественные записки», 2003).

6) Рациональная оценка политики обусловлена знаниями в этой области, что позволяет каждому так или иначе ее характеризовать. Политика оценивается с позиций правильности (*Только правильная политика, умная политика, такая, которая нам нужна, поэтому, – Гарднер встал и очень дружелюбно, совсем как равному, протянул Ланэ руку, – и поэтому до свидания, господин Ланэ!* Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом), грамотности ее применения (*И только благодаря грамотной, стратегически выстроенной политике развития предприятий лесопильной отрасли в последние годы вновь наблюдается рост экспорта пиломатериалов*. Федоров. Пошлины тормозят развитие отрасли // «Лесные новости», 2004.08.13), продуманности (*Вызывает большие сомнения тезис автора (в силу его недокументированности) о возможных планах Петра I по завоеванию Индии, однако в целом его внешняя политика представляется скорее сумбурной, чем продуманной и последовательной*. Анцыферов. Иной путь, Или к чему могли привести петровские реформы // «Вокруг света», 2004.07.15), непонятности, загадочности (*В Рыбинске в полном соответствии с вечно загадочной российской кадровой политикой в кресле директора музея почему-то оказался человек со стороны, чистый технократ, фанат компьютерного дела*. Второе пришествие Рюрика // «Культура», 2002.04.01), безграмотности (*Я же говорю, все, что исходит со стороны Европы, – это лишь вынужденная ответная реакция на чрезвычайно тупую политику, кото-*

рую можно так оценить, исходя из российских же национальных интересов. Власова. Пора извлекать уроки // «Эксперт», 2004.12.06), непродуманности (Так неужели мы **непродуманной** земельной политикой ухудшим своё положение? Плотников. Надо уметь держать удар // «Аграрный журнал», 2002.02.15), ошибочности (Я не могу **оценивать** работу российских компаний, но если это так, то такая **политика**, конечно, **ошибочна**. Чейз: «Главный» от бизнеса будет говорить с «главным» от государства // «Известия», 2002.04.21), неправомерности (Не кажется ли вам, что откровенная поддержка западными государствами одной из сторон – **неправильная политика**? Власова. Пора извлекать уроки // «Эксперт», 2004.12.06).

Ценностная компонента структуры концепта *политика* может быть метафорически выражена через признаки 'оцененного товара' (Конечно, нельзя **сбрасывать со счетов взвешенную политику** Центрального банка в сфере валютного регулирования и формирования денежного предложения, а также действия Минфина в части ограничения внутреннего долга и контроля за исполнением бюджета. Российская экономика через четверть века // «Время МН», 2003.07.30), 'проданного товара' (*продажная политика*).

Как видно из приведенной классификации, понятийная часть структуры концепта *политика* не так проста и незатейлива, как это может показаться на первый взгляд. Она включает в себя как собственно понятийные признаки, не фиксируемые словарями в виде соответствующих сем ('знание': 'опыт / искушенность'; 'наука': 'концепция / теория / гипотеза'), но и образные признаки, связанные с этой сферой-источником ('школьное знание': 'знания, связанные с расчетами – математические знания или логика', 'знания, связанные с решением задач', 'усвоенные знания, обусловленные изучением правил', 'знания, полученные наглядным способом'; 'военные учения'; 'зашифрованные знания'; 'оцененный товар', 'проданный товар'), а также психологическую оценочную компоненту ('рациональная оценка'). Налицо период оформления нежесткой структуры концепта, период адаптации его в русской концептуальной системе. В связи с тем, что исследуемый концепт не относится к разряду древних, в его структуре пока не возникли символические признаки, оценочная часть структуры концепта слабо развита.

Когнитивный подход к исследованию семантики слова заключается в изучении самого значения слова, в который входят не только признаки, необходимые и достаточные для идентификации обозначаемого, но и ненаучные (обыденные) знания об обозначаемом. Такой комплексный подход к изучению лексического значения и его понятийного основания позволяет реконструировать концепт через его языковое выражение.

Исследование развития концептуальных структур в диахронии и в сопоставлении – ближайшая перспектива особого направления когнитивной лингвистики. Сложность таких исследований заключается в том, что многие концептуальные признаки в древних текстах отсутствуют, что связано со спецификой их функционирования. Воссоздать структуры концептов возможно, обратившись к фонду устного народного творчества. При этом особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий.

Языковая ментальность представляет всё разнообразие духовной – интеллектуальной и эмоциональной – жизни человека в языковых категориях. Языковое мышление связано с концептуальным делением мира, многоаспектность такого деления соотносится со способами его осмысления, учитывающими различные планы существования мира, уровни его представления, разного рода измерения, отношения между фрагментами мира или человеком и участком мира. Огромная роль в осмыслении мира принадлежит культуре народа, в которой нашли свое отражение историческое развитие нации, нравы, традиции, обычаи, мифология и религия народа. Таким образом, ментальность как интеллектуальная деятельность обнаруживает связь с процессом познания, спецификой осмысления мира и его фрагментов, с одной стороны, с другой – с языком как выражением духовной культуры народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. 341 с.
- Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 – Екатеринбург, 2006. 21 с.
- Гришина О.А. Актуализация концепта *Америка* в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Кемерово, 2004. 156 с.
- Денисов П.Н., Зеленова Н.К., Кочнева Е.М., Кузнецова З.С., Морковкин В.В., Морозкина Т.Н., Ольшанский И.Г., Скопина М.А., Успенская И.Д., Фокина Г.В., Шиманская И.Н. Словарь сочетаемости слов русского языка. 3-е изд., испр. – М.: Астрель, 2002. 816 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
- Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2005. 16 с.
- Куданкина О.А. Актуализация концепта *Германия* в российской публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Архангельск, 2005. 22 с.
- Мешкова Т.С. Способы актуализации концепта *князь* (на материале Новгородской I летописи): ав-

тореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Архангельск, 2005. 20 с.

Орлова О.Г. Актуализация концепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «NEWSWEEK»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2005. 19 с.

Пименова М.В. Политика в зеркале метафоры (кулинарные концептуальные метафоры в описании политики) // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2003. С. 131-132.

Пименова М.В. Концепт *политика* и способы его репрезентации // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005а. Вып.15. С. 32-39.

Пименова М.В. Коды культуры и принципы концептуализации мира // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы Всероссийской научной конференции [14-16 апреля 2005 г.]. – Екатеринбург: УрГУ, 2005б. С. 27-35.

Пименова М.В. Типы концептов // Ментальность и язык: коллективная монография [отв. ред. М.В. Пименова]. – Кемерово: КемГУ, 2006. 265 с. – С. 46-47 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 5).

Пименова М.В. Политические метафоры: особенности публицистического дискурса 2005 и 2009 гг. // Современная политическая коммуникация: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. С. 160-165.

Светонослова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург. 2006. 22 с.

Словарь русского языка: В 4 т. [АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой]. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984.

Тагильцева Ю.Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург. 2006. 252 с.

Трубецкой С.Н. Новая теория образования религиозных понятий // Трубецкой С.Н. Собр. соч. – М., 1908. Т. 2.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык. Т. II, 1993. С. 52.

Чудинов А.П. Основные направления в политической лингвистике // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2003. С. 170-171.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): учебное пособие – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.

Чудинов А.П. Национальная ментальность и соответствующие ей метафорические модели // Ethnohermeneutik und Anthropologie [Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova] – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. S. 19-30 (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Band 10).

Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорические репрезентации (на материале французских и российских газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2005. 22 с.

Jonson M. The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago: University Chicago Press, 1987.

© Пименова М.В., 2010

Синельникова Л.Н.
Луганск, Украина

О СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА
«ТОЛЕРАНТНОСТЬ»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Когнитивные признаки политической толерантности: готовность к принятию иных взглядов и унакомыслия, цивилизованный компромисс, стремление согласовывать позиции на основе справедливости, закона и прав человека, отказ от единых стандартов, стремление к поиску нескольких вариантов решений, умение решать противоречия открыто, конструктивно и позитивно, соблюдение чувства меры, уравновешенность, учет ограничений этического характера; ориентация на позитивный сценарий, противодействие ксенофобии, разделения на выигравших и проигравших, победителей и побеждённых.

Ключевые слова: Политическая толерантность, политическая интолерантность, политическая корректность, политический дискурс, когнитивные признаки концепта.

Сведения об авторе: Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета (Украина).

Место работы: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Контактная информация: 91011, Украина, г. Луганск, ул. Матросова, д. 2-а, кв. 10.

E-mail: larnics@luguniv.edu.ua.

Sinel'nikova L.N.
Luhansk, Ukraine

CONTENT OF THE CONCEPT
"TOLERANCE"
IN POLITICAL DISCOURSE

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article describes the main features of the political tolerance, namely readiness to accept different view and nonconformism, civilized compromise, willingness to agree positions on the basis of justice, law and human right; refusal from unified standards; attempts to find several solutions; ability to get rid of contradictions openly, efficiently and positively; moderation, composure, taking into account ethnic based restriction; positive thinking; opposing to xenophobia; division in winners and losers; conquerors and conquered.

Key words: Political tolerance, political intolerance, political correctness, political discourse, cognitive features of a concept.

About the author: Sinel'nikova Lara Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian Linguistic Studies and Communicative Technologies of Luhansk National University (Ukraine).

Place of employment: Luhansk Taras Shevchenko National University.

Философы, социологи, политологи, конфликтологи, лингвокультурологи признают, что толерантность – сложная и противоречивая категория, по-разному осознаваемая и толкуемая в разных культурах, в разные исторические периоды и разными слоями общества. Толерантность – одно из ключевых понятий, на которое стремится опереться общество, осваивающее демократические принципы во взаимодействии с властью, с носителями иных взглядов, традиций и культурных ценностей. Между тем, есть серьёзные проблемы как в освоении самого понятия толерантности, так и в организации коммуникативного пространства в соответствии с установкой на толерантное отношение к другому. В политических коммуникациях категория толерантности обнаруживает парадоксальные свойства. Слово толерантность живёт по оруэлловской схеме, только наоборот: номинация декларируется, но общественное сознание её не атрибутировало, и поступки – как речевые, так и неречевые – далеко не всегда соответствуют принципам толерантности. Асинхронность такого рода, поддерживая двойные стандарты в социально-политических отношениях, создаёт неадекватную картину политической жизни.

Значительное количество понятий, выражающих демократические ценности, остаются

не освоенными как политиками, так и гражданами. К числу таких понятий относится и толерантность. Социологи утверждают, что немногим больше 35% граждан знают, что такое толерантность. Но и среди знающих фиксируется разброс мнений, даются неверные и некорректные определения, например, такие: чёткое следование своим убеждениям; принципиальная позиция по основным жизненным ценностям; борьба за свои чувства; неприятие подлости со стороны окружающих людей; способность жертвовать своими интересами ради интересов общества; негативное отношение к правилам поведения иных социальных групп; возможность делать то, что считаете нужным для себя [Филатов 2004: 132-133]. Всё это свидетельствует о несформированности толерантного сознания. Между тем, без восприятия толерантности как этической нормы невозможно установление цивилизованных отношений в поликультурном обществе, а тем более интеграция в глобализирующийся по ряду этических стандартов мир.

16 ноября – Международный день толерантности. В Декларации о толерантности говорится: «Мир должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества, на приоритете достоинства и ценности человеческой личности». Дискурс толе-

рантности, таким образом, предполагает принятый мировым сообществом стандарт, утверждающий право всех людей быть разными, но равными.

Формирование толерантного сознания как принципа существования в поликультурном обществе должно входить в стратегию социализации через воспитание самоуважения и уважения к другому [Погодина: www]. «Навязывание» толерантности вряд ли может привести к успеху. Существование человека многовекторно, и трудно не согласиться с тем, что каждый вправе строить свои отношения с другими людьми и с обществом в целом.

Политическая толерантность в политических словарях и энциклопедиях декларируется как непереносимое условие взаимодействия всех участников общественной жизни, если они осознают необходимость упорядоченных цивилизованных отношений. Упорядоченные цивилизованные отношения требуют соблюдения общечеловеческих законов бытия, нацеленности на позитив, с тем чтобы, продвигая свои интересы, не причинять вред другим. В то же время очевидно, что характерное для постсоветского времени обострение борьбы за власть, появление новой политической элиты существенно изменило политический язык в целом и представление об отдельных понятиях, на которые ему рекомендуется опираться. «В политику включились люди, не владеющие её научным аппаратом, не имеющие элементарной теоретической подготовки, не владеющие наукой и искусством толерантности» [Сауляк 2000: 140].

В когнитивной лингвистике концепт определяется как единица сознания и мышления, представляющая собой квант структурированного знания и проявляющаяся в совокупности языковых средств. Информационное содержание концепта образуется когнитивными признаками, характеризующими сущность концепта и его дифференциальные составные [Антология концептов 2007: 7-16]. Концептуальный анализ ассимилирован политической лингвистикой, но политика, по мнению Бисмарка, не является точной наукой. Информационное содержание концепта толерантность, неустойчивость и вариативность его когнитивных признаков подтверждает такую квалификацию.

По мере дефинитивного освоения понятия идёт усиление когнитивного фактора в общественном сознании. Выход за пределы имманентной лексикографии, подключение к толкованию фактов, влияющих на ментальность, на общественное сознание, вбирающее новые представления ценностного характера, – черта современной «расширенной» лингвистики, опирающейся на когнитологию, социологию, культурологию, политологию. Такого рода совмещённость, взаимопроекция определяют принципы маркировки границ концепта толерантность.

Словарная дефиниция толерантности основывается на признаке *терпимости*, который ассоциируется с религиозным сознанием (терпимость проповедуется, требует милосердного и всепрощающего отношения к другому) и имеет созерцательную и увещивающую направленность. Этот признак менее всего коррелирует с политикой, с характерной для неё во все времена *выгодной* терпимостью и добродетельностью (К. Гельвеций), мистификацией (Э. Золя), искажением истории (В. Ключевский) и т.д. Для политиков терпимость – и излишняя, и недостижимая добродетель, чаще всего оцениваемая как слабость. Уже это обстоятельство даёт основание для осторожного отношения к идентификации толерантности через когнитивный признак «терпимость». Более того, культивирование одного концептуального признака, имеющего в политике различные концептуальные слои, – признак политической демагогии, которая по определению не может способствовать сближению фактов политической жизни с этическими оценками. Самый убедительный аргумент к такого рода сближению был дан ещё Ж.-Ж. Руссо: «Всё, что является нравственным злом, является злом и в политике». Однако этим аргументом политики пользуются с большой неохотой и избирательно.

В современном политическом контексте интерпретационное поле концепта толерантность не выглядит объёмным: его эксплицитная оценочная зона имеет знак коммуникативного позитива. Но коммуникативный позитив в политике скорее виртуальная установка, и вряд ли толерантность является составляющей формулы власти. Политика – это борьба за чужие ресурсы и сферы влияния. Для политических действий характерна дистанция между скрываемым от общественности и явленным ей, между словом и делом, и политики в реальных действиях по большей части «перешагивают» через декларируемые этические установки. Если демократические процессы будут связываться с возрастанием роли гражданского общества и формированием цивилизованной оппозиции (пока ещё никто не знает формата такой оппозиции), эта дистанция естественным образом будет сокращаться, и шансы толерантной политики могут увеличиться.

Толерантность декларирует ценность человеческой личности, и нравственная оценка должна занимать ведущее место в иерархии когнитивных признаков. Толерантность исключает попытки применения насилия: никто не имеет права поработать другого, вторгаться в его ценностный мир. Стремление властвующей элиты подчинять своим установкам мышление и сознание граждан по критериям толерантности выглядит деструктивно и патологично (например, призыв президента Ющенко думать по-украински).

Лингвополитологический подход позволяет применить особый инструментарий для выяв-

ления круга аттрактивных слов-понятий, анализ которых способствует выявлению информационного содержания концепта толерантность. Через этическую составляющую с толерантностью аттрагируют понятия *лояльности, корректности, эмпатии, политкорректности*. Лояльность – благожелательное отношение, держащееся в рамках законности и морали; корректность – вежливость, тактичность; эмпатия – способность отзываться на переживания людей. Названные лексические аттрактанты могут пополнить перечень когнитивных признаков концепта толерантность: благожелательность, вежливость, внимание к другому, соблюдение правовых и моральных норм. Корректность (лат. – исправленный, улучшенный) может быть лишь внешним признаком поведения, иногда очевидно вступающим в противоречие с внутренним чувством, на котором основывается большая часть когнитивных признаков толерантности. И тогда появляется такой журналистский комментарий: «Все расхотелись в состоянии корректной ненависти и даже пожали друг другу руки» (пример из «Московского комсомольца»). Такая корректность к толерантности вряд ли может иметь отношение.

Термин *политкорректность* начал использоваться в конце 80-х годов прошлого века и имел гуманитарную цель – способствовать социально комфортному существованию людей разных национальностей, верований, социального статуса, убеждений в мультикультурном обществе. Этическая составляющая понятия политкорректности достаточно аморфна. Если это искусственное *согласие противоречий*, то политкорректность ассоциируется с дипломатической вежливостью; если политкорректность призвана сохранить мораль, – то можно говорить о её функциональной общности с толерантностью. В дискуссиях о политкорректности высказываются две противоположные точки зрения: политкорректность пришла на смену морали, а мораль может иметь только религиозную основу, то есть вытекать из религиозного сознания, которое возникло вместе с сознанием вообще; политкорректность искусственна, она может провоцировать экстремизм (например, в гендерных или конфессиональных отношениях). О том, как калечат язык в Америке в угоду вульгарно и поверхностно понимаемой политкорректности, пишет Т.Толстая в эссе «Политическая корректность». Отрицание значимости политкорректности основывается на боязни лицемерия, равнодушия по отношению к добру и злу, то есть всего того, что размывает границы терпимости.

Соединение толерантности и политкорректности возможно при условии принятия такой модели отношений: не желай, не говори другому того, чего ты не желаешь себе; не поступай с другим так, как ты не хочешь, чтобы поступили с тобой. Толерантность, таким образом, может иметь отношение к политикам,

стремящимся к позитивному взаимодействию, то есть к тому, чтобы реализация собственных прав и свобод не причиняла вред другим. Однако позитивное взаимодействие политики культивируют с теми сегментами общества, за счёт которых можно расширить круг сторонников. Толерантность в этом случае оказывается способом поиска союзников через выявление и осуждение тех, кто не может или не хочет быть таковым.

В то же время политическая толерантность как терпимость к иным взглядам может свидетельствовать об уверенности в себе и в своих позициях. И тогда толерантность соотносима с активной социальной позицией, проявляемой в диалоге и сотрудничестве как фундаменте конструктивной толерантности, исключающей пассивную терпимость.

К показателям толерантности психологи относят *эмпатию* – адекватное представление о том, что происходит во внутреннем мире другого человека. Но в политике чувства значимы менее всего. Из всех чувств наиболее актуальным является чувство тщеславия. Тщеславный, по определению В.И. Даля, «кто жадно ищет славы мирской или суетной, стремится к почёту, к похвалам, требует признания мнимых достоинств своих, делает добро не ради добра, а ради похвалы, почёта и внешних знаков почестей». Другие скрывающиеся политиками чувства – зависть и честолюбие. Тщеславие, зависть и честолюбие не могут не сопротивляться эмпатии.

И ещё об одном чувстве – чувстве эйфории. *Эйфория*, по данным словаря: состояние неестественного приподнятого настроения, довольства, не соответствующее объективным условиям, излишняя говорливость, опасная беззаботность. Политическая эйфория провоцирует экстремизм, нагнетание страстей – всё это не способствует толерантным отношениям в обществе. Власть должна быть тихой, считали наши предки, и тогда она способна делать полезные для людей дела. Эйфория – как индивидуальная, так и общественная – проходит (затянувшаяся эйфория опасна по психологическим параметрам), и в постэйфорический период приходит понимание того, что истина не справа, не слева и даже не посередине, а в глубине сознания. Толерантность как фактор демократического сознания имеет именно такую пространственную очерченность.

Чувство меры, уравновешенность – эмоциональный фон толерантности. В обществе с громкой властью может развиваться чувство *эйфобии* – страха перед хорошими новостями, которые могут быть предвестниками плохих. Чрезмерная информационная интенсивность (а иногда и «информационное киллерство») ведёт к напряжению в обществе и даже к психическому нездоровью, о чём в последнее время всё чаще говорят психиатры. Эйфория толпы повышает степень неприятия другого, рождает

спонтанное, мгновенное возмущение, и человек перестаёт согласовывать своё поведение с нормами толерантных отношений.

Лгущий также вне толерантности, и тогда всё, что связано с политикой, противится меркам толерантности. Особенно в предвыборный и выборный периоды, когда размывание границ между правдой и неправдой, фактами и слухами входит в стратегию и тактику политтехнологов. Ложная детерминация событий, постоянные подмены понятий, инверсивные оценки суждений политических оппонентов и под. проявляются массированно и подрывают доверие к власти. При доминировании подхода: мнение неправильное, если оно не моё, исчезает такой признак толерантности, как право альтернативной позиции. Декларация приоритета нравственных ценностей в «философии власти» не спешит перейти в «формулу власти».

Концептуальный анализ слова с таким объёмом значения и форматом употребления, как толерантность не может осуществиться без обращения к контексту сегодняшней жизни. Постсоветское общество оказалось перед необходимостью освоения нового политического языка. Так, после «оранжевой» революции 2004 года в политический контекст Украины вошло слово *люстрация*. Лингвистическая справка по поводу новоявленной политической терминологии оказывается востребованной обществом, втянутым в политику и пытающимся разобраться в ценностных ориентирах политиков. Словари дают такую информацию о семантике слова люстрация (люстрации), буквально – очищение жертвоприношением: 1. Очищение посредством жертвоприношений; религиозные обряды, связанные с представлением об очистительной силе магических действий. 2. Периодические описи государственных имуществ для учёта доходов. 3. Обработка волосяного покрова овчины органической кислотой для смягчения и повышения пластичности волоса. 4. Законодательные меры и практика недопущения в аппарат управления лиц, неугодных правящим кругам по политическим, религиозным и т.п. мотивам. Последнее значение не включено в толковые словари, но имеется в «Кратком словаре современных понятий и терминов» (М.: Республика, 1993) и сопровождается существенным этическим комментарием: «Люстрации расцениваются значительной частью общественности как антидемократические меры, ущемляющие права человека». Если признать, что толерантность в политическом контексте включает установку на социальное партнёрство, то люстрации следует маркировать как функциональный антоним толерантности. Люстрация как политическое действие основывается на стратегии «проигравший выбывает», но спортивно-состязательная тема не может приниматься без ограничений хотя бы потому, что «выигрыш» и «проигрыш» в современной политике не столько результат так желаемых всеми демократиче-

ских выборов, сколько результат пресловутого пиара.

Толерантность и интолерантность играют существенную речеорганизующую роль. Дискурсивная функция этих категорий проявляется в процессе коммуникации. И хотя этические установки в дискурсе трудно верифицируются, преднамеренно или непреднамеренно передаваемая информация может быть выявлена. В коммуникативном действии сходится социальное и психологическое, происходит перенос приоритета от языковых конвенций к политическим оценкам. Понимание обеспечивается общением – обменом информацией в условиях чередования коммуникативных ролей, то есть в диалоге. Диалоговое взаимодействие – основной фактор толерантной коммуникации. В диалоге человек проявляет себя, свою индивидуальность, стремится понять другого, заявляет установку на сотрудничество или конфронтацию и т.д. Движение диалога в политическом дискурсе – это смена аргументов. Тип аргумента может быть своеобразной единицей измерения толерантности, например, в таком показательном диалоговом жанре, как политические дебаты. Дебаты имеют особый жанрово-коммуникативный код: с одной стороны, они нацелены на противостояние, с другой – на поиск компромисса. Если взаимодействие коммуникантов строится на вербальном материале, вызывающем отрицательные эмоции и соответствующую реакцию, дебаты превращаются в конфликтный дискурс [Белоус 2004: 137]. И только соблюдение принципов коммуникативной толерантности может помешать такому превращению, перевести состязание с позиции «кто скажет хуже друг о друге» на позицию «кто убедительно докажет своё мнение, не пренебрегая мнением другого».

Толерантной должна быть обратная связь публично общающихся людей. Зоной риска в дебатах является блок «вопрос-ответ». Интолерантность в этом коммуникативном сегменте может проявить себя в передёргивании смыслов, в неадекватной личной интерпретации, в потере самоконтроля, в отходе от конкретности в сторону бездоказательной оценки, в акценте на внутриличностном конфликте, вызывающем нездоровый интерес, но отнюдь не способствующем социальному прогрессу. Интолерантность в дебатах – это насилие над слушателями, принуждение принять именно эту точку зрения. Игнорируется полемичность как множественность аргументированных позиций, решений, предложений (впрочем, соблюдается этимологически означенная семантика слова полемика: фр., восходящее к греч. – воинственный, враждебный). Как тут не согласиться с этической дифференциацией понятий «умный человек» и «мудрый человек». «Чем умный отличается от мудрого? Умный знает, как выйти из трудного положения, а мудрый в него не попадает» [Козлов, Козлова 2004: 5].

Коммуникативный аспект толерантности соотносим с риторическими установками: равно важно, *что* сказано и *как* сказано. «Кто может говорить предметно, энергично и убедительно, у того есть ключ к плодотворному человеческому общению, а также к профессиональному успеху» [Леммерман 2002: 40]. В риторической традиции сложилось представление о нравственном, правдивом, добродетельном ораторе. В этом ряду этических требований, который по отношению к политической среде может быть воспринят как виртуально-идеальный, должна находиться и толерантность. Именно в диалоге «находит своё проявление острая современная проблема толерантности. Здесь она выглядит как соблюдение норм реагирования на высказывание другого, допущение того, что этот другой имеет принципиально отличную точку зрения. Естественно, её необязательно принимать, но надо признать её право на существование, допускать её «непохожесть», возможно, прислушаться к ней. Диапазон оценок в негативной обратной связи поэтому должен быть под строгим нравственным контролем» [Андреева 2004: 91]. При таком подходе можно считать политическую толерантность привилегией умных политиков, не сомневающих в своих способностях в разнообразии мнений и позиций обозначить собственные взгляды и продвигаться к истине через диалог. К сожалению, большинство современных политических дискурсов продолжают оставаться интолерантными. Обнаруживается это в бесконечном нарушении постулатов толерантной коммуникации и проявлении признаков примитивного общения.

Приведём желаемый перечень когнитивных признаков политической толерантности: готовность к принятию иных взглядов; цивилизованный компромисс; готовность власти допускать инакомыслие в обществе; стремление согласовывать позиции на основе справедливости, за-

кона и права человека на собственный выбор; не навязывать единый стандарт, стремиться к поиску нескольких вариантов решений; умение решать противоречия открыто, конструктивно и позитивно; соблюдать чувство меры, быть уравновешенным; находясь в состоянии конкуренции, не забывать об ограничениях этического характера; действовать по позитивному сценарию; не культивировать образ врага; избегать и противодействовать любым проявлениям ксенофобии; не делить общество на выигравших и проигравших, на победителей и побеждённых. Однако современные политические коммуникации вряд ли выдержат верификацию реального применения таких показателей концепта толерантность.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2004. 365 с.

Антология концептов [Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина]. – М.: Гнозис, 2007. 512 с.

Белоус Н.А. Лингвистическое поле конфликта // Homo Mendax. Игра с личностью или игра со смыслами. – М.; Тверь, 2004.

Козлов В.В., Козлова А.А. Управление конфликтом. – М.: Изд-во «Эксмо», 2004. 224 с.

Леммерман Х. Уроки риторики и дебатов. – М.: Изд-во Уникум Пресс, 2002. 336 с.

Погодина А.А. Толерантность: термин, позиция, смысл, программа. URL: <http://tolerantia.narod.ru/teonia.htm> (дата обращения: 07.11.2009).

Сауляк В.Е. Первая в современной России фундаментальная «Политическая энциклопедия» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2000. № 2. С. 139-141.

Филатов А.С. Полиэтническая среда: гражданское общество, религия и толерантность в Крыму // Полиэтническая среда: культура, политика, образование: Материалы Межд. семинара: Социальные науки. – Луганск; Цюрих; Женева, 2004. 442 с.

© Синельникова Л.Н., 2010

Стернин И.А.
Россия, Воронеж

ГОСУДАРСТВО И ЯЗЫК

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация В статье рассматривается проблема вмешательства государства в языковое развитие. Показаны пределы возможного вмешательства государства в язык.

Ключевые слова: язык, государство, развитие языка, языковая политика.

Сведения об авторе: Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Контактная информация: 394007, г. Воронеж, ул. Димитрова, д. 4, кв. 154.

E-mail: sterninia@mail.ru.

Sternin I.A.
Russia, Voronezh

THE STATE AND LANGUAGE

ГЧНТИ 16.21.27, 16.21.61
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The problem of intervention of the state in language development is considered. Limits of possible intervention of the state in language are shown.

Key words: language, the state, development of language, the language policy.

About the author: Sternin Joseph Abramovich, Doctor of Philology, Professor

Place of employment: Voronezh State University.

Проблема возможности и степени вмешательства государства в язык остается актуальной, о чем свидетельствуют и недавние события в нашей стране. Если смотреть ТВ и читать живые дискуссии в газетах и Интернет, то можно сделать вывод: в России произошло важнейшее событие – с 1 сентября 2009 г. изменились нормы русского языка. Теперь они представлены в четырех словарях, которые утвердило Министерство образования и науки (приказ А. Фурсенко «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» от 8 июня 2009 г.).

Идея, конечно, абстрактно говоря, хорошая: проверить словари, справочники и издательства на качество и рекомендовать те издания, которые лучше других отражают современные нормы русского языка, не содержат ошибок. Действительно, нужно повысить качество издаваемых словарей и справочников по русскому языку, постановку этой задачи можно только приветствовать, и филологическая общественность давно об этом говорит. Но как эта идея была реализована? Совершенно неудовлетворительно. И последствия упомянутого приказа нам, филологам, еще не раз «аукнутся» в самых разных сферах жизни нашего общества.

У этого вопроса есть три стороны: учебная, филологическая и правовая.

Учебная сторона. Растиражированные журналистами отдельные примеры из утвержденных приказом словарей – дОговор, моё кофе, карат'Е и др. вызвали смятение в образовательной среде.

Учителя в смятении – каким вариантам произношения и написания учить детей, какие словари рекомендовать, что делать с остальными словарями, закупленными школами? На эти вопросы приказ, утвердивший список из 4 словарей, не отвечает.

Еще большее недоумение вызывает второй пункт: «Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на заместителя Министра Калину И.И.». Как будет осуществляться контроль за утвержденным списком словарей? Что, зам. министра будет штрафовать тех, кто не пользуется этими словарями? Будет изгонять из педагогических учебных заведений тех, кто будет говорить *ЧЕРНЫЙ кофе*? Будет требовать письменные отчеты о внедрении этих словарей в учебный процесс и акты списания остальных словарей и справочников? Следить, чтобы все остальные словари изъяли из библиотек учебных заведений?

Самое опасное в этой ситуации то, что в нашей стране такое вполне возможно. Если не сам зам. министра, так органы управления образованием в регионах, в районах этим обязательно займутся. При традиционном чиновничестве и послушности вертикали власти, совмещающимися сплошь и рядом с махровым непрофессионализмом наших управлений образованием всех уровней, «во исполнение» приказа министра разными уровнями педагогической власти могут издаваться местные циркуляры именно подобного содержания, что нанесет непоправимый вред и так низкой речевой культуре наших детей.

Явный вред приказ причинил и многолетней работе филологической общественности по пропаганде норм культуры русской речи среди населения.

В общественном сознании внезапно и резко заметно изменилось отношение к речевой культуре. Прежде всего, люди малокультурные в речевом отношении, всегда отстаивавшие точку зрения, что неважно, как говорить, главное – чтобы тебя поняли, торжествуя возвышают сейчас свой голос: от многих своих знакомых, которым я и мои коллеги по воронежской телефонной «Службе русского языка», радиопрограмме «Территория слова» много лет терпеливо внушали необходимость соблюдать нормы русского литературного языка, теперь со

злорадством мне звонят или радостно сообщают при встрече: «Слышали? Теперь вышел закон, что можно говорить и договор, и мое кофе, все, чему вы нас заставляли учиться, ОТМЕНЕНО! Значит, мы были правы! Кому вы нужны теперь, филологи, все надуманные вами правила отменены министерством!» Вот как поняли приказ (в обыденном сознании его восприняли как закон об изменении норм русского языка) те слои населения, которые как раз более всего нуждаются в работе над своей речью.

Министерству образования и науки низкий поклон от филологов – оно в одночасье успешно перечеркнуло в общественном мнении весь смысл нашей многолетней работы!

Филологическая сторона. С профессиональной, научной точки зрения приказ содержит целый ряд серьезных ошибок.

Во-первых, само название приказа неграмотно просто с точки зрения норм русского литературного языка, утверждению которых он посвящен. Название вызывает недоумение и порождает кривотолки. Это название звучит так: «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

Но все дело в том, что так по-русски сказать нельзя. Нормы не *содержатся* в словарях и грамматиках, они там фиксируются, отражаются, перечисляются и под. Содержатся нормы в головах у людей. Можно было бы чиновникам Министерства образования в приказе о нормах языка соблюсти эти самые нормы...

Во-вторых, научно безграмотно сформулирована задача Правительством и еще более научно безграмотно она реализована Министерством.

В Постановлении правительства РФ от 2006 г. определяется понятие норм языка, подлежащих утверждению: «Под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации понимается совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации» (Председатель Правительства Российской Федерации М. Фрадков. Москва, 23 ноября 2006 г. № 714).

Нетрудно заметить, во-первых, тавтологию в определении, а также научную неграмотность в толковании понятия *государственный язык*. Говорится о «сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации». Но «использование русского языка в качестве государственного» – это никак не сфера использования русского языка. Если это сфера, то какие еще есть сферы, противостоящие *государственному* русскому языку? Таких нет. Государственный язык – это правовой статус языка, определенный Конституцией РФ и

«Законом о русском языке как государственном» (2005 г.) – *русский язык используется как официальный на территории всей России*. Государственный – это именно *статус* русского языка в государстве, утвержденный конституцией и законом о русском языке. Государственным русский язык по закону является на территории нашей страны абсолютно для всех: и для чиновников, и для журналистов, и для детей, и для бомжей, и для воров. И чиновники, и бомжи, и преступники – все – хотят они или не хотят – говорят на русском языке, и он в их речи всегда и неизменно *государственный*. Правой статус языка распространяется на всех людей и все сферы общения.

В приказе Министерства используется несколько иное выражение «нормы ...при использовании русского языка в качестве государственного», но смысл тот же самый. Это следует понимать так: утвержденные словари отражают те нормы русского языка, которые должны соблюдаться, когда он используется как государственный. А мы только что отметили, что на территории России русский язык всегда используется как государственный.

Для фиксации норм русского языка имеет смысл указывать сферы его использования, поскольку существуют разные нормы для разных сфер, ситуаций использования языка. Одно дело – нормы официальной, деловой письменной и устной речи, язык государственных документов, язык средств массовой информации, другое дело – непринужденная, разговорная, устная речь, там действуют разные нормы и люди следуют в своей речи разным нормам.

Уж если заниматься всерьез нормализаторской деятельностью, то совершенно очевидно, что можно устанавливать и регламентировать «сверху», к примеру, «нормы использования русского языка в общественной сфере (например, в официально-деловом употреблении, возможно также – в сфере СМИ).

Нам представляется совершенно необходимым регулировать в правовом отношении использование языка в официально-деловой (устной и письменной сфере) и в сфере СМИ (радио, телевидение, печать). Надо избавиться от фонетических, грамматических, стилистических ошибок, неправильных ударений, грубости и нецензурщины прежде всего в этих сферах – в общественных местах, в сфере общественного употребления языка. Если президент Медведев сказал в беседе с министрами: «...ни фи́га не выполняется», – оставим это на его совести, но СМИ не должны были это тиражировать в эфире – это грубое выражение, оно не для использования в сфере публичного общения.

Разговорная же, устная, непринужденная речь развивается по своим законам и «между своими» – вне публичной сферы – можно многое допускать, это дело языкового вкуса говорящих.

В-третьих, список словарей, вошедших в приказ, включает явно неравноценные по мнению филологов издания.

Если «Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. – М: «АСТ-ПРЕСС», 2008» действительно известен и достаточно авторитетен у научной общественности, составлен сотрудниками Института русского языка РАН, то «Словарь ударений русского языка» И.Л. Резниченко малоизвестен, не относится к авторитетным в филологической среде изданиям. «Грамматический словарь русского языка: Словоизменение» А.А. Зализняка – высококачественный, но узкоспециальный, сугубо научный словарь, которым не будут, да и не смогут пользоваться рядовые носители языка, он нужен только специалистам.

«Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» В.Н. Телия по объему и качеству описания уступает многим более известным и зарекомендовавшим себя словарям русской фразеологии; кроме того, он содержит больше комментариев о происхождении фразеологических единиц и русской культуре, то есть имеет культурологическую направленность. И как его будут использовать чиновники в своей речи на русском языке как государственном, если там сплошь и рядом описываются стилистически сниженные фразеологизмы типа *вешать лапшу на уши*?

Все эти словари могут, естественно, использоваться носителями языка, хотя, конечно, не только они должны рекомендоваться широкой общественности как справочные издания.

При этом, как уже вполне примирительно выразился А.А. Фурсенко в интервью каналу «Вести», «эти словари не диктуют, как надо говорить»; кроме того, «в списке будут и другие словари и справочники, которые будут предложены для экспертизы филологическому сообществу», пообещал министр.

Возникает вопрос: а для чего тогда этот список надо было опубликовать?

Обращаем внимание читателей на то, что приказ был издан 8 июня 2009 г., а широко «распропагандирован» именно под 1 сентября. Очень похоже на попытку отвлечь общественное мнение от результатов ЕГЭ и колоссальной неразберихи на вступительных экзаменах в вузы, от трудностей и проблем как самого ЕГЭ, так и набора студентов по ЕГЭ. Может, для этого все и задумывалось? Но это, конечно, наше предположение.

Обращаем также внимание, что в список не вошли справочник по правилам орфографии и пунктуации русского языка под ред. В.В. Лопатина, рекомендованный Орфографической комиссией РАН, толковые словари С.И. Ожегова, С.А. Кузнецова, четырехтомный словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, словари новой лексики рубежа веков Г.А. Скляревской, словарь иностранных слов Л.П. Крысина, нет

Академической грамматики русского языка, Энциклопедии «Русский язык», словарей сочетаемости, известных и авторитетных словарей синонимов, антонимов. Может быть, по словам министра, это дело будущего, но приказ создает у общественности впечатление, что эти словари *не рекомендуются* использовать, что и усиливает абсурдность ситуации.

Правовая сторона. Я не юрист и могу ошибаться, но некоторые вещи представляются мне совершенно очевидными.

Министр, оправдываясь за наделавший шума приказ, ссылается: «Мы просто выполнили указание правительства, провели экспертизу и опубликовали список». Однако Постановление Правительства выполнено лишь формально и только частично. Постановление правительства не выполнено в своей главной части – *утверждении норм русской орфографии и пунктуации*. Почему не выполнена та часть постановления правительства, где говорится о необходимости утверждения норм орфографии и пунктуации – главной сферы языка, которая требует особой регламентации, тем более что такой справочник есть – под ред. В.В. Лопатина, подготовленный Институтом русского языка АН РФ и давно используемый в школах и вузах?

Налицо большая спешка – видно, министр получил замечание, что постановление правительства РФ от 2006 г. не реализуется, и поспешил что-то сделать, хоть что-то утвердить. Постановление правительства вышло в 2006, Минобрнауки «с целью реализации этого постановления» создает «Положение о порядке проведения экспертиз» в мае 2007 и только почти через полтора года, 29 декабря 2008 г. издает приказ о назначении учреждений в экспертную комиссию; 8 июня 2009 добавляет туда еще одно учреждение (Институт лингвистических исследований РАН, СПб.) и этим же днем (!) утверждает список словарей и грамматик из 4 названий. К чему рекомендовать ограниченное количество словарей, к тому же не по всем сферам использования русского языка? Чтобы чисто формально отчитаться перед Правительством. А последствия для образования страны?

И еще одна юридически существенная вещь: очень подозрительно выглядит тот факт, что все четыре рекомендованных издания выпущены одним и тем же коммерческим издательством «АСТ», что фактически закрепляет на данный момент монополию этого издательства на издание словарей и справочников по русскому языку, чем нарушается Закон о конкуренции и антимонопольное законодательство.

Какой же результат этого приказа?

В утреннем телеинтервью Первому каналу 4 сентября явно перепуганный бурной негативной реакцией общественности министр А.А. Фурсенко выразился в том смысле, что, мол, дело не приказе, не в рекомендациях – они не директивны, самое важное, что «мы к 1 сентября привлекли этим приказом внимание к русскому языку».

Это уж точно – внимание этот приказ привлек! И вызвал переполох в умах и далеко идущие последствия для системы филологического образования и российской культуры.

Что же делать сейчас педагогам, филологам, российскому образованию? Думаю, что ничего не надо делать. Жить, как и раньше жили. Учить в опоре на авторитетные в научном и педагогическом мире словари, которые всем известны.

Словари были, есть и будут разные, их составляют люди с определенным языковыми пристрастиями, определенным языковым вкусом. Составление словаря – труднейшая задача, ни один словарь не идеален. Как говорил Г. Флобер, «словари как часы – самый плохой лучше, чем никакой, но даже самый лучший никогда точно не показывает». Не может в принципе быть одного единственного словаря или справочника, который правилен, а остальные ошибочны. Пользоваться надо несколькими, наиболее авторитетными словарями, принятыми филологическим сообществом и находящимися «на слуху» у обычных людей.

Остается еще одна важная проблема – как быть с вариантами норм?

Бывает, что можно сказать и так, и так. Язык развивается непрерывно вместе с народом, который на нем говорит, в нем одновременно могут существовать старые и новые нормы. В таких случаях рядовой человек теряет, он хочет знать единственно правильный вариант. И когда выходят словари с вариантами типа *договор, кофе*, он, прежде всего, интересуется, как все-таки правильно, не замечая, к примеру, что чаще всего разные варианты предназначены для разных ситуаций общения – для официальной и неофициальной речи, в первую очередь.

Если максимально упростить ситуацию, можно сказать: в языке есть литературная норма, то есть норма культурной речи, которая используется в письменной и устной публичной сферах употребления языка – в госучреждениях, в Думе, в официальной речи депутатов и государственных деятелей и – что особенно важно – в СМИ. Это все *общественная сфера* использования языка – когда речь направлена на многих людей. А есть более либеральные нормы устной, разговорной речи – преимущественно устной, используемой в своем кругу. Там можно допускать больше вольностей.

Культура речи – это как раз умение выбрать уместное слово и выражение для той или иной ситуации. Великий Пушкин говорил: «Дело не в отвержении какого-либо слова, а в чувстве умеренности и целесообразности при его употреблении». Этот принцип – основа правильных отношений общества и отдельной личности к языку.

Всегда авторитетными у филологов и носителей языка будут несколько словарей, а не один. Вот среди них и следует выбирать слова-

ри, которые могут быть рекомендованы к использованию Министерством (оно при рекомендации *обязано* учесть традиции отечественной науки и мнение филологического сообщества), а издательства должны выпустить рекомендованные издания массовым тиражом и по доступной цене. Среди рекомендованных таким образом словарей можно будет пользоваться любым.

А вот если между рекомендованными словарями будут расхождения, что неизбежно, то нужно руководствоваться в употреблении соответствующих слов своими наблюдениями над тем, как эти слова используют окружающие нас *образованные, культурные люди*, ориентироваться именно на их языковой вкус. И помнить, что всегда возможны варианты, из которых лучше выбирать тот, который соответствует требованиям литературного языка. Необходимо обязательно посмотреть на сферу употребления варианта и сделать для себя выводы.

Так как же нам быть сейчас с этим приказом? Обязательного характера этот приказ не имеет, министр сам это подтвердил в своем интервью программе «Утро» Первого канала 4 сентября 2009 г., когда пояснил, что вошедшие в приказ словари «не диктуют, как употреблять» и что «список словарей будет расширен».

Ну разве не забавно: министр образования сам в интервью сказал, что свою речь он менять не намерен, то есть лично он подписанный им приказ выполнять не собирается. А нам тогда и тем более можно этот приказ не выполнять. Историк Карамзин в свое время тонко отмечал, что от многих жестоких законов российское население всегда спасало их традиционное для нашей страны неисполнение. Будем на это надеяться и сейчас.

Вообще нам такие законы и приказы не в диковинку. Павел I, борясь с последствиями французской революции, издал закон о запрете слов *гражданин, отечество, революция*; Пиночет, кстати, в свое время запретил слово *рабочий*. Но все эти слова как были, так есть и будут. Никакие приказы царя, министра, постановления правительства, никакая вертикаль власти не могут изменить или улучшить язык.

И теперь заключительное теоретическое рассуждение – можно ли вообще *реформировать язык*?

Ни один язык в принципе нельзя реформировать, как бы это кому-либо не хотелось. Язык – живой самостоятельный организм.

Язык – живое общественное явление, которое имеет свою функцию – коммуникативную, он обслуживает сферу общения и передачи информации в обществе. При этом он развивается по своим законам, на которые искусственно влиять нельзя. Говорить о *реформе русского языка* абсурдно – это все равно, что говорить о *реформе русской нации, о реформе человека, о реформе воздуха, земли* и под.

Совершенно ясно, что можно реформировать только отдельные подвластные человеку и обществу *стороны* жизни в России.

Язык существует в обществе и для общества, поэтому *имеет отдельные СТОРОНЫ, на которые может и должно влиять государство*. Эти стороны сравнительно новые для языка, возникшие сравнительно недавно – в основном, письменный литературный язык. Литературная письменность основана в широком смысле *на договоре людей*, и вот на этот договор может и должно влиять государство. Оно может и должно:

– утверждать *литературные* нормы орфографии и пунктуации, то есть определять нормы письменной литературной речи (посоветовавшись с учеными);

– закреплять общественные функции языка – это языковая политика: провозглашать язык государственным (посоветовавшись с учеными, педагогами и политиками), определять его функции в обществе – где он обязательно должен применяться, а где могут применяться и другие языки, проводить реформы письменности (посоветовавшись с учеными).

Государству есть место также и в сфере образования – оно должно регламентировать обучение языку, то есть утверждать программы обучения и учебники русского языка для школы (посоветовавшись с учеными и педагогами).

А вот словари утверждать не надо – их пишут отдельные ученые, они всегда были и будут разные. Словари сами со временем приобретают авторитет и популярность в обществе, если эти словари принимает образованное население. Вот на них и надо опираться рядовому носителю языка.

Необходимо также помнить, что нормы, отраженные в словарях, во многих случаях варь-

ируют, варианты отражают старые и новые нормы, нормы литературного языка и разговорной речи – пользователю словаря надо всегда смотреть соответствующие пометы и выбирать новые литературные нормы.

Все это относится к литературному языку – образцовому, нормативному, принятому для образцовой, культурной публичной письменной и устной речи. Но есть еще устная форма существования языка, в которой сфера допустимого очень велика. В устной речи между своими, в просторечном общении можно порой сказать абсолютно все и употребить любое слово. В устной, разговорной речи свои нормы. Важно только не переносить разговорное употребление в литературный язык – не использовать разговорные слова, жаргон и под. в литературной речи, в общественных местах, ни в коем случае – в СМИ.

Вертикаль власти не может повлиять на устную речь людей, которая стихийна, развивается сама по себе, и из нее в конце концов впоследствии складывается и литературная норма. Люди всегда будут говорить между собой, как им удобно и как им нравится. Поэтому и нельзя вообще запретить мат, молодежный жаргон, сленг, грубую лексику, общенародный сленг – можно только (и нужно!) запретить их использование в публичной сфере – например, в СМИ, в официальных государственных учреждениях, то есть в сфере публичного использования, где государство может и должно вмешаться.

Таким образом, государство может вмешиваться в развитие языка, но только в ограниченных сферах. Чтобы подобное вмешательство было профессиональным, отвечало общественным потребностям и не противоречило законам существования и развития языка, государству надо советоваться с филологами.

© Стернин И.А., 2010

Червиньски П.
Катовице, Польша

Chervinsky P.
Katowice, Poland

ЯЗЫК
СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ (6)

LANGUAGE
OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS (6)

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Аннотация. Статья содержит разработку заключительной пары параметров фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении позитивных признаков человека. Применительно к месту в модели характеризуются номинативные единицы действующего / организуемого (боец, борец, защитник, страж, витязь, вождь, пахарь, подруга (боевая), профактивист, создатель, строитель / юнармеец, колонист (беспризорник), пионер, комсомолец, октябренок, коммунист (член партии), деткор, допризывник, гагаринец и др.). Представленная как многоуровневая система может служить примером идеологических и политических вербально-концептуальных и смысловых построений.

Abstract. The article contains elaboration of two concluding parameters of a fragment of system underlying the Soviet image and representation of reality concerning the positive attributes of man. In their position in model there are characterized units of being in action / being organized (боец, борец, защитник, страж, витязь, вождь, пахарь, подруга (боевая), профактивист, создатель, строитель / юнармеец, колонист (беспризорник), пионер, комсомолец, октябренок, коммунист (член партии), деткор, допризывник, гагаринец and so on). Introduced as multilevel system can serve an example of ideological and political verbal-conceptual and semantic constructions.

Ключевые слова: язык советской действительности, обозначения лиц, семантика позитива, советская языковая картина мира, язык и идеология, парадигматическая модель описания.

Key words: language of the Soviet reality, designation of persons, semantics of a positive Soviet language world picture, language and ideology, paradigmatic model of description.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

About the author: Chervinsky Petr, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language.

Место работы: Силезский университет.

Place of employment: Silesian University.

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com.

Семантика двух последующих параметров в рассматриваемом фрагменте парадигмосистемы [см. Червиньски 2008; 2009/1, 2, 3, 4; 2010/1] будет вращаться вокруг советской идеи позитивного действующего. К представлению действующего, в порядке описанных ранее соотношений, можно прийти исходя из первоначальной идеи носителя необходимого признака, идеи, далее, репрезентанта, или достойного представителя советского социума в разных его, т.е. социума, проективных частях, а также идеи деятеля системы, составляющего ее самоё, а также необходимого ей и в ней. Действующий, тем самым, становится завершением продвижения от точки начала в отдельном, как отдельности сингулятива, через количество, множество, переход к включающему, охватывающему числу в представителях квантитатива, через точку строения, организации и устройства системы (структуратива) к точке действия, проявления в действии, к агентиву.

Указанную идею можно было бы выразить следующим, представляющим ход характеризующего продвижения, порядком:

Точка начала (один, отдельность, сингулятив) > число (распространение, увеличение, группа, объединение, коллектив, представители, квантитатив) > строение, структура, организация, система, устройство (структуратив) <

наполнение структуры смыслом > действие, проявления в действии, функционирование системы, в системе и для системы, функциональный агентив.

Обратить внимание в данном случае следовало бы на предшествующий завершению и не обозначенный ранее компонент – наполнение смыслом, направляемый в обе стороны, к устройству системы, с ее предварениями в квантитативе и сингулятиве, и к завершению в действии, агентиве. Компонент этот можно представить стоящим над построением, равно как и в его глубине, пронизывающим, пропитывающим, заключающим, облекающим, включаемым, охватывающим собой. И можно представить так, как это представлено в схеме – предшествующим завершению, втягивающим в себя для него идею всего предыдущего и вводящим, одновременно, смысл, насыщающим смыслом завершения то, что стоит, оказывается перед ним. Своего рода сообщающий мост, мышца движения от одного к другому и одного в другом. Последнее, т.е. действие действующего и агентив, приобретает смысл, тем самым, в соотношении и контексте трех предшествующих, как обобщение и насыщение своих предшествующих.

Принятая для описываемого представления парность имманентного кумулятива и при-

даваемого аддитива [Червиньски 2009/1: 135] обращивается для действителя соотношением действующего либо задействуемого (организуемого) лица. Действующего в нужном направлении, с должным участием, силой, отдачей, т.е. самозабвенно, преданно и не щадя себя. Задействуемого – втягиваемого, призываемого, ставящегося, в какое-то занятие, движение, мероприятие, объединение, т.е. во что-то, куда-то, с какой-то целью. Все это, как первое, так и второе, следуя из советской созданной, создаваемой, запущенной и запускаемой постоянно в ход системы (во многих отношениях равной самой действительности и приравненной ей), вращается вокруг идеи общего, пронизывающего всё, построения социализма и коммунизма, социалистического, коммунистического общества как финитной цели.

Действитель, тем самым, в искомом определении должен воображаться как исполняющий, осуществляющий то, что следует из его внутренних свойств обладателя советски желательных признаков (1), из его принадлежности советскому коллективу, вхождения в него (2) и из его отношения, сопричастности к советской системе (3). Все это, соответствующим образом ориентируя, направляя и заряжая его, пробуждает в нем силу, способность, возможность необходимого действия, проявления в действии, т.е. действования. **Действование**, таким образом, следовало бы воспринимать не столько как собственно действие и даже не столько как проявление в действии, сколько как ориентированное, повернутое, маркированное устремлением к нужному действию и проявлению в действии отношение к нему. Предполагается видимое отношение, допускающее его восприятие как начальную фазу выхода из состояния покоя (1), инициальное выдвигание, предрасположенность, пробуждение, ориентированность, поворот к нему в точке исхода. Как мобилизуемую, напрягаемую, собираемую, кумулируемую готовность (2) к возможному проявлению силы в точке возможного разворачивания. Как само это разворачивание в проявлении направляемых к исполнению мобилизованных сил (3) и как поддержку, обеспечение (4), защиту их, этих сил, в их движении, с тем чтобы обеспечивать одновременно необходимое, полагаемое, закладываемое во всё это достижение результата (5). Тем самым и соответственно, действование предполагает в своем таком назначении и сам достигнутый, осуществленный, либо только возможный и представляемый в его достижении и стремлении к этому результат.

Поскольку действитель выступает как завершающий, насыщаемый и насыщающий смыслом общего продвижения к цели, своего рода идейный, этап, воплощаемый в объединении признаков, облакаемых формой отмечено обозначаемого, называемого необходимым советским образом, человека, постольку немало-

важным и показательным может быть обращение под этим углом к этой самой, названной нами финитной, цели. Ею, этой финитной целью, в не всегда проявляемом ощущении, в потенции, пресуппозиции и социальном (прежде всего) контексте, определяется смысл производимого в разбираемой вербально-номинативной действительности. Не обязательно при этом действительности реального и происходящего, но в действительности представляемого и осуществляемого в общем и целом всегда.

Финитная цель, понимаемая как строительство, построение социализма и коммунизма, социалистического и коммунистического общества, с предположением создания, воспитания нового человека, советского человека, строителя и одновременно члена создаваемого строя и общества, – эта цель в интересующем нас отношении, применительно к действителю и действованию в общем системном движении, должна бы быть соответствующим образом определена. Определена в предполагающем подобное уточнение повороте и как такая, точнее как то, что проявляет, ведет себя как насыщающее всей запускаемой тактами в ход системы.

Подобное определение, в совмещении идеи лица, идеи движения к конечной, поставленной и заявленной, цели, самой идеи, как цели и как идеи, имеющей философский, социальный, социологический, исторический, политический, психологический смысл, в неизбежном, для внедрения ее в действительность и сознание, представлении человека, лица как объекта и материала, предполагает и соответствующее восприятие как себя самоё, как финитной цели-идеи, так и воплощающего в себе всё это идеи самого определяемого нами человека-лица. Человека, лица как подобного рода идеи.

Человек, при таком понимании, предстает как желательный образ, идея стремления в императиве для движимых, побуждаемых, мобилизуемых, энергетизируемых и направляемых к достижению поставляемой перед ними цели масс и как средство, орудие и объект-вещество, материал в индикативе. Отнюдь не случайно обозначаемый в своем объединено представляемом множестве словом *масса*: гр. *μάσσω* ‘месить’ > лат. *massa* ‘глыба, ком, кусок’ > *massiv* ‘большое пространство чего-л. однородного’, от фр. *massif* ‘тяжеловесный’, и вслед за этим *масса* ‘материя, субстанция, величина, определяющая ее инертные и гравитационные свойства; мера инертности тела по отношению к действующей на него силе и источнику поля тяготения’; *масса* ‘вещество в виде густой или полужидкой смеси чего-л.’; *масса* ‘множество, огромное количество чего-л.’ и ср. в этом ряду, важное для нас понимание представления *массы* – ‘широкие круги населения, народ’ [Вейсман; ЛРС; СИС]. То есть, тем самым, как то, что в потенции своей составляет материю людского

множества как множества массы тяжеловесного вещества, с его инерцией, тяжестью, источник поля какого-то к нему тяготения, притягивания, стремления, осуществляемого в действии на него, приложении силы, той, что предполагает значением *месить* – воздействующем давлении, оказываемом на него с целью подвинуть его, зарядив, придав, передав ему, сообщив через это *месить*, к исполнению, с его помощью и при его посредстве, и вместе с тем также им самим, на нем, через него и в нем, то, что мыслится действующими и сообщающими как ему и им, и всему процессу необходимое и желаемое, его конечная, финитно-экзистенциальная цель. Из этого следует представление о человеке, лице как о массе и части массы, частице ее. Своего рода массовидное изображение, восприятие, понимание сущности человека и его существа.

На этой основе выводятся признаки, воспринимаемые как параметры описания и параметры состояния человека-массы, которое, мыслясь и предлагаясь сознанию для системы, советской в разбираемом случае, как состояние **экзистенциальное**, сопровождается общей, пронизывающей идеей действия его и с его стороны – как результата, следствия оказываемого воздействующего давления на него, но в модальности достигаемого оптатива, приписываемого, сообщаемого и представляемого в советском случае как модальность реальности, т.е. индикатива, времени будущего-настоящего. Того настоящего, в котором зерна, ростки и начала будущего, которые надо видеть, лелеять, насаживать и растить. Того настоящего, которое воспринимается в категориях, представлениях и с позиции достигаемого будущего, будущего стремления-тяготения к нему, отодвигаемого и придвигаемого по инициативе, по вкладываемой идее на данный момент, а потому и как настоящее, само по себе, как презент в своем собственном, реальном существовании, для себя, и не важного, не существующего ради себя и для себя самого в его несущем в себе, в своем внутреннем потенциале, человеке-массе. Человек этой массы-массива есть человек оптатива равного индикативу времени настоящего, существующего в своем устремлении к будущему. И в этом также закладывается, состоит его идея как действующего и самого действующего, как признака и проявления, через смещение, замещение в категориях предикатности времени, настоящего-будущего, в настоящем будущем, и модальности – индикатива как оптатива.

Тем самым, в конечном итоге, необходимо учитывать три последовательных замещенных одно другим, с переносом акцентов, отождествления, взаимодействующих и совмещаемых: 1) человек есть масса, равен массе, приравнен массе, существует как воплощенное множество, форма существования множества всех других, подобных и равных ему, а потому и идея

его, такового множества, воплощенная, экзистенциальная, явная, наблюдаемая и оперативная, в отличие от собственно массы, т.е. форма воздействия на него (действие и действительность); 2) индикатив, реальное, есть не что иное, как оптатив, желаемое, тождествен, равен и предпочитаем ему; 3) настоящее не просто воспринимается с точки зрения будущего, оно, в известном смысле, уже и приравнивается ему, существующая в сознании не как действительность бытия, а как действительность устремления к обозначенной цели, известной заранее, обозначенной и подчиненной, отданной полностью ей. Равно как и будущее воспринимается как конечная цель устремления (через действие оптатива) человеческого массива субъекта-объекта и материала в воображаемо-представляемом настоящем к нему. То есть – как неопределенная форма финитного состояния оптативного агента. Человек при таком понимании выступает как форма заряжено-движимой массы, а эта масса – как смысл человека, фигурирующих в сознании, точнее для него, как некое целое, единица, определяемая в индикативе=оптативе и настоящим=будущем отношением к осуществляемому в сообщаемом действии финитному завершению как желаемому достижению и одновременно цели-концу. Человек=масса следует понимать как форму-смысл, единицу сознания и бытия, постоянно замещиваемого агентом массива, заряженного (им же) неуклонным стремлением к обозначенной в конечном и сообщаемом движении перспективе. То есть, тем самым, как человека=массу=проспекцию=цель.

Параметральные признаки отмеченного единства должны содержать показатели множества однородного, мыслимого и существующего в совокупном единстве и на огромном пространстве людского массива, из чего следуют представления о квантитативе совокупного целого (глыба, ком) очень большого объема и величины в проекции к столь же большому, тянущемуся во все стороны и во всю ширь пространству. Эти признаки, определяемые по показателям 'множественное' (*multum*), 'однородное' (*homogeneum*), 'существующее' (*vivum, existuum*), 'совокупное' (*conjunctum*), 'единого целого' (*integrum*), 'огромное' (*magnum*), 'пространственное' (*extentum*), 'людское' (*hominum*), можно рассматривать как исходные для последующих, представляемых в отношении к силам воздействия с целью желаемого побуждения к действию – действованию и задействию так понимаемых человеческих масс.

Второй ряд, таким образом, будет составлен из показателей действующего, воздействующего на массы, агента силы воздействия и диспозитива финитной и промежуточных целей планируемого, закладываемого к осуществлению, стремлению к достижению, движения в побуждаемых к этому массах. Воздействия, связываемого неизбежно с идеей *месить*, т.е.

посредством давления, во-первых, формировать, создавать, необходимо-желаемую консистенцию, вид, состояние, *нужную массу*, придавая ей должные свойства, в той и из той, что имеется, из существующей, но не оформленной и для агента бесформенной, не сконцентрированной и не собранной массы. С тем чтобы, во-вторых, сообщать, придавать ей необходимый заряд, побуждающий, направляющий ее, эту созданную и желательным образом сформированную, полученную и получаемую в результате воздействия, массу, к совершению, осуществлению, исполнению также необходимо-желательных действий, направленных на достижение объявляемой и выносимой вперед, в перспективу, в отодвигаемое по времени будущее, финитно-экзистенциональной цели. Финитной – как окончательной, венчающей и завершающей, а экзистенциональной – поскольку определяющей сущность существования самих этих масс. Все это, с одной стороны, как реальное положение советской действительности и как постоянно проигрываемое, повторяющееся, с другой стороны, в ней высказывание-дискурс имеет и вписывается в соответствующую модальную и временную рамку – модальности опатива как индикатива и времени будущего, воображаемого и полагаемого присутствующим, но в настоящем для настоящего как его, настоящего, оправдательный смысл. Что фактически в неизбежном итоге уничтожает смысл одного и другого, делая равным образом нереальными (псевдореальными) как будущее, так и его, того будущего, не существующее для себя настоящее, стирая какую-то необходимую между ними для их восприятия и временной ориентации грань.

Рассматриваемое действие и человека как действующего следует, в связи со сказанным, воспринимать во всем этом ряду. Действование, иными словами, было бы тем проявлением заряженного, подвинутого к указанному совершению человека=массы и потенциального действующего как носителя признаков нужным образом сформированных масс и самих этих масс, нередко в неразграничении категориально того и другого, которое обнаруживает себя в состоянии (для позитива) постоянной готовности воспринимать сообщаемый ему воздействующим агентом заряд, реагируя на него ожидаемо-предсказуемым образом. Определенная возвратная замкнутость этого действующего как потенциально себя обнаруживающего и во многом внутреннего, по сути, процесса – быть заряженным и каждый раз заряжаться так, чтобы правильно и в желаемом направлении воспринимать очередной заряд – является следствием того самого смысла, о котором речь и который собой насыщает рассматриваемое движение в указанных ранее фазах запуска, мобилизации сил, поддержки потенциального выхода, обеспечения осуществленной поддержки и мыслимого достижения в результате. Или, для

уточняемой схемы, в точке начала, числе, строении (с наполнением смыслом) и проявлении в действии. Смысл этот связывается, в конечном итоге, с идеей необходимости продуцирования такого *массива* массы и человека массива-массы, который был бы массивом (человека и массы) открытым и восприимчивым для того заряжения, сообщения, придания, запуска к действию и движению, которое необходимо для осуществления заряжения, сообщения, придания, запуска к действию и движению и т.п. Финитная цель всего этого продвижения, состоящая в создании направляемой к своему собственному созданию массы, может выглядеть и показаться как самоценная и лишенная очевидного смысла с уходящей и отодвигаемой всякий раз перспективой с ее ощущаемым при этом стремлением в бесконечность. Конечным итогом и средством к его достижению для масс представляется при такой постановке вопроса не что иное, как обладание создаваемыми и достигаемыми в процессе такого создания свойствами. По достижении, обретении этих свойств, для массы и человека массы как действующего в указанном направлении, должно себя исчерпать и закончиться намеченное к этому продвижение. Обладание свойствами, таким образом, полагается во главу угла, становится необходимым истоком, желаемым образцом, а также и вместе с тем и желательным результатом.

За схемой такого движения, вне ее и над ней оказывается воздействующий на массу агент. При этом, при ясности объявляемой роли такого агента, скрытой оказывается не объявляемая его собственная финитная и опосредующая ее промежуточная цель (либо цели). Обладание свойствами, полагается необходимым для достижения в отношении человека масс, в отношении агента предполагается не столь, если вообще, актуальным. Для него актуальным, из схемы, должна быть способность осуществления своей направляющей и запускающей роли как роли приводящего все в соответствующее движение распорядителя. Способность, поддерживаемая и обеспечиваемая позицией, *поставлением* к ней, в организуемой, создаваемой структуре, массами, с помощью масс, но не для них, для него. Агент, тем самым, в рассматриваемой парадигмосистеме, становится позиционером, обладателем места, позиции в создаваемой социальной структуре. Лицу продуцируемого советского позитива, как представителю направляемого движимых масс, приписывается роль обладателя необходимо-желательных свойств, предполагающих и допускающих в нем возможность указанного воздействия. Обладатель позиции и обладатель свойств в создаваемой ими совместно схеме не противоречат друг другу, как реально, так и в осуществляемом устремлении к действию, т.е. действованию. Обладатель позиции объявляется как обладатель свойств, достигая позиции и

укрепляясь, ставясь на ней, утверждаясь именно на таком основании. А обладатель свойств, потенциальный, стремящийся стать либо только предстать таковым, движется в этом общем стремлении идеей и целью быть и стать в конечном каком-то итоге обладателем искомой позиции. Позиция, следовательно, предполагает свойства внутренне и по договоренности, а свойства, потенциально, т.е. опять-таки внутренне, стремят себя претворить, воплотить в позицию, найти в ней свое подтверждение и свое оправдание. Одно тесно связывается с другим и предполагает другое. И это еще одна, и финитная, если правильно, в соответствии с нужным каноном, ее понимать, и опосредующая, сообщающая движение, цель, что, в свою очередь, предполагает и допускает необходимое уточнение для рассматриваемого понимания действия и действующего.

Возвращаясь к идее рассматриваемого в данной статье параметра (действия / задействия в системе), признаки первой фазы, начала действия следовало бы воспринимать и описывать как его отправную точку, запуск, исход (1), с последующими отображениями в фазах мобилизуемой готовности (2), выхода направляемых сил (3), их поддержки-обеспечения (4) и достигаемого результата (5). Признаки эти ориентируют, подбирают к себе, включают, втягивают в орбиту своего проявления признаки, выведенные и охарактеризованные ранее как исходные для последующих, т.е. для актуальных и релевантных к параметрам, в каждом таком параметре ориентируемые, подбираемые для себя. Тем самым, выведенные по показателям признаки 'множественного' (multum), 'однородного' (homogeneum), 'существующего' (vivum, existuum), 'совокупного' (conjunctum), 'единого целого' (integrum), 'огромного' (magnum), 'пространственного' (extentum), 'людского' (hominum) являются признаками не заряженного включением в системное действие материала-объекта как массы массива и вещества. Признаки второго ряда, по показателям действующего на эту массу массива агента воздействия и диспозитива целей закладываемого к достижению движения в побуждаемых массах, эти признаки следовало бы рассматривать и определять как параметральные, распределяющиеся, разделяющиеся в параметрах.

Сложность известного уровня отвлеченности не позволяет с необходимой наглядностью отобразить рассматриваемую парадигмосистему без обращения к воплощающему все это языку. Языку советской действительности в номинативных его единицах, названиях указанных образом воспринимаемого, точнее было бы говорить существующего для сознания (и подсознания), человека. В связи с чем все дальнейшее, предполагающее определение признаков и значений параметра действия для кумулятива и задействия для аддитива, будет показано с привлечением выбранных

номинативных примеров. Условность и неполное совпадение того, что передает, воплощает в себе лексическая семантика советски ориентированной номинативной единицы (слова и словосочетания) и семантика признаков, объединяемых в некоторые ментальные по своему существу единицы, насыщаемые признаками описываемой парадигмосистемы в ее параметрах, эта условность и неполнота, как следствие всякого несовпадения мысли и слова, тем более в их проекциях к узусу реализаций, должна будет себя объясняющим образом разрешать в последующем, на основе и после отображения, выведения, описания признаков параметральных.

К кругу действующих, в нужном направлении и с должным участием, силой, отдачей, самозабвенно, преданно, были отнесены объединения признаков, ощущаемые в номинативах *боец (революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции), боец, боец (за народное счастье), защитник (рубежей, отечества), страж (границы, неба, рубежей), витязь (красный), вожак (комсомольский, молодежи, настоящий), пахарь (юный, голубой нивы, зеленой нивы, моря, воздушный), подруга (боевая и в лозунге сто тысяч подруг на трактор, т.е. та, с которой действуют вместе, рядом, совместно, дружно, понимающая, поддерживающая, на которую можно положиться, рассчитывать, верная, настоящая), профактивист, создатель (народ-созидатель, социализма, новой жизни), творец, трудящийся, труженик, часовой (границы, рубежей, воздушных границ, порядка).*

Прежде чем разнести, как это делалось при описании предыдущих параметров, представленные номинативные единицы по соответствующим ячейкам признаков, с определением и уточнением их параметральной семантики для парадигмосистемы, попробуем на материале нескольких из отобранных единиц показать, уточнив, ряд особенностей самой процедуры. Процедуры, а тем самым характера, соотношений исходного ряда (признаков человека массива-массы в его проявлениях к multum-homogeneum, vivum-existuum, conjunctum-integrum-magnum, extantum-hominum) и ряда, рядов, уточняющих признаков с заряжаемым включением исходных и этих последующих к действию, или действованию.

Для начала рассмотрим проекции первой группы номинативов *боец – революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции* и он же, *боец*, как потенциальное воплощенное представление обо всем таком чем-то подобном с включением перечисленного, в объединении, совокупности. То есть как единицы вариативных проекций и единица инвариантного целого в интересующем нас языке. Рассматриваемый *боец* перечисленных, равно как других подобных им, сочетаний –

боец агента, т.е. проявляет себя как действительность, в отличие от бойца принадлежности и наделенности (квантитатива и сингулятива), описанных ранее [Червиньски 2009/1: 143-144]. Из этого следуют некоторые особенности его восприятия и понимания, которые необходимо учитывать. Вероятные для него характеристики представителя соответствующего объединения (о военнослужащем или члене военизированной организации по словарям), показателя принадлежности (квантитатива), будут отличны от агентивных. Равно как отличными от тех и других будут и показанные в отношении наделенности (сингулятива): 'тот, кто своими действиями, своим участием в... проявил себя как наделенный ... качествами'; 'тот, кто проявил себя как наделенный бойцовскими качествами – настойчивостью, упорством, умением бороться до конца, способностью действовать по-боевому' – относящиеся к составляющему наделенность значению активизируемой направленной наступательности (заряженной силой и волей готовности необходимым образом действовать); 'тот, на кого можно и следует полагаться, поскольку, будучи, в случае необходимости, ударно-опорной силой направленного революционного, преобразующего движения-действия, способен, проверен, в том отношении, что обеспечивает возможность осуществления, выхода этого действия от себя, из себя вовне' – относящиеся к подзначению обеспечение выхода заряженной силой и волей готовности.

Признаки агентива следует представлять в отношении к действительности. Иными словами, боец революции должен восприниматься как тот, кто соответствующим образом действует, действовал, способен к действию, заряжен им, направлен на действие, устремлен к достижению, поддерживает, обеспечивает выход, начало, осуществление, проявление его. А потому ли, что, будучи членом какой-то военной организации или в силу участия и обладая какими-то определенными свойствами как у бойца, для агента не важно.

Оттолкнемся при определении интересующих нас признаков от дефиниции, предлагаемой в [ТСЯС], тем более, что взятые для описания сочетания привлечены из него: **БОЕЦ**, -йца, м. 1. *Борец, тот, кто отстаивает что-л., передовик, активист в какой-л. области.* == **Боец революции (краснозвездной гвардии, за дело рабочего класса)**. Патет. ... == **Боец социалистического фронта**. Патет. ... == **Боец за высокое качество продукции**. Патет. ... == **Боец на фронте просвещения**. Патет. ... ****Красный боец**. Патет. *О революционере, защитнике советской власти, в т.ч. воине-защитнике*. В свою очередь слово *борец*, используемое в качестве определяющего эквивалента, синонима для *бойца* толкуется в отношении 'тот, кто борется во имя защиты, осуществления чего-л. (обычно передового, прогрессивного)' [ТСЯС: 61, 62].

Вопрос, который должен бы заинтересовать в связи с представлениями об агентиве, один из возможных вопросов, можно было бы сформулировать в отношении вероятных и для параметра актуальных отличий, имеющих для него значение, т.е. дифференцирующих, различительных признаков для него, между, скажем, *бойцом революции и бойцом за дело рабочего класса (бойца краснозвездной гвардии)* хотелось бы отнести к принадлежности, т.е. к параметру квантитатива, тем и другим и *бойцом социалистического фронта, за высокое качество продукции, на фронте просвещения, красным бойцом* и т.п. Одни ли и те же признаки, качества следует видеть во всех этих видах бойцов, и тогда их отличие бы создавалось проекцией, плоскостью вероятного проявления? То есть во всех этих случаях дело бы шло об одном и том же наборе, типе, виде обозначаемого позитива для человека и разницы между ними не было бы никакой – боец он везде и во всем боец, и лишь обстоятельства, время и место делают из него бойца революции, за дело рабочего класса либо чего-то другого. Отвлечемся от явно метафорических переносов – *бойцов социалистического фронта, за высокое качество продукции, на фронте просвещения*, поскольку не это важно при интересующем нас описании, ибо всякие употребления, независимо от их характера и номинативной природы, содержат признаки, поддающиеся определению в парадигмах параметра. Поставим вопрос иначе. Равен ли в наборе своих семантических признаков тот боец, который *боец революции*, бойцу, который *за дело рабочего класса*, а эти два бойцу, который *социалистического фронта*, соответственно три перечисленных – *бойцу за высокое качество продукции* и т.п.? Как хотелось бы думать и как представляется в рамках поставленной нами задачи, равно как и в отношении ощущаемых для них свойств в изучаемом языке, различие между ними есть, и это различие недостаточным было бы представлять как следствие неизбежной диффузии, соединения идущих друг другу навстречу признаков, сочетающихся в единице аппликативно – от *революции*, от того, что она содержит и предполагает, к *бойцу*, равно как и от *социалистического фронта, высокого качества* и пр. все к тому же (или все же другому) *бойцу*. Следствие или причина того или иного объединения слов, но все эти виды возможных *бойцов* представляются разными и если не полностью различающимися в составе предполагаемых признаков, то все же в какой-то имеющей смысл и свое значение части. Довольно широкий спектр семантических проявлений заложен, впрочем, и в определении ТСЯС: 'борец, тот, кто отстаивает, передовик, активист' можно рассматривать далеко не только как уточнения одного другим и одного через другое, но и как акценты, признаки слова в своих значениях и проявлениях.

Попробуем теперь разрешить непосредственно интересующий при описании, а потому параметральный и агентивный (если все-таки он) вопрос – чем отличается тот боец, который при революции, от того, тех других, который, которые будут при чем-то другом? Отвлечемся на время от тех включений, которые вносят в семантику слова признаки, знаковые для языка советской действительности и ориентирующие в какое-то поле описываемое значение позиции лица, диффузные, от революции, социалистического фронта и пр. Эти признаки требуют своего уточнения в дальнейшем. Сконцентрируемся на признаках, направленных в сочетаниях от боец – ‘такой, который (при революции, при чем-то другом)’, или, традиционно, ‘тот, кто...’.

Бойца революции можно было бы определить как такого уже состоявшегося, проявившего себя в более-менее отдаленном прошлом, а потому находящегося в состоянии покоя, приостановленности, своего рода sleeping mode в современных понятиях (впрочем, не это важно для данного определения) действителя, который действует – действовал, может, способен действовать, для определения этот признак вне времени и модального отношения, – во имя исходной и поворотной идеи, исходной по отношению к устремлению к финитной цели и поворотной по отношению к предполагаемой и необходимой для этого смене общественных и политических обстоятельств, к замене, собственно говоря, одной действительности на другую, не советской и досоветской на ту действительность, которая будет и станет советской. *Боец революции*, тем самым, боец обрыва и замещения, т.е. боец абруптива. Как таковой, он обладает качествами не просто бойца как борца, а готового верить, открытого и открывающего, участвующего в исходе, втягиваемого и втянутого (историей, обстоятельствами, но и предрасположенностью к этому собственных качеств) в центростремительный, становящийся центробежным поток – революции и затем становления советской действительности с их движением к финитной цели, построению социализма и коммунизма.

Из всего этого следуют признаки, качества бойца революции как ‘того, кто является действителем, направляемым, руководствующимся внутренним императивом, активного, устремленного к достижению результата преобразователя существующего (существовавшего в прошлом) порядка вещей во имя обеспечения возможностей реализации в некоем отдаленном, не видимом будущем для него самого, той финитной цели, которая меряется глобальной величиной всеобщего блага’. Центром, ядром представленного в порядке определенных признаков значения, тем центром, который соотносим с ведущей идеей описываемого бойца, было бы отношение преобразователя, но ведомого, направляемого агентом цели извне. Наве-

дение смысла такого преобразователя-действителя к идее бойца предполагало бы представление о его готовности по команде, по требованию, к применению силы, к воздействию, вплоть до физического, военного, вооруженного, т.е. боевого, использования необходимых ресурсов и средств, и, если шире и отвлеченнее, к борьбе, принуждению, одолению и уничтожению противящихся других.

Тем самым, в итоге по признакам получаем набор, состоящий из представления в центре идеи готовности по императиву к силовому воздействию на тех, кто препятствует, во имя преобразования, изменения существующего положения вещей для достижения поставленной, ставящейся и исходящей от агента императива, финитной цели. Признаки ‘множественного’ (multum), ‘однородного’ (homogeneum), ‘существующего’ (vivum, existuum), ‘совокупного’ (conjunctum), ‘единого целого’ (integrum), ‘огромного’ (magnum), ‘пространственного’ (extentum), ‘людского’ (hominum), определенные ранее как исходные, присутствуют в этом всем, заключаясь и распределяясь по-разному в идее силового воздействия (multum, homogeneum), в идее тех, кто препятствует (vivum, existuum, conjunctum, hominum), в идее преобразования всего этого как существующего положения вещей, уточняясь и определяясь признаками второго ряда, включающими, вбирающими их в себя, по показателям, соответственно, действующего на массу массива (воплощаемого и представляемого для данного случая в идее бойца) агента и диспонаента финитной и промежуточных целей для достижения результата. Агента возможного к своему объявлению императива-толчка для достижения результата преобразования, каузируемого, задаваемого и начинающегося осуществляться участием, действиями, действием бойца. Интересующий нас боец (революции), таким образом, может быть определен как действитель в смысле идеи готовности к охарактеризованному и стимулируемому агентом порядку и роду активных переворотных действий. В связи с чем, в этой точке определяющей для него готовности (состоявшейся в прошлом для наступившего и ожидаемого будущего), как имеющий воспитательное значение позитив-образец для последующих поколений, может быть отнесен, в совокупности обозначенных признаков, к позиции мобилизующего / мобилизуемого, заряженности готовностью действовать в охарактеризованном смысле. То есть к позиции 2 пятитактного устремления рассматриваемого параметра.

Боец за дело рабочего класса от бойца революции, отвлекаясь от правых распротранителей смысла, отличается в первую очередь признаком не актуализированного в нем абруптива. Это не столько преобразователь, готовый действовать по зову императива, сколько надежный и стойкий борец (во имя защиты, осуществления, по определению в ТСЯС). Акцент

его смысла, центр характеризующих признаков относился бы, собственно, не к идее готовности, открытой к принятию императивного зова и действию в заданном направлении, сколько к идее внутренней силы, потенции и способности, предрасположения и призвания к высокой, ответственной миссии, роли спасающего, совершающего и выносящего рабочие массы из темноты угнетения к свету освобождения, справедливости и добра. *Боец за дело рабочего класса* – тот, кто всегда начеку, в боевой готовности, но понимаемой не в отношении готовности действовать по мобилизующему толчку, а в отношении бдительности, внутренней собранной мобилизованности, осуществившей, реализовавшей и постоянно реализуемой в нем самом готовности к выходу из состояния покоя, к запуску для движения собственных сил. Меньшим значением в связи с этим обладать будет и скрыто не объявляемая финитная цель. Этот боец будет действовать предположительно в направлении не столько преобразования форм существующего, сколько поддержки осуществленного выхода движимых к своему освобождению сил – *multum, homogeneum, vivum-existuum, conjunctum-integrum, magnum, extantum-hominum* здесь понимаются в отношении производителей общего материального блага, т.е. *productor*, а не *consumptor*, по показателю в первую очередь *magnum.prod.* Тем самым, значение этого вида бойца может быть начато в определении от точки 4.1. в предполагаемом для него описании, т.е. в позиции обеспечения выхода движимых сил (4) с проекцией их к ожиданию выхода из состояния покоя, возможному запуску в каждый какой-то момент (1). Роль агента и диспозитора для проявления этого вида бойца состоит в идее общей мобилизации к действию через запуск движения в ход. Боец – значит призванный, мобилизуемый и поставленный к осуществлению какой-то задачи, в том числе и прежде всего боевой, тем самым, действующий по какому-то общему плану, исходящему не от него. Агент, таким образом, проявляет себя через общее действие и широкий подразумеваемый контекст, не прямо действующий и на такого бойца непосредственно не направленный. Отсюда его, бойца, большая отвлеченность от явно советской ангажированной значимости и большая, чем в первом случае, обобщенность роли.

Боец социалистического фронта акцентирует своим смыслом идею ударничества, готовности действовать самозабвенно, преданно, не щадя себя, не жалея сил. Это боец точки 2 с переходом в 3 – мобилизация постоянной готовности к проявлению в действии, предполагающем неуклонное, постоянное, поступательное развитие (построение общества, социалистическое строительство как действие). Вместе с тем это боец достижения, почетный участник общественного движения-устремления, отмеченный своим активным участием как

званием, зарекомендовавший себя с соответствующей стороны, достигший своими действиями, проявлением в общем действии, каких-то видимых результатов, позволивших так его характеризовать (значение позиции 5).

Боец за высокое качество продукции воплощает в себе мотив неуклонности, постоянства стремления, упорства в достижении поставленной цели. Мобилизуемая готовность, как общая составляющая, претворяется в нем в идею неостановленности, неуспокоенности, постоянства бдительности, но не во имя предотвращения каких-то грозящих опасностей, не для борьбы с противниками, не ради преобразования существующего. Это бдительность в отношении недопущения, непопустительства, ненарушения необходимого представления о лучшем, о том, как единственно правильно и исключительно должно быть (претворенное воплощение достигаемого в общем движении-устремлении приближаемого будущего) – применительно к производимому, результируемому в осуществляемом действии продукту создания человека. Продукту того человека и тех людей, которые в *деле рабочего класса* заявляют о себе, проявляют как производители, т.е. те, ради которых и во имя которых осуществляется все это высокое достижение. Воспитательное значение такого бойца, такой его роли, тем самым, заключается, состоит в своего рода смыкании двух позитивных мотивов – мотива движения к светлому социальному будущему освобожденного человека труда (финитная цель всего предприятия) и мотива продукта его труда как меры высокой цели и пробы и одновременно как средства в таком своем качестве достижения цели – на данный этап и момент и через это финитной, конечной. Рассматриваемый боец становится тем соединяющим стыком звеном, который, в силу своих проявляемых в постоянном и неуклонном движении-действии по достижению лучшего качества (решительность, твердость, готовность, неустрашимость, отвага), способен сомкнуть, осуществив собой, в себе, на себе, все то, что без его такого участия неосуществимо – как сооружение дороги, пути, моста, построение дома без материала укладки, ложающегося постоянно все дальше, выше и неуклонно вперед. Семантика такого рода бойца могла бы описываться точками напряжения между 1 и 3 с их вершинным объединением в 2: напряженная неуспокоенность в точке 1 через силу активной мобилизации в 2 разрешает себя в постоянстве стремления к 3. Это поиск, волнение с интенсивной разрядкой в необходимости постоянно усовершенствованного действия. *Боец* неуспокоенного поиска становится средством и материалом использования в русле поставленных целей. Те его качества, которые делают из него бойца по внутренним предрасположенностям (в силу неуспокоенности в поиске и устремлении к лучшему в нем самом), а не по назначению, месту и роли

(поскольку призвали и сделали из него бойца, поставив в ряды с другими), дают возможность вывести очень важный, если не определяющий признак идеи бойца как инварианта. Боец – это в первую очередь тот, кто по внутренним своим качествам (как в разбираемом случае) либо качествам, для него предписанным, должен быть в постоянной готовности к бою, т.е. готовым («боеготовым») действовать по команде, императиву, без переспросов и уточнений, без размышлений и взвешиваний и, что самое главное, без выяснения причин. Боец в этом смысле и качестве предстает, таким образом, как **действователь немотивируемого императива**.

Боец на фронте просвещения обнаруживает способность, определяемую со стороны агента и диспонента как необходимо предписываемую, в крайнем случае желаемую, воспринимать любое порученное, поручаемое, приделываемое задание, а также свою общественную позицию и социальную роль как неуклонно осуществляющуюся, совершаемую, происходящую и производимую всеми участниками борьбу. Борьбу, в которой нет места на колебания или сомнения, в которой задача, цель и противник ясны, по условиям и в мысль которой от бойца и участника ожидаются четко спланированные, скоординированные и согласованные на всех возможных участках и с командирами действия, направленные на достижение результата. Этот боец, определяя словами В. Маяковского *мобилизованный и призванный*, центром смысла имеет такое действие, которое, направляясь ко благу всеобщего достижения, складывается своей частью на это благо как в сотах пчелиного улья и сложных сооружениях муравьев. Только в единстве (*integrum*) множественного и однородного (*multum-homogeneum*) как совокупного (*conjunctum*) становится достижимой огромность (*magnum*) пространственного как временного, тянущегося (*extentum*) людского (*hominum*) массива на будущие века. Муравьиность усилий описываемого рода бойца, привязывая рассматриваемую для него идею к труду, полагая труд, строительство как боевую задачу, что-то вроде сооружения пирамид, при котором нет места для категориального проявления свойства каждого, но только совместность массива усилий не различаемых по своим отдельностям боевых элементов объединенного множества имеет свой смысл и дает результат, – эта идея отображает и воплощает себя в напряжении точек 2 и 4 с вершиной в 3. Пирамидальность как формирующий общее представление смысл предполагает не только проекцию поступательности с последовательным усилением при движении вверх и вперед¹, но и закладываемое в его мотивацию внутреннее позиционное ощущение того, что нижние этажи людского пространственно-временного массива служат поддержкой и материалом для следующих этажей. Позиция точки 2 предполагает готовность к

действию в его стимулированном развитии, с передачей, как эстафеты, другим, что, равно как со стороны таким образом действующего (нацеленного к такому действию, направленного к нему в точке 3 как точке необходимо и постоянного устремления), так и со стороны принимающих эстафету обеспечивает (4) его продолжение во времени и пространстве людского (*extentum-hominum*) для нового и последующего движения от 2 к 4 через, в посредстве и в смысле идеи и цели, 3. То есть действие, имеющее своим смыслом воспроизведение, воспроизводство, последствие в новом действии, подобном по замыслу, но на новом пространственно-временном для людского массива этапе.

Красный боец («о революционере, защитнике советской власти, в т.ч. воине-защитнике») в соответствии с ТСЯС) может быть охарактеризован как действователь в отношении позиции обеспечения (4) в ее поддержке и сопровождении собственно действия (3), т.е., тем самым, в направленности от 4 к 3 (3 ← 4). Красный боец – констатация, утверждение наличия, существования, присутствия в происходящем такого готового действовать в случае надобности преданного бойца, который не подведет, который на страже, на которого можно рассчитывать как на силу, способную защитить, оградить, обеспечить.

Для идеи и смысла *бойца* как инварианта, как следует из описания, важным, тем самым, объединяющим разные проявления, становится представление о готовности, понимаемой и разворачивающейся в различных своих ответвлениях – как открытости действию императива, как внутренней собранности, мобилизованности, готовности к выходу из состояния покоя, к запуску для движения собственных сил, как готовности действовать самозабвенно, преданно, не щадя своих сил, как готовности постоянства бдительности с переносом на производимый необходимый продукт, как бдительности общей совместной и разделяемой всеми и каждым ответственности, предполагающей дальнейшее самовоспроизводство, как бдительности позиции общей защиты и обеспечения достигаемого и достигнутого на каждом возможном этапе такого пути. Расходящиеся от общего их собирающего, вбирающего в себя и разводящего центра перечисленные виды готовности в разных соотношениях и сочетаниях предполагают проекции все тех же пяти валентно-векторных точек исхода с его выдвиганием, выходом из себя (1), кумуляции, мобилизации, собирания, сжимания внутренних сил и средств (2) для дальнейшего выхода в осуществляемом проявлении-действии (3), обеспечиваемого необходимым для этого сопровождением и защитной поддержкой (4) для достижения предполагаемого результата (5). Объединяющим, центробежно-центростремительным, вбирающим и испускающим вероятные смыслы-проекции,

пунктом рассматриваемого инварианта *бойца*, в отношении описываемой модели парадигматического представления советской действительности, будет признак, условно отмеченный термином боеготовность, понимаемая как внутренняя предрасположенность действовать реактивно, побуждаясь императивным толчком, без включения сдерживающих, тормозящих, преобразующих, претворяющих, искажающих исходный посыл, рефлексий и побуждений. Признак этот, иными словами, предполагает выключение сферы эго-контроля, руководящего целями достижения себя для себя, с замещенным включением, подключением этой внутренней сферы контролю внешнего – эго агента и диспонента, объявляемого и представляемого как воплощение социального, общего эго движущихся к тому же самому и совместному в своих целях массивов трудовых человеческих масс.

Для более полного понимания описываемых значений и описательной процедуры имело бы смысл рассмотреть, может менее обстоятельно, для контраста и иллюстрации, ряд других примеров. Возьмем для этого пары *борец* и *борец за народное счастье*, с одной стороны, *подруга*, которая *боевая* и которая в лозунге *сто тысяч подруг на трактор*, с другой (в сопоставлении с возможной, если таковая себя проявляет, *подругой*, но не вообще, а подругой действия, подругой как действительность – инвариантной для боевой и с теми, той, что на трактор, и им подобным). И сопоставим две эти пары (тройки) с группой *пахарь* – который *юный*, *голубой нивы*, *зеленой нивы*, *моря*, *воздушный* и *пахарь* всего этого и с этим другого подобного как объединяющий их инвариант и включающий проектив.

Если *бойца* как действующего, в различных его проявлениях, объединяла идея готовности действовать, руководствуясь внешним немотивируемым императивом², то *борца* такого же агента можно было бы воспринимать как того, кто борется (*бороться* – ‘отстаивать, добиваться осуществления’ в 3 знач., согласно МАС). *Борец* в ТСЯС толкуется в отношении и с упором защиты: «1. Тот, кто борется во имя защиты, осуществления чего-л. (обычно передового, прогрессивного). == **Стойкий (передовой) борец революции (за рабоче-крестьянскую революцию)**. Патет. О защитнике (в том числе воине-защитнике) Советской власти в первые годы ее существования».

Борца, таким образом, имело бы смысл определить в отношении постоянства силы, направленной в нем постоянно (на что в связи с этим можно рассчитывать, полагаться, что в нем использовать и запускать) на обеспечение и защиту, поддержку (отстаивания) выхода движущихся, направленных на достижение, сил. Его позиция, следовательно, распределялась бы между точками 3 и 4, с выходом из 3 к 4 и обратным, поддерживающим и стимули-

рующим в нем использование действующих и заряжаемых сил в направлении к 3, т.е. в схеме это выглядело бы как 3 ↔ 4, от 3 к 4 и затем, в поддержку и побуждение к действию, от 4 к 3.

Как следовало из представления инварианта *бойца*, такое общее воплощение далее, в вариантах, реализуемых словосочетаниями (но не только и не обязательно только ими), способно потенциально распределять себя, уточняясь в позициях всех пяти точек с дальнейшими переходами между, того же уровня, и переходами к – для последующего. То есть по схеме $N \rightarrow N_i$, равно как и $N \leftarrow N_i$ или $N \leftrightarrow N_i$ (для того же уровня) и $N.N_i...$ (для последующего). Иными словами, если *бойца* как агентивного инварианта составляло описанное соотношение $2 \leftrightarrow 3$, а его варианты *боец* (который *революции*), *боец* (который *за дело рабочего класса*), *боец* (который *социалистического фронта*), *боец* (который *за высокое качество продукции*), *боец* (который *на фронте просвещения*) и *боец* (который *красный*) можно было бы представлять как различного рода соотношения от этой исходной для них позиции ($2 \leftrightarrow 3$) точек 2, 4.1., $2 \rightarrow 3.5$, $1 \rightarrow 2 \leftarrow 3$, $2 \rightarrow 3 \leftarrow 4$ и $3 \leftarrow 4$, то нечто подобное можно было бы представлять и для *борца* – инварианта и вариантов.

Отвлечемся на время от слов и возможных на их основе словосочетаний, обозначающих интересующий нас советский людской позитив, подойдя к рассматриваемой в данный момент проблеме с теоретической стороны, с точки зрения построения. Теоретически можно принять, что если существует некоторый инвариант, определяемый к какой-то точке как точке исходного и ведущего для него, то его варианты могли бы распределяться далее как дополнения, расширения от нее. Огрубляя, т.е. не входя в смысловые аранжировки и тонкости, не задумываясь над соотношениями точек в реализациях, воплощаемых вербально, можно было бы предположить (сконцентрировавшись на идее отдельных точек как на акцентных, ведущих, иницирующих, открывающих какой-то коррелятивный и(ли) субординативный ряд) такое переключаемое и переходящее с одной позиции на другую наличие смыслов, которое (в данном случае для кумулятивного агента, но это возможно и в отношении всех других – аддитивного агента, таких же структуратива, квантитатива и сингулятива), допускало бы схему валентностно-векторных соотношений инварианта и вариантов. Иными словами, если принять, что ведущей, не аранжированной, не уточняемой, не скоррелированной, точкой в исходе для инварианта *бойца* была бы позиция 2 (кумулятивный агентив не ищущей мотивации боевой, т.е. запускаемой императивом, готовности (2) к действию в 3), а для инварианта *борца* – точка 3 (постоянство направленной силы (3) на достижение, обеспечение и защиту в 4), то теоретически их возможные варианты распределяли бы себя по пяти позициям (опять

же без корреляций и уточнений) на последующем уровне, как включенном для них, с возможным дальнейшим определением в тех же пяти позициях на каждом следующем уровне. То есть, теоретически, существует возможность, помимо *бойца*-инварианта для 2 кумулятивного агента, вариантов *бойца* 2.1., 2.2., 2.3., 2.4., 2.5., каждый из которых может иметь потенциально 2.1.1., 2.1.2., 2.1.3., 2.1.4., 2.1.5. в 2.1.; 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3. и т.п. в 2.2. и т.д., с дальнейшим по уровням уточнением 2.1.1.1., 2.1.1.2. и т.п. для 2.1.1. и т.д.

Язык, естественно, не использует и не реализует всех возможных теоретических вариантов, и не в этом поиске состояла бы наша задача. Речь идет о потенции и процедуре – вариантного поиска и представления. Исходя из этой чисто теоретической предпосылки, можно было бы, не уточняя соотношений и лишь намечая входы, увидеть, предположить такое валентно-векторное распределение *бойца* в рассмотренных ранее разновидностях:

- боец (2) – 2.1. боец революции (боец идеи преобразователя, ведомого императивом: 2.1.2....);
- 2.2. боец за дело рабочего класса (боец призвания к миссии – постоянной готовности к мобилизующему толчку: 2.2.4.1....);
- 2.3. боец социалистического фронта (боец готовности действовать самозабвенно во имя достижения общей цели: 2.3.2.5....);
боец за высокое качество продукции (боец неуспокоенного поиска в движении к совершенству: 2.3.1.2.5....);
боец на фронте просвещения (боец обращенной поддержки: 2.3.4.5....);
- 2.4. красный боец (боец защиты и осуществления: 2.4.3....)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О «вверх и вперед» как важной, существенной составляющей в модели советизированных представлений позитива говорилось ранее в связи с номинативом *летчика* (см. [Червиньски 2008: 125]; [Вайс 2007: 42]).

2. Что не следовало бы понимать как отсутствие мотивации как таковой. Мотивация есть, но она в своей сути и постоянно одна – всенародное благо. Речь идет о готовности действовать, не требуя каждый раз объяснений, не верифицируя и не поддавая рефлексии их обоснованность и соответствие действительному положению вещей.

ЛИТЕРАТУРА

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика 2007. № 3 (23). С. 34-60.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. [Ре-принт V-го издания 1899 г.]. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.

Латинско-русский словарь [Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков; Под общей редакцией С.И. Соболевского]. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. (ТСЯС) – СПб.: Фолио-пресс, 1998.

Словарь иностранных слов. (СИС) 9-е изд., испр. [Гл. ред. 6-го изд. Ф.Н. Петров] – М.: Русский язык, 1982.

Словарь русского языка в 4-х томах. (МАС) [Гл. ред. А.П. Евгеньева] 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 110-127.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 132-147.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (2) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 46-62.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (3) // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29). С. 69-86.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (4) // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 48-71.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (5) // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 55-73.

© Червиньски П., 2010

Шустрова Е.В.

Екатеринбург, Россия

ДИСКУРС БАРАКА ОБАМЫ:
ПРИЕМЫ И ОБРАЗЫ

УДК 81'27:811.111

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье описаны основные приемы и образы, которые присущи дискурсу публичных обращений Б. Обамы. Мы считаем, что эти приемы и образы обусловлены влиянием приемов, присущих практике проведения афроамериканских религиозных служб и наблюдаемых в других разновидностях афроамериканского дискурса, в частности политического и художественного.

Ключевые слова: политический дискурс, (риторический) прием, метафора, образ.

Сведения об авторе: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 459.

E-mail: shustrovaev@mail.ru.

Shustrova E.V.

Ekaterinburg, Russia

BARACK OBAMA'S DISCOURSE:
DEVICES AND IMAGES

ГЧТИИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Abstract. The paper investigates basic devices and images that are found in Barack Obama's public speech discourse. We have grounds to believe that these devices and images appear as a result of influence caused by African American preaching practices and by other types of African American discourse (political, belles-lettres, etc.).

Key words: political discourse, (rhetorical) device, metaphor, image.

About the author: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Отправной точкой нашего обзора стала статья Ф. Феррари. Напомним, что эта статья посвящена анализу речей Дж. Буша, мл. с точки зрения построения стратегии убеждения. Так, Ф. Феррари последовательно показывает, что в основу дискурса Дж. Буша ложится фрейм конфликта. Для того чтобы выстроить этот фрейм, Дж. Буш вводит ряд оппозиций, которые действуют на подсознательном уровне. Эти оппозиции сводятся к следующим: Добро – Зло, линия страха – линия веры, внешнее пространство как территория Зла и страха – внутреннее пространство как территория Добра и веры, позиция героя – позиция злодея, позиция героя – позиция жертвы, мужчина – женщина [Подробнее см. Феррари 2010]. Присутствие этих взаимосвязанных и четко оформленных оппозиций позволяет Ф. Феррари выделить в дискурсе Дж. Буша т.н. «манихейский фрейм», который вместе с фреймом конфликта формирует стратегию убеждения. Манихейство (или учение Мани) – это религиозное учение, основанное на оппозициях: Свет – Тьма, Добро – Зло и т.д. [подр. см.: Феррари 2010: 52-53; Википедия: <http://ru.wikipedia.org/wiki>] Другая опорная точка Дж. Буша – это введение нарративных структур, напоминающих вестерн, где также необходимо присутствие уже указанных оппозиций. «С довольно большой долей вероятности можно предположить, что нарративная структура, пронизывающая весь дискурс Дж. Буша, в значительной степени обусловлена господством мужского англо-саксонского образа, что так присуще жанру вестерна. Вместе с тем, возникает и женский образ, призванный занять позицию жертвы и должное место в оппозиции мужскому образу» [Феррари 2010: 45] Ф. Феррари совершенно справедливо гово-

рит о том, что в образе героя часто выступает сам президент. «Позиция, занимаемая американским президентом во время его выступлений, характеризуется двойственностью или амбивалентностью, согласно чему, американский президент предстает и как типичный американский гражданин, и как человек иного сорта. Данное обстоятельство отражает двойственность позиции героя, которую могут занять и американские граждане, и президент как спаситель своей страны. Подобная амбивалентность поистине ставит президента в позицию героя – того, от которого зависит спасение '(райского) сада' – страны, но чье пребывание на этой территории носит временный, ограниченный характер: этот самый герой однажды уйдет и, в конце концов, исчезнет. Именно такая парадоксальная амбивалентность, существование между внутренней и внешней позициями, соотносит такого героя со Спасителем. Подобное представление в некотором роде имеет отношение к Манихейскому учению, в котором Мани выступает как 'ипостась' священной воли» [Там же: 52].

В свою очередь нас заинтересовало то, как выстраивает свою стратегию убеждения действующий американский президент, изменилось ли что-нибудь в применяемых тактиках и конкретных приемах, в частности метафорах. С этой целью мы провели небольшое исследование. В основу материала исследования были положены публичные обращения Барака Обамы (всего немногим более 100). Около трети этих обращений относятся к допрезидентскому периоду (начиная с 2002 г.). Остальные были написаны и озвучены уже после вступления Б. Обамы в должность президента США. Среди них есть и совсем недавние выступления, да-

тируемые апрелем 2010 г. [www.obamaspeech.com; www.americanrhetoric.com].

Если вернуться к фрейму конфликта, который пронизывал весь дискурс Дж. Буша, то можно с уверенностью сказать, что Барак Обама отказывается от этой модели. Образ США как борца с внешней угрозой и героя не обладает большой частотностью и в допрезидентский период, и после вступления Б. Обамы в должность президента. Место борьбы с внешним врагом в дискурсе Б. Обамы занимает борьба за выживание **внутри** страны. Это борьба со «слабостью экономической и политической системы США», с «ежедневно подступающими сомнениями», с «настоящим положением дел», с «политическими интригами в Конгрессе и Сенате, 'партизанщиной' политиков», с «уходом ответственности», с «разрушением системы», с «зависимостью от поставок нефти», с «изменениями климата» как одного из результатов отсутствия модернизации системы производства США, с ухудшением дел в системе здравоохранения и образования.

Now, I also know that part of the reason is, is that this process was so long and so drawn out – this is just what happens in Congress. I mean, it's just an ugly process. You're running headlong into special interests, and armies of lobbyists, and partisan politics that's aimed at exploiting fears instead of getting things done. And then you've got ads that are scaring the bejesus out of everybody. And the longer it take, the uglier it looks.

Так вот, я так же знаю, что частично причина этого в том, что этот процесс [принятия законопроекта] отнимает слишком много времени, он очень затянут – это именно то, что происходит в Конгрессе. Я хочу сказать, что это просто отвратительно. Вы немедленно сталкиваетесь с групповыми интересами, армиями лоббистов, партизанской политикой, которая вместо того, чтобы предложить действенные меры, нацелена на раздувание страхов. Все это сопровождается шумихой в СМИ, которая пугает всех до колик. И чем дольше это продолжается, тем все отвратительнее это выглядит.

We've seen the consequences of this failure of responsibility. The American people have paid a heavy price. And the question we'll have to answer now is if we're going to learn from our past, or if – even in the aftermath of disaster – we're going to repeat those same mistakes. As the alarm bells fade, the din of Washington rises, as the forces of the status quo marshal their resources, we can be sure that answering this question will be a fight to the finish. But I have every hope and expectation that we can rise to this moment, that we can transcend the failures of the past, that we can once again take responsibility for our future.

Мы уже пожинаем плоды утраты чувства ответственности. Американцы дорого за это заплатили. Вопрос, на который нам сейчас предстоит ответить, звучит так: готовы ли мы учиться на своих прошлых ошибках или, даже все еще слыша отзвуки трагедии [экономического спада], мы повторим те же самые ошибки. Как только утихнут

отзвуки тревоги, поднимется гам Вашингтона. И когда силы существующего положения дел [в нашей политике] построят свои войска, мы можем с уверенностью сказать, что ответом на этот вопрос станет битва до конца. Но у меня есть основания надеяться и ждать, что мы ответим на вызов, мы сможем переступить черту, очерченную прошлыми поражениями, мы снова сможем нести ответственность за свое будущее.

Это борьба за возможность остаться 'на плаву', за сохранение работы и заработка, за получение страховки, за сохранение возможности учиться. При этом образ гордого героя сменяется образом избитого, измотанного бойца, неуверенного в будущем. Даже если этот боец одержал победу и сумел выправить тяжелое экономическое положение, впереди у него немало тяжелых дней.

Bruised, battered, many people are legitimately feeling doubt, even despair, about the future. Like those who came to this church on that Thursday in 1956, folks are wondering, where do we go from here?

Все в синяках и ссадинах [в результате кризиса], многие имеют все основания сомневаться в своем будущем, даже совсем потерять надежду. Как и те, кто пришел в эту церковь в тот четверг 1956 г., люди думают, и куда же мы теперь пойдём.

Будучи сенатором, Б. Обама мог позволить себе следующее заявление, линии которого так напоминают фрейм конфликта:

This is the moment when we must defeat terror and dry up the well of extremism that supports it. This threat is real and we cannot shrink from our responsibility to combat it. If we could create NATO to face down the Soviet Union, we can join in a new and global partnership to dismantle the networks that have struck in Madrid and Amman; in London and Bali; in Washington and New York. If we could win a battle of ideas against the communists, we can stand with the vast majority of Muslims who reject the extremism that leads to hate instead of hope.

Это тот момент, когда мы должны победить страх и осушить колодец экстремизма, который питает этот страх. Это реальная угроза, и мы не можем уйти от нашей ответственности, нашего долга принять этот вызов. Если мы смогли создать НАТО, чтобы противостоять Советскому Союзу, то мы сможем создать новые общемировые партнерские связи, чтобы разрушить те сети, которые привели к насилию в Мадриде и Аммане, в Лондоне и на Бали, в Вашингтоне и Нью-Йорке. Если мы смогли победить в идеологической войне против коммунистов, мы сможем встать плечо к плечу с большинством мусульман, которые отвергают экстремизм – движение, которое приносит ненависть вместо надежды.

Обама-президент говорит уже совсем иное: *Instead, we have lost thousands of American lives, spent nearly a trillion dollars, alienated allies and neglected emerging threats – all in the cause of fighting a war for well over five years in a country that had absolutely nothing to do with the 9/11 attacks.*

Вместо этого мы потеряли тысячи жизней американцев, потратили почти триллион долларов, отделились от союзников и забыли о новых угрозах – все во имя ведения войны на протяжении более пяти лет в стране, которая не имела никакого отношения к атакам 11 сентября.

So as a result, America will have to show our strength in the way that we end wars and prevent conflict – not just how we wage wars.

В конце концов, американцам придется показать свою силу в том, как мы заканчиваем войну и предотвращаем конфликты, а не только в том, как мы ведем войны.

Тем не менее повторим, что первая линия, линия конфликта с внешним врагом очень редко встречалась в дискурсе Обамы-сенатора и она не играет ведущей роли в дискурсе Обамы-президента. Одновременно с отказом от этой линии происходит отказ и от оппозиции, столь характерной для дискурса Дж. Буша: «Мы как внутреннее пространство ДОБРА, к которому должны примкнуть все остальные страны – ОНИ как внешнее пространство ЗЛА, отсутствия демократии, от которого нужно отойти и с которым нужно бороться». Б. Обама видит США как пространство, готовое открыть свои границы, слиться с остальным миром (конечно, не в плане реальных территориальных границ, а в плане понимания друг друга, идеологических границ). Для Б. Обамы позиция «к нам должны примкнуть» заменяется на позицию «мы должны примкнуть», «мы – часть планеты Земля». И это первая точка, которая роднит речи Б. Обамы с афроамериканской публицистикой и проповедями. Дело в том, что именно эта линия активно проводилась и проводится в афроамериканском публицистическом, художественном и религиозном дискурсе. «Мы (афроамериканская диаспора) – часть США», мы должны выйти за рамки, которые нам навязывает государство, в котором мы живем. Мы должны быть признаны остальными американцами и разделить с ними права и обязанности. Как бы трудно ни складывались отношения с «белой» Америкой, сколько бы угроз она ни несла, задачей диаспоры был выход за установленные границы и освоение нового пространства. И это второе расхождение с позицией Дж. Буша.

А что же сам президент? Остается ли он героем? Традиционным успешным героем – однозначно нет. Как говорит он сам: *Now, these are some of the fights we've already had, and I can promise you there will be more fights ahead. I'm not going to win every round. – Ну, эти битвы уже позади, и все, что я могу пообещать, – это только новые битвы. И я не смогу побеждать в каждом раунде.*

А с кем же он так ожесточенно борется? С внутренними врагами, которых мы уже назвали.

So long as I have some breath in me, so long as I have the privilege of serving as your President, I will not stop fighting for you. I will take my lumps, but I won't stop fighting to bring back jobs here. I won't stop

fighting for an economy where hard work is rewarded. I won't stop fighting to make sure there's accountability in our financial system. I'm not going to stop fighting until we have jobs for everybody. So long as I'm President, I'll never stop fighting for policies that will help restore home values, to redeem the investment that folks have made. We've seen some of those values return in some places, in some pockets, but it's still tough out there. We're going to have to do more this year to make sure that banks are responsive to folks who are working hard, have been paying their mortgage, but have found themselves in a tough situation. I'm not going to stop fighting to give our kids the best education possible to take the tens of billions of dollars we pay banks to act as middlemen on student loans and invest that money in students who actually need it. We don't need the middlemen – cut them out. I won't stop fighting to give every American a fair shake. That's why the very first bill I signed into law was the Lilly Ledbetter Act to uphold the principle of equal pay for equal work for men and women alike, especially when families need two paychecks to survive. So long as I'm President, I won't stop fighting to protect you from the kinds of deceptive practices we've seen from some in the financial sector. I won't stop fighting to open up government. Now, this is hard to do because we don't control every branch. But I can tell you we have put in place the toughest ethics laws and toughest transparency rules of any administration in history. In history. And so long as I'm President, I won't stop fighting to cut waste and abuse in Washington – to eliminate what we don't need, to pay for what we do; to rein in exploding deficits that we've been accumulating not just last year but for the last 10. And I'm going to keep on fighting for real, meaningful health insurance reform.

До тех пор, пока я дышу, до тех пор, пока мне оказана честь быть вашим президентом, я не перестану сражаться за вас. Я снесу всю критику, но я не перестану биться за то, чтобы в Америке вновь появились рабочие места. Я не перестану биться за такую экономику, где вознагражден тяжелый труд. Я не перестану биться за уверенность в том, что наша экономическая система прозрачна и подотчетна. Я не собираюсь прекращать эту битву, пока у нас не будет обеспечен работой каждый. До тех пор, пока я президент, я не перестану биться за такую систему, которая поможет поднять на прежний уровень стоимость жилищного фонда, чтобы не дать пропасть инвестициям наших граждан. Мы видим, что кое-где цена уже поднялась, затраты возмещены, но ситуация все еще напряженная. В этом году мы сделаем больше, чтобы быть уверенными, что банки несут ответственность перед теми, кто тяжело трудится, кто оплачивает ипотеку, но оказался в трудном положении. Я не перестану биться за то, чтобы наши дети получали самое лучшее образование. Для этого мне понадобится забрать у банков десятки миллиардов долларов, которые они получают за услуги посредников в сфере кредитования на учебные цели, и вложить эти деньги в тех учащихся, которые действительно в этом нуждаются. Нам не нужны посредники. Это звено нужно убрать. Я не пере-

стану биться за то, чтобы у каждого американца был шанс на успех. Поэтому первый же законопроект, который я одобрил, был законопроект, гарантирующий принцип равной оплаты за равный труд для мужчин и для женщин. Это особенно важно, когда семье нужны две зарплаты, чтобы выжить. До тех пор, пока я президент, я не перестану биться, чтобы защитить вас от того обмана, который практикуется некоторыми из наших ведущих финансистов. Я не перестану биться за то, чтобы правительство стало открытым. Знаете, это трудно сделать, потому что я и мой кабинет не контролируем каждую структуру власти. Но я могу вам сказать, что мы ввели самые жесткие законы этики и самые жесткие правила прозрачности, которые когда-либо существовали в американской администрации за всю ее историю. За всю ее историю. До тех пор, пока я президент, я не перестану биться за то, чтобы сократить ненужные расходы и положить конец злоупотреблениям Вашингтона, чтобы убрать то, что нам не нужно, заплатить за то, что мы делаем, наложить узду на огромный дефицит бюджета. Этот дефицит копился не только последний год, а десять последних лет. И я собираюсь биться за такую реформу здравоохранения, которая действительно что-то значит.

Поскольку фрейм конфликта с внешним врагом уходит на второй план, то размывается и линия оппозиции «мужчина (как защитник страны от внешнего врага) – женщина (в роли которой выступает страна (США), национальная безопасность, принципы, национальная идентичность)». А что же приходит взамен? Какая линия становится ключевой для Б. Обамы? На основании полученных данных можно с уверенностью сказать, что это образ путника. Страна «идет к неизвестному будущему», «находится на пороге нового трудного пути, путешествия», «должна соблюдать правила движения», «встанет на путь финансовой ответственности», «сделает шаги» в определенных направлениях, «пойдет вперед», «отойдет от устоявшихся практик», предпримет ряд мер для улучшения внешней торговли, которая не должна быть «улицей с односторонним движением», «сталкивается на своем пути (букв. дороге) с огромными проблемами в системе здравоохранения», «продвигается по пути [реформ]» и т.д.

I know it's been a hard road we've traveled this year to rescue the economy, but the economy is growing again. The job losses have finally slowed, and around the country, there's signs that businesses and families are beginning to rebound. We are making progress. ... I know it's been a hard road that we've traveled to reach this point on health reform. I promise you I know.

Я знаю, чтобы спасти нашу экономику, мы шли в этом году трудным путем, но у нас снова наблюдается экономический рост. Безработица, наконец, пошла на спад, и по всей стране есть признаки того, что бизнес и семьи постепенно восстанавливают финансовые потери.... Я знаю, мы шли трудным путем, чтобы получить то, что мы имеем сегодня

в области реформы здравоохранения. Я клянусь вам, я знаю.

Сам президент – это тоже путник и человек, облегчающий тяготы пути, не боящийся их преодолеть.

Now, here's the message I want you to take away. I want to make this absolutely clear. I did not run for President to turn away from these challenges. I didn't run to kick these challenges down the road. I ran for President to confront them – once and for all.

Знаете, я хочу, чтобы вы не сомневались в одном. Я хочу, чтобы это было совершенно понятно. Я участвовал в выборах на пост президента не для того, чтобы отвернуться от этих вызовов [экономического спада]. Я участвовал в выборах не для того, чтобы пнуть эти вызовы – пусть себе катятся по дороге. Я участвовал в выборах для того, чтобы устранить эти вызовы – раз и навсегда.

Откуда же приходит этот образ? Что за ним стоит? На наш взгляд, это вновь следствие влияния практики религиозных служб в афроамериканской общине, политических речей афроамериканских лидеров, многие из которых были и остаются блестящими проповедниками, всей афроамериканской речевой культуры, во многом основанной на библейских параллелях. Кстати, сам Б. Обама этого и не скрывает. Он не только напрямую обращается к речам афроамериканских проповедников, в частности М.Л. Кинга, мл., но и трансформирует эти мотивы и выстраивает на них свою образную линию.

But let me tell you – during those times it's faith that keeps me calm. It's faith that gives me peace. The same faith that leads a single mother to work two jobs to put a roof over her head when she has doubts. The same faith that keeps an unemployed father to keep on submitting job applications even after he's been rejected a hundred times. The same faith that says to a teacher even if the first nine children she's teaching she can't reach, that that 10th one she's going to be able to reach. The same faith that breaks the silence of an earthquake's wake with the sound of prayers and hymns sung by a Haitian community. A faith in things not seen, in better days ahead, in Him who holds the future in the hollow of His hand. A faith that lets us mount up on wings like eagles; lets us run and not be weary; lets us walk and not faint.

Но позвольте вам сказать, все это время именно вера позволяла мне сохранять спокойствие. Именно вера приносит мне покой. Та самая вера, что заставляет мать-одиночку во времена сомнений работать на двух работах, чтобы не потерять крышу над головой. Та самая вера, что заставляет безработного отца семейства вновь и вновь посыпать свои заявления о приеме на работу даже после того, как он сотню раз получил отказ. Та самая вера, что говорит учителю: «Пусть тебя не понимают девять из десяти твоих учеников. Тебя поймет десятый». Та самая вера, что нарушает тишину перед началом землетрясения, наполняет ее звуком молитв и [религиозных] гимнов, которые поют жители Гаити. Вера в то, что нельзя увидеть, в то, что впереди лучшие дни, в Того, кто

держит будущее в своей ладони. Вера, которая дает нам силы подняться на крыльях подобно орлам, дает нам силы бежать и не уставать, дает нам силы идти и не испытывать слабости.

Можно легко провести параллель с метафорой М.Л. Кинга, мл.: *...we can walk and never get weary, because we know there is a great camp meeting in the promised land of freedom and justice. ...мы можем идти и никогда не устать, потому что мы знаем, что в Земле Обетованной Свободы и Справедливости уже собрались [путьники].*

Эти же образные линии высокочастотны и в афроамериканских религиозных гимнах (spirituals), и в афроамериканской художественной литературе. Таким образом, мы снова находим параллели, намеченные, в частности, в работах Э. Каплан [Kaplan 1990] и Ф. Феррари [2010]. Эти параллели свидетельствуют о сходстве политического и литературного дискурсов в плане выбираемых образов. Отличие в том, что Б. Обама отходит от жанра венстерна и литературы конца XIX века и заменяет их Библией и линиями афроамериканской художественной литературы и фольклора. Что касается влияния литературы, то нужно вспомнить, сколько одаренных афроамериканских общественных деятелей одновременно создавало и художественные произведения. В их числе Ф. Дугласс, У.Э.Б. Дюбуа, Р. Райт, Р. Эллисон, М.Л. Кинг, Л. Хансберри, Э. Уоркер и многие другие. Афроамериканский художественный дискурс, особенно XX в., неотделим от политики, создается под влиянием политического климата. Библия же и религия – неотделимые части воспитания как всей афроамериканской общины, так и непосредственно самого Б. Обамы. Чтобы это не казалось преувеличением, приведем цитату из книги Б. Обамы «Мечты, унаследованные от отца» («Dreams from My Father: A Story of Race and Inheritance»):

People began to shout, to rise from their seats and clap and cry out, a forceful wind carrying the reverend's voice up to the rafters. And in that single note – hope – I heard something else; at the foot of that cross, inside the thousands of churches across the city, I imagined the stories of ordinary black people merging with the stories of David and Goliath, Moses and Pharaoh, the Christians in the lion's den, Ezekiel's field of dry bones. Those stories of survival and freedom and hope became our stories, my story. The blood that spilled was our blood; the tears our tears; until this black church, on this bright day, seemed once more a vessel carrying the story of a people into future generations and into a larger world. Our trials and triumphs became at once unique and universal, black and more than black. In chronicling our journey, the stories and songs gave us a meaning to reclaim memories that we didn't need to feel shame about – memories that all people might study and cherish and with which we could start to rebuild. That has been my experience at Trinity. Like other predominantly black churches across the country, Trinity embodies the black community in its entirety – the doctor and the welfare mom, the model student and the former

gang-banger. Like other black churches, Trinity's services are full of raucous laughter and sometimes bawdy humor. They are full of dancing and clapping and screaming and shouting that may seem jarring to the untrained ear. The church contains in full the kindness and cruelty, the fierce intelligence and the shocking ignorance, the struggles and successes, the love and, yes, the bitterness and biases that make up the black experience in America.

Люди начали кричать, вставать со своих мест, хлопать в ладоши и громко молиться. Голос пастора был подобен ветру, полному сил, так он доносился до тех, кто был на плоту своей молитвы. И в этом едином порыве, в надежде, я услышал что-то еще. Там, у основания креста, в тысячах городских церквей я представил себе, как истории простых «черных» людей переплетаются с притчами о Давиде и Голиафе, Моисее и Фараоне, о христианах в логове льва, о пророке Иезекииэле и поле сухих костей. Эти истории о спасении, свободе и надежде стали нашими историями, моей историей. Пролитая кровь была нашей кровью, пролитые слезы – нашими слезами, пока этот «черный» приход в этот светлый день не превратился снова в корабль, несущий историю народа другим поколениям и миру. Наши испытания и победы внезапно стали индивидуальными и всеобщими, присущими неграм и гораздо более широкому кругу. В летописи нашего путешествия предания и песни давали нам сакральный смысл, который позволял нам вернуться к нашим воспоминаниям. Воспоминаниям, которых не нужно было стыдиться, воспоминаниям, которые каждый мог изучить, которыми можно дорожить и благодаря которым мы могли начать новую жизнь. Это было то, что я испытал в Церкви Троицы. Как и любая другая церковь, где подавляющее большинство прихожан принадлежит к афроамериканской диаспоре, Церковь Троицы воплощает афроамериканское сообщество во всей его полноте. Здесь рядом молятся [преуспевающий] врач и мать, живущая на пособие, примерный студент и бывший насильник. Как и в других афроамериканских приходах, службы в Церкви Троицы полны пронзительного смеха и иногда непристойных шуток. Они наполнены танцем и прихлопами, визгом и криком. Всем тем, что может резать неподготовленный слух. Церковь в полной мере содержит добро и жестокость, острый ум и ужасающее невежество, борьбу и успех, любовь и, да, конечно, горечь и предубеждение – эти неотъемлемые составляющие жизненного опыта негра в Америке.

Кстати, здесь мы встречаемся еще с одним приемом, широко распространенным в афроамериканской художественной литературе. Это т.н. «нанизывание». Это первое, что поражает при чтении афроамериканской литературы – связанность различных образов, относительная жесткость системы концептов и обязательное присутствие двух четко обозначенных полюсов Бога и человека, которые в конце произведения обязательно должны слиться в единое целое. Мы считаем возможным отнести эту взаимозависимость различных концептов, их слияние в

единое целое как в микро-, так и в макроконтексте к «черным» специфичным элементам, унаследованным из африканских легенд. Если обратиться к афроамериканскому художественному дискурсу второй половины XX в., то мы без труда обнаружим сходные черты, ту же способность взаимозависимости концептов, которая остается неиспользованной в полной мере в «белом» тексте. Это отчасти может объяснить, почему в романах Э. Уоркер, Г. Нейлор, Т. Моррисон, Т. МакМиллан отчетливо слышны интонации Дж. Болдуина, Р. Эллисона, Р. Райта... В европейском и «белом» американском дискурсе, как правило, автор делает упор на развитие ограниченного числа концептов, которые могут не встретиться в другом художественном произведении. Так, присутствие фито- и зооморфизмов не предполагает параллельного прочтения концепта камня, воды, ветра, покрова или концепта звука. В афроамериканском художественном дискурсе сохраняется эта целостность, присутствие всех ее элементов в дискурсах разных авторов, что создает впечатление стройного единства [подробнее см. Шустрова 2007]. Похожий прием находим и в том фрагменте, который приведен выше. Здесь мы без труда увидим целую цепь: Бог, ветер, животное, части тела, тьма и свет, странство, путь, вода, корабль, голос и т.д. У нас есть два четко обозначенных полюса «Бог» и «человек», которые становятся единым гармоничным целым благодаря молитве и обращению, реализованному через голос и путь.

Что касается мужского англо-саксонского образа, то Б. Обама не может к нему прибегать по вполне понятным причинам. Эта линия тоже должна уйти. И она уходит, сменяется линией путника, столь характерной для афроамериканской культуры. Поясним, мы вовсе не хотим сказать, что эта образная линия отсутствует у других народов, в других национальных дискурсах. Просто у Б. Обамы она в большей мере обусловлена не влиянием других этнических стереотипов, а влиянием афроамериканской культуры, которая, конечно, возникает на стыке «черного» и «белого» начал.

А как же модель «герой – героиня», «мужчина – женщина»? Что происходит с ней? Эта простая биполярная «брачная» модель, присущая и вестерну, и политическим речам Дж. Буша, заменяется моделью общины, одной большой семьи у Б. Обамы. Говоря об образовании, Б. Обама вспоминает дочек и сестру-учителя, себя самого в юные годы, говоря о здравоохранении, рассказывает о маме, бабушках и дедушке, говоря о социальных и финансовых проблемах, обращается к историям простых американцев. Он постоянно пытается сказать: «я – один из вас, член вашей семьи». Так уходит и мотив двойственности образа американского президента (см. выше). Он больше «не один из нас и одновременно кто-то лучше нас», он больше не герой, рискующий своей жизнью

во имя борьбы с внешним злом. Героическая линия тоже присутствует в образе борца с внутренними бедами, но она вторична и часто напоминает спортивную метафорическую модель. В первую очередь, американский президент – путник и семьянин, сосед и друг, член общины. Эта же образная линия, метафора семьи проявляется и благодаря введению образа «семейного бюджета», упоминаний необходимости экономить так, как это делают в большинстве семей.

At this point, we know that the budget surpluses of the '90s occurred in part because of the pay-as-you-go law, which said that, well, you should pay as you go and live within our means, just like families do every day.

Сейчас мы знаем, что профицит бюджета в 90-е появился, в частности, благодаря закону «плати по счетам в срок», который гласит, ну, мы должны сразу оплачивать наши текущие расходы и жить по средствам, т.е. так, как это делают в большинстве семей.

It is that promise that's always set this country apart – that through hard work and sacrifice each of us can pursue our individual dreams but still come together as one American family, to ensure that the next generation can pursue their dreams as well.

Следование именно этому завету всегда отличало нашу страну. Завету о том, что благодаря тяжелому труду и жертвенности каждый из нас может воплотить свою личную мечту, но [благодаря тяжелому труду и жертвенности] мы по-прежнему остаемся единой американской семьей во имя того, чтобы следующее поколение тоже могло воплотить свою мечту.

Кстати, в последнем контексте идет отсылка не только к «американской мечте», но и к знаменитой, культовой речи М. Л. Кинга «У меня есть мечта» («I Have a Dream») и тем знаковым событиям и текстам, которые она вызвала. Почему же уходит этот образ героя, который был присущ и дискурсу Дж. Буша, мл., и романам в стиле вестерн. Причины вновь нужно искать во влиянии тех ценностей, которые важны для афроамериканской диаспоры, а именно в совершенно разном понимании роли героя американцем европейского, в частности англосаксонского, происхождения и афроамериканцем. С точки зрения афроамериканской диаспоры (и исследования историков и социологов служат тому веским доказательством; см., например, Aptheker 1943; Blassingame 1973, 1979; Genovese 1974; Gutman 1976; Nash, Shelton 1987; Rawick (ed) 1972–1979 и др.) герой – это не тот, кто готов идти напролом, не тот, кто выступает в роли благородного спасителя прекрасной дамы, а тот, кто может образумить общину, предостеречь, уберечь от необдуманных агрессивных поступков, повести за собой общими путями, чтобы остаться в живых. Это не значит, что в жизни афроамериканской диаспоры нет страниц радикализма. Они есть и были, достаточно вспомнить такие движения и организации, как «Черные пантеры», «Черное

искусство» и др. Но это не ведущая линия. Возгласы «Африка зовет!» и «Все на баррикады!» не выдержали испытания временем. Это были очень узкие течения, временные настроения, против которых так стремились предостеречь те, кому действительно было суждено сыграть в жизни афроамериканской диаспоры ключевую роль. Так, Дж. Болдуин, сам крайне страдавший от проявлений расовой нетерпимости, открыто спорит с Р. Райтом, другим афроамериканским писателем и политическим деятелем, призывавшим к активным выступлениям. Название эссе Дж. Болдуина прекрасно передает те причины, по которым появления героя в открытой активной позиции несовместимо с реалиями жизни афроамериканской диаспоры. Эссе называется «The Fire Next Time» – «В следующий раз – расстрел». И именно так оно бы и случилось – с «черными» демонстрантами никто не церемонился так же, как никто не церемонился с рабами, склонными к подстрекательствам и бунтарству. Кроме этого, нужно вспомнить и о том, что агрессивные заявления и грубые речи, так отличающие рэп и некоторые другие виды афроамериканского речевого поведения, вовсе не означают, что эти угрозы будут приведены в действие. Это просто способ активной психологической самореабилитации.

Другой момент, который нам нужно вспомнить, это то, что у афроамериканцев чертами откровенного бунтаря наделяется такой персонаж, как трикстер, или обманщик, хитрец, пришедший в афроамериканский дискурс из легенд Африки. Присутствует он и в индейском фольклоре. Прекрасный анализ этого персонажа представлен в статье Р. Абрахамса [Abrahams 1980]. Облик этого персонажа изначально носит зооморфные характеристики – он предстает как Ворон или Койот в индейском фольклоре и как Паук (тетушка Нанси), Братец Кролик и глупый зверь у афроамериканцев. Позднее к ним присоединяется человек. У индейцев – это вождь, нарушающий все возможные табу и дискредитирующий себя на всю оставшуюся жизнь; у афроамериканцев – это просто глупец и простофиля, который впоследствии в историях городского гетто принимает облик криминального и агрессивного элемента. Продолжая мысль Р. Абрахамса, добавим, что в таком обличье трикстер входит и в дискурс рэпа и хип-хопа и мало кто из «белой» аудитории осознает, что это бывшие пушистый Братец Кролик или Обезьяна-обманщик (*Signifyin' Monkey*). Интересно, что в африканском фольклоре все происходило с точностью до наоборот – сначала был бог-посредник Езу, носитель антропоморфных черт, который объединял двойственную природу обмана и простоты, а затем животные, одно из которых олицетворяло хитрость, а другое – легкоеверие, глупость, недалекость. Возвращаясь к исследованию Р. Абрахамса, можно отметить, что трикстер – это существо с множеством человеческих черт,

которое не имеет главного, а именно, способности налагать узду на свои желания и вести себя как подобает члену того или иного социального коллектива. Этот регрессивный инфантилизм проявляется в том, что перед нами предстает маленькое или приниженное в силу социальных условий существо, которое окружено чем-то большим (природой или обществами) и вступает в конфликт с этими мощными силами. Но если у индейцев ведущим остается негативный элемент нарушения табу, то у афроамериканцев это превращается в еще один активный способ психологической самореабилитации, самоутверждения. Это приводит к тому, что социально отвергаемые черты трансформируются в криминальные черты, достойные восхищения, поскольку обман и кража направлены против давнего обидчика (Братца Лиса, воплощающего «белого» американца, самого «белого» человека, хозяина и т.д.). Так, роль неудачника постепенно исчезает и на первый план у афроамериканцев выходит ловкач.

Кратко суммируем те элементы, которые лежат в основе создания трикстера, его назначения в дискурсе. Р. Абрахамс отмечает, что «действия [трикстера] дерзкие, бунтарские, эгоистичные, в их основе всегда лежит мысль о первенстве личной свободы, проявленной действием, по отношению к социальным запретам, которые всегда вторичны... Он [трикстер] не обладает ни моральными, ни социальными ценностями и идет на поводу своих страстей и appetitov... Как враг любых ограничений, он воплощает ту беззаконную, анархичную часть нас самих, которая существует даже в самых законопослушных членах общества» [Abrahams 1980: 195-198]. Именно последнее обстоятельство, по мысли Р. Абрахамса, и вызывает восторг и восхищение слушателей. В то же время, трикстер показывает в гипертрофированном виде, насколько неприглядны такие поступки, насколько они противоречат тем неписанным правилам, которые обуславливали относительно безопасное существование диаспоры, насколько он сам смешон в своей дерзости. Трикстер призван воплотить безобидный способ нарушения табу **без реальной угрозы обществу и порядку**. Т.е., с точки зрения афроамериканского фольклора, герой – это либо ловкач, либо существо, способное образумить, с точки зрения афроамериканской публицистики и литературы и с точки зрения дискурса афроамериканской проповеди, герой – это человек, способный наложить узду и на свои желания, и на желания других.

Вместе с исчезновением образа традиционного героя исчезает и образ прекрасной дамы, ждущей избавления. Весь ход афроамериканской истории был таков, что образ прекрасной дамы и не мог сложиться ни в фольклоре, ни в публицистике, ни в литературе. Одна из самых ярких цитат, которая может проиллюстрировать огромную разницу в судьбе и роли

белой американки и афроамериканской женщины, принадлежит М. Анджелоу. Она пишет: «*You let down, from arched / Windows, / Over hand-cut stones of your / Cathedrals, seas of golden hair. / While I, pulled by dusty braids, / Left furrows in the / Sands of African beaches*» «Ты спускала вниз из оконных арок по обтесанным вручную камням своих соборов моря золотых волос. Мною же бороздили пески африканских пляжей, когда тянули меня за пыльные косы» [Angelou 1994: 210]. Героиня в афроамериканской литературе – это женщина, много повидавшая и испытавшая. Даже если это ребенок, то такой, которому выпала нелегкая доля. Этот удел принимается как должное, без жалоб и слез, как **часть пути к Богу**. Это женщина, которая по силе духа и физической выносливости не уступает мужчине. Часто ее герой мертв, она идет по жизни одна, помня о нем. В афроамериканских литературных произведениях, проверенных временем, нашедших отклик, а не написанных по заказу издательства в полном соответствии с «белым» аналогом, нет места счастливой романтической истории избавления. Конечно, есть тема любви и супружества, но на первый план она не выходит и, как правило, окрашена в трагичные тона.

Именно это мы и наблюдаем в дискурсе Б. Обамы: изменение образа героя и героини. Они больше не влюбленная пара, не потенциальные супруги, что было справедливо отмечено Ф. Феррари применительно к дискурсу Дж. Буша, мл. У Б. Обамы герой и героиня в полном соответствии с образами афроамериканской литературы и проповеди – это путники, равноправные члены общины, то, что в афроамериканской культуре называется *Brother* и *Sister*. Кстати, и сами слова *Brother* и *Sister* – не редкость в устах действующего президента США при обращении к гражданам своей страны.

Теперь давайте посмотрим, что еще объединяет афроамериканский дискурс разных типов, в том числе и религиозный, и дискурс Б. Обамы. Таких точек соприкосновения несколько. Одна из них – это сама **структура публичного обращения**. Американский антрополог П. Джонс-Джексон на материале записей Южно-Каролинских афроамериканских проповедей выявила такую структурную цепочку: **формальное начало – прелюдия с выражением смирения – благодарственная часть – обращение к аудитории – заключительная часть с элементами намека на бренность нашего бытия и его непреходящий конец** (formal opening – proem (expression of humility) – thanksgiving – appeals, peroration (including references to the end of life)) [Jones-Jackson 1987: 80–81]. Те же самые элементы описывает и У. Питт на материале афроамериканских проповедей Техаса и Теннесси. Записи проповедей были сделаны в 1920-х, 1930-х и 1990-х гг. [Pitt 1993]. Точно такую же структуру можно легко найти у Б. Обамы. Конечно, она проявляется в

смягченном виде, и благодарственная часть может предшествовать прелюдии с выражением смирения, но, в общем и целом, структуры очень похожи. Кстати, возможность взаимной замены прелюдии и благодарности в афроамериканской проповеди отмечается и у очень известного креолиста Дж. Рикфорда [Rickford, Rickford 2000: 45].

Формальное начало, как правило, очень краткое и в проповеди, и у Б. Обамы. Оно включает приветствие и предложение занять свои места. Само обращение меняется в зависимости от цели и темы выступления, но всегда занимает четвертую позицию. Мы приведем примеры прелюдии, благодарственной части и заключения как наиболее кратких частей.

В афроамериканской проповеди:

Let us praise God. / We thank Thee, our Heavenly Father, early this morning. / For waking up us, Oh Heavenly father, clothed in our right mind.

Давайте воздадим хвалу Господу. / Мы благодарим Тебя, наш Небесный Отец, этим ранним утром / За то, что пробудил нас, о Небесный Отец, в облачении здравого ума.

Фрагмент другой проповеди:

Let us praise God. / De day is past an gone. / An de evening shall appear. / Oh, may we all remember well / When de night of death draw nigh. / We-we'll lay our garment by / And upon our bed to res. / And soon, death will corrode us all, / An what we have possessed. / Dis day, dis day, our Father, / Here is a few, of your own han made.

Давайте воздадим хвалу Господу. / День позади. / И придет вечер. / О пусть все мы хорошо помним, / Когда приблизится ночь смерти. / Мы сложим наш наряд / И взойдем на ложе. / И вскоре смерть обратит в прах и нас / И все, что мы имеем. / В этот день, в этот день, Отче наш, / Пред Тобой твои создания.

Заключение:

Make dem [sinners] know, our Father, / Dat you can defen, / An you will destroy. / An our Father, / Make dem know, our Father, / Dat when you thunder in de eas, / No man can thunder in the west / After you.

Дай этим грешникам понять, Отче наш, / Что Ты можешь защитить / и Ты можешь уничтожить. / И, Отче наш, / Дай им понять, Отче наш, / Что когда Твой гром гремит на востоке, / Никто не смеет греметь на западе. / Только после тебя [Цит. по: Rickford, Rickford 2000: 42–43].

Сравним с фрагментами речей Б. Обамы:

Благодарственная часть:

Thank you! Everybody, please have a set. To Leader Reid, to Steny Hoyer, John Larson, Xavier Becerra, Jim Clyburn, Chris Van Hollen, to an extraordinary leader and extraordinary Speaker of the House, Nancy Pelosi, and to all the members here today, thank you very much for having me. Thanks for having me and thanks for your tireless efforts waged on behalf of health insurance reform in this country.

Спасибо вам! Пожалуйста, все присаживайтесь. Спасибо огромное спикеру Рейду, Стени Хойеру, Джону Ларсону, Ксавье Бесерре, Джиму Кли-

берну, Крису Ван Холлену, замечательному политику и выдающемуся спикеру палаты представителей Нэнси Пелози, всем членам палаты, присутствующим здесь сегодня. Спасибо огромное за то, что принимаете меня. Спасибо за то, что принимаете меня и спасибо за ваши неустанные усилия, направленные на проведение в нашей стране реформы медицинского страхования.

Сразу же за ней следует прелюдия с выражением смирения:

I have the great pleasure of having a really nice library at the White House. And I was tooling through some of the writings of some previous Presidents and I came upon this quote by Abraham Lincoln: "I am not bound to win, but I'm bound to be true. I'm not bound to succeed, but I'm bound to live up to what light I have."

Я очень рад тому, что в Белом доме действительно замечательная библиотека. И я изучал некоторые из трудов предыдущих президентов, и я наткнулся на изречение Авраама Линкольна: «Я не обязан победить, но я обязан быть верным. Я не обязан преуспеть, но я обязан быть достойным того света, что дарован мне».

И, наконец, заключение:

Every single one of you have [по правилам должно быть has – Е.Ш.] made that promise not just to your constituents but to yourself. And this is the time to make true on that promise. We are not bound to win, but we are bound to be true. We are not bound to succeed, but we are bound to let whatever light we have shine. We have been debating health care for decades. It has now been debated for a year. It is in your hands. It is time to pass health care reform for America, and I am confident that you are going to do it tomorrow.

Каждый из вас должен пообещать не только своим избирателям, но самому себе. И самое время сдержать это обещание. Мы не обязаны победить, но мы обязаны быть верными. Мы не обязаны преуспеть, но мы обязаны отдать весь тот свет, что сияет в нас. Мы десятилетиями обсуждали реформу системы здравоохранения. И сейчас мы обсуждаем это уже год. Реформа в ваших руках. Пришло время начать реформу системы здравоохранения во имя Америки, и я уверен, что завтра вы это сделаете.

Кстати, обратим внимание на очень некрасивую с точки зрения стандартного английского оговорку «Every single one of you have». Это не просто случайная ошибка. В устах такого опытного оратора, как Б. Обама она становится еще одним приемом, о котором мы поговорим немного позже (см. ниже **struttin'**).

Другая речь. *I love you! I don't know if some of you remember, but I visited this university about three years ago for the first time. This was at just the dawn of my presidential campaign. It was about three weeks old, I think. We didn't have a lot of money. We didn't have a lot of staff. Nobody could pronounce my name. Our poll numbers were quite low. And a lot of people – a lot of people in Washington, they didn't think it was even worth us trying.*

Я люблю вас! Я не знаю, помнит ли кто-нибудь из вас, как я впервые приехал в этот университет

три года назад. Это было на заре моей президентской кампании. По-моему, ей было всего три недели от роду. У нас не было денег. У нас не было большого штата сотрудников. Никто не мог произнести мое имя. Наш рейтинг был весьма низок. И многие, многие в Вашингтоне, они даже и не думали, что нам стоит попытаться.

Еще один пример:

As any American who is still looking for work or a way to pay their bills will tell you, we are by no means out of the woods. A full and vibrant recovery is still many months away. I want to thank the members of this body for your efforts and your support in these last several months, and especially those who've taken the difficult votes that have put us on a path to recovery. I also want to thank the American people for their patience and resolve during this trying time for our nation.

Как вам скажет любой американец, который все еще ищет работу или способ заплатить по счетам, ни в коем случае нельзя думать, что трудности позади. Пройдут долгие месяцы, прежде чем наступит полное и настоящее выздоровление. Я хочу поблагодарить членов этого собрания за ваши усилия и вашу поддержку в течение этих последних месяцев, и особенно тех, кто принимал участие в официальном голосовании, что привело нас на путь выздоровления. Я также хочу поблагодарить американский народ за его терпение и решительность в эти трудные для нашей нации времена.

Обращение к членам ООН:

*Good morning. Mr. President, Mr. Secretary General, fellow delegates, ladies and gentlemen, it is my honor to address you for the first time as the 44th President of the United States. [I] come before you **humbled** by the responsibility that the American people have placed upon me, mindful of the enormous challenges of our moment in history, and determined to act boldly and collectively on behalf of justice and prosperity at home and abroad [выделено мной. – Е.Ш.].*

Доброе утро, господин Президент, господин Генеральный Секретарь, господа делегаты, господа, мне выпала честь впервые обратиться к вам в качестве сорок четвертого президента США. Я стою перед вами, **со смирением** приняв ту ответственность, которую возложил на меня американский народ, осознавая тот вызов, который брошен временем и нашим местом в истории. Я настроен действовать решительно и с учетом мнения большинства во имя справедливости и процветания у нас дома и за рубежом.

Самое начало обращения к американским военным:

*Secretary Gates, Admiral Mullen and members of the Armed Forces, fellow Americans, family and friends of those that we lost this day: Michelle and I are deeply **humbled** to be with you [выделено мной. – Е.Ш.].*

Секретарь Гейтс, адмирал Мюллен и представители вооруженных сил, соотечественники, члены семей и друзья тех, кого мы сегодня потеряли. Мишель и я с **глубоким смирением** сегодня с вами.

Одна из концовок:

For in the end, Yvonne's dream is a dream shared by all Americans. It's the founding promise of our na-

tion: *That we can make of our lives what we will; that all things are possible for all people; and that here in America, our best days lie ahead. I believe that. I truly believe if I do my part, and you, the American people, do yours, then we will emerge from this crisis a stronger nation, and pass the dream of our founding on to posterity, ever safer than before.*

В конце концов, мечта Ивонны – это мечта всех американцев. Это основной завет нашей нации. Завет, что мы можем превратить нашу жизнь в то, что мы хотим, что все возможно для всех, и что здесь в Америке наши лучшие дни еще впереди. Я верю в это. Я искренне верю, что если я выполняю свой долг и вы, граждане США, выполните свой, мы восстанем из кризиса более сильной нацией, чем мы были, и передадим потомкам нашу главную мечту, чтобы они могли ее беречь еще лучше, чем мы и наши предки.

Другой пример концовки:

That's what we can and must do now, not just to overcome this crisis, but to leave something better behind, to lay a foundation on which our children and our grandchildren can prosper and take responsibility for their future.

Это то, что мы можем и должны сейчас сделать, не просто преодолеть кризис, а оставить после себя что-то лучшее, [чем то, что мы унаследовали,] заложить основу будущего благополучия наших детей и внуков, основу, которая поможет им принять ответственность за свое будущее.

Или такое заключение:

Through tragedy and heartache, that's the spirit that has sustained this community, and this country, for over 200 years. And as we pray for the souls of those we've lost, and the safe return of those who are missing, we are also sustained by the words of the Psalm that are particularly poignant right now. Those words read: "You, O Lord, keep my lamp burning; my God turns my darkness into light."

Через трагедии и боль сердца, [мы обрели] тот дух, который поддерживает это общество и эту страну более 200 лет. И сейчас, когда мы молимся за души тех, кого мы потеряли, и за благополучное возвращение тех, кто пропал без вести, нас также поддерживают слова одного из псалмов, что звучат сейчас особенно горько. Это слова: «Ты, о Господи, поддерживаешь огонь в моей лампаде, мой Бог обращает мою тьму в свет».

Любимые заключительные фразы Б. Обамы:

May God bless you and comfort you. Да благословит и утешит вас Господь. And may God bless the United States of America. Да благословит Господь Соединенные Штаты Америки.

Или такая:

God bless you, and God bless the United States of America. Господи, благослови вас, Господи, благослови Соединенные Штаты Америки.

Другая особенность, присущая и афроамериканской устной традиции, и дискурсу Б. Обамы – это постоянный (по возможности) **обмен репликами во время общения**. Подобный вид коммуникации был впервые описан Б. Малиновским и назван «**фатической**» коммуника-

цией. Ее цель – установление и поддержание контакта [Malinowski 1961]. В ряде американских исследований этот вид коммуникации называется «вопросно-ответным» (*Call-Response*) [Crawford 1995: 74–79; Smitherman 1998: 208; Wilcots 2000]. Такой способ обмена информацией настолько широко используется Негритянской Церковью, что стал одним из ее непреходящих обрядов, свято соблюдаемых во время службы и пришедших на смену обычной проповеди. Реплики, выраженные вербально, принято усиливать с помощью невербальных средств коммуникации, в частности, таких, как *givin' five* и *high five*, т.е. невербальных способов выражения своего согласия посредством соприкосновения рук говорящих. Единственно неверный вид поведения как речевого, так и неречевого – это использование эмоционально-нейтрального стиля, не проявление своих чувств, нежелание или неспособность выразить собственное отношение к сообщаемой информации. Конечно, Б. Обама применяет модифицированный вариант такой коммуникации, но его речь очень напоминает то, как обращается к своей пастве проповедник-афроамериканец. Один из примеров такого обращения приведен в исследовании Дж. Рикфорда [Rickford, Rickford 2000: 45]:

Do you know any Jacobs? Sleeping with a woman that he does not love. Having sex with a woman that he does not love. And Dr. Weems reminded us on Monday night one ain't got nothing to do with the other. You missed that: Having sex with a woman ain't got nothing to do with loving a woman.

Вы знаете таких Иакобов? Тех, что спят с женщинами, не любя их. Занимаясь сексом с женщинами, которых они не любят. А Отец Уимс напоминал нам в понедельник вечером, что любовь и секс совершенно разные вещи. Вы прослушали. Спать с женщиной и любить ее совсем не одно и то же.

Так обращается не кто иной, как преподобный Джереми Райт – человек, про которого Б. Обама говорит:

«The man I met more than twenty years ago is a man who helped introduce me to my Christian faith, a man who spoke to me about our obligations to love one another, to care for the sick and lift up the poor.... As imperfect as he may be, he has been like family to me. .... I can no more disown him than I can disown the black community. ... These people are part of me. And they are part of America, this country that I love».

«Этот человек, которого я встретил более 20 лет назад, стал тем, кто приобщил меня к христианской вере, тем, кто говорил мне о нашей [святой] обязанности любить друг друга, заботиться о немощных и помогать немощным... Каким бы несовершеннолетним он ни был, он был для меня как семья. Я не могу отречься от него так же, как я не могу отречься от 'черной' общины. Такие люди – часть меня самого. И они – часть Америки, той страны, которую я люблю».

Каждая из фраз обращения, приведенного выше, требует от присутствующих ответа. Это

может быть «Yessir», «All right! Amen!», «Preach it!», «Lord have mercy!» или «Go 'head, brother, go 'head! Yessuh! Talk to the people, Brother Minister!». Афроамериканский проповедник не постесняется напомнить пастве о необходимости ответа («Кто-то должен сказать 'аминь!'») или поинтересоваться «Я не очень вам надоел?!», «Сколько у меня еще времени?». Единственно правильная реакция паствы – это послушное «Аминь» или «Нет, сэр, нет!» и «Говори, Брат, говори, мы не торопимся». Кроме этого, пастор довольно часто вводит фразы «Слушайте внимательно!», «А сейчас, внимание!», «Прислушайтесь к моим словам!» и т.д. Те же самые приемы легко обнаружить в речах Б. Обамы. Конечно, он не говорит «А сейчас скажем 'аминь!'», но фразы «Я не очень вам надоел?!», «Сколько у меня еще времени?», «Ребята, я все еще здесь!» или «Ничего, что я здесь?» так же, как фразы привлечения внимания встречаются в его речах гораздо чаще, чем у «белых» политиков. Кроме этого, у Б. Обамы есть очень интересный прием, согласующийся с «вопросно-ответной» коммуникацией. Президент сам выступает и в роли проповедника, и в роли паствы, разыгрывает своеобразный спектакль, имитирующий церковную службу. Например, он говорит о том, что в трудные для всей Америки времена кризиса ему пришло видеообращение детей. Б. Обама напрямую цитирует строки этого обращения и заканчивает фразой девочки «Кто-нибудь слышит нас?». Т.е. это имитация обращения проповедника. Далее сам Б. Обама подхватывает так, как должна это сделать паства: «Мы слышим, слышим! Делаем все, что в наших силах!». И снова смена роли. Теперь Б. Обама – сам проповедник: «Но ваша задача учиться и оставаться в системе образования как можно дольше. Не бросайте свою учебу! Я призываю вас». После этого так и хочется сказать «Yessir! Amen!»

Следующая особенность речи афроамериканских проповедников, близко примыкающая к предыдущей, – это т.н. *struttin'*. Изначально *struttin'* означало особую манеру движения проповедника, его перемещение по церкви. Сейчас к этому значению добавилось и «**умение легко переходить на разные стилистические регистры** и с 'белого' английского на афроамериканский и обратно». Если вновь обратиться к фрагменту проповеди Дж. Райта (см. выше), мы найдем там конструкцию *one ain't got nothing to do*, которая совершенно нарушает правила стандартного английского, зато хорошо согласуется с моделями территориальных диалектов и афроамериканского английского. Не надо думать, что Дж. Райт не владеет нормой – он прекрасный оратор и преподаватель риторики лучших вузов США. Это не что иное, как *struttin'*, цель которого – слияние со своей аудиторией. «Для всех афроамериканских церквей действует одно и то же правило: священник, который говорит исключительно на стандарте без каких-

либо мотивов, ритмов и движений, характерных для афроамериканской церковной традиции, серьезно рискует показаться отстраненным и, как следствие, высокомерным. Это неизбежно приведет к тому, что большая часть его слушателей потеряет к нему всякий интерес» [Rickford, Rickford 2000: 56].

Приведем продолжение проповеди Дж. Райта, построенной на библейских персонажах Иакове, Лии и Рахили [Genesis 29: 16-35, 30: 1-22], где есть яркий образец *struttin'*. Сначала священник соблюдает торжественный стиль и применяет исключительно правильный, библейский английский. Потом следует такая речь:

And on the third baby, she said, "This time I got him. He can't go nowhere. Now he is joined to me. He's mine." Y'all know Leah, don't you? [Congregation: "Yes!"]... Leah conceived again and bore a son and said, "This time – I made a mistake once. I was too blind to see the second time. And I was a fool for you, baby, on the third time. But this time, I finally woke up. This time, I see my mistake. This time, I ain't falling for it, babycakes. This time, me and the Lord got this thing going on."

А родив третьего, она сказала: «На этот раз я его поймала. Никудашеньки он теперь не денется. Теперь он связан со мной. Он мой». Вы все знаете Лию, ведь знаете?! [Прихожане: «Да!»] Лия зачала снова, и родила сына, и сказала: «Сейчас! Я ошиблась в первый раз. Я была слепа и не увидела правду во второй раз. И я была полной дурой, любя тебя, мальши, в третий раз. Но на этот раз я, наконец, проснулась. На этот раз я вижу свою ошибку. На этот раз хрен ты меня проведешь. На этот раз я и Господь, наконец, справимся». [Цит. по: Rickford, Rickford 2000: 52–53].

Довольно трудно представить себе такую проповедь в любом из «белых» приходо-в. Далее священник вводит две конструкции, крайне сниженные в стилистическом плане, которые можно услышать на улице, из уст рок-исполнителя или ди-джея, но которые в «белой» традиции еще больше нарушают сакральность церковного обряда. Это «*C'mon baby, we gon tear the roof off the sucka tonight*» и «*You got to give it up, tonight*». Обе относятся к сфере половых отношений и совершенно недопустимы в проповеди «белого» священника. А для афроамериканца – это вполне нормальное явление под названием *struttin'*.

Тот же самый прием смешения сакрального и бытового легко находим в обращениях Б. Обамы. У него он принимает форму параллельного развития линии общих моральных ценностей, социальных норм и линии постоянного обращения к самым простым бытовым ситуациям, в которые попадает большинство американцев, и к самым простым способам поведения в таких ситуациях. Б. Обама не стесняется напрямую процитировать сказанное тем или иным американцем, и очень часто эти прямые слова отличаются от нормированного ан-

лийского, нарушают правила. Те неправильно-сти и грубости, которые в отличие от Дж. Райта не может себе позволить президент США в своей собственной речи, он успешно заменяет прямым цитированием, называя имя автора тех или иных грубоватых слов. Кстати, и Дж. Райт тоже делает вид, что цитирует кого-то из библейских персонажей.

Следующий прием – это т.н. *testifyin'*, которое в афроамериканской традиции означает «свидетельствовать о милости Господней». Этот прием в церкви проявляется в обращениях простых прихожан к другим членам прихода. Такие обращения следуют сразу после окончания официальной службы и часто отличаются повышенной экспрессивностью. Обычно это рассказы о том, как была тяжела жизнь того или иного прихожанина и как она изменилась, когда Бог явил свою милость [см., например, Smitherman 2001]. У Б. Обамы этот прием принимает форму зачитывания (или воспроизведения) писем простых американцев. Кажется, что на трибуне не американский президент, а один из граждан США, который повествует о том, как изменилась (или изменится) к лучшему его жизнь с принятием правительством тех или иных мер. Все эти приемы усиливают модель «я (Б. Обама) – член общины, один из вас».

Другой прием, на который следует обратить внимание, – это т.н. искусство *signifyin'* (*signifying*), которое связано с афроамериканской устной традицией и требует специальных пояснений. Попробуем разобраться, что же это такое. М. Меззроу, известный джазовый музыкант, в глоссарии своей автобиографии пишет о *signifying* как «искусстве намека, хвастовства, жеста». Для него *signifying* – языковая игра, имеющая целью передачу скрытого смысла посредством самых безобидных выражений, причем сюда же включается язык жестов и мимики. Неважно, что сказано, но важно, как сказано. Если вы не умеете читать язык жестов, мимики и интонаций, то рискуете попасть впросак подобно Льву, обманутому Обезьяной [Mezzrow, Wolfe 1946: 378, 230]. Если опираться на теорию Р. Абрахамса и его великолепное исследование *signifying* [Abrahams 1962; 1970], то основными положениями его определений можно считать следующие:

1. *signifying* очень многозначно;
2. это понятие «черной» культуры и «черный» риторический прием;
3. одно из значений «умение говорить с помощью косвенных намеков»;
4. может значить «придираться, недоброжелательно критиковать, лстить, приукрашивать рассказ, сочинять небылицы»;
5. может значить «умение ходить вокруг да около, не затрагивая напрямую основной идеи»;
6. может значить «высмеивание человека или ситуации»;

7. может значить «говорить с помощью невербальных средств»;

8. это язык двусмыслиц, «передача прямого значения посредством косвенных»;

9. при межрасовом общении служит маскирующей формой поведения.

Есть ряд и других определений [Foster 1974: 203-210; Mitchell-Kernan 1973: 310-328; Gates 1988: 67-86; Smitherman 1994: 206]. Изначально этот прием был связан с таким персонажем, как бог-посредник Езу. Этот персонаж не только сохраняется до сих пор в культурах Нигерии и Бенина, но и благополучно пережил бурный переезд в Бразилию, Кубу, на Гаити, Карибские острова и в США. В Нигерии он носит имя Езу-Элегбара, в Бенине – Легба, Эксу в Бразилии, Ечу-Элегуа на Кубе, Папа Легба на Гаити, а колдуны США, знающие магию Худу, призывают его под именем Папа Ла Баса. В каждой версии Езу относится к богам-посредникам, он передает повеления богов человеку и просьбы людей – богам. Он мастерски владеет стилем, охраняет перекрестки, стоит на пороге того, что разделяет богов и человека. Он – связующее звено между правдой и ее пониманием, божественным и мирским, текстом и его интерпретацией. Он связывает воедино грамматику богов с риторикой людей. В мифологии йоруба Езу – хромой, одна нога у него длиннее другой. Это не что иное, как символ его функции посредника: одной ногой он стоит в пантеоне богов, а другой – в нашем мире.

В работах, посвященных Езу [Bascom 1969; Herskovits 1967; Idowu 1962; Pelton 1980; Thompson 1971], ему приписываются такие качества, как индивидуальность и неопределимость, предательство и верность, склонность к сатире, пародии, иронии, сексуальность, двойственность физического плана и душевных качеств. У него два рта, поэтому и речь его двусмысленна. Он выполняет роль литературного критика, растолковывая людям речи оракула Ифы [Оля 1976: 33–34; Governar 2000: 524-527], который несет Слово Божье. В Западной традиции ближе всего к нему стоит Гермес, также несший людям Знание. В ряде мифов образ Езу сливается с образом обезьяны. Так, Л. Кабрера пишет: «Езу-Элегбара появляется в сопровождении Обезьяны, и они истолковывают волю богов с помощью орехов пальмы, растущей в садах Оругана (бога Солнца)» [Цит. по: Gates 1988: 15]. Кроме того, Езу-Элегбара отличается очень маленьким ростом, черным цветом и длинным хвостом, его большие глаза горят, как угли, и пристально вглядываются в мир. По одной из легенд, он без ведома высшего бога породил всех обезьян [Herskovits 1967: 151-152; 193-194]. Г. Гейтс обращает внимание также на графическую схожесть слов *guije* (синоним Езу) и *jigue*, используемое в поэзии со значением «обезьяна» [Gates 1988: 17]. Афроамериканская диаспора дает этому образу еще одно название – *Signifying Monkey*. Изначально, исходя

из той роли, которую она выполняет в фольклоре, это Обезьяна-Оракул. Позднее она выступает в роли злой насмешницы и обманщицы. Ее неперменной жертвой становится лев, которого она стравливает со слоном [Botkin 1944: 652-675; Dance 1978: 247-262; Gershoni 1997: 139-142; Governar 2000: 419-427]. *Signifying Monkey* существует не просто как персонаж, а скорее как троп, передающий множество дополнительных смыслов – иногда это скрытое сравнение, иногда этот образ больше напоминает метафору или аллегорию. Подобно двуротому Езу, породившему ее, Обезьяна пользуется языковыми перевертышами, вкладывая новый смысл в привычные выражения. Как и повелитель перекрестков Езу, она появляется на перекрестке двух языков и, смеясь, перемешивает значения слов, давая миру новое Знание. Кстати, чтобы получить это знание и обрести мудрость, Обезьяне пришлось принести в жертву свою жизнь – не удержавшись на дереве, она упала в Воды Знания, и стала его истолкователем, приплывая к тем, кто ее ждет.

В афроамериканской литературной традиции и искусстве проповеди прием *signifyin'* часто связан с умением вплетать в свою речь намеки (если пользоваться традиционным термином, аллюзии), напоминающие о творчестве других афроамериканцев или своем собственном. Так возникает единство дискурса. С одной стороны, это напоминает то, что принято описывать как интертекстуальность, с другой стороны, есть и ряд этнических особенностей. У Б. Обамы это принимает форму ссылок и намеков на дискурс других американских президентов, на их опыт и устремления – с одной стороны, и на свои собственные более ранние обращения – с другой. В то же время Б. Обама выступает в роли истолкователя воли других президентов США. В результате, возникает эффект полной преемственности и оправданности действий сегодняшнего президента с учетом уже пройденного пути с точки зрения логики и эффект единого речевого пространства с точки зрения риторики. Приведем два крохотных фрагмента, которые лишь отчасти иллюстрируют этот прием.

I know there's some who believe we can only handle one challenge at a time. And they forget that Lincoln helped lay down the transcontinental railroad and passed the Homestead Act and created the National Academy of Sciences in the midst of civil war. Likewise, President Roosevelt didn't have the luxury of choosing between ending a depression and fighting a war; he had to do both. President Kennedy didn't have the luxury of choosing between civil rights and sending us to the moon. And we don't have the luxury of choosing between getting our economy moving now and rebuilding it over the long term.

Я знаю, есть те, кто думает, что каждый раз мы можем справляться только с одной назревшей проблемой. Они забывают, что Линкольн способствовал основанию трансконтинентальной железной

дороги, и издал закон о гомстедах (см. ниже – Е.Ш.), и создал Национальную академию наук прямо в разгар Гражданской войны. Точно так же у президента Рузвельта не было такой роскоши, как выбор: закончить ли ему депрессию или вести войну. Он был вынужден делать и то и другое. У президента Кеннеди не было такой роскоши, как выбор: гражданские права или полет на Луну. И у нас нет такой роскоши, как выбор: движение нашей экономики сейчас или ее долговременное переустройство.

(Закон о гомстедах – подписан 20 мая 1862 г. в период Гражданской войны. Предусматривал право граждан США на безвозмездное получение земельного надела (гомстеда) размером до 160 акров (около 65 га). По истечении пяти лет надел при условии его обработки переходил в собственность поселенца [Американа 1996: 425].)

Teddy Roosevelt, Republican, was the first to advocate that everybody get health care in this country. Every decade since, we've had Presidents, Republicans and Democrats, from Harry Truman to Richard Nixon to JFK to Lyndon Johnson to – every single President has said we need to fix this system.

Тедди Рузвельт, республиканец, был первым, кто отстаивал право каждого на получение медицинского обслуживания в нашей стране. С той поры каждое десятилетие наши президенты, республиканцы и демократы, начиная с Гарри Трумэна и продолжая Ричардом Никсоном, Джоном Кеннеди, Линдоном Джонсоном и так далее, отмечают, что нам нужно исправить эту систему.

(Ср. выше цитата из А. Линкольна).

Еще два приема, столь характерные для афроамериканской проповеди и литературы – это **аллитерация и параллелизм частей**. Они отличают и дискурс Б. Обамы:

Today, after almost a century of trying –

Today, after over a year of debate –

Today, after all the votes have been tallied, health insurance reform becomes law in the United States of America – today.

(Ср. выше «But let me tell you – during those times it's faith that keeps me calm, etc.»).

Вернемся к статье Ф. Феррари, с которой мы начали, и отметим, что и наш материал подтверждает то, что, несмотря на изменение ведущих образных линий в дискурсе действующего президента США, гендерные категории не исчезают. Они трансформируются, находят другое воплощение, но продолжают присутствовать. Они не могут исчезнуть из любого дискурса, как не могут исчезнуть женское и мужское начала. Другое дело, кого защищают, кто становится защитником и каким.

Второй момент, которое выявило наше исследование, это уход на задний план фрейма внешнего конфликта, столкновения с внешней угрозой. В качестве угрозы выступает положение внутренних дел в США. Оппозиция «Мы как внутреннее пространство ДОБРА, к которому должны примкнуть все остальные страны – ОНИ как внешнее пространство ЗЛА, отсутствия демократии, от которого нужно отойти и с

которым нужно бороться», характерная для дискурса Дж. Буша, мл. меняется у Б. Обамы на модель «Мы – часть планеты Земля».

Третий вывод. Действующий президент не выводит на первый план образную линию «я – герой, спаситель». Она заменяется линией «я – член общины, путник, человек, облегчающий тяготы пути». Модель «я – герой, спаситель, защитник от внешней угрозы» трансформируется в модель «я – боец, сражающийся с внутренними проблемами». Это обусловлено разным пониманием роли героя и героини в «белом» и «черном» культурном пространстве.

Четвертый вывод. Приемы дискурса публичных обращений Б. Обамы обусловлены влиянием приемов, присущих практике проведения афроамериканских религиозных служб и наблюдаемых в других разновидностях афроамериканского дискурса, в частности политического и художественного. Безусловно, эти приемы и образы издавна известны и в других культурах и не могут считаться исключительно частью «черного» начала. Тем не менее их совокупность дает нам образец дискурса, настолько отличный от «белого» политического обращения, насколько сам Б. Обама внешне отличается от Дж. Буша.

ЛИТЕРАТУРА

- Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь. – Смоленск: Полиграмма, 1996.
- Оля Б. Боги тропической Африки. – М.: Наука, 1976.
- Шустрова Е.В. Афроамериканский английский: лексика и текст. – М.: Флинта: Наука, 2007.
- Википедия – Свободная энциклопедия [сайт]. – [2009] – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
- Феррари Ф. Гендер и отождествление в политическом дискурсе: американская женщина как категория анализа // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. Вып. 1(31). С. 39-54.
- Abrahams R.D. (ed.) Deep Down in the Jungle: negro narrative folklore from the streets of Philadelphia. – Chicago: Aldine Publishing, 1970.
- Abrahams R.D. The Changing Concept of the Negro Hero // The Golden Log. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1962. P. 119-34.
- Abrahams R.D. Trickster, the Outrageous Hero // American Folklore. – N. Y.: Voice of America Forum Series, 1980. P. 193-201.
- American Rhetoric: Barack Obama Speeches. Complete Transcripts, Audio, Video [сайт]. – [2010] – URL: <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>.
- Angelou M. The Complete Collected Poems of Maya Angelou. – N. Y.: Random House, 1994.
- Aptheker H. American Negro Slave Revolts. – N. Y.: International Publishers, 1943.
- Baldwin J. The Fire Next Time. – N. Y.: Dial Press, 1963.
- Bascom W. Ifa Divination: communication between gods and men in West Africa. – Bloomington: Indiana University Press, 1969.
- Blassingame J.W. Black New Orleans, 1860-1880. – Chicago: University of Chicago Press, 1973.
- Blassingame J.W. The Slave Community. Plantation Life in the Antebellum South. – N. Y. & Oxford: Oxford University Press, 1979.
- Botkin B.A. Lay My Burden Down: A Folk History of Slavery. – Chicago: Aldine Publishing, 1944. P. 652-675.
- Complete Text Transcripts of Over 100 Barack Obama Speeches [сайт]. – [2010] – URL: <http://www.obamaspeech.com>.
- Crawford E.E. The hum: call and response in African American preaching. – Nashville: Abingdon Press, 1995.
- Dance D.C. Shuckin' and Jivin': folklore from contemporary Black Americans. – Bloomington: Indiana University Press, 1978.
- Foster H.L. Ribbin', Jivin', and Playin' the Dozens: The Unrecognized Dilemma of Inner City Schools. – Cambridge: Ballinger, 1974. P. 203-210.
- Gates H.L., jr. The Signifying Monkey. The Theory of African-American Literary Criticism. – N. Y. & Oxford: Oxford University Press, 1988.
- Genovese E.D. Roll, Jordan, Roll: the world the slaves made. – Random House, Inc., 1974.
- Gershoni Y. Africans on African-Americans: the creation and uses of an African-American myth. – N. Y.: New York University Press, 1997.
- Govenar A.B. African American frontiers: slave narratives and oral histories. – Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2000.
- Gutman H. The Black Family in Slavery and Freedom 1750-1925. – N. Y.: Pantheon Books, 1976.
- Herskovits M.J. Dahomey, An Ancient West African Kingdom: 2 v. – Evanston: Northwestern University Press, 1967.
- Idowu E.B. Olodumare: god in Yoruba belief. – London: Longman, 1962.
- Jones-Jackson P. When Roots Die: Endangered Traditions on the Sea Islands. – Athens: University of Georgia Press, 1987.
- Kaplan A. Romancing the Empire: The Embodiment of American Masculinity in the Popular Historical Novel of the 1890s // American Literary History. 1990. № 2:4. P. 659-690.
- Malinowski B. The dynamics of culture change; an inquiry into race relations in Africa. – New Haven, Yale University Press, 1961.
- Martin Luther King Memorial Project. – [2010]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches.htm>.
- Mezzrow M., Wolfe B. Really the Blues. – Garden City, N. Y.: Doubleday, 1946. – 348 p.
- Mitchell-Kernan C. Signifying as a Form of Verbal Art // Mother Wit from the Laughing Barrel: Readings in the Interpretation of Afro-American Folklore. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1973. P. 310-328.
- Nash G.B., Shelton C.J. The Private Side of American History. Reading in Everyday Life: 2 v. – N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1987.
- Pelton R.D. The Trickster in West Africa: a study of mythic irony and sacred delight. – Berkeley: University of California Press, 1980.
- Pitt W. Old Ship of Zion: The Afro-Baptist Ritual in the African Diaspora. – N. Y & Oxford: Oxford University Press, 1993.

Rawick G.P. (ed.) *The American Slave: a composite autobiography: 19 v.* – Westport, CT: Greenwood Press, 1972-1979.

Rickford J.R., Rickford R.J. *Spoken Soul. The Story of Black English.* – U.S.A: John Wiley & Sons, Inc., 2000.

Smitherman G. *Black Talk. Words and Phrases from the Hood to the Amen Corner.* – N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1994.

Smitherman G. *Talkin and Testifyin. The Language of Black America.* – Detroit: Wayne State University Press, 2001.

Smitherman G. *Word from the hood: the lexicon of AAVE // African-American English. Structure, history and use.* – London ; N. Y., 1998. P. 203-225.

The Holy Bible. – N. Y.: International Bible Society, 1984.

Thompson R.F. *Black Gods and Kings: Yoruba art in UCLA.* – Bloomington: Indiana University Press, 1971.

Wilcots K.D. *The relationship between racial identity, ethnic identity and African-American acculturation and their contribution to psychological well-being.* – Denton, Tex.: University of North Texas, 2000.

© Шустрова Е.В., 2010

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бажалкина Н.С.
Москва, Россия

Bazhalkina N.S.
Moscow, Russia

К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРЕННЕГО СОДЕРЖАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ АФОРИЗМОВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

ON THE PROBLEM OF THE INNER CONTENT
OF POLITICAL APHORISMS
IN THE ENGLISH LANGUAGE

УДК 811.111: 81'27
ББК Ш 143.21

ГЧТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.20

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию внутреннего содержания политических афоризмов в английском языке. Рассматриваются такие концепты как «политика», «экономика», «государство», «власть», «руководство», «война» и т.д.

Abstract. The given article deals with the study of the inner content of political aphorisms in the English language. It examines such concepts as "politics", "economy", "state", "power", "leadership", "war" etc.

Ключевые слова: концепт, слово, лексема, семантическое поле, афоризм, политическая афористика.

Key words: concept, word, lexeme, semantic field, aphorism, political aphoristics.

Сведения об авторе: Бажалкина Наталья Сергеевна, ассистент кафедры иностранных языков.

About the author: Bazhalkina Natalia Sergeevna, Assistant Teacher of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Московский государственный областной университет.

Place of employment: Moscow State Regional University.

Контактная информация: 142108, Московская Область, г. Подольск, ул. Сосновая, д. 2, корп. 2, кв. 116.
E-mail: stnatik@rambler.ru.

Политическая афористика – это совокупность высказываний и суждений, в которых к политической сфере относится либо внутреннее содержание, либо автор или адресат. Афоризм отражает существование политического дискурса в единстве двух сторон – материальной (события и явления, присущие непосредственно сфере политики) и абстрактно-философской, отражающей реалии человеческого бытия.

С одной стороны, политические афоризмы, подобно афоризмам других групп, характеризуют общие для всего человечества культурно значимые концепты, формируют положительное отношение к мировым духовным ценностям, с другой – отражают специфику восприятия действительности политического дискурса. Анализ лексики политических афоризмов позволяет судить об особенностях картины мира участников политического дискурса, об их ценностных системах и способах ее вербализации.

Представление о мире политики реализуется в сознании участников политического дискурса в системе концептов. По утверждению Карасика В.И., «центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составить достаточно объемный словарь» [Карасик 1999: 6]. Как констатирует «Краткий словарь когнитивных терминов», «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания.... Концепты сводят разнообразие наблю-

даемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путём подведения информации под определённые выработанные обществом категории и классы» [КСКТ 1996: 90]. С термином «концепт» тесно связан и термин «семантическое поле», объясняемый как «совокупность слов и выражений, образующих тематический ряд и покрывающих определенную область значений» [Розенталь 2001: 430].

Отметим, что в сознании носителя языка действительность разделена на две взаимосвязанные стороны: материальный, вещественно осязаемый мир и мир абстрактных понятий и явлений. Рефлексирующему индивиду одинаково важны обе стороны, при этом он стремится осмыслить и определить реальность в её разносторонних связях с человеком.

Внутреннее содержание политических афоризмов и афористических выражений отражено в определенном лексико-семантическом наборе. В частности, значительным количеством лексических единиц представлена собственно категория "politics" (политика), а также категории, в которые входят лексические единицы, обозначающие такие понятия как "state" (государство), "nation" (нация), "ideology" (идеология), "law" (закон), "society" (общество), "power" (власть), "rights" (права), "economy" (экономика), "democracy" (демократия), "health care" (здравоохранение), "elections" (выборы), "crime" (криминал), "corruption" (коррупция), "war" (война) и т.д.

Концепт "politics" (политика) рассматривается в политической афористике в нескольких

ракурсах: а) деятельность государственного управления, отражающая общественный строй; б) направление деятельности государства (внешняя и внутренняя политика); в) образ действий, стратегия: *Democracy is the theory that the common people know what they want, and deserve to get it good and hard (H.L. Mencken); A little rebellion now and then is a good thing (Thomas Jefferson); Politics depends on our ability to persuade each other of common aims based on common reality (B. Obama); The first rule of politics: there are no rules. You make your own luck (T. Blair).*

Внешняя политика в афористике обозначена как: а) невмешательство во внутренние дела других стран: *In the end, no amount of American forces can solve the political differences that lie in the heart of somebody else's civil war (B. Obama);* б) отношения с другими странами: *When our neighbors suffer, all of the Americas suffer (B. Obama); I don't see any other way of realizing our hopes about World Organization in five or six days. Even the Almighty took seven (Winston Churchill); I never thought that the Russian Ambassador would ever cross my threshold; I checked up on the snuff-boxes on my return but did not notice anything missing (Chips Channon);* в) уровень развития государства по отношению к другим странам: *It's time for the United States to reclaim and renew its historic role as a leader in the hemisphere, and the example of hope for all who seek opportunity in the Americas (B. Obama);* г) деятельность по осуществлению внешней политики: *Diplomacy is measured by patience and effort (B. Obama); The French are masters of "the dog ate my homework" school of diplomatic relations (P.J. O'Rourke);* д) взаимосоотрудничество между странами: *Interdependence is an accepted fact. It is giving rise to a great yearning for a sense of global purpose, underpinned by global values, to overcome challenges, global in nature (T. Blair); Today we are engaged in a deadly global struggle for those who would intimidate, torture and murder people for exercising the most basic freedoms. If we are to win this struggle and spread those freedoms, we must keep our own moral compass pointed in a true direction (B. Obama);* е) глобализация: *Globalisation is good, but it will only work to create a world of peace and plenty if the world also acts decisively to give its values a set of convictions and beliefs, as well as accepting what it brings by its own force (T. Blair).*

Внутренняя политика рассмотрена в афористике в нескольких направлениях: а) развитие страны, улучшение качества жизни; б) ориентированность на будущее, достижение поставленных целей; в) сотрудничество, взаимовыручка, общественные отношения; г) отражение действительности в стране, например: *If we stand together, we will rise together (B. Obama); The danger for us today is not reversion to the politics of the 1980s. It is retreat to the sideliners (T. Blair); As usual the Liberals offer a mixture of*

sound and original ideas. Unfortunately none of the sound ideas is original and none of the original ideas is sound (Harold Macmillan); Our regional relationships cannot be properly attended to with one six-day trip, a series of photo opportunities, and some lofty rhetoric collaboration (B. Obama).

Отметим, что лексема *domestic policy* (внутренняя политика) выступает в качестве объединяющего начала. Ее семный набор входит как интегральный в значения целого ряда слов, характерных для политических афоризмов: *economy, elections, parties, corruption, crime, democracy, society: The duty of an Opposition is very simple... to oppose everything, and propose nothing (Lord Derby); If voting changed anything they'd abolish it (Ken Livingstone); Elections are won by men and women chiefly because most people vote against somebody rather than for somebody (Franklin P. Adams).*

Концепт *economy* (экономика) в политической афористике представлен аспектами: а) экономика как понятие; б) экономика как деятельность; в) коррупция; г) внутренняя экономика, хозяйство; д) экономическое развитие е) стабильность. Эти области, соответственно, включают в себя характерный для них набор лексем (*economy, money, crisis, stability, budget, unemployment etc*): *Corruption has a way of magnifying the very worst twists of fate (B. Obama); Balancing the budget is like going to heaven. Everybody wants to do it, but nobody wants to do what you have to do to get there (Phil Gramm); A bank is a place that will lend you money if you can prove that you don't need it (Bob Hope).*

Специфику политической афористики отражают лексемы, образующие семантическое поле "power" (власть). Власть понимается в политологии а) как влияние особого рода; б) как способность к достижению определенных целей; в) как возможность использования тех или иных средств; г) как особое отношение между управляющим и управляемым [Шейгал 2000: 98]. Шейгал Е.И. делит политические афоризмы, посвященные власти, на две группы: 1) афоризмы, в которых осмысливается сущность власти, ее философские и психологические аспекты; 2) афоризмы стратагемного типа, в которых декларируются стратегические принципы борьбы за власть [там же: 106]. Афоризмы первой группы рассматривают стремление к власти как неотъемлемую черту человеческой природы, раскрывают глубинную психологическую мотивацию жажды власти, подчеркивают негативные морально-этические последствия пребывания у власти. Афоризмы-стратагемы декларируют принципы распределения власти, актуализируют постановку власти во главу угла революционной стратегии, постулируют опору власти на силу оружия, подчеркивают несовместимость абсолютной власти и свободы [там же].

Среди проработанного нами материала были выделены афоризмы обеих групп, в которых власть представлена как:

1) политическое господство: *Sometimes the only way you conquer the pull of power is to set it down (T. Blair);*

2) органы управления, правительство: *In an opportunity society, as opposed to the old welfare state, government does not dictate; it empowers (T. Blair);*

3) право, возможность распоряжаться: *Power concedes nothing without a demand. It never did, and it never will (B. Obama, цит. Ф. Дулласа); Power, wealth and opportunity are in the hands of the many, not the few (T. Blair).*

Отдельную группу составляют афоризмы, выражающие отношение народа к власти: *Dis-trust of authority should be the first civic duty (Norman Douglas); If people cannot trust their government to do the job for which it exists – to protect them and to promote their common welfare – all else is lost (B. Obama).*

К вышеуказанному семантическому полю также относятся лексемы *campaign, election campaigning, voter, parties etc.*, объединенные общей темой “elections” (выборы): *The core vote of this party today is not the heartlands, the inner city, not any sectional interest or lobby. Our core vote is the country (T. Blair).*

Большую группу среди политических афоризмов составляют такие лексемы как *leadership (руководство), leader (руководитель), ruler (правитель), government (правительство), authorities (власти)*, входящие в состав семантического поля “leadership” (руководство): *Leaders lead but in the end it's the people who deliver (T. Blair).* Эта группа включает в себя как афоризмы, посвященные абстрактным или отвлеченным понятиям (*The rulers are the people (T. Blair)*), так и конкретным ситуациям или личностям: *The reason they don't believe government has a role in solving national problems is because they think government is a problem (B. Obama).* Авторы политических афоризмов задумываются не только над тем, какое руководство должно быть, но и над тем, как политик приходит к власти, становится руководителем: *In America, anybody can be president. That's one of the risks you take (Adlai Stevenson); Bad officials are elected by good citizens who do not vote (George Jean Nathan).* Поэтому в составе афоризмов обнаруживаются лексемы, называющие факторы формирования личности достойного руководителя: *And there are the easy bits and hard bits of leadership. There is no doubt which is preferable. But true leadership means doing both (T. Blair); The art of leadership is saying no, not yes. It's very easy to say yes (T. Blair).*

Если обратиться к лексемам более конкретного содержания, можно заметить, что особое внимание уделено чертам характера и личностным качествам руководителя, входящего в состав правящей партии, или политического деятеля, занимающего не последнюю роль в стране. Лексическое наполнение таких афоризмов составляют лексемы, отражающие:

а) нравственную сущность: *truth (правда), nobleness (благородство), impudence (наглость), honesty (честность), honest (честный), responsibility (ответственность), responsible (ответственный): Power without responsibility being the prerogative of the harlot through the ages (T. Blair, цитата С. Болдуина); A man who seeks truth and loves it must be reckoned precious to any human society (Frederick the Great);*

б) способность руководителя выполнять обещания и достигать поставленные цели: *... a promise made is a promise kept (B. Obama); And so, my fellow Americans, ask not what your country can do for you; ask what you can do for your country (John F. Kennedy);*

в) отношение руководителя к самому себе и другим людям: *arrogance (высокомерие), pride (гордость), virtue (добродетель), self-assertion (уверенность в себе), selflessness (бескорыстие), self-confidence (уверенность в себе), vanity (тщеславие), confidence (уверенность), selfishness (эгоизм), benevolence (добродетельность), kindness (добродетель), kind (добрый), sympathy (сопереживание), humanity (человечность), defender (защитник), etc.: We need leadership that sees government not as a tool to enrich well-connected friends and high-priced lobbyists, but as the defender of fairness and opportunity for every American (B. Obama); You know, I guess I'm like any other political figure: Everybody wants to be loved (George W. Bush);*

г) волевые качества руководителя: *heroism (героизм), cowardice (малодушие), courage (храбрость), independence (независимость), etc.: Religious leadership need not accept such wisdom in counseling their flocks, but they should recognize this wisdom in their politics (B. Obama); With the courage of our convictions, we can win the third term, deliver the lasting change (T. Blair); Men make history, and not the other way around. In periods where there is no leadership, society stands still. Progress occurs when courageous, skillful leaders seize the opportunity to change things for the better (Harry S. Truman).*

Важными для авторов афоризмов выступают интеллектуальные действия и состояния руководителя, представленные лексемами *imagination (воображение), foolishness (безрассудство), knowledge (знание), idea (фантазия), opinion (мнение), memory (память), mind (ум), consciousness (умственные способности), abilities (талант), etc.: Focusing your life solely on making a buck shows a poverty of ambition (B. Obama); Ask me my main three priorities for government and I will tell you: education, education and education (T. Blair).*

Обязательным фактором, характеризующим руководителя (и, следовательно, правящую партию) является его отношение к труду, что побуждает авторов афоризмов использовать лексемы *honesty, idleness, idle, work, diligence, etc.: I didn't come into politics to change the*

Labour Party. I came into politics to change the country (T. Blair); Frequent punishments are always a sign of weakness or laziness on the part of a government (Jean-Jacques Rousseau). Портрет руководителя в афоризмах создаётся не только за счет описания его личностных качеств, но и отношений с другими людьми: *But sometimes I'm asked: Why? Why do you care what happens outside of America? (George W. Bush); I don't want some mom whose son may have recently died to see the commander in chief playing golf. I feel I owe it to the families to be in solidarity as best as I can with them. And I think playing golf during a war just sends the wrong signal (George W. Bush).* Политические афоризмы отчётливо проводят мысль о деятельности, что отражается наличием в их составе единиц, обозначающих не только общую активность (деятельность), но и более частные, хотя также обобщающие понятия: *practice (практика), business (дело), do, make (делать), work (труд, работа), service (служение): Now let's get out and do it (T. Blair).*

Нация представлена в политических афоризмах и как этническая общность людей, и как синоним базового слова-концепта "state" (государство): *America is great because Americans are good (B. Obama); That's the main trouble with the two nations: bad Brits are snobs, bad Americans are slobs (Peter Shaffer).* В свою очередь государство в политических афоризмах рассматривается и как форма организации общества, и как отдельная страна: *Distance this country and you may find it's a long way back (T. Blair).*

В эту же семантическую группу представляется возможным включить такие лексемы как *law* (закон, нормы, установленные государством) и *rights* (права, определенная свобода, предоставляемая государством): *The United States is a Nation of laws: badly written and randomly enforced (Frank Zappa).*

Афоризмы, связанные с концептом "war" (война), рассматриваются в двух аспектах: боевые действия против другого государства и актуальная во всем мире борьба с терроризмом: *...the terrorists, who threaten us here and round the world, will never give up if we give up (T. Blair).* В свою очередь как частный случай этой борьбы рассматривается война в Ираке: *Iraq was not just a failure of conception, but a failure of execution (B. Obama).* Наряду с эвфемистическими заменами, в этой группе можно встретить такие лексемы как: *war* (война), *terrorism* (терроризм), *threat*, *danger* (угроза), *struggle* (сражение, борьба), *victory* (победа), *peace* (мир): *If they want peace, they must do the hard work necessary to achieve it (B. Obama); The terrorism is essentially the most ugly and outward manifestation of something deeper (T. Blair).* Основные представления данного концепта могут быть сведены к следующему набору логем – логико-семантических единиц обобщенного характера, объединяющие отдельные группы единиц, реали-

зуемых в малой текстовой форме (термин «логема» употребляется Чесноковым С.В. [1966: 284] и Гвоздарёвым Ю.А. [1988: 10]):

1) конфликтные отношения: *No amount of American soldiers can solve the political differences at the heart of somebody else's civil war, nor settle the grievances in the hearts of the combatants (B. Obama);*

2) последствия войны: *After each war there is a little less democracy to save (Brooks Atkinson);*

3) отношение к войне: *History will not judge the architects of this war kindly (B. Obama);*

4) основание, причины войны: *...a war based not on reason but on passion, not on principle but on politics would lead to a US occupation of undetermined length, at undetermined cost, with undetermined consequences (B. Obama);*

5) вступление в войну: *The first step in having any successful war is getting people to fight it (Fran Lebowitz);*

6) решение военного конфликта: *The quickest way of ending a war is to lose it (George Orwell);*

7) противопоставление концепту "peace" (мир): *We must remember that planning for peace is just as critical as planning for war (B. Obama); There never was a good war, or a bad peace (Benjamin Franklin).* Мир в свою очередь часто предполагает стабильность: *Peace with stability doesn't just happen because we wish for it (B. Obama).*

Рассматриваются также нанесенный ущерб (*The sacrifices of war are immeasurable (B. Obama)*), цена победы и/или свободы (*Throughout American history, there have been moments that call on us to meet the challenges of an uncertain world, and pay whatever price is required to secure our freedom (B. Obama)*).

Словарь духовной культуры нации в широком смысле этого понятия представлен в политической афористике следующим лексическим набором: *culture* (культура), *science* (наука), *art* (искусство), *religion* (религия), *faith* (вера), *education* (образование, просвещение, воспитание), *knowledge* (знания), *literature* (литература), *idea* (мысль), *language* (язык), etc.: *Talent is 21st century wealth (B. Obama, цит. Т. Блера).* Заметим, что «вера», занимает одно из важных мест среди лексики этого семантического поля и понимается политиками не только как часть культуры, но и принимается в религиозном, Библейском плане: *Religious faith has a profound role to play (T. Blair); And only through God comes grace; and it is God's grace that is unique (T. Blair).*

Большая группа афоризмов, произнесенных политиками, включает в себя лексемы, называющие общепризнанные ценности и антиценности:

- общефилософские: *life* (жизнь), *death* (смерть), *immortality* (бессмертие), *time* (время), *nature* (природа), *good and evil* (добро и зло), *truth* (истина), *happiness* (счастье), *freedom and slav-*

ery (свобода и рабство), justice (справедливость), hope (надежда): *The values require steadfast convictions (T. Blair); What's true for individuals can also be true for nations (B. Obama);*

- религиозные: faith (вера, доверие), God (Бог), soul (душа), salvation (спасение): *Nothing is more transparent than inauthentic expressions of faith (B. Obama); Faith doesn't mean that you don't have doubts (B. Obama);*

- личностные: courage (мужество), justice (справедливость), responsibility (ответственность), understanding (понимание), self-cultivation (работа над собой): *Don't lose heart from that; take heart from that (T. Blair); The arc of the moral universe is long, but it bends towards the justice (B. Obama, цит. М.Л. Кинг (мл.));*

- социальные: society (общество), country (государство), progress (прогресс), civilization (цивилизация), war and peace (мир и война), crime (преступление), tyranny (тирания), democracy (демократия), unity (единство), family and marriage (семья и брак): *The thing that impresses me the most about America is the way parents obey their children (King Edward VIII); One World, One Dream (T. Blair);*

- межличностные: love – hatred (любовь – ненависть), friendship – hostility (дружба – вражда), understanding (взаимопонимание), assistance (взаимовыручка), solidarity (солидарность): *Where there is ignorance, there is distrust, and sometimes hatred. Understanding is a great healer (T. Blair); The truest friends are those still around when the going is toughest (T. Blair);*

- интеллектуальные: education (образование), science (наука), intellect, mind (разум), wisdom (мудрость): *Lessons can be just as easily unlearned as they are learned (B. Obama).*

Анализ проанализированных афоризмов и афористических выражений позволяет отметить, что на первом месте в политической афористике, судя по частотности используемых в них лексем, стоит концепт “politics” (политика), на втором – “state” (государство), на третьем – “values” (ценности), на четвертом – “war” (война) и “leadership” (руководство). Далее по нисходящей располагаются “power” (власть), “economy” (экономика), “moral culture” (духовная культура). Таким образом, внутреннее содержание политических афоризмов отражает актуальные для политической действительности события.

ЛИТЕРАТУРА

Гвоздарёв Ю.А. «Свод народной опытной премудрости». Вступительная статья // Пригоршня жемчужин. Пословицы и поговорки народов Северного Кавказа. – Ростов н/Д., 1988.

Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: Перемена, 1999.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: «Издательство АСТ», «Издательство Астрель», 2001.

Чесноков П.В. Основные единицы языка и мышления. – Ростов н/Д., 1966.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000.

Mick Farren. Words of Wisdom. – GB: Robson Books, 2004.

www.aphorisms-galore.info.

© Бажалкина Н.С., 2010

Башкатова Ю.А.
Кемерово, Россия

Bashkatova Y.A.
Kemerovo, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
ВНЕШНОСТИ ПОЛИТИКА
В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ**

**METAPHORICAL IMAGE
OF A POLITICIAN'S PHYSICAL APPEARANCE
IN RUSSIAN MASS MEDIA DISCOURSE**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.51
Код ВАК 10.02.01

Аннотация. Данная статья посвящена когнитивному анализу метафорического образа внешнего облика политика, создаваемого российскими СМИ. Представлены наиболее продуктивные метафорические модели, репрезентирующие внешность современных политических деятелей в публицистическом дискурсе.

Abstract. The article focuses on the cognitive analysis of the metaphorical image of politicians' physical appearance, portrayed by the Russian mass media. The most productive metaphorical models referred to the appearance of contemporary statesmen found in mass media discourse are presented.

Ключевые слова: политическая метафора, дискурс средств массовой информации, когнитивный анализ, метафорическая модель, политический имидж, внешность.

Key words: political metaphor, mass media discourse, cognitive analysis, metaphorical model, political image, physical appearance.

Сведения об авторе. Башкатова Юлия Алексеевна, доцент, кандидат филологических наук, докторант.

About the author. Bashkatova Yulia Alekseevna, Associate Professor, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Место работы: Кемеровский государственный университет

Place of employment: Kemerovo State University

Контактная информация: E-mail: stbua@mail.ru.

Образ политического лидера существует в общественном мнении на различных уровнях: рациональном (при воздействии программы, выступления, аргументации его носителя), эмоциональном (насколько лидер может способствовать мобилизации психических мотиваций общества), чувственном (внешний облик, черты поведения, манеры и пр. носителя политического имиджа) [Коновалов 2001]. В немалой степени политический имидж складывается в СМИ с целью его дальнейшего внесения в массовое сознание. Избиратель голосует не за лидера, а за его имидж, который является персонифицированным отражением представлений избирателя, проекцией его проблем и потребностей [Титова 2002: 13].

Наиболее распространенным средством социальной типизации и индивидуализации внешности человека является метафора как способ «эмоционального давления», отличающее «способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов» [Арутюнова 1990: 18]. Метафору нередко образно представляют как зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание.

В работе «Динамика моделей концептуальной метафоры» профессором А.П. Чудиновым выделены и охарактеризованы четыре разряда моделей политической метафоры: антропоморфная, природоморфная, социоморфная и артефактная [Чудинов 2001]. Специальные наблюдения показывают, что в основе абсолютного большинства политических метафор лежит обыденная картина мира, наивные представления.

Подобные обобщенные представления о том, как выглядят представители той или иной

профессии или рода деятельности, часто используются СМИ в описании внешности политиков. Вот несколько примеров:

"Касьянов – не политик, а мужская фото-модель". Это завистливое высказывание как нельзя лучше характеризует бывшего премьера, который может похвастаться не только модельной внешностью, но и приятным голосом и умением держаться перед камерой (Lenta.ru).

Внешне эта дама – прямая противоположность другой яркой политвеумен постсоветского пространства, Юлии Тимошенко. Зинаида Гречаная, которую однопартийцы и правительственные чиновники наградили прозвищем Бухгалтер, строго следует коммунистической моде: она предпочитает строгие, классические костюмы и прическу "аля секретарь райкома" (Известия.Ру).

Наряд Юлии Тимошенко на представлении ее в качестве премьер-министра Украины поверг стилистов, да вообще людей со вкусом в недоумение. Фасон этого странного наряда отсылал нас к образам воспитательниц и гувернанток, которые носили такие закрытые по самое горло серые платья. Только рукава и вставка на спине премьера спорили с этим милым образом. Руки и спина Тимошенко были прикрыты вставками из прозрачного черного кружева, в кои наряжали себя дивы Голливуда лет пятьдесят назад (Российская газета).

"Надеюсь, что все наши возможные разногласия в будущем будут разрешаться на основе закона", – одобрительно согласился Величко, принимая подарок. Каким-то загадочным образом все трое сопредседателей умудрялись выглядеть, несмотря на совершенно разный внешний облик, совершенно одинако-

во – на ум сразу приходил выпускник, получающий красный диплом после долгих лет тяжкого труда (Российская газета).

Назначение в родную Ростовскую область Валерий Кузнецов получил в ноябре прошлого года. Депутаты скоро убедились, что выбор был верным, и новый прокурор, несмотря на обманчиво мягкие манеры и внешность скромного интеллигента, расцениваемой многими на Дону как признак слабости, имеет жесткую профессиональную хватку и принципы, зависящие не от конъюнктуры, но от закона (Российская газета).

Я обнаружил, что Блэр, "окунаясь в народ", произносит именно то, чего от него ждут. Это политик с внешностью кинозвезды, такой плейбой с обворожительной улыбкой (Известия.Ру).

Глобализация, процессы взаимопроникновения и взаимовлияния культур, а вместе с ними и стереотипов мышления, поведения, внешности и т.п., усиливают тенденцию включения в портретные описания прецедентных имен. Так, например, в статье под названием «Комплекс Наполеона», глава французского государства сравнивается с великим единоплеменником: Президент Франции Николя Саркози носит специальные ботинки, увеличивающие его рост на девять сантиметров... Пожалуй, мировая общественность должна порадоваться тому, что французский президент решил проблему невысокого роста гораздо более простым способом, нежели его знаменитый соотечественник Наполеон Бонапарт (Lenta.ru).

Деталь внешнего облика знаменитой соотечественницы сознательно воспроизводится другим известным политиком, что непременно подмечается журналистами: В среду "оранжевая принцесса" произвела настоящий фурор. Она появилась на заседании правительства без своей знаменитой косы "а-ля Леся Украинка" (Известия.Ру).

Благодаря СМИ предаются гласности прозвища политических деятелей, полученные за яркие особенности внешности: Коллеги по ДВР дали ему [Егору Гайдару] шутовскую кличку – "Железный Винни-Пух" – за характерную внешность, несгибаемый характер и повышенную работоспособность (Lenta.ru).

И уже мало кто вспоминает, что совсем недавно он называл "оранжевую принцессу" не иначе как "Чебурашка с косой" (Известия.ru). Сравните с другим известным прозвищем, основным на игре слов: «Женщина с косой» желаёт правительству политической смерти (Правда.Ру).

Мы согласны с мнением А.П. Чудинова о том, что современный политический дискурс отмечен «метафорическим затишьем», для которого характерно традиционное использование метафор, становящихся привычными, "стертыми", вызывающими меньше эмоций. Это ведет к сокращению частотности использова-

ния соответствующих моделей и почти полному прекращению употребления отдельных метафор [Чудинов 2008].

Рассмотрим примеры подобного употребления стертых метафор:

Спортивная: На днях премьер Украины поставила своеобразный рекорд. Юлия Тимошенко появилась на публике в двухсотом костюме с момента назначения ее на должность премьер-министра (Российская газета).

Милитарная: **Форма номер раз...** "Часы, трусы, противогаз", — продолжит фразу лубой, кто служил в армии, разбуди его хоть посреди ночи. Хотя речь идет о форме одежды, в которой солдаты, как правило, занимаются утренней зарядкой. Называется "форма номер один" или "с голым торсом". Именно в такой "форме номер один" и предстал во время своей поездки в Туву перед широкой мировой общественностью президент России Владимир Путин (Известия.Ру).

Монархическая: **Королева Госдепартамента.** Госпожу Клинтон в роли госсекретаря мне в последние месяцы довелось наблюдать довольно часто – и вблизи, и издалека. Даже когда находишься рядом, постоянно присутствует ощущение прозрачной стены между тобой и строгой дамой с сильным слоем грима на лице. На ней почти всегда безупречно подогнанные брючные костюмы всевозможных цветов, которые на русский вкус могут показаться излишне яркими. На выходах к прессе, на больших сборищах в Госдепартаменте или в иностранных посольствах она всегда в центре внимания. И окружена свитой, которая делает все возможное, чтобы случайный собеседник не оказался рядом (Известия.Ру).

Особую группу образуют метафоры, источником формирования которых служит имущественный код. Так называемая «неотчуждаемая собственность» человека – его внешность – становится предметом имущественных отношений: Потрясающе ухоженной выглядит одна из самых эффективных блондинок в Госдуме. Именно ухоженность, требующая солидных инвестиций, обращает на себя внимание (Российская газета).

54-летняя Кристина ревностно заботится о своей внешности. Диета, аэробика, модная одежда, тщательно подобранные украшения – ради имиджа первая леди не жалеет ни средств, ни усилий (Российская газета).

Имущественные признаки восходят к ценностному и предметному кодам культуры. Предметный код включает в себя также артефактные метафоры: Вместо "руля", как шутят местные остряки, изумленные министры узрели на голове Юлии Тимошенко аккуратный пучок. Теперь вся украинская общественность гадает, где Юлия потеряла символ национальной независимости. А особо пытливые граждане интересуются: не была ли коса застрахована? Даром что несколько компаний

предлагали застраховать премьерскую косу на миллион гривен от "посягательств третьих лиц" (видимо, политических оппонентов), пожаров и облысения. И только вместе с головой. Судя по всему, сама Тимошенко относится к своей драгоценности не столь трепетно (Известия.Ру).

Лицо нередко сравнивается с маской, за которой можно спрятаться: За весьма привлекательным, "открытым" лицом 50-летней Ливни, с ее легким творческим беспорядком во внешности и раскованной манерой выступать кроется целеустремленная личность с железной выдержкой агента "Моссада" (Известия.Ру); которую можно потерять: Ющенко потерял лицо, но сохранил страну (намек на последствия отравления диоксином) (Известия.Ру); поменять: Берлускони меняет лицо (в статье речь идет об операции по омоложению, сделанной Премьер-министром Италии) (Известия.Ру).

Необходимо отметить, что в последнее время в политической среде распространилась практика улучшения своей внешности посредством хирургического вмешательства, при помощи стилистов и имиджмейкеров, а иногда и благодаря программе Photoshop. Понятия «гламур» и «глянец» настолько прочно вошли в наш обиход, что нас уже не удивляют публикации, обсуждающие рейтинги сексуальной привлекательности политиков, марку одежды кандидата в вице-президенты или подтяжку премьерера. Актуальность приобрела новая метафорическая модель ПОЛИТИКА – это ГЛАМУР.

По данным Википедии, слово «гламур» (в значении неопределенной положительной оценки, с оттенком иронии) применяется, прежде всего, к моде на одежду и косметику, а в расширительном употреблении — также к стилю жизни, развлечениям и прочему. К «гламурным» обычно относят стандарты одежды и жизни, рекламируемые в «женских» и «мужских» глянцевого журналов [Википедия]:

53-летняя Сеголен потрясающе выглядит в купальнике на снимках папарацци, и в целом этот репортаж делает честь ее пиарщикам.... Эта женщина является одним из самых популярных политиков во Франции и даже может претендовать на роль секс-символа. По крайней мере, французское издание журнала FHM назвало ее шестой в списке самых эротичных женщин, составленном по откликам французских мужчин. Таким образом, в сознании французов Сеголен опередила таких знаменитых красавиц, как Пенелопа Круз, Дженифер Лопес и Моника Белуччи (Lenta.ru).

Фрадков от своего назначения премьер-министром был так же, как и все, в шоке. Но сразу же постарался новому статусу хоть как-то соответствовать. Не все получалось. Костюмы сидели плохо, а внешность премьерера нельзя было назвать гламурной – премьер

зачастую казался невыспавшимся и явно имел избыточный вес. ... Летом 2006 года осанка Фрадкова определенно стала уверенной, улыбка – "профессиональной", костюмы отлично сидели на похудевшей фигуре, сорочки были безупречными. Занялся он и здоровьем – плавает, загорает, гуляет. Да так, что внешне как минимум 5 лет сбросил (Известия.Ру).

На наших глазах гламур стал новой мифологией, а политики и звезды – богами массового сознания: Выбор Сары Пэйлин кандидатом республиканцев на пост вице-президента США не только обеспечил партии симпатии мужской части электората, но и сделал губернатора Аляски законодательницей стиля. Американки хотят выглядеть, как бывшая королева красоты, магазины фиксируют "бум" продаж вещей и аксессуаров, в которых Пэйлин появлялась на съезде Республиканской партии 1-4 сентября в Сент-Поле (штат Миннесота). Компании-продавцы модной одежды вовсю делают деньги на имидже привлекательного политика (Известия.Ру).

Модница и любительница гламура Кристина Киришнер победила с большим отрывом на недавних президентских выборах в Аргентине (Известия.ru).

Шум поднялся, когда их коллеги-журналисты из другого издания "Экспресс" обнаружили: в "гламурном" "Пари Матч" изображения Саркози обработали с помощью компьютерной программы, убрав жировые складки на животе (Известия.Ру).

Юлию Тимошенко даже окрестили "самым красивым лицом современной политики". А польский Playboy назвал ее "человеком месяца" (Lenta.ru).

Несмотря на то что все больше женщин сегодня заняты в политике, представительницы прекрасного пола изображаются в масс-медиа в стереотипных ролях: матери, жены или секс-символа. Гендерные стереотипы исторически сформировались в традиционной патриархальной культуре, которая отводила главную роль в социальной, экономической и политической жизни мужчине. Основанный на шаблонах подход российских СМИ позволяет нам говорить о создании «мифов» о женщинах-политиках, распространение которых служит поддержанию сексистских стереотипов в массовом сознании [Воронова 2009].

Одним из таких мифов является утверждение о том, что внешность женщины-политика важнее того, что она говорит: Очки в модной тонкой оправе. Свежее декольте. Новая коллекция. Осень-зима 2007/08. Одной только полупрозрачной кофточки, в которой тогда еще заместитель министра финансов Голикова однажды появилась на заседании правительства, достаточно, чтобы почувствовать: тренд меняется. Брюнетка Набиуллина и блондинка Голикова неожиданно заставили по-

иному посмотреть на женщин во власти... Можно и нужно быть модной и стильной, останавливать на себе мужские взгляды (Профиль).

Даже в таком уважаемом издании, как газета «Известия», полагают, что женщине в политике не место: *Всем было бы спокойнее и проще, если бы Тимошенко вела себя просто как милостивая женщина, но она считает себя большим политиком* (Известия.Ру).

Политикой женщина занимается в ущерб своей природной сущности: *Пусть говорят, что Кондолиза – это настоящий солдат в юбке. Разговоры о том, что она полностью посвятила себя политике в ущерб семье и прочим женским радостям, не исключают живейшего обсуждения этой самой юбки госсекретаря США. В частности, недавно Райс причислили к самым элегантно одевающимся знаменитостям мира* (Lenta.ru).

Таким образом, в российском публицистическом дискурсе, характеризующем внешний облик политиков, используются следующие метафорические модели: антропоморфная (включающая социальные, интерперсональные признаки, а также признаки занятий), социоморфная (включающая признаки войны, игры, спорта), артефактная (признаки имущества, предмета) и зооморфная.

Традиционными считаются политические метафоры «политика – война», «политика – игра (спорт, театр)», «внешность политика – маска». Новыми, получившими развитие только в последнее время являются метафорические

модели «субъекты политики – гламурные персонажи», «политика – глянец».

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры – М., 1990. С. 5-32.

Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>.

Воронова Л.А. Женщины-политики в СМИ: мифы и антимифы // Медиаскоп. Выпуск № 2. 2009. URL: <http://mediascope.ru>.

Словарь по политологии [Под ред. проф. В.Н. Коновалова]. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2001. 285 с. URL: <http://politike.ru/dictionary/274>.

Титова Е.В. Имидж политического лидера в России // Теория коммуникации и прикладная коммуникация: Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 1 [под общ. Ред. И.Н. Розиной]. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. С. 148-160.

Чудинов А.П. Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб., 2001.

Чудинов А.П. Российская политическая метафора в начале XXI века // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). Екатеринбург, 2008. С. 86-93. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-08.htm>.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Известия.Ру. URL: <http://www.izvestia.ru>.

Правда.Ру. URL: <http://www.pravda.ru>.

Профиль. URL: <http://www.profile.ru>.

Российская газета. URL: <http://www.rg.ru>.

Lenta.ru. URL: <http://www.lenta.ru>.

© Башкатова Ю.А., 2010

Васильев А.Д.
Красноярск, Россия

Vasilyev A.D.
Krasnoyarsk, Russia

ИГРЫ В СЛОВА:

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ЭВФЕМИЗАЦИЯ

УДК 81.373.49

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена феномену мнимой эвфемизации как инструменту манипуляций общественным сознанием. Анализируется использование ряда слов в этой функции на материале российского телевизионного дискурса.

Ключевые слова: эвфемизация, дискурс СМИ, реформа, языковая игра

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, профессор, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Сибирский юридический институт МВД России.

Контактная информация: E-mail: vasileva@kspu.ru

WORD GAMES:

MANIPULATIVE EUPHEMISATION

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The paper is devoted to the phenomenon of a pseudo-euphemisation as the instrument for manipulating public consciousness. The use of a number of words in this function is analyzed on the material of Russian television discourse.

Key words: euphemisation, Mass Media discourse, reform, language game

About the author: Vasiliev Alexandr Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Siber Law Institute of (MIA) Ministry of Internal Affairs of Russia

... Вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит.

Н.В. Гоголь

Хорошо известна исконная и непреходящая ценность вербального материала, используемого разнородными идеологическими жрецами, заклинателями и проповедниками в сотворении социальной реальности, необходимой их работодателям. Причём конструироваться может, конечно, не столько сама реальность, зачастую весьма неприглядная, сколько маскирующие её словесные декорации, скрывающие от излишне доверчивой аудитории подлинное состояние дел. В качестве элементов дискурсивного декора широко применяются «слова-амёбы» (С.Г. Кара-Мурза), «симулякры» (Л.Н. Синельникова), «слова-мифогены» (А.Д. Васильев). Вполне понятно, что не стал исключением и перестроечно-реформаторский период, ознаменовавшийся радикальным переходом «от империи лжи к республике вранья» [Поляков 2005: 67].

Подобные явления изучаются представителями разных гуманитарных наук. Так, специалисты в области герменевтики считают, что в текстах российских СМИ часто наблюдается перетряхивание клише, которые слабо связаны даже между собой, что приводит к дисперсии смысла и к отсутствию единой логики. К богатому набору таких клише, никоим образом не поддающихся сколько-нибудь логичному осмыслению, «относятся, например, словосочетания *переходный период, трудности переходного периода* для объяснения и обозначения нынешней ситуации в России. Переход должен быть процессом от чего-то к чему-то. От чего? От реального социализма? Но такого в реальности не было, как и не было его дефиниции. Что требуется менять, кроме передела государственной собственности, не выяснено... Переход к чему? Говорят, к демократическому государству. Но понимание его не соответству-

ет не только общепринятому в развитых государствах, но и историческим реалиям российской государственности... Поэтому «переходный период» из ничего в ничто просто обозначает ситуацию нестабильности и является неологизмом, закрывающим обсуждение неприятного вопроса о том, что же происходит» [Артамонова, Кузнецов 2003: 45] (то есть на практике заранее максимально устраняет саму возможность понимания обществом сути событий, их вектора и наиболее вероятных результатов).

Одним из наиболее известных – в силу своей востребованности властями предерживающимися и спешествующим персоналом – в году российских реформ стало весьма диффузное в семантическом отношении, но тем не менее (или, может быть, наоборот, – тем более) устойчивое словосочетание *административный ресурс*. Оно используется главным образом тогда, когда идёт речь о попытках, успешных или безуспешных (это зависит прежде всего от того, поддерживаются ли они верховным руководством, главами финансово-промышленных групп и т.д. – в общем, *элитой*), повлиять на исход демократических выборов разных уровней. Обычно такие попытки осуществляются действующими в период избирательной кампании представителями исполнительной власти и приобретают в каждом конкретном случае свои, но довольно типизированные формы мероприятий, направленных на устранение как реальных, так и потенциальных конкурентов (запреты на проведение митингов и демонстраций, уничтожение средств наглядной агитации, недопущение к каналам СМИ, обыски в штаб-квартирах и офисах оппозиционеров, возбуждение уголовного преследования против их лидеров, лишение возможности встречаться с избирателями и т.д.). Довольно

часто ореолом *административного ресурса* освящены восхищающие и ошеломляющие малоинформированного наблюдателя феномены карьерного взлёта, чрезвычайно успешной предпринимательской деятельности и молниеносного обогащения родственников, близких и приближенных российских руководителей разных рангов: обычно для широкой публики это объясняют (впрочем, изредка) выдающимися талантами представителей *элиты*.

Активных применителей *административного ресурса*, как правило, не подвергают никаким, даже символическим наказаниям, вроде публичного порицания, не только потому, что они представляют в предвыборных баталиях или в коммерческой конкуренции заведомо сильнейшую сторону и, таким образом, неизбежно обречены стать победителями (которых, как давно и хорошо известно, не судят: это они судят побеждённых). В качестве универсального защитного средства используется вербально-маскировочное прикрытие.

Чтобы понять суть этого манипулятивного словесного фокуса, достаточно ознакомиться с формулировками некоторых статей действующего Уголовного кодекса Российской Федерации.

В главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» – ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» сказано: «Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов общества или государства..., совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового».

Статья 286 «Превышение должностных полномочий» гласит: «Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, – ... совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается штрафом в

размере от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового».

Как видно из этих формулировок, закон предусматривает довольно жёсткие наказания за совершение упомянутых деяний. Однако ст. 14 того же УК РФ «Понятие преступления» содержит следующие дефиниции: «1. Преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания. 2. Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Понятно, что если именовать некоторые действия, «формально содержащие признаки» злоупотребления должностными полномочиями или их превышения, *использованием административного ресурса*, то ни о каком уголовном преследовании его инициаторов и активных участников не может быть и речи: текст УК РФ попросту не содержит этого словосочетания. «Закон всегда морален. Иначе это плохой закон» [В. Путин. Прямая линия. 1 канал. 25.10.06]. Может быть, ещё и поэтому – во имя сохранения моральных ценностей – вертикаль власти склонна укрепляться за счёт назначений, а не выборов. Смутное ощущение многих граждан, что *административный ресурс* – это всё-таки вряд ли сугубо позитивное явление, наталкивается на неколебимую самоуверенность политически целомудренной *элиты*. Ведь «преступление – это то, что совершает кто-то другой» (Дж. Стейнбек).

Такие маскировочные штампы, предназначенные для порождения мифов и, соответственно, для сотворения глубоко мифологизированного общественного сознания, могут быть рассмотрены и в несколько ином аспекте.

Одним из видов парадигматических отношений, существующих в лексико-семантической системе языка, является синонимия – «совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов...» [Ахманова 1966: 407]; «синонимы–слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Однако, называя одно и то же, синонимы обычно называют это одно и то же по-разному – или выделяя в называемой вещи различные её стороны, или характеризуя эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы..., как правило, не являются словами, абсолютно идентичными друг другу...» [Шанский 1972: 52].

Но нередко «возможность отнесения разных слов к одному явлению определяется не их

собственной равнозначностью или смысловой близостью, а различным отношением или оценкой данного явления» [Шмелёв 2003: 143]. С этим во многом связан феномен эвфемизации – непрямого, прикрытого, вежливого, смягчающего обозначения (см. [Ахманова 1966: 521]). Эвфемизация как один из компонентов культуры речи может сделать её и гиперкорректной – в соответствии с представлениями носителей языка об идеальных формах выражения, выступающих в роли важных социальных маркеров-стереотипов. Ср. классические примеры: «... Дамы города N отличались, подобно дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством носового платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намёк на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведёт себя» [Гоголь 1956: 150]. – «...Вместо гигантов, сгибавших подковы и ломавших целковые, явились люди женоподобные, у которых на уме были только милые непристойности. Для этих непристойностей существовал особый язык. Любовное свидание мужчины с женщиной именовалось «ездою на остров любви»; грубая терминология анатомии заменилась более утончённою; появились выражения вроде: «шаловливый мизантроп», «милая отшельница» и т.п.» [Салтыков-Щедрин 1953: 152].

Эвфемизация – одна из распространённых разновидностей игры в слова, активно применяемая в том числе и в текстах СМИ. Приведём здесь лишь несколько наиболее частотных примеров эвфемизмов в контекстах, позволяющих объяснить причины эвфемизации.

Так, на протяжении реформаторского (*переходного*) периода широко употребительной стала эвфемизация, тематически обслуживающая сферу трудоустройства.

Неслучайна уже сама замена субстантивированного *безработный* на *неработающий*: по всей видимости, предполагается, что внутреннее формы каждого из этих слов воспринимаются по-разному; ср. «*безработный* – лишённый возможности получить работу, заработок» [МАС₂ 1981,1: 75] – и *неработающий* – см. «*работать* – 1) заниматься каким-либо делом, применяя свой труд; трудиться; 2) трудясь, создавая, совершенствовать или изучать что-либо; 3) заниматься каким-либо трудом, обеспечивая или обслуживая кого-, что-либо» [МАС₂ 1983,III: 575]; соответственно если *безработный* лишён кем-то или в силу каких-то обстоятельств возможности трудиться (оставлен без работы), то *неработающий*, скорее всего, сам избрал себе такой статус: не работает, потому что не хочет. А *безработица* – это всего лишь безмя-

тежно-сладостный «*период профессиональной невостробованности*» [7 канал. 14.06.01] и потому концептуально отождествляется с долгожданным обретением свободы, которая была бы невозможна при бесчеловечном тоталитаризме, почему-то определявшем индивидуумов, не желавших трудиться, как тунеядцев, да ещё и наказывавшем таких свободолюбивых граждан, деспотично принуждая их к общественно полезному труду. Слово *неработающий* ранее применялось, кажется, исключительно по отношению к предметам неодушевлённым: *неработающий станок, неработающий утюг* и т.п.

Зато теперь наступило время иных аксиологических установок: «У нас порядка пятьсот человек *высвобождается*» [гл. инженер шахты «Амурская». – Время. ОПТ. 21.04.00]. «Массовое *высвобождение* четырёх с половиной тысяч человек [вследствие расформирования ракетной части]» [ИКС. КГТРК.11. 12.01]. «*Высвобождается* первая очередь сокращаемых в угольной отрасли края – 597 человек» [Новости. Афонтово. 04.02.03]. «У нас в Сосновоборске нет мест, которые могли бы принять *высвобождающихся* работников завода [мэр – об увольнении почти половины рабочих завода автоприцепов, единственного крупного предприятия в этом городе. – Новости. ТВК. 15.05.02]. «В законодательном собрании пройдут публичные слушания о неотложных мерах по *массовому высвобождению* рабочих. В ближайшее время потеряют работу несколько тысяч человек. Такое *массовое высвобождение* грозит социальным взрывом» [Новости. ТВК. 14.02.03].

Ср. также: «Не секрет [!], что в преддверии зимы сложилась *непростая обстановка* в снабжении северян топливом» [т.е. из-за отсутствия топлива в условиях Крайнего Севера могут вымерзнуть целые города и районы. – Вести. 09.11.98]. «Север [из-за срыва завоза продуктов] может ощутить огромные *проблемы с продовольствием*» [иначе говоря, становится реальной угрозой голода. – Вести. РТР. 02.08.96] и т.п. «*Вова* – один из семисот тысяч российских *социальных сирот* – так называют сирот при живых родителях» [Студия-2. КГТРК. 05.10.02]. «Центр «Родник»: здесь есть *социальная гостиница-дом ночного пребывания* для не имеющих жилья. По словам директора *пансионата*, количество постояльцев растёт» [Обозрение-7. 7 канал. 05.10.02] (в досоветские времена подобное заведение называлось *ночлежкой*). «С самого начала [в Чечне] по официальной версии, армия там [в Чечне] не *воевала*, а *восстанавливала конституционный порядок*» [Обозрение-7. 7 канал. 25.06.02]. «Журналисты утверждают, что министр обороны [США] Рамсфельд лично одобрил 16 *нетрадиционных методов ведения допроса* [в военной тюрьме Гуантанамо]... ГУЛАГ на Кубе...» [24. RenTV. 14.06.05] (имеется в виду разрешение пытаться пленных). «*Альтернативные источники тепла* – печки- «буржуйки» в домах жителей даль-

невосточного Углегорска» [Новости. ОРТ. 07.07.03]. «Рабочим [более тысячи человек, уволенным эффективными собственниками угольного разреза «по сокращению»] выделено 20 миллионов рублей на трудоустройство. Эти деньги красиво называются *стабилизационным фондом*» [Обозрение-7. 7 канал. 14.02.03]. «Министр иностранных дел Сергей Лавров говорит о *трансформации НАТО*» [Новости. ОРТ. 02.04.04] (т.е. о приближении НАТО вплотную к границам России). «*Социально неадаптированные граждане*» [Б. Горный, пресс-секретарь санэпидстанции. Новости. Прима-ТВ. 18.08.03] (то есть неимущие без определённого места жительства). «*Социально направленный ресторан: цена комплексного обеда – 60 рублей*» [Детали. Прима ТВ. 06.05.05] (иначе говоря – для бедных). «Рядом со зданием Центрального рынка планируется построить *социальный рынок*, где будут торговать красноярские огородники» [Радио «Шансон». 20.01.06] (преимущественно бедствующие пожилые пенсионеры).

Тем не менее, следует воздать должное власти в лице чиновников разных уровней, проявляющих неподдельную озабоченность положением населения и радеющих о нём: «Мы решили сделать учителям *подарок* к Новому году – *выплатить зарплату*» [зам. главы краевой администрации. – ИКС. КГТРК. 17.11.98]. «Этот *подарок* красноярцам сделал наш земляк, министр МПС Геннадий Фадеев: новый электропоезд до Боготола. ...Билет будет стоить не более 110 рублей» [Новости. Прима ТВ. 28.03.03]. «Новая жизнь в Емельяновской больнице стала возможной только благодаря властям района» [Вести-Красноярск. 28.03.05]. «Дети посёлка Громадск Уярского района получили *подарок* с губернаторским размахом – новую школу. ... Строительство школы возобновилось по инициативе губернатора» [Вести-Красноярск. 01.09.08]. «*Помощь* льготникам станет *особо адресной*: льготы сохраняются только для тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума» [Вести. РТР. 01.02.99] и т.п.

Следует заметить, что лексические значения некоторых ключевых слов изменились за сравнительно короткий период, либо обросли созначениями и обогатились коннотациями. Так, ср. соответственно в Словаре русского языка в четырёх томах под ред. А.П. Евгеньевой (1981-1984 гг.) и в Толковом словаре современного русского языка под ред. Г.Н. Складневской (2001 г.): «*перестройка* – действие по знач. глаг. *перестроить-перестраивать* и *перестроиться-перестраиваться* (*перестроить* – 1) построить заново, иначе, произвести переделку в постройке; 2) переделать, внести изменения в систему чего-л., порядок следования чего-л. и т.п.; *перестроиться* – 1) построиться, расположиться в строю заново, иначе; 2) изменить порядок своей работы, направле-

ние своей деятельности, свои взгляды)» – и: *перестройка* – «осуществлявшиеся в СССР в 1985-1991 годах реформы и преобразования в области экономики, общественной и государственной жизни, направленные на развитие демократии, гласности, на выход страны в мировое сообщество»; «*реформа* – 1) преобразование, изменение чего-л.; 2) политическое преобразование, не затрагивающее основ существующего государственного строя» – и: «*реформа* – преобразование, изменение, переустройство какой-л. стороны общественной жизни»; здесь же отсылка к статье слова *антиреформатор* – «тот, кто выступает против реформ, препятствует их осуществлению» (вероятно, по степени инвективности – некий современный аналог *врага народа*).

Прежде оценочно-нейтральное существительное *реформа* за последние годы обогатилось устойчивым негативно-коннотативным ореолом. По признанию одного из региональных политиков-реформаторов, «слово *реформа* жителей нашей страны уже просто пугает» [депутат Законодательного собрания Красноярского края А. Клешко. После новостей. ТВК. 09.03.04]. Кстати, этот же деятель в общем-то справедливо отметил, что «слово *депутат* в нашей стране стало ругательным» [Будни. ТВК. 23.01.03], правда, почему-то не объяснив достаточно внятно истоки пейоративности этой, казалось бы, нейтральной лексемы. А ведь, по компетентному мнению другого регионального политика и депутата, «в *се реформы* в России сопровождаются ростом тарифов» [В. Сергиенко, председатель краевого союза промышленников и предпринимателей. ИКС. КГТРК. 25.06.02]. Прозорливо прогнозируя естественную реакцию граждан, чиновники «на совещании... предложили назвать *реформу* [жилищно-коммунального хозяйства] *преобразованием*, чтобы не раздражать население» [ИКС. КГТРК. 14.05.01]. Но лингвистический фокус не удался. Поэтому-то «красноярцы шли выразить свой протест так называемой *реформе ЖКХ*» [Новости. ТВК. 04.03.02], а вдруг ставшие ну просто очень человеколюбивыми чиновники стали напряженно думать, «как *защитить* ветеранов и инвалидов от *реформы ЖКХ*» [Новости. Афонтово. 23.01.03]. Между прочим, и смена названия соответствующего ведомства – вместо советского *социальное обеспечение* на сегодняшнее *социальная защита* – тоже кое-что объясняет.

Вполне закономерно, что для сохранения беззаветной толерантности населения неперестанно изобретаются и вводятся в широкий пропагандистский оборот через СМИ всё новые эвфемизмы к словам *реформа* и *реформировать*. Ср.: «В Пенсионном фонде стараются не употреблять слово *реформа* и говорят о *совершенствовании* пенсионной системы» [Новости. ОРТ. 01.01.02]. «...Почему это и не *реформа* называется, а *модернизация*» [чиновник

минобра РФ – о введении т.н. «профильного образования». – Обозрение-7. 7 канал. 28.10.02]. «Урегулировать тарифы жилищно-коммунального хозяйства» [Вести-Красноярск. 14.10.02]. «[Диктор:] «Центральный аппарат [министерства обороны] будет не столько реформирован, сколько видоизменен». [Министр обороны РФ С. Иванов:] «Не столько реформа, сколько оптимизация» [Доброе утро, Россия. РТР. 21.04.04]. – «Сергей Иванов боится одного – реформы. Это слово заменено словом модернизация» [24. RenTV. 08.02.07]. «Не реформа жилищного законодательства, а упорядочивание» [Вести. РТР. 01.02.05]. «Люди плохо воспринимают слово реформа – в результате плохих реформ здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, образования... Поэтому, может быть, более уместно использовать не слово реформа, а, например, «изменение к лучшему» [А. Жуков, вице-премьер. Новости. ОРТ. 06.04.05] и т.п. Небезынтересно, что и реформаторы русского правописания также использовали подобный псевдозвфемистический прием: «...На самом деле то, что подготовлено нами, – это отнюдь не реформа» [Лопатин 2001: 55].

Однако многие носители русского языка, хорошо усвоившие малорадостный опыт собственного существования в перестроечно-реформаторский (тот самый «переходный») период, научились довольно быстро распознавать сущность и цели подобных политкорректных словесных фокусов. Ср.: «Почему всюду говорят, что это «реформа ЖКХ», а на самом деле – поднятие тарифов?!» [вопрос телезрителя – ТВК. 04.03.03].

Ранее звфемистические обозначения перманентных экспериментов над населением (и, кстати, всегда с приблизительно одинаковыми результатами) варьировались и при назывании некоторых их частных воплощений, например: «Не надо называть работу с сельхозпредприятиями банкротством: выздоровление – да, оживление – да... Слово это [банкротство] обидное и далеко не всегда уместное» [Крестьянские ведомости. ОРТ. 19.04.98]. «Самарские чиновники вместо «задержка пенсий» предпочитают говорить «смещение сроков выплаты пенсий» [Время. ОРТ. 03.04.98] и т.п.

Но, поскольку от изобретения политкорректных словесных знаков суть называемых ими явлений не меняется, а толерантность граждан повышается почему-то медленно, политехнологам приходится продолжать исследование синонимических рядов русского языка, попутно обогащая их ресурсы.

Одной из относительно свежих находок стало введение в политкорректный официозно-речевой оборот слова оптимизация (кстати, оно регистрируется не всеми толковыми словарями). Вероятно, предпочтение ему отдается из-за скрытой, как и у других заимствований, внутренней формы – может быть, по той же

причине многим российским руководителям и их службе так полюбили прилагательное амбициозный, употребляемое ими как положительно оценочное (например, «амбициозные проекты» – нечто вроде грандиозные) безо всяких на то причин (ср. «амбициозный – прил. к амбиция – чрезмерное самомнение, самолюбие, необоснованные претензии на что-л.» [Толковый словарь 2001: 18-19]; «амбиция [фр. Ambition < лат. ambitio] – обострённое самолюбие, самомнение; спесь» [СИС-1979: 31]). Вот лишь один из очень многих примеров подобного словоупотребления – в суждении гендиректора ВЦИОМа В. Федорова по поводу одного из «событий недели», пуска реактора на Волгодонской АЭС: «Первый за долгое время признак того, что амбициозная программа строительства новых ядерных станций в России может стать реальностью. И что наша атомная энергетика остаётся конкурентоспособной» [Фёдоров. Пять событий недели // РГ-Неделя. № 62. 25.03.10. С. 2]. В данном случае кое-что объясняется родом профессиональной деятельности г. Фёдорова – социологическими обследованиями («мониторингом») российского населения, в которых значительна роль статистики, или, точнее, интерпретации объективных (?) статистических данных (ср. апокрифический афоризм, обычно приписываемый Марку Твену: «Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика» [Душенко 2006: 633]). Возможно и иное объяснение, а именно – влияние английского языка, порождающее семантическое калькирование, которое, в свою очередь, приводит к речекommunikативным неудачам и тупикам, т.е. возможностям различных толкований одного и того же высказывания (шире-текста), проистекающим из, как минимум, потенциально вариативного восприятия его ключевых слов (характернейший пример последнего времени – использование словосочетаний контролировать ситуацию, контроль ситуации, взять (брать) ситуацию под (чей-нибудь) контроль, ситуация под контролем, ситуация вышла из-под (чьего-нибудь) контроля и т.п.; подробнее см. [Васильев 2000: 100-109], [Васильев 2003: 135-147]). Ведь хорошо известны способности к изучению иностранных языков современных высших российских руководителей, что, несомненно, самым выгодным образом отличает их от советских предшественников. Например: «... В Германии говорит прямо на чисто немецком языке... Очевидно, что к первому человеку России небесные светила благоволят» [В. Власенко. Обозрение-7. 7 канал. 07.10.02]. – «...В Ново-Огарёво обнялись, обменялись рукопожатиями... Несколько минут Владимир Путин и Тони Блэр говорили по-английски» [Время. ОРТ. 29.04.03]. – «Президент Путин и премьер-министр Финляндии продолжили переговоры на английском языке» [Новости. ОРТ. 02.08.05] и т.д. (хотя, кажется, дипломатический протокол и не предусматри-

вает такой модели речевого поведения, в том числе и при общении на самом высоком уровне). Неудивительно, что и первый президент России, находясь на вполне заслуженном им отдыхе, тоже задался благородной целью личного освоения иностранного языка: «Чтобы загрузить мозги, которые у меня не загружены полностью, я начал изучать английский язык» [Б. Ельцин. Вести. РТР. 09.06.02]). Конечно же, это вряд ли сопоставимо с теми ситуациями и их оценками, которые высказывал великий отечественный лингвист: «Вероятно, многие испытали на себе неприятное впечатление фальши, неискренности, слушая певца или актёра, говорящего в угоду местной публике на непривычном для него наречии. Искусство переходит здесь в лицемерие» [Потебня 1976: 265] (кстати, согласно ст. 68 действующей российской конституции, государственным языком РФ является русский).

В отличие от вышеприведённых дефиниций существительного *амбиция* и прилагательного *амбициозный*, содержащихся в русскоязычных словарях, двуязычный словарь даёт несколько иное толкование соответствующих английских слов, происходящих от того же латинского источника. Ср.: «*ambition* – 1) честолюбие, амбиция; 2) стремление, цель, предмет желаний; it is his a. to become a writer его мечта стать писателем; *ambitious* – 1) честолюбивый; a. of power властолюбивый; 2) претенциозный» [Мюллер 1956: 27]; а также: «*ambition* – 1) strong desire, esp to be successful: A man who is filled with~usually works hard; 2) particular desire of this kind: He has great~s; 3) object of such a desire: achieve one's~(s); *ambitious* – 1) full of ambition: an~woman; ~ to succeed in life; 2) showing or needing ambition: ~plans; an ~ attempt» [Hornby 1984: 20].

Допустимо предположить, что результаты семантических эволюций слов корня, восходящего к одному и тому же источнику (в данном случае – к латыни), в лексиконах разных языков оказались различными; известно множество подобных примеров. Потому представители российской власти, труженники СМИ и некоторые другие речедееатели-полиглоты зачастую вкладывают в употребляемые ими слова несколько иные смыслы, нежели большинство членов языкового коллектива, населяющего то же государство. О таких процессах немало говорили социолингвисты прошлого (Е.Д. Поливанов и др.) и настоящего; ср.: «Общественный дискурс оперирует понятиями типа толерантности, истинности которых полагается очевидной (а ведь подобные случаи не единичны!). Когда же эти понятия конкретизируются в бытовом дискурсе, возникают сомнения: об одном и том же говорит народ и его элита?» [Суспицына 2007: 73]. Кроме того, знание иностранного языка влечёт за собой в том числе и некоторые трансмутации национальной ментальности, выражаемой и воплощаемой именно родным языком: «Чело-

век, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение её влияет лишь посредственно. Это усилие может быть сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы» [Потебня 1976: 260]. Надо также учитывать, что такие слова, как *оптимальный* – «наиболее благоприятный, наилучший», *оптимизм* – «бодрое и жизнерадостное мироощущение, исполненное веры в будущее; склонность во всём видеть хорошие, светлые стороны» [МАС₂ 1982,2: 632], корень которых связан с лат. *optimus* – «лучший» [там же], в языковом сознании несомненно маркированы позитивно – а значит, та же оценочность передаётся и этимологически родственному *оптимизация* – «нахождение наибольшего или наименьшего значения какой-л. функции или выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных, напр. о. процесса управления» [Словарь иностранных слов 1979: 257]. Конечно, можно было бы использовать и исконно русское слово *улучшение*, но оно для вербально-манипулятивных операций менее предпочтительно: во-первых, *оптимизация* – терминологично, а значит, наукообразно и в силу этого способно внушать доверие; во-вторых (хотя это сегодня и не столь существенно), обещание *улучшения* налагает на руководящего речедееателя некое подобие ответственности (тем более, что улучшение может оказаться избирательным, или «точечным», «адресным»; проще говоря, для кого-то действительно реализуется, для кого-то – совсем наоборот; собственно, так и происходит в абсолютном большинстве случаев).

Дополним приведённые выше примеры употребления слова *оптимизация* как эвфемизма к «дискредитированному» («дискредитированному»?) слову *реформа*. К тому же, в отличие от последнего, первое – популяризируемое – обычно именуется изменения, пусть и весьма чувствительные для граждан, но в узколокальных масштабах. Итак: «Сокращение [статей социальных расходов] краевого бюджета – это *оптимизация* бюджетной сети» [Новости. ТВК. 16.11.98] (то есть снижение расходов на здравоохранение и образование). «*Оптимизация* краевого бюджета – это и доведение до 70 % оплаты жилья» [Новости. 7 канал. 12.02.02] (поскольку так и непонятно, какая именно величина принимается за 100 %, то *оптимизация* в этом направлении неуклонно продолжается – квартплата растёт по сей день). «*Оптимизация* расходов в медицинских учреждениях – сокращение количества больничных коек» [Новости. Прима ТВ. 17.12.04] (ср.: «[Артемий Филиппович:] Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет... Все как мухи выздоравливают» [Гоголь 1966: 25, 60]). «По мнению чи-

новников [красноярской] мэрии, то, что придёт-ся платить [за поездку] гораздо больше, количество автобусов и маршрутов будет сокращено, а ездить придётся с пересадками и длинными интервалами, – и есть *оптимизация* работы городского транспорта» [Новости. 7 канал. 28.08.08] и т.д.

По степени семантической прозрачности близок к приведённым и следующий пример: «Квашнин [начальник российского генштаба] называет процесс... *оптимизацией* управления» [Обозрение-7. 7 канал. 12.02.02] (комментарий к не санкционированному министром обороны РФ распоряжению генштаба о выводе российских войск из Грузии; в любом государстве такая «*оптимизация* управления» именуется нарушением уставной субординации и армейского принципа единоначалия).

Судя по некоторым признакам, одним из самых употребительных слов, пришедшим на смену таким, как *реформа*, станет (уже стало?) *модернизация* – по-видимому, несколько пересмысленное по сравнению с недавним периодом, ср.: *модернизация* – «действие по знач. глаг. *модернизировать* – 1) изменить (изменить) что-л. соответственно современным требованиям и вкусам; 2) придать (придавать) прошлому не свойственные ему современные черты» [МАС₂ 1982, II: 286].

В свете этого к числу весьма значительных и по-своему символических нововведений буквально последнего времени следует, конечно, отнести такое: «Правительство переименовало *антикризисные меры* в *модернизационные*» [Новости. Прима ТВ. 17.03.10 – со ссылкой на «Ведомости»]. Политтехнологи в данном случае сумели учесть возможное сочетание ряда факторов: прилагательное *антикризисные*, с одной стороны, свидетельствует о неуклонном стремлении руководства преодолеть последствия того, что упорно именуют *мировым финансовым кризисом* (скорее всего, это закономерный результат глобальных предпринимательских – спекулянтских – операций «новых кочевников», с которыми российское руководство и к о и м образом не связано); с другой – *анти* – всего лишь «против», да и вспоминать лишний раз о «кризисе» значит, с точки зрения вербальной магии, подчёркивать и тем самым поддерживать в сознании социума его наличие. Поскольку же широкая аудитория, кажется, успела уверовать в безусловно позитивный характер *модернизации* (помнится, многие энтузиасты на заре перестройки и реформ радостно призывали к введению свободного «*рынка рабочей силы*», то есть – безработицы, пока сами не остались без работы), то прилагательное *модернизационные* очевидно предназначено переключить внимание граждан на некую оптимистическую перспективу (очередное *светлое будущее* и проч.).

Как показывают вышеприведённые цитаты из российского теледискурса, для манипуля-

тивной эвфемизации, наверное, в равной степени успешно применяются слова и исконные, и иноязычного происхождения. Последние, кажется, используются политкорректировщиками социальной реальности всё-таки более охотно – в силу известных специфических свойств лексических заимствований, к которым принадлежит и упомянутая затемнённая их внутренней формы для носителя языка-реципиента, препятствующая чёткому пониманию семантики. Ср. агитационную надпись, которая украшает кооперативную лавку-вагон, и её восприятие адресатами в рассказе М. Булгакова 1924 г.: «Транспортная *кооперация* путём *нормализации, стандартизации и инвентаризации* спасёт *мелиорацию, электрификацию и механизацию*». Этот лозунг больше всего понравился стрелочникам. «Понять ни черта нельзя, – говорил рыжебородый Гусев, – но видно, что умная штука» [Булгаков 1989,2: 402] – и современный теленовостной сюжет (правда, со снисходительной дешифровкой ключевых слов для «малопродвинутой» части аудитории): «в Москве проходит «*Инновационный конвент*», а в переводе [!] – форум, на котором молодые учёные представляют свои изобретения» [Вести. РТР. 10.12.08].

Рассмотренные здесь эпизоды тотальной языковой игры позволяют ещё раз убедиться в том, что «не близостью значений слов, а именно существенными различиями в их семантическом содержании и обусловлены эвфемистические замены» [Шмелёв 2003: 145]. Такие эвфемизмы (псевдозэвфемизмы?) почти родственны тем, которые определяют как «окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [Арапова 1990: 590] – однако присутствующие в официальном дискурсе *реформа, оптимизация* и проч. отнюдь не окказиональны: их использование имеет систематический, массивный и целенаправленный характер. Впрочем, «высшая честность языка не токмо бежит лжи, но тех неопределённых полузакртых выражений, которые как будто скрывают вовсе не то, что ими выражается» [Герцен 1955: 140]. Неслучайно ведь российским гражданам, пусть даже и не самым высокообразованным, но имеющим некоторый опыт выживания в перестроечные и последующие годы, зачастую легко удаётся «восстановление концептуальной справедливости» (И.Т. Вепрева), – то есть распознать не только исходную семантику слова, но и уловить те смысловые обертоны, которые вносятся в неё говорящим, а следовательно, правильно определить его интенции. Собственно, возможность и необходимость такого определения хорошо представлены в русских фольклорных паремиях, отражающих так называемое обыденное (ненаучное) языковое сознание: «Не всё то творится, что говорится» [Даль 1984,1: 319]. – «Не смотри на кличку, смотри на птичку»

[Даль 1984,2: 168]. – «Какова резва ни будь ложь, а от правды не уйдёшь» [Даль 1984,1: 153]...

По глубоко справедливому суждению выдающегося польского лингвиста, «систематическое развитие способности пользоваться речью и ориентироваться не только в мире вещей, но и в связях между вещами и словами, которые их сигнализируют, должно составлять одну из главных общественно-просветительских целей языкознания» [Дорошевский 1973: 15].

ЛИТЕРАТУРА

Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Артамонова Ю.Д., Кузнецов В.Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

Булгаков М.А. Торговый дом на колёсах // Булгаков М.А. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 2. – М., 1989.

Васильев А.Д. Слово в телеэфире. – Красноярск, 2000.

Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. – М., 2003.

Герцен А.И. // Русские писатели о языке. Хрестоматия. [Под ред. Докусова А.М.]. Изд-е 2-е. – Л., 1955.

Гоголь Н.В. Мёртвые души (поэма). – К., 1956.

Гоголь Н.В. Ревизор. – М., 1966.

Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. – М., 1984.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М., 1973.

Душенко К.В. Словарь современных цитат. 4-е изд. – М., 2006.

Лопатин В.В. О новом своде правил русского правописания // Русский язык в школе. 2001. № 2.

Мюллер В.К. (сост.). Англо-русский словарь. – М., 1956.

Поляков Ю. От империи лжи – к республике вранья // Поляков Ю. Порнократия. – М., 2005. С. 67-72.

Потебня А.А. Язык и народность // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976.

Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. – М., 1953. 200 с.

Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. [Петров Ф.Н. – гл. ред.]. – М., 1979. 624 с.

Словарь русского языка в четырёх томах. Изд. 2-е. [Под ред. Евгеньевой А.П.]. – М., 1981-1984.

Суспицына И.Н. Толерантность «в верхах» и «в низах» // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. – Екатеринбург, 2007.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. [Под ред. Скляревской Г.Н.]. – М., 2001.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. 2-е изд. – М., 1972.

Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. Изд. 2-е. – М., 2003.

Hornby A.S. Oxford student's dictionary of current English. – М., 1984.

© Васильев А.Д., 2010

Жерновая О.Р.

Нижний Новгород, Россия

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНЯЮЩЕЙСЯ
КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена одной из действительно ключевых тем современного политического дискурса – «стереотипы». Своим проявлением стереотипы обязаны межкультурным или межэтническим контактам, когда выявляются наиболее типичные черты, характерные для того или иного народа или культуры. Именно в социальной и культурной сфере формируются основные стереотипы, принимаемые обществом. Наиболее традиционными оказываются так называемые этнокультурные стереотипы – разделяемые не только в пределах одной культуры, но и, более широко, мнения о типичных образах представителей разных национальностей. Они отражают действительность, и если действительность меняется, то меняются и стереотипы. Этнокультурный стереотип способен меняться, эволюционировать в зависимости от изменяющихся культурных, политических и экономических факторов общества. Положительная ценность этнокультурного стереотипа – это его роль в формировании народной картины мира.

Ключевые слова: Этнокультурные стереотипы, нация, этнические группы, национальное самоопределение, суждения, стереотипные образы, этнические анекдоты, культурная оппозиция: «мы / они», «свой / чужой».

Сведения об авторе: Жерновая Оксана Романовна, заведующий кафедрой иностранных языков и лингвокультурологии факультета международных отношений, доцент, кандидат филологических наук.

Место работы: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603600, Россия, г. Н. Новгород, ул. Ульянова, д. 2.

E-mail: oxana.zh@mail.ru.

В социальных науках стереотип рассматривается как совокупность устойчивых упрощенных обобщений о группе индивидуумов, позволяющих распределять членов группы по категориям и воспринимать их глобально, согласно этим ожиданиям [Ребер 2000: 313]. Стереотипы строятся на основе недостаточной информации, на ограниченном личном опыте индивида и поэтому часто бывают ложными. Как правило, стереотипы трактуются как обобщения, основанные на случайных наблюдениях и крайне необходимы в освоении действительности, поскольку в обыденной жизни мы все оперируем стереотипами. Этимологически слово стереотип означало в греческом языке «твердый», «затвердевший», «неподвижный». Само слово «стереотип» было введено в научный обиход в «европейском» контексте американским журналистом, политологом У. Липпманом как сильное социокультурное и идеологи-

Zhernovaya O.R.

Nizhniy Novgorod, Russia

**ETHNIC-CULTURAL STEREOTYPES
AS A REFLECTION OF CHANGING
CULTURAL AND POLITICAL
REALITY OF A SOCIETY**

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.20

Abstract. The article deals with one of the topical questions of modern political discourse – “stereotypes”. Stereotypes are caused by intercultural or interethnic contacts, when the most typical characteristics of this or that national group of culture are easily identified. It is the social and cultural sphere where the main stereotypes, accepted by a society, are formed in. The most traditional stereotypes are the ethnic-cultural ones, shared not only within one culture but even broader, the opinions about the typical images of the representatives of different nationalities. They reflect a reality and if the reality changes, the stereotypes also change. The ethnic-cultural stereotype is able to change and evolutionize depending on changing cultural, political and economic factors of a society. The positive aspect of the ethnic-cultural stereotype is its role in the formation of the world of nations.

Key words: Ethnic-cultural stereotypes, nation, ethnic groups, national identity, assumptions, stereotypical images, ethnic anecdotes, cultural opposition “we / they”, “ours / theirs”.

About the author: Zhernovaya Oksana Romanovna, Head of the Chair of Foreign Languages and Language and Culture Studies of the Faculty of International Relations, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Place of employment: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Address: 603600, Russia, g. N. Novgorod, ul. Ульянова, д. 2.

E-mail: oxana.zh@mail.ru.

ческое понятие в 1922 г. и трактуется как «мыслительный образ».

У. Липпман считал, что стереотипы – это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира. Во-первых, стереотип по Липпману – это всегда редуцированный образ реальности, поскольку только благодаря редукации он открывает возможность справиться со слишком сложной для отдельного человека реальностью. Во-вторых, стереотип (в применении к социальной реальности) содержит, как правило, оценочный момент, так как он является не просто констатацией факта, а ориентиром, указывающим в определенном направлении. Таким образом, редуцированность и оценочность стереотипа породили стремление к освобождению от стереотипов [Ромашко 2009: 222-223].

Лингвисты склонны утверждать, что в основе стереотипов лежат познавательные функции, они не отделимы от механизмов, при помощи которых человеческий разум постигает и категоризирует действительность; что язык по своей натуре опирается на упрощения, обобщения, а также оценку, и, следовательно, стереотипы нейтральны по своей природе, но в то же время подвержены изменениям и, конечно, могут быть использованы как в плохих, так и в хороших целях [Бартминьский 2009: 11], то есть стереотип понимается как ментальный стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира».

В кратком политическом словаре стереотип определяется как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта [Краткий политический словарь 1987: 447]. Нельзя не согласиться с Г.В. Елизаровой, которая отмечает, что стереотипы «представляют собой не простые абстракции на основе личного опыта, но абстракции, приобретенные вербальным или невербальным путем в определенном лингвистическом и культурном сообществе за продолжительный период времени» [Елизарова 2001: 121].

Английские словари дают также аналогичные определения слова «stereotype» – «fixed mental impression» (фиксированное умственное представление) (The Concise Oxford Dictionary), «a fixed set of ideas about that a particular type of person is like, which is (wrongly) believed to be true in all cases» (фиксированный ряд идей, который принято считать правдивым представлением об определенном типе человека) (Longman Dictionary of English Language and Culture).

Из выше приведенных определений следует, что стереотип – это явление схематическое, стандартизированное, фиксированное, устоявшееся. Помимо этого, при создании стереотипов личностный момент наделяет эти ментальные образования эмоционально-оценочным содержанием, и как следствие стереотипы заставляют людей отрицательно оценивать то, что отличается от собственных характеристик.

Основные функции стереотипного оценивания, по У. Липпману, это функция экономии умственных усилий и функция защиты групповых ценностей, авторитетов, взглядов и мнений [Куницына 2001: 330].

Стереотип создает иллюзию идентификации людей и впоследствии иллюзию взаимопонимания в условиях дефицита времени. Он является, по словам Б.Д. Парыгина, чем-то вроде «готового ответа, освобождающего от самостоятельных, напряженных и ответственных решений» [Парыгин 1999: 192-194].

Использование стереотипов неизбежно при межкультурном общении, и их игнорирование может только усугубить ситуацию. «При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок» [Тер-Минасова, 2008: 44]. Как четко подмечает А.В. Павловская, «стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира» [Павловская 1998: 17].

Встречаясь с представителями других народов и культур, человек обычно проявляет естественную склонность воспринимать их поведение с позиций своей культуры, «мерить на свой аршин» [Садохин 2009: 133]. Чаще всего непонимание чужого языка, символики жестов, мимики и других элементов поведения ведет к искаженному истолкованию смысла их действий, что порождает такие негативные чувства, как настороженность, презрение, враждебность. В связи с этим, реальным выходом из негативных ситуаций являются стереотипы, которые становятся своего рода подсказками, помогающими сформировать суждения, предположения и оценки других людей.

Своим проявлением стереотипы обязаны межкультурным или межэтническим контактам, когда выявляются наиболее типичные черты, характерные для того или иного народа или культуры. Так, постепенно складываются этнокультурные стереотипы, представляющие собой обобщенные представления о типичных чертах, характерных для какого-либо народа или нации в целом.

Немецкая аккуратность, «русский авось», китайские церемонии, африканский темперамент, вспыльчивость итальянцев, упрямство финнов, медлительность эстонцев, польская галантность – стереотипные представления о целом народе, которые распространяются на каждого его представителя. Этнокультурный стереотип может служить своеобразным эталоном стереотипа вообще, поскольку при его образовании механизмы стереотипизации проявляются наиболее ярко.

В основу этнокультурного стереотипа выбирается обычно какая-либо заметная черта внешности или характера и поведения человека. Такого рода стереотипы-клише становятся устойчивыми суждениями о представителях одних национальных групп с точки зрения других. На учете стереотипных представлений основано большинство анекдотов о национальном характере.

Приведем пример: «Послали представителям разных национальностей фильм следующего содержания: раскаленная пустыня и палящее солнце. С трудом идут мужчина и женщина. И вдруг мужчина достает сочный апельсин и отдает женщине. Зрителям задают вопрос: «Какой он национальности?»

Француз-зритель отвечает: «Только француз мог так галантно отнестись к даме!» Русский: «Нет. Это русский: надо же быть таким дураком! Сам бы съел». Еврей: «Нет, это еврей: кто бы мог еще достать в пустыне апельсин?» Здесь стереотипы – галантность французов, бесшабашность русских, изворотливость евреев.

Специалисты, изучающие этнокультурные стереотипы, отмечают, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчеркивают у себя такие качества, как ум, деловитость, предприимчивость, а нации с более отсталой экономикой – доброту, сердечность, гостеприимство. Подтверждением сказанному может служить исследование С.Г. Тер-Минасовой, согласно его результатам, в английском обществе более ценятся профессионализм, трудолюбие, ответственность и т.д., а в русском – гостеприимство, общительность, справедливость [Тер-Минасова 2008: 139-140].

Следующий этнический анекдот наглядно иллюстрирует, что стереотипы, будучи основной составляющей языковой картины мира определенного сообщества, отражают специфическую для данного сообщества интерпретацию окружающего мира.

Recently a worldwide survey was conducted by U. N. The question asked was: "Would you please give your opinion about the food shortage in the rest of the world?"

The survey was a huge failure. In Africa they didn't know what "food" meant. In Western Europe they didn't know what "shortage" meant. In Eastern Europe they didn't know what "opinion" meant. In South America they didn't know what "please" meant. And in the USA they didn't know what "the rest of the world" meant.

Перевод:

Недавно ООН проводила опрос общественного мнения во всем мире. Вопрос был следующий: «Пожалуйста, не могли бы вы высказать свое мнение насчет недостатка еды во всех остальных странах мира». Этот опрос с треском провалился. В Африке не знают, что значит слово «еда». В Западной Европе не знают, что значит «недостаток». В Восточной Европе не знают, что значит «мнение». В Южной Африке не знают «пожалуйста». А в США не знают, что значит «во всех остальных странах» [Барский 2009: 153].

Стереотипы заставляют людей отрицательно оценивать то, что отличается от собственных характеристик. «Человеку свойственно преувеличивать достоинства своего этноса и преуменьшать достоинства других. Например то, что у себя называется экономностью, у других будет скупостью; настойчивость у себя трактуется как упрямство у других и т.д. Стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и транспортировать некоторые доминантные составляющие данной

культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [Маслова 2010: 110].

В этом проявляется феномен стереотипа – упрощенного, схематизированного, эмоционально окрашенного и чрезвычайно устойчивого образа какой-либо этнической группы и общности, распространяемого на всех ее представителей. Появление стереотипов обусловлено реализацией принципа экономии мышления, согласно которому людям психологически легче характеризовать обширные человеческие группы недифференцированно, грубо и пристрастно. Эти стереотипы усваиваются в детском возрасте, и дети используют их задолго до приобретения ясных представлений о тех этнических группах, к которым они относятся. Изменение стереотипов происходят редко, медленно и тяжело. «Осуждая других, мы невольно обнажаем собственный способ восприятия и, тем самым, наши собственные достоинства и недостатки. Иначе говоря, стереотипы показывают не только тех, к кому они относятся, но и нас самих» [Филиппова 2006: 18-19].

В 1940 году Джордж Оруэлл, обративший внимание на то, как незначительно воздействовала на рядовых солдат во время Первой мировой войны культура других стран, обратился к журналам для мальчиков «Джем» и «Магнет». В них ему не понравилось почти все, начиная с консервативной политической направленности и кончая абсурдной, устаревшей мизансценой.

«Как правило, исходя из того, что иностранцы из любой страны мало чем отличаются друг от друга и с большей или меньшей точностью соответствуют следующим стереотипам:

ФРАНЦУЗ: носит бороду, дико жестикулирует.

ИСПАНЕЦ, МЕКСИКАНЕЦ и т.п.: злобен, вероломен.

АРАБ, АФГАНЕЦ и т.п.: злобен, вероломен.

КИТАЕЦ: злобен, вероломен. Носит косичку.

ИТАЛЬЯНЕЦ: легко возбудим. Играет на шарманке или носит с собой стилет.

ШВЕД, ДАТЧАНИН и т.п.: добродушен, недалек.

НЕГР: комически выглядит, отличается верностью».

Horizon («Горизонт»), май 1940 г.

Фрэнку Ричардсу, автору этих историй, этих бесхитростных карикатур, которые пользовались невероятным успехом и о которых с презрением пишет Дж. Оруэлл, это не сошло бы с рук, не отличайся англичане таким дремучим незнанием иностранцев.

К изумлению Дж. Оруэлла, после появления его статьи Фрэнк Ричардс (настоящее имя которого Чарльз Гарольд Сен-Джон Гамильтон, и ему было всего шестьдесят четыре года) потребовал предоставить ему возможность ответить. Вот что он написал по поводу стереоти-

пов: «Относительно того, что иностранцы смешны: мистер Оруэлл, наверное, будет шокирован, но я должен сказать ему, что иностранцы на самом деле смешны».

Иными словами, Ф. Ричардс использовал так называемые гетеростереотипы (представления схематично обобщающие другие народы и культуры), которые и «являются источником национальных предубеждений, а иногда и межэтнических и межнациональных конфликтов» [Паксман 2009: 60-63].

Изменения стереотипов происходят редко, медленно и тяжело. Они редко проявляются на поведенческом уровне при отсутствии явной враждебности между группами, но играют доминирующую роль в реальном поведении индивидов, доходя до откровенной враждебности при обострении отношений.

Как известно, стереотипы отражают действительность, и если действительность меняется, то меняются и стереотипы. Следовательно, стереотипы не являются чем-то постоянным, неизменным. Например, во времена Советского Союза жители Кавказа ассоциировались с щедростью и гостеприимством, горячим темпераментом, богатством, выставляемым напоказ; из-за вооруженного конфликта в Чечне все кавказцы в России воспринимаются как потенциальные террористы и враги.

Сравнивая отношения между русскими и украинцами, можно заметить, что если во времена Советского Союза украинец был «свой», «младший брат», который совместно со «старшим» русским братом строил «светлое будущее», то сейчас стал резко увеличиваться процент анекдотов с персонажем – украинцем в общем составе «национальных анекдотов об «инородцах», со знаком «минус», где украинец преобразуется в клише «необразованного», «умственно неразвитого», «ленивого» персонажа. Вот как это представление реализуется в следующем анекдоте:

«Собравшимся в зале представителям разных народов задают вопросы: «Какой народ самый глупый?» Единодушный ответ: Чукчи!» – «А какой народ самый ленивый?» – «Русские!» – «А какой народ самый жадный?» – «Евреи!» – «А какой народ соединяет в себе все эти три качества?» Молчание, потом голос из зала: «Затэ мы спиваем гарно!» Украинцы здесь прямо не называются, но имитация украинской речи (и указание на другую характерную черту – любовь к песням) не оставляет сомнений, кто имеется в виду [Левкиевская 2009: 54].

Новейшей, сформированной последними геополитическими событиями характеристикой украинца является его «незалежность», отношение к которой со стороны русских как к чему-то смешному, недостойному серьезного и уважительного отношения и создающему смеховой эффект при обыгрывании темы украинской самостоятельности. В то же время постоянной характеристикой «незалежного» является его

ненависть к «москалю», которого украинец готов обвинить во всех своих бедах. Например, «Тато, чи мы всю жизнь так погано жили? – ни раньше мы жили гарно, але москали погани придумали для нас незалежность».

Говоря, например, о типаже «немецкая домохозяйка», мы представляем себе постоянно занятую по дому женщину, у которой все разложено по местам, каждый день недели которой определен для выполнения того или иного вида деятельности – покупок в магазине, стирки, уборки и т.д. Ее дети образцово выполняют все ее требования, чисто одеты, причесаны, в ее доме все освящено вековыми традициями, она гордится тем, что является образцом жены и матери. Однако этот стереотип сегодня не соответствует действительности, более того, стараниями феминисток он уничтожается в сознании и жителей Германии и других стран.

Как уже было отмечено, этнокультурный стереотип способен меняться, эволюционировать в зависимости от изменяющихся культурных, политических и экономических факторов.

В структуре стереотипа выделяются эмоциональная составляющая (содержащая позитивную или негативную интерпретацию тех или иных черт, приписываемых данному народу), а также познавательная составляющая (в которую входит определенный объем представленный об этом народе, выражаемый в совокупности характерных черт, признаков и атрибутов, ассоциируемых с данным народом, сравнение его с другими, в том числе соседними, народами). Выступающие в стереотипе познавательные и эмоциональные составляющие не всегда остаются стабильными: изменения эмоциональных оценок происходят быстрее, изменения описательной части медленнее. Познавательная, описательная суть стереотипов оказывается более стабильной. Существенным для ее описания является не столько вопрос о содержании в ней «зерна правды» или же неправды, сколько вопрос о способе интерпретации объекта, его характеристики, приписываемой основной культурной оппозиции *мы / они, свой / чужой (другой)*.

Анализ этнокультурных стереотипов позволяет сделать вывод, что стереотипы являются результатом этноцентрической реакции – попытки судить о других людях с позиций только своей культуры. Понимание механизмов порождения этнокультурных стереотипов должно научить общество правильно реагировать на них, грамотно распознавать и преодолевать этнокультурные конфликты, препятствующие успешному развитию культурного диалога между народами.

ЛИТЕРАТУРА

Барский Л. Анатомия английского юмора. – М.: Красанд, 2009.

Бартмицкий Е. Базовые стереотипы и их профилирование // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре. – М., 2009.

Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: Союз, 2001.

Краткий политический словарь. – М., 1987.

Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. – СПб., М., Харьков, Минск: Питер, 2001.

Левкиевская Е.Е. Эволюция стереотипа украинца в русском языковом сознании // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре. – М., 2009.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2010.

Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. – М., 1998.

Паксман Дж. Англия: Портрет народа. – СПб.: Амфора, 2009.

Парыгин Б.Д. Анатомия общения. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999.

Ребер А. Большой толковый психологический словарь. Т. 2. [Пер. с англ.]. – М.: Вече, АСТ, 2000.

Ромашко С.А. Стереотип: к языковой и культурной археологии слова и понятия // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре. – М., 2009.

Садохин А.П. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.: Омега-Л, 2009.

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2008.

Филиппова М.М. Английский национальный характер. – М.: Аст-Астрель, 2006.

© Жернова О.Р., 2010

Култышева И.В.
Нижний Тагил, Россия

**УЛОВКИ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ
КАК СПОСОБ АРГУМЕНТАЦИИ
В ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛИСТОВКАХ**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье коммуникативный потенциал предвыборной листовки как жанра политического PR-текста анализируется сквозь призму преднамеренных ошибок. Все уловки в доказательстве как логическом способе аргументации четко разделены на три группы, каждая уловка иллюстрируется примерами.

Ключевые слова: листовка, аргументация, доказательство, уловки в доказательстве.

Сведения об авторе: Култышева Ирина Владимировна, аспирантка кафедры русского языка, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламы.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.

E-mail: chur-irina@yandex.ru.

Kultysheva I.V.
Nizhny Tagil, Russia

**LANGUAGE MANIPULATIONS
IN REASONING AS METHOD
OF ARGUMENTATION
IN PRE-ELECTION LEAFLETS**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article is devoted to the analysis of the communicative potential of a pre-election leaflet as a genre of the political PR text in the light of the intentional errors. All the language manipulations in reasoning as a logical method of argumentation are divided into three groups, each kind of the language manipulation is illustrated by examples.

Key words: leaflet, argumentation, reasoning, language manipulations in argumentation

About the author: Kultysheva Irina Vladimirovna, Post-Graduate Student of the Chair of the Russian Language, Senior Lecturer of the Chair of Public Relations and Advertisement.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Address: 622031, Sverdlovskaya obl., g. Nizhny Tagil, ul. Krasnogvardeyskaya, d. 57.

E-mail: chur-irina@yandex.ru.

Период предвыборных кампаний дает исследователям почву для изучения жанрового многообразия агитационных материалов. Листовка является одним из жанров, обслуживающих предвыборную кампанию. Листовка – это комбинированный PR-текст, содержащий информацию о базисном субъекте политических коммуникаций (партии, движении или персоне), служащую целям позиционирования, приращения или отстройки публичного капитала данного субъекта PR [Кривоносов 2002: 227].

Характерными чертами листовки являются высокая актуальность, демократичность тематики, доступность содержания, простота стилового построения и смешение различных жанровых форм в одном произведении. Наблюдения над предвыборной листовкой как жанром политического PR-текста позволяют сделать вывод о том, что это текст убеждающего или побуждающего характера, в котором реализуются коммуникативные стратегии дискредитации, презентации и самопрезентации политика. Теория о стратегиях и тактиках в предвыборных PR-текстах тесно смыкается с теорией аргументации [Руженцева 2004: 68].

Традиционно под аргументацией понимается обмен рассуждениями и способы обоснования утверждений в рамках рассуждений. С точки зрения известного логика А.А. Ивина, аргументация представляет собой определенную человеческую деятельность, протекающую в конкретном социальном контексте и имеющую своей конечной целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости некоторых положений [Ивин 2002: 255].

Ф. Еемеерен полагает, что аргументация представляет собой вербальную, социальную и

рациональную деятельность, направленную на убеждение в приемлемости или неприемлемости точки зрения при помощи выдвижения комплекса доводов в пользу или против данной точки зрения. По его мнению, подобное определение охватывает не только процесс выдвижения доводов, но и текст, получаемый в результате, при этом контекст определяет, какое именно значение реализуется в данном случае [Еемеерен, Гротендорст 1994: 24].

Исследование существующих в настоящее время различных моделей аргументации свидетельствует о том, что вопрос о недостаточности существующих подходов к моделированию аргументации остается актуальным. По мнению отечественного философа В.Н. Брюшинкина, ни логический, ни когнитивный, ни риторический подход, взятый каждый сам по себе, не дает полной картины аргументации, содержащейся в конкретном тексте [Брюшинкин 2000: 134].

Общеизвестно, что слово «аргументация» переводится с греческого как доказательство. Это сложный процесс, при осуществлении которого ориентируются на вполне определенную, подробно разработанную логическую операцию, представляющую собой комбинирование суждений (умозаключений) – элементов доказательства [Клюев 2001: 213]. Доказательство – это логическая операция обоснования истинности утверждений с помощью фактов и других истинных, связанных с ним суждений. Теория доказательства является логическим способом аргументации, это совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений.

Основу доказательства составляют следующие положения: тезис – утверждение, истинность которого надо доказать, аргументы – это суждения, которыми пользуются при доказательстве тезиса, демонстрация (форма доказательства) – способ обоснованной логической связи между утверждаемым тезисом и аргументами. Однако предвыборный текст, в том числе написанный в рамках рассуждения-доказательства, может включать риторические приемы – уловки.

Уловки в аргументации – одна из наиболее востребованных тем логики, лингвистики, психологии на Западе. В научной, преимущественно англоязычной, литературе по проблемам уловок в аргументации написано немало работ, в России этой проблеме уделяется меньше внимания.

Под уловками понимают некорректные и непозволительные приемы, предназначенные для того, чтобы получить преимущество в коммуникативной ситуации, максимально удовлетворить собственные интересы, победить в споре и ослабить позицию противоположной стороны. Логические уловки – это умышленное нарушение законов логики и теории аргументации с целью усиления своей собственной позиции или дискредитации позиции оппонента.

На основании трехчастной структуры доказательства все уловки в доказательстве как логическом способе аргументации можно разделить на три группы:

- уловки, касающиеся тезиса;
- уловки, касающиеся аргументов;
- уловки, касающиеся демонстрации.

Рассмотрим самые частотные уловки предвыборных листовок в каждой составляющей трехчастной структуры доказательства.

Уловки, касающиеся тезиса. Самая распространенная уловка в доказательстве, касающаяся тезиса, – **сознательная подмена тезиса**.

Подмена тезиса как таковая является одной из характерных черт предвыборной агитации. Закон тождества по отношению к тезису гласит, что «тезис на всём протяжении доказательства или повествования должен оставаться одним и тем же» [Зарецкая 2007: 99-100]. Нарушение этого закона, так называемая потеря тезиса или отступление от тезиса, происходит «тогда, когда, сформулировав основную идею, впоследствии забывается о ней и совершается переход к иному, прямо или косвенно связанному с первым, но в принципе другому положению» [там же: 102].

Листовка партии «Гражданская Сила»: (Тезис) **«Единая Россия» – враг каждого из Вас!** (Аргументы) *Они богаты, они во власти, у них все уже есть. Они живут хорошо и не нуждаются в поддержке и защите.*

Несмотря на то, что и тезис и аргументы направлены на дискредитацию партии «Единая Россия», представленные аргументы не рас-

крывают заявленный тезис. Необходимо или переформулировать тезис предвыборной листовки, или подобрать соответствующие аргументы.

Яркой демонстрацией наличия уловки «подмена тезиса» является предвыборная кампания 2007 года, когда жители РФ выбирали по партийным спискам депутатов Государственной Думы.

Листовка партии «Единая Россия»: (тезис) **«2 декабря – референдум доверия В. Путину».**

Подмена тезиса заключается в том, что был не референдум в поддержку действующего президента и выбирали не президента РФ, а депутатов Государственной Думы.

Подмена тезиса наблюдается также в листовках партии «Союз правых сил» во время этой же избирательной кампании в Государственную Думу в декабре 2007 года: **«2 декабря 2007 года – всероссийский пенсионный референдум».**

Использование софизмов в тезисе – это также частая уловка в предвыборных листовках.

Рассуждение, в котором представлены аргументы в пользу положения, которое заведомо абсурдно или недостоверно, получило название софизма. Наличие данной уловки предполагает наличие маркеров - специальных лексических показателей (*все, только, единственный*).

Листовка КПРФ против «Единой России»: **Все «реальные дела» этой партии - это повальная коррупция, растаскивание бюджета, монетизация, отмена льгот, повышение пенсионного возраста для трудового народа**

Листовка партии «Единая Россия»: **Только одна партия «Единая Россия» из всех представленных в списке для голосования думает о молодых семьях Российской Федерации.**

Листовка ЛДПР: **Только ЛДПР за вас, люди России! Только с ЛДПР вы добьетесь достойной жизни. Только ЛДПР – единственная политическая сила, на которую можно надеяться простым людям.**

Уловки, касающиеся аргументов. Закон достаточного основания требует, «чтобы в случае каждого утверждения указывались основания, в силу которых оно принимается», чтобы тезис обязательно сопровождался подтверждением (аргументами). Ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым — без достаточного основания.

Английский логик Роберт Джеймс Бранхэм пишет: «Не подтвержденный доказательством тезис представляет собой простое утверждение, которое в споре, как правило, на веру не принимается» [цит. по: Зарецкая 2007: 128].

Основная уловка, касающаяся аргументов – **консуммация**. Консуммация – это нагромождение разнообразных, не связанных между

собой доводов в поддержку одного тезиса. Цель консуммации – создать видимость обилия аргументов.

Листовка В.В. Жукова, 2007 год:
(Тезис) *Голосуй за Владимира Жукова*
(Аргументы) *Имя – как у Президента.*
Взгляды – как у Глазьева.
Воля – как у маршала

В данном примере представлены три аргумента, но ни один из них, по сути, доводом в поддержку тезиса не является. Синтаксический параллелизм помогает создать видимость аргументации, а ритмическая структура текста снижает критичность при его восприятии.

Исследователи признают, что приведение не единичных, а множественных аргументов более выигрышно, так как «благодаря выдвижению целого ряда аргументов защита выглядит сильнее» [Зарецкая 2007: 224].

Листовка В.П. Исаевой во время избирательной кампании в Городскую Думу Нижнего Тагила (2008 год):

(Тезис) *5 причин голосовать за Валентину Исаеву*

(Аргументы) *1. Это отзывчивый и надежный человек.*

2. Возглавляет команду независимых кандидатов, идущих в городскую Думу под девизом «За правду! За людей!».

3. Имеет авторитет в городе. Не боится критиковать чиновников.

4. Имеет колоссальный опыт депутатской работы.

5. Свою заботу о жителях округа доказала на деле. Знает все механизмы работы Думы и использует их в интересах своего округа. За годы ее депутатской деятельности в округе начали благоустраиваться дворы, решаться наиболее острые коммунальные проблемы, постоянную поддержку стали получать школы, детские сады.

Данная листовка построена по восходящему типу аргументации, когда сила аргументов усиливается к концу текста. Но первые три причины нельзя назвать объективными логическими аргументами в поддержку выдвинутого тезиса. Они нужны, чтобы просто увеличить число аргументов, как заявлено в тезисе данной листовки. Четвертый аргумент (*имеет колоссальный опыт депутатской работы*), по сути, является тезисом для пятого аргумента (*за годы ее депутатской деятельности в округе начали благоустраиваться дворы, решаться наиболее острые коммунальные проблемы, постоянную поддержку стали получать школы, детские сады*).

При множественной аргументации необходимо следить за тем, чтобы аргументы раскрывали тезис, а не приводились только потому, что должны быть в структуре доказательства. Латинская поговорка гласит: «Сила аргументов в их вескости, а не в количестве».

Следующая уловка в доказательстве, касающаяся аргументов, – наличие экземплификаторов выделения и экземплификаторов умолчания.

Экземплификаторы выделения – лексические показатели введения аргумента в пользу доказываемого тезиса (*в частности, точнее, прежде всего, в первую очередь, и самое главное*). Данный прием обращает внимание на особый статус выбранного аргумента и тем самым наводит на логику множественной аргументации [Баранов 2007: 260].

ЛДПР – трижды спасала страну.

В августе 1991 года члены партии вышли на улицы Москвы защищать страну, когда коммунисты не вышли спасти наше Отечество.

В 1992 году ЛДПР яростно боролась с политикой «шоковой терапии» Гайдара. Усилиями партии ЛДПР его правительство ушло в отставку.

И самое главное, в 1993 году только благодаря сторонникам ЛДПР была принята Конституция РФ (листовка ЛДПР 2007 год)

С помощью экземплификаторов определяются отношения между тезисом и аргументами, в которых преобладают отношения «целое – часть» или «абстрактное – конкретное».

Цель «Единой России» в экономике – создание материальных условий для повышения качества жизни уральцев.

В первую очередь, увеличить к 2010 году объем производства в нашей стране в 2,2 раза.

Освоить проект «Урал промышленный – Урал Полярный», который обеспечит сырьем наши предприятия на сотни лет вперед и создаст новые рабочие места.

Осуществить крупнейшие инвестиционные проекты по модернизации ключевых предприятий области и строительству новых передовых производств (листовка ЕР 2008 год).

Цель «Единой России» в социальной политике – рост благосостояния жителей Свердловской области.

В первую очередь, добиться роста заработной платы по всему кругу предприятий области к 2010 году до 29000 рублей ежемесячно.

Провести в 2008 году Год чистоты, сделав все наши города и села комфортными и чистыми.

Коренным образом преобразовать жизнь на селе путем реализации губернаторской программы «Уральская деревня» (листовка ЕР 2008 год)

С помощью экземплификаторов в аргументах расставляются акценты, выделяются приоритеты, они выступают также в функции апеллятивов – текстовых показателей привлечения внимания. Экземплификаторы позволяют выделить нужный аргумент, что может использо-

ваться для управления вниманием читающего предвыборную листовку.

Экземплификаторы умолчания (*и т.д., и др., и пр.*) дают понять адресату, что имеются дополнительные аргументы, иллюстрирующие тезис, но они в данной листовке эксплицируются.

Листовка партии «Единая Россия»:

(Тезис) *Мы добились увеличения реальных доходов населения:*

(Аргументы)

- *увеличен минимальный размер оплаты труда более чем в 7 раз (с 1.10.2006);*

- *средняя месячная начисленная заработная плата возросла почти в 4 раза;*

- *с 1 октября 2007 года на 33% будет индексирована заработная плата работников бюджетной сферы;*

- *увеличен размер надбавок к должностным окладам научно-педагогических работников высших учебных заведений за ученую степень кандидата наук и ученую степень доктора наук и пр.*

Существование множества дополнительных примеров, о чем свидетельствуют экземпляры умолчания, предполагается, но **вовсе не обязательно, что в принципе вообще имеются другие аргументы** [Баранов 2007: 262].

Следующая распространенная уловка в доказательствах, касающаяся аргументов, – это «круг в аргументации».

Одно из правил аргументативной риторики гласит: «Необходимо различать тезис, посылки и заключение» [Зарецкая 2007: 132]. При нарушении данного правила возникает логическая ошибка, именуемая кругом в аргументации, в иных терминах – обращенным доказательством, заколдованным кругом, порочным кругом или тавтологическим объяснением.

Листовка ЛДПР: *Вот вам «Единая Россия» твердит сегодня: «Поднимем, мол, зарплаты рабочим в Нижнем Тагиле до 26 тысяч. Этого не может быть* (тезис), *потому что это невозможно* (аргумент)».

В данном примере аргумент полностью идентичен тезису. Аргументы не могут быть тождественны тезису, их функция – обоснование выдвигаемого тезиса.

Уловки, касающиеся демонстрации. Основная уловка, касающаяся демонстрации, – **уловка мнимого следования** наличие фигуры non sequitur (не следует). Non sequitur (не следует) представляет собой ошибку в выведении тезиса из посылок, то есть **ошибку в демонстрации**.

Листовка ЛДПР: *Наша партия еще ни разу не была представлена большинством в Государственной Думе, но у нас двенадцатилетний опыт работы, следовательно, пришло время нашей партии представлять в большинстве ваши интересы последующие 4 года в ГосДуме.*

Данная уловка основывается в приписывании обязательной связи, хотя её на самом деле нет. В данном примере ясно, на наш взгляд, видно, что из представленных аргументов (*партия еще ни разу не была представлена большинством и двенадцатилетний опыт работы*) не следует тот вывод, который заявлен в листовке.

Таких случаев немало наблюдается среди идиом, которые в действительности лишь преследуют выразительные цели, а не утверждают причинно-следственные связи. Псевдологизм усиливается с помощью маркера «следовательно», что придает аргументации оттенок научного стиля.

Широко распространена в предвыборных листовках уловка «поспешного обобщения».

В.В. Петрова, врач 5 городской поликлиники (за А.В. Маслова, кандидата в депутаты в Городскую Думу Нижнего Тагила):

(Аргументы) *Давно знаю Александра Викторовича: это достойный человек. Ему не безразлична судьба детей и стариков. Отзывчивый, требовательный к себе и окружающим, инициативный, энергичный. В общем,* (вывод) *медики Нижнего Тагила за Александра Викторовича.*

Помимо ошибки ложного следования (в тексте листовки не приведен ни один аргумент, почему же именно медики поддерживают данного кандидата), в листовке наблюдается паралогизм поспешного обобщения. Данная уловка состоит в том, что лицо выражается за группу лиц, а в данном случае, некий врач городской поликлиники свидетельствует за всех медиков города.

Разновидности non sequitur до сих пор не были систематизированы и не описаны, как нам кажется, по той причине, что сами типы демонстрации исследованы в настоящее время недостаточно.

Таким образом, основные уловки в доказательстве как способе логической аргументации можно разделить на три основные группы: уловки в тезисе, в аргументах, демонстрации. Чаще всего в предвыборных листовках встречаются уловки в аргументах, предназначенных для обоснования тезиса.

Еще греческий философ Зенон выделял два вида риторики: «открытой ладони» и «сжатого кулака». Первый вид характеризуется стремлением убедить оппонента с помощью грамотной, логичной аргументации, корректного обсуждения вопроса. Второй ориентирован на победу в споре любой ценой без возможности компромисса, с помощью различных средств принуждения, психологического давления, использования жестких, иногда провокационных полемических приемов. Некоторые специалисты отмечают, что «изучать аргументацию по уловкам – это всё равно, что учить играть в теннис, демонстрируя типовые ошибки этой игры». Однако, в отличие от тенниса, уловки в

аргументации, особенно в предвыборном дискурсе, преднамеренны, именно поэтому изучать и систематизировать их необходимо. Изучение уловок в аргументации может иметь прикладное значение и для копирайтеров в период проведения PR-кампаний, и для вузовского обучения в рамках специализаций «Связи с общественностью» и «Реклама».

ЛИТЕРАТУРА

Абачиев С.К., Делия В.П. Теория и практика аргументации (К учебному курсу для специалистов по связям с общественностью). – М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.

Брюшинкин В.Н. Логика. – М.: Гардарики, 2000. 336 с.

Гринберг Т.Э. Политические технологии: PR и реклама: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005. 317 с.

Еемерен Ф.Х., Гротендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. – СПб.: Васильевский остров, 1994. 118 с.

Зарецкая Е.Н. Логика речи. – М.: Финпресс, 2007. 526 с.

Иванова К.А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. – СПб.: Питер, 2005. 178 с.

Ивин А.А. Логика для журналистов. – М.: Аспект Пресс, 2002. 358 с.

Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция.): Учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Приор, 2001. 270 с.

Кривоносов А.Д. Жанры PR-текста: Учебное пособие для студентов отделений связей с общественностью. – СПб.: Лаборатория оперативной печати ф-та журналистики СПбГУ, 2002. 421 с.

Орлова Е.А. Имидж политической власти. – М.: Народное образование, 2002. 309 с.

Руженцева Н.Б. Аргументация в PR-жанрах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества [Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. А.П. Чудинов]. – Екатеринбург, 2004. Т. 13. С. 67-75.

Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика. Учеб. пособ. – М.: Дело, 2004. 496 с.

© Култышева И.В., 2010

Мохова Е.К.
Сургут, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СВОБОДЫ
В ДИСКУРСЕ НЕЛЬСОНА МАНДЕЛЫ**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В данной статье рассматриваются метафорические представления концепта “свобода” в политическом дискурсе бывшего президента ЮАР Нельсона Манделы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, концепт, метафорическая модель, свобода.

Сведения об авторе: Мохова Евгения Константиновна, аспирант кафедры иностранных языков и культур.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: ХМАО, Тюменская обл., г. Сургут, ул. Энтузиастов, д. 47, кв. 3.
E-mail: jania1986@list.ru.

Mokhova E.K.
Surgut, Russia

**METAPHORICAL REPRESENTATION OF
FREEDOM IN NELSON MANDELA DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.20

Abstract. This article reviews metaphorical representations of the concept “freedom” in political discourse of the former South African president Nelson Mandela.

Key words: cognitive linguistics, metaphor, concept, metaphorical model.

About the author: Mokhova Evgenia Konstantinovna, Postgraduate Student of the Chair of Foreign Languages and Culture

Place of employment: Surgut State University

Метафоричность – один из важнейших признаков современной политической речи. Метафора – один из инструментов нашего видения и понимания мира, основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы – источника при помощи новой сферы [Чудинов 2001: 19]. В соответствии с принципами когнитивной лингвистики, «человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет» [там же: 52].

По мнению многих исследователей, анализ метафорических словоупотреблений позволяет выделить некоторые сферы-источники для метафорической номинации объектов какой-либо части действительности, причем эти метафоры разворачиваются в целые метафорические модели. «Метафорическое моделирование – это отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикация, представления и оценки действительности в народной ментальности» [Чудинов 2001: 133]. Для политического дискурса характерно многообразие метафорических моделей, отражающих современную действительность и специфику восприятия этой действительности. Специфика политической метафоры в той или иной стране тесно связана с ее историей, культурой и политической организацией общества [Будаев, Чудинов 2008].

Настоящая статья посвящена анализу метафорических представлений образа свободы в политическом дискурсе бывшего президента ЮАР Нельсона Манделы. Нас интересуют смыслы, связанные с представлениями носителей языка о свободе, и способы, используемые для привлечения внимания адресата и создания нужного политического эффекта.

Нельсон Ролыхлахла Мандела стал первым демократически избранным президентом своей

страны и содействовал изменению политического режима в ЮАР, переходу от власти меньшинства к равенству и мирному сосуществованию. За время его правления в ЮАР была принята новая конституция, которая гарантировала всем южноафриканцам равные права, независимо от пола, расовой принадлежности и сексуальной ориентации [http://ru.wikipedia.org]. Президент Нельсон Мендела всегда боролся за равноправие, свободу своего народа, он говорил: «Быть свободным значит не просто скинуть с себя оковы, но жить, уважая и приумножая свободу других». Бывший президент стремился к полной свободе своего народа, уважению интересов своей страны на мировой арене, признанию ее как равноправного, сильного государства. Он провозгласил: «Наша работа – свобода для всех».

В дискурсе Нельсона Манделы свобода метафорически представляется как награда, долгожданный приз для народа. В Африке национальный вопрос обусловлен социально-экономическими и политическими факторами, традициями и верованиями, языковой спецификой. Президент говорил о необходимости признания самобытности национальных культур, их уникальной ценности. Необходимо формировать политическое мышление, которое основано на обеспечении равных прав каждому народу, удовлетворении интересов каждой национальности, племенной группы, укреплении гарантий, исключаящих ущемление прав граждан по национальному признаку. Ср.: *Their dreams have become reality. Freedom is their reward (Inaugural Address speech by Nelson Mandela)*.

Концептуальный вектор метафорической модели СВОБОДА – ЭТО ЦЕЛЬ направлен на создание образа долгого пути, длительного поиска желанной цели. Ср.: *We succeeded to take our last steps to freedom in conditions of relative peace (Inaugural Address speech by Nelson Mandela)*.

Африканская республика, где права человека долгое время были ущемлены, представляется как «долина темноты». Президент выступает как лидер, способный вывести людей из мрачного, угнетающего прошлого в долину света. Ср.: *We are both humbled and elevated by the honor and privilege that you, the people of South Africa, have bestowed on us, as the first President of a united, democratic, non-racial and non-sexist South Africa, to lead our country out of the valley of darkness (Nelson Mandela, An ideal for which I am prepared to die).*

В соответствии с африканскими традициями концепт свобода является одним из основных компонентов мировосприятия. Свобода олицетворяет вождя, который должен управлять государством и вести народ. Ср.: *Let freedom reign. The sun shall never set on so glorious a human achievement (Inaugural Address speech by Nelson Mandela).*

Метафорическая модель ПОЛУЧЕНИЕ СВОБОДЫ – ЭТО ВОЕННАЯ ПОБЕДА несет концептуальный вектор долгой борьбы, противостояния врагу, угнетающему африканцев. Метафорическая модель отражает отчаянную войну народа за получение независимости. Ср.: *We thank all our distinguished international guests for having come to take possession with the people of our country of what is, after all, a common victory for justice, for peace, for human dignity (Nelson Mandela, An ideal for which I am prepared to die).*

Стремление Манделы завоевать независимость для своей страны представляется как война за свои идеалы, борьба за благополучие земли. Ср.: 1) *I hoped then that life might offer me the opportunity to serve my people and make my own humble contribution to their freedom struggle.* 2) *I do not, however, deny that I planned sabotage (Nelson Mandela, An ideal for which I am prepared to die).*

Долгое время африканские лидеры рассматривали вооруженную борьбу как единственное средство решения внутренних конфликтов. Однако следствием этой войны становились миллионы погибших, огромные потоки беженцев и деградация экономики. Народ Африки пережил много страданий. Концептуальный вектор метафорической модели СВОБОДА – ЭТО ЛЕЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАН транслирует идею создания иного общественного устройства, где люди получают новые возможности. Ср.: *The time for the healing of the wounds has come (Inaugural Address speech by Nelson Mandela).*

Нельсон Мандела считал, что африканский народ, угнетаемый в течение столетий, не должен больше страдать и быть рабом. Метафорическая модель АФРИКАНСКИЙ НАРОД – ЭТО СТРАДАЛЕЦ несет негативную коннотацию и транслирует необходимость освободить людей от унижения и гнета. Ср.: *Never, never and never again shall it be that this beautiful land will again experience the oppression of one by an-*

other and suffer the indignity of being the skunk of the world (Inaugural Address speech by Nelson Mandela).

Метафоры человеческого тела в политическом дискурсе удачно подходят как для описания общества, так и государства. Телесное сознание человека выступает первоначально в формировании его представлений о самом себе, о мире, культуре, социуме. За определенной системой организма закреплены та или иная функция, вид деятельности, реакция [Апресян 1995: 352]. Метафора «страх в сердце» транслирует смятение угнетаемого человека, который всегда подвергался дискриминации и унижениям, был рабом. Ср.: *We enter into a covenant that we shall build the society in which all South Africans, both black and white, will be able to walk tall, without any fear in their hearts, assured of their inalienable right to human dignity – a rainbow nation at peace with itself and the world (Inaugural Address speech by Nelson Mandela).*

Обретение свободы и равноправия является мечтой каждого африканца. Метафорическая модель ПОЛУЧЕНИЕ СВОБОДЫ – ЭТО НАДЕЖДА, БЬЮЩАЯСЯ В ГРУДИ ЛЮДЕЙ транслирует мечтания народа о создании лучшего общества, свободы для каждого человека. Ср.: *We have triumphed in the effort to implant hope in the breasts of the millions of our people (Inaugural Address speech by Nelson Mandela).*

Основным направлением в политике Нельсона Манделы являлось создание демократического общества, в котором бы царило взаимоуважение и равноправие. Метафоры строительства создают образ формирования новой политики государства, создание иного политического устройства. Ср.: *We trust that you will continue to stand by us as we tackle the challenges of building peace, prosperity, non-sexism, non-racialism and democracy (Inaugural Address speech by Nelson Mandela).*

Президент всегда мечтал создать общество, в котором не было бы расовой борьбы и ущемления человеческих прав, где каждый человек был бы свободен и счастлив. Метафоры отражают становление нового общественного порядка после длительной борьбы и страданий, в котором будут царить новые ценностные ориентиры. Ср.: *Out of the experience of an extraordinary human disaster that lasted too long, must be born a society of which all humanity will be proud (Nelson Mandela, An ideal for which I am prepared to die).*

Метафорическая модель СВОБОДА – ЭТО РЕБЕНОК несет концептуальный вектор радости, сопоставляя рождение ребенка с обретением свободы. Ср.: *Today, all of us do, by our presence here, and by our celebrations in other parts of our country and the world, confer glory and hope to newborn liberty (Nelson Mandelas Inaugural Speech).*

Философия Африки имеет свой собственный объект изучения, она имеет свои способы

теоретического объяснения становления и развития телесной, духовной и душевной жизнедеятельности человека в мире природы и социума. В философии Африки, которой дала начало магия, заложена глубокая вера в божественную суть природных стихий, способных выполнять желания людей. Метафорическая модель СВОБОДА – ЭТО РАСЦВЕТ ПРИРОДЫ отражает преобразование, цветение Африканской республики, духовный подъем освободившегося народа. Ср.: *We are moved by a sense of joy and exhilaration when the grass turns green and the flowers bloom (Nelson Mandelas Inaugural Speech)*.

Метафорическая модель СВОБОДА – ЭТО ЕДИНСТВО С ЗЕМЛЕЙ обладает мощным прагматическим потенциалом, наполненным образом слияния человека с природой, с землей, на которой он родился. Ср.: *That spiritual and physical oneness we all share with this common homeland (Nelson Mandelas Inaugural Speech)*.

Для того чтобы раскрыть идею происходящих социальных изменений, используется метафора времени суток. Концепт *свет (день)* ассоциируется с физическим развитием человека, предстает как символ святости, благородства, красоты. Появление «света» транслирует возможные перемены к лучшему, обретение благополучия. Ср.: *We would also like to pay tribute to our security forces, in all their ranks, for the distinguished role they have played in securing our first democratic elections and the transition to democracy, from blood-thirsty forces which still refuse to see the light (Inaugural Address speech by Nelson Mandela)*.

Истинная свобода, по словам Нельсона Манделы, не допускает существования нищеты в обществе. «While poverty persists, there is no true freedom» («Пока существует нищета, настоящая свобода невозможна»). Нищета делает людей рабами, заключенными, посаженными на цепь. Бедные люди не имеют возможности свободно жить. Ср.: 1) *Through your will and passion, you assisted in consigning that evil system forever to history. But in this new century, millions of people in the world's poorest countries remain imprisoned, enslaved, and in chains. 2) They are trapped in the prison of poverty. It is time to set them free (Mandela's poverty speech)*.

Анализ метафорических представлений концепта «свобода» в дискурсе бывшего прези-

дента ЮАР Нельсона Манделы показал, что данный концепт является ключевым в его картине мира, что обуславливает частое апеллирование к нему в политическом дискурсе.

Свобода в представлении президента определена как конечный пункт долго путешествия в поисках идеального общества, демократического строя. Концепт представляется наградой для народа, который много лет испытывал угнетения и лишения. Свободное общество символизирует рождение ребенка, появление на свет новой жизни.

Установление демократического общества метафорически представляется как борьба за свои идеалы. Война представляется единственным способом достигнуть общественного благосостояния и равноправия.

Концепт *свобода* в текстах Н. Манделы представлен метафорами природы, транслирующими красоту и силу африканской земли, на которой каждый человек может быть счастливым.

Представленные материалы служат еще одним свидетельством существенных различий, которые обнаруживаются при метафорическом обозначении свободы в африканском сознании и в сознании народов, которые на продолжении длительного времени живут в условиях демократии, национальной независимости и отсутствия притеснений, связанных с расовыми, гендерными, религиозными или иными качествами человека, с его политическими убеждениями или профессиональной деятельностью. Специфика понимания свободы тесно связана с историей и культурой народа, с политической структурой общества и его соответствия стандартам демократии.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика – М.: Школа "Языки русской культуры", 1995.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: [Пер.с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова]. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография [Урал. гос. пед. ун-т.]. – Екатеринбург, 2001.

URL: <http://ru.wikipedia.org>.

© Мохова Е.К., 2010

Нахимова Е.А.
Екатеринбург, Россия

УРБОНИМЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ:
КОНДОПОГА И ПИКАЛЕВО

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. После мощных социальных выступлений против мигрантов и олигархов в Кондопоге и Пикалево названия этих городов начали использоваться как имена нарицательные для обозначения актов социального протеста в различных городах России. Подобные вторичные значения характерны для отечественной политической коммуникации, их арсенал постоянно обновляется, но большинство из них быстро уходит из активного употребления. Уже через несколько лет такие образы не вызывают прежнего эмоционального отклика читателей, оказываются не вполне понятными и требуют специального разъяснения.

Ключевые слова: Политическая коммуникация, метафора в СМИ, урбонымы, Пикалево, Кондопога, имя собственное, имя нарицательное, историческая динамика политических метафор.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
E-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

Nakhimova E.A.
Ekaterinburg, Russia

URBONYMS
IN POLITICAL COMMUNICATION:
KONDOPOGA AND PIKALEVO

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. Soon after great social outbursts directed against migrants and oligarchs took place in Kondopoga and Pikalevo, the names of these cities came into use as common nouns in order to define acts of social protests in various Russian cities. Such transferred meanings are typical of Russian political communication; the number of such nouns is constantly under change and renewal but a vast majority of them is not used for a long time, presents just a passing fad and drops out of active everyday use soon enough. Just a few years after their boom of use in everyday speech such words are not connected with former images any more. They cease to produce the emotional response they used to have. More than that their meanings are no longer quite clear and therefore need some special explanation.

Key words: political communication, metaphor in mass-media, urbonyms (names of cities when used as common nouns), Pikalevo, Kondopoga, proper nouns, common nouns, historic dynamics of political metaphors.

About the author: Nakhimova, Elena Anatolyevna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Исследования по истории и теории политической метафоры свидетельствуют об удивительной стабильности метафорических образов во времени и пространстве, об их сопоставимости в разных культурах. Еще в середине прошлого века Майкл Осборн отмечал, что «в кросс-культурном аспекте архетипичные метафоры также подтверждают свое постоянство, оставаясь неизменными в разных культурах. Поэтому, когда Данте говорит о Боге как об ослепительном свете и об аде, полном мрачной тьмы, а Демосфен описывает беспокойные Афины, сравнивая их с поднявшимся над морем штормом, смысл их слов доходит до нас и становится ясным, преодолевая временные и культурные барьеры» [Осборн 2008: 184; Osborn 1967]. Современный американский исследователь Ричард Андерсон отмечает, что метафоры продвижения вперед и отступления, верха и низа встречаются в самых различных культурах и обычно имеют сходные смыслы [Андерсон 2007: 12]. Поэтому обычно крайне сложно делать предположения о том, где и когда появился тот или иной метафорический образ. Если даже мы встречаем его уже у Гомера, то вполне может быть, что подобная метафора существовала в фольклоре.

Полностью соглашаясь с приведенными высказываниями весьма авторитетных американских метафорологов Ричарда Андерсона и Майкла Осборна (подобные мысли высказыва-

лись и в отечественной лингвистике), необходимо отметить, что степень исторической устойчивости метафор в различных разрядах и группах лексики часто оказывается неодинаковой. Существуют серьезные основания для того, чтобы считать, что метафорические значения онимов часто оказываются «недолговечными»: они то стремительно получают широкую популярность, то не менее стремительно уходят из активного употребления.

Нередко обнаруживаются такие метафоры рассматриваемого типа, у которых достаточно легко определить по меньшей мере год (а иногда даже месяц) возникновения. Например, во многих случаях можно назвать дату события, которое стало концептом-источником для метафорического использования соответствующего имени собственного. Очень показательны в этом отношении некоторые российские политические метафоры, рождение которых относится к началу текущего столетия.

В рассматриваемых ниже случаях источником метафоры становятся коннотативные онимы (термин предложил Е.С. Отин) – названия российских городов *Кондопога* и *Пикалево*. Эти населенные пункты объединяет немало общих признаков: они находятся в соседних регионах (Карелия и Ленинградская область), имеют многовековую историю, однако статус города приобрели в советскую эпоху. Это небольшие по числу жителей (до 35 тысяч) «моногорода»,

основой экономики каждого из них является одно промышленное предприятие, которое было создано в годы индустриализации и от которого до настоящего времени очень зависит вся жизнь горожан. В Кондопоге она относительно благополучная (целлюлозно-бумажный комбинат успешно работает), катастрофа в пикалевской экономике связана с конфликтом между собственниками когда-то единого цементного завода.

Как известно, в каждом из этих городов относительно недавно произошли массовые беспорядки, в процессе которых местные жители выражали свое недовольство сложившейся социальной ситуацией и демонстрировали свое негативное отношение к «чужакам» (мигрантам и олигархам). Прекращению уличных столкновений в Пикалеве и Кондопоге способствовало активное вмешательство В.В. Путина, который потребовал от местных властей и владельцев предприятий соблюдать законность и в полной мере учитывать интересы местных жителей.

Для обозначения проявлений социальной активности кондопожцев и пикалевцев вскоре стали образно использовать соответствующие урбонимы. Впоследствии эти же названия стали образно употреблять для обозначения аналогичных событий в других населенных пунктах и даже для характеристики умонастроений, способных привести к таким событиям.

Показательно, что, осуждая незаконные действия кондопожцев и пикалевцев (столкновения с мигрантами, требование выселить из города «кавказцев», препятствование движению транспорта, неподчинение требованиям милиции и оскорбительные высказывания в адрес милиции, сотрудников прокуратуры, руководителей города и региона), многие российские политические лидеры и журналисты говорили о своем понимании истоков социального протеста. Во многих авторитетных российских СМИ высказывалось мнение о том, что в случившемся виноваты не только и не столько участники уличных столкновений. Журналисты писали о том, что мигрантам следовало бы больше уважать традиции народов, которые издавна проживают на северо-западе России, а владельцы предприятий должны думать не только о прибыли, но и о своей ответственности за судьбы людей, которые своим трудом создают эту прибыль.

Важно отметить, что руководители Кондопоги и Пикалева (а также руководители Карелии и Ленинградской области) в своих выступлениях говорили преимущественно о вине «чужаков» и в той или иной степени оправдывали поступки местных жителей. Создается впечатление, что участники выступлений пользовались поддержкой абсолютного большинства своих земляков, в том числе тех, которые не принимали участие в антизаконных действиях. На всех кондопожских и пикалевских форумах и чатах была представлена по существу одна точка зрения: «чужаки» нарушают наши обычаи, они привыкли все измерять деньгами, если

мы будем бездействовать, то нас и наших детей ждут полная деградация и обнищание. Некоторые авторы допускали расистские высказывания и призывали к «экспроприации экспроприаторов», по существу к новой гражданской войне. С другой стороны, на защиту «изгнанных» кавказцев выступили некоторые руководители северокавказских республик, мусульманские религиозные лидеры и даже участники вооруженных формирований, ведущих боевые действия в Чечне и Дагестане.

В качестве источника текстового материала в данном исследовании использованы данные «Национального корпуса русского языка» (<http://guscorpora.ru>), создатели которого дали в руки лингвистам богатейшие источники и программу, существенно облегчающую анализ языковых фактов и закономерностей. В качестве дополнительного источника в настоящем исследовании использовался массив текстов из Интернет-архивов общенациональных высокотиражных российских газет «Завтра», «Комсомольская правда», «Известия», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», а также иные материалы СМИ. Из Интернет заимствованы и материалы свободной энциклопедии «Википедия» [<http://ru.wikipedia.org/wiki>]. На указанном сайте представлена важная информация о соответствующих городах и о происходивших в них событиях, которые в последние годы широко освещали отечественные и зарубежные СМИ. Важным источником для исследования стали региональные Интернет-источники, ориентированные на жителей Кондопоги и Пикалево, в том числе официальные сайты администраций указанных городов.

Как сказано в Интернет-энциклопедии «Википедия», **Кондопога** – это город (с 1938 года) на берегу Кондопожской губы Онежского озера в Карелии примерно в 50 километрах к северу от Петрозаводска. Проживает около 33 тысяч жителей, значительная часть которых работает Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате.

Указанная Интернет-энциклопедия сообщает также, что слово *Кондопога* восходит к карельскому сложному слову *Kondupohju* (финский вариант названия – *Kontupohja*), которое можно перевести как «медвежий угол», «медвежье место». Существуют и иные предположения об этимологии этого названия, в том числе «медвежья лапа», «медвежий залив» и др. Значение первого карельского корня «kond» – медведь; о значении второго карельского корня *pohju* существует несколько версий. В частности, предполагают, что название поселения, образовано от наименования водоема («медвежий залив»), на берегу которого находится это поселение. Такая модель образования топонима широко распространена в ономастике, в том числе севернорусской ономастике.

В подготовленном Ф.Л. Агеенко справочнике «Русское словесное ударение. Словарь имен собственных» [Агеенко 2001] рекомендовано ударение на предпоследнем слоге. По нашим

наблюдениям, именно с таким ударением слово *Кондопога* произносятся и дикторы ведущих российских телеканалов.

Следует, однако, отметить, что старожилы Карелии обычно произносят название *Кондопога* с ударением на первом слоге, что, несомненно, связано с тем, что для карельского языка характерно ударение на первом слоге, а карельское название этого города хорошо известно большинству его жителей.

Как отмечает А.В. Суперанская, для русского языка характерна тенденция к переносу ударения в именах собственных, заимствованных из финно-угорских языков, с первого слога на один из последних слогов [Суперанская 1969: 177].

Показателен следующий диалог журналиста Татьяны Витебской и президента Карелии Сергея Котандова.

– В справочнике для журналистов написано, что ударение в слове *Кондопога* падает на третий слог. Вы делаете ударение на первый. Как правильно?

– И то и другое правильно. В переводе с карельского и финского *Кондопога* означает «Святое место». У этого города большая история. Традиционно там жили староверы. (Известия, 24.11.2006)

Президент совершенно справедливо говорит о вариантности ударения в слове *Кондопога*; вполне понятно и то, что человек, хорошо знающий карельский язык, использует произношение, близкое к звучанию данного слова в языке-источнике. Однако предлагаемая им этимология и ее связь с религиозными убеждениями древних жителей города у специалистов могут вызвать серьезные сомнения. Скорее всего, название города связано не со святыми, а с медведями.

В словаре-справочнике «Русские названия жителей» [Городецкая, Левашов 2003] сообщается, что город называется *Кондопога* (с ударением на предпоследнем слоге), но в словаре отмечается, что существует и «местный вариант» названия с ударением на первом слоге. Там же говорится, что жителей этого города называют *кондопожец* (родительный падеж – *кондопожца*), *кондопожцы* (родительный падеж – *кондопожцев*), *кондопожане* (родительный падеж – *кондопожан*), *кондопожанин* (родительный падеж – *кондопожанина*), *кондопожанка* (родительный падеж – *кондопожанки*), *кондопожанки* (родительный падеж – *кондопожанок*). Во всех случаях указывается ударение в именительном падеже на предпоследнем слоге, но в указанном словаре не сообщается о возможности ударения на первый слог в рассматриваемых словах.

По данным официального сайта администрации города Кондопога, первое письменное упоминание об этом поселении относится к 1495 году, однако максимально большую известность город Кондопога приобрел в сентябре 2006 года, когда нем произошли межнациональные столкновения, о которых детально

рассказывали российские и зарубежные СМИ. Своего рода итогом этих столкновений стала смерть двух местных жителей, которых убили выходцы из Чечни, множество раненых и покалеченных, разгромленные и сожженные кафе и магазины. Милиция задержала более ста участников беспорядков, из Кондопоги срочно выехали более тридцати кавказских по происхождению семей. Несколько преступников были осуждены, но судебные разбирательства продолжаются.

Разумеется, межнациональные конфликты в нашей стране случались и ранее, но, по словам известного этнолога А.К. Байбурина, события в Кондопоге «впервые в постсоветской истории России квалифицировались как этнические погромы», тогда как ранее в официальных документах говорилось только о межнациональных столкновениях [Байбурин 2007: 153], которые стремились объяснить экономическими причинами, происками криминальных авторитетов или случайным стечением обстоятельств.

Об этнических погромах в Кондопоге детально рассказывали множество отечественных и зарубежных СМИ, а слово *Кондопога* вскоре стало использоваться для обозначения расматриваемого массового конфликта между коренными жителями этого города и мигрантами. Уже 14 сентября 2006 года журналист М. Бударрагин писал: *Вопреки тому, что конфликт в Кондопоге находился в центре внимания СМИ, а само слово «Кондопога» стало нарицательным, едва ли не самый важный аспект происходящего оказался полностью проигнорированным...* (М. Бударрагин – Известия, 14.09.2006).

Следует учитывать, что у рассматриваемого имени собственного существует по меньшей мере три вторичных значения. В первом случае данное слово используется в значении «межнациональные столкновения, которые происходили осенью 2006 года в Кондопоге». Ср.:

Кондопога поставила принципиальный вопрос, который в итоге был обойден единодушным молчанием. Этот вопрос касается социального планирования современного общества (М. Бударрагин – Известия, 14.09.2006). *Сначала все было гладко. Но вдруг приключилась Кондопога. И оказалось, что русские делятся на ксенофобов и интернационалистов* (В. Волошин – Комсомольская правда, 03.09.2007).

Подобный метонимический перенос по модели «название населенного пункта – название события, которое произошло в данном населенном пункте», относится к числу регулярных, типичных для русского языка путей развития словесной семантики. Например, слово *Сталинград* может обозначать Сталинградскую битву, а название села *Бородино* используется для обозначения соответствующего сражения. Похожее развитие значений обнаруживается и в других языках: в частности, можно вспомнить историю Франции эпохи Великой революции и

империи Наполеона Бонапарта и причины развития аналогичных вторичных значений у топонимов *Вандея, Ватерлоо, Тулон*.

В других случаях слово *Кондопога* используется в обобщенном смысле для обозначения межнациональных столкновений, которые происходят или могут произойти в самых различных населенных пунктах России. Ср.:

Удастся ли предотвратить новую Кондопогу на Ставрополье? (Д. Степанов – Комсомольская правда, 06.06.2007). *Как казаки обошлись без Кондопоги* (В. Ворсобин – Комсомольская правда, 20.03.2007). *Под Саратовом предотвратили Кондопогу* (Lenta.ru – Известия, 15.09.2006). *Не должно быть засилья любой этнической общины. У нас Кондопога не повторится* (М. Ахромова – Труд, 07.06.2007). *Всех непьющих мужиков в России переписуют, чтобы не повторилась Кондопога* (Д. Стешин – Комсомольская правда, 24.10.2006). *Чуть менее года назад в Вольске Саратовской области произошла драка между русскими и выходцами с Кавказа. И на лентах информагентств замелькали слова: «очередная вспышка ксенофобии», «массовые беспорядки», «погромы»... Городок на Волге был назван второй Кондопогой* (В. Выжutowич – Российская газета, 8.06.2007).

Переносное значение рассматриваемого типа образовано по менее регулярной метафорической модели «Название события – обозначение события, которое так или иначе похоже на то, которое обозначено мотивирующим значением». Подобные значения встречаются, в частности, при использовании в современной массовой коммуникации слов *Хиросима* и *Чернобыль* для номинации возможности иных катастроф.

Отметим и более сложный случай, когда слово *Кондопога* метафорически используется не для обозначения реальных столкновений, а для характеристики умонастроений, которые могут привести к межнациональным конфликтам.

Кондопога-то у нас везде. По данным Левада-Центра, сегодня идею «Россия для русских!» поддерживают уже свыше половины граждан многонациональной страны (Г. Ильичев – Известия, 05.09.2006). *Правительство запретило работу мигрантов в торговле. Это де факто упразднили свободу торговли. Это, если определять первопричину одним словом и без политической корректности – Кондопога* (А. Колесников – РИА Новости, 16.11.2006). *Как отмечает депутат Государственной Думы Иван Мельников, сейчас «Кондопога – это собирательный образ. Потенциально Кондопога – сегодня в каждом российском городе»* (Российская газета, Синдром Кондопоги, 8.06.2007).

Подчеркнем, что при образном использовании данного урбонима обнаруживается особая лексическая сочетаемость: СМИ пишут о *новой Кондопоге, о второй Кондопоге, о сибирской Кондопоге, о том, что Кондопога у*

нас везде, о повторении и предотвращении Кондопоги. Подобные словоупотребления нехарактерны для стандартных онимов, но типичны для имен нарицательных, возникших на основе преобразования семантики имен собственных.

В целом рассмотренный материал свидетельствует, что переносные значения, появление которых связано с межнациональным конфликтом в Карелии, широко используются в современной российской прессе для обозначения как событий в указанном городе, так и иных столкновений между коренными жителями и мигрантами, а также для характеристики социальных настроений, которые могут привести к этническому конфликту. Вместе с тем материалы «Национального корпуса русского языка» и иных Интернет-ресурсов показывают, что абсолютное большинство рассматриваемых словоупотреблений относится к 2006 и 2007 гг. Уже в 2008 году частотность рассматриваемых образов в общенациональных СМИ, адресованных массовому читателю, резко сокращается.

Не менее интересна и история метафорических значений города Пикалево. Как сообщает Интернет-энциклопедия «Википедия», Пикалево это город (с 1954 года) на востоке Ленинградской области в 223 километрах от Санкт-Петербурга. Население – около 22 тысяч жителей. Расположен на месте древнего поселения, упоминание о котором появилось уже в 1620 году. В 1906 году на железной дороге Петербург – Вологда была создана станция Пикалево, названная по фамилии крестьянина Пикалева – основателя соседнего хутора.

Местные жители с давних пор произносят название своего города с ударением на третьем слоге, в котором наличествует фонема [О] – Пикал^эво. Такое произношение отражено и в орфоэпическом справочнике [Агеенко 2001]. На официальном сайте администрации города подчеркивается, что это название последовательно изменяется по падежам (*Был в Пикалеве, Уехал из Пикалево*), но, по мнению создателей сайта, не соответствуют традициям неизменяемые формы существительного (*Был в Пикалево, Уехал из Пикалево*).

Однако центральная пресса в абсолютном большинстве случаев использует указанное существительное как несклоняемое (об этом свидетельствуют и все приводимые ниже примеры).

В словаре-справочнике «Русские названия жителей» [Городецкая, Левашов 2003] название города написано с буквой [ѐ] в третьем слоге. Далее сообщается, что жителей города называют *пикалѐвцы* (форма родительного падежа – *пикалѐвцев*). Здесь же говорится, что отдельный житель города – это *пикалѐвец* (форма родительного падежа – *пикалѐвца*), но не сообщается, как называют женщин, проживающих в Пикалѐве.

Осенью 2008 года в прежде благополучном городе Пикалево сложилась сложная социально-экономическая ситуация, вызванная кон-

фликтом между владельцами трех ведущих предприятий, которые ранее составляли одну технологическую цепочку. Результатом конфликта стала остановка этих предприятий, невыплата заработной платы, безработица, прекращение горячего водоснабжения. В знак протеста против тяжелой социально-экономической ситуации жители города 2 июня 2009 года перекрыли федеральную трассу. Проблемы были решены только после совещания, которое 4 июня провел в Пикалево председатель правительства В.В. Путин, который убедил владельцев подписать протокол о сотрудничестве.

Очень скоро у названия *Пикалево* появились вторичные значения, весьма похожие на вторичные значения, которые ранее возникли у слова «Кондопога». Вновь название маленького российского города стало употребляться как имя нарицательное.

Во-первых, слово *Пикалево* стало метонимически использоваться для обозначения той тяжелой социально-политической ситуации, которая сложилась в указанном городе после остановки предприятий, и того стихийного протеста жителей, который совершенно не соответствовал существующим в стране законам, российским традициям и обычаям северян, которые всегда считались людьми спокойными и не склонными к конфликтам. Ср.:

Эксперты обсуждали ситуацию «после Пикалево». Авторы показали, как капитаны бизнеса уже в кризисный 2008 год получали многомиллиардные дивиденды (В. Юрьев – Аргументы и факты, № 37, 2009). *Пикалево не должно повториться. Подзаголовок раздела в статье* (А. Беляев – Комсомольская правда – Екатеринбург. 1.07.2009).

Во-вторых, слово *Пикалево* все чаще употребляется для обобщенного обозначения социально-политических конфликтов, в которых люди, нарушая закон, препятствуют движению транспорта по автомобильным и железным дорогам. Примером может служить заголовок статьи «*Свердловское Пикалево*», в которой рассказывается о ситуации на Фарфоровом заводе в городе Богдановиче, где 250 рабочих, не получивших зарплату, пытались перекрыть Федеральную трассу (А. Смирнова – Аргументы и факты на Урале, 2009, № 27).

Наконец, возможен вариант, когда слово *Пикалево* обозначает социальные конфликты, которые не обязательно заканчиваются перекрытием федеральных трасс, но требуют срочного вмешательства высшего руководства страны. Ср.:

Пикалево у нас будет неоднократно. К концу года мы получим целый ряд локальных возмущений. Но взрыва на федеральном уровне не будет (Е. Гонтмахер – Московский комсомолец, 9.09.2009). *Поселок Сычево грозит стать новым Пикалево* (Л. Иванов – Newsland, 07.02. 2010). *Моногород под Кировом может превратиться во второе Пикалево... Скорее всего бунта, подобного пикалевскому, в Вятских Полянах так и не случится. Здесь*

нет дорог, которые можно перекрыть, здесь нет конкретных виновных – они вообще малоизвестны, как и причины случившегося (А. Коц, Д. Спешин – Комсомольская правда, 27.03.2010).

Показательно, что при образном использовании рассматриваемого урбонима обнаруживается особая сочетаемость: СМИ пишут о *новом Пикалево, втором Пикалево, свердловском, кировском и ставропольском Пикалево*. В подобных контекстах не обязательно имеется в виду именно перекрытие дорог: как известно, формы протеста могут быть различными. На первый план выходит социальный протест, по существу «бессмысленный и беспощадный» русский бунт. Можно сурово наказать его зачинщиков, но государство обязано в первую очередь бороться с причинами, обусловившими массовые выступления, и обеспечивать обеспечение конституционных норм и общепризнанных прав человека на всей своей территории.

Проанализированный материал свидетельствует, что активность рассматриваемого использования слова *Пикалево* пока не снижается. Вместе с тем в современных СМИ эпизодически встречается и образное использование названий некоторых иных российских городов. К их числу относятся, в частности, те, которые связаны с широко известными событиями советской эпохи (*Новочеркасск, Сталинград*) и с трагическими эпизодами в истории современной России (*Беслан, Хасавюрт*). Ср.:

Вспомните, когда были сделаны первые прогнозы относительно «Новочеркаска-2009»? Год назад. И где эти массовые беспорядки? (В. Иванов Не золотая осень – Аргументы и факты, № 36, 2009). *Новый Сталинград* (заголовок статьи о политической ситуации после сноса памятника советскому солдату в Эстонии) (Н. Бероева – Комсомольская правда, 28.04.2007). «Комсомольская правда», 2003). *«Новые Бесланы, взорванные лайнеры, дома – все это будет преследовать нас до тех пор, пока агенты, резиденты и информаторы наших спецслужб не заберутся в логова террористов»* (В. Баранец – Комсомольская правда, 12.11.2003). *После захвата заложников в Норд-Осте был критический момент с развитием событий по варианту «Хасавюрт – 96»* (В. Тетекин – Советская Россия, 6.03.2003).

Представленный материал свидетельствует о том, что в современных медийных текстах могут использоваться вторичные значения урбонимов, связанных с обозначением событий, происходящих в этих городах, а также с номинацией аналогичных событий, которые произошли в других населенных пунктах. Подобные метафоры иногда ярко вспыхивают (активно используются самыми различными авторами, вызывают интерес у читателей, которые легко понимают смысл соответствующих аллюзий), но они нередко быстро уходят из активного употребления. Часто оказывается так, что уже через несколько лет ранее активные прецедентные метафоры не вызывают прежнего

эмоционального отклика читателей, оказываются им не вполне понятными и требуют специального разъяснения.

Вместе с тем встречаются прецедентные метафорические образы, которые надолго остаются в арсенале политиков и журналистов. Например, легко вспомнить метафоры, рождение которых связано с Великой Отечественной войной (*Сталинград, Брестская крепость, Нюрнберг*). Многие из этих метафор активно используются и в современной политической коммуникации, поскольку современная политическая и экономическая жизнь нередко напоминает о ситуациях, характерных для военного времени, а многовековая история нашей страны обусловила высокую активность милитарных образов.

Как справедливо указывает Е.С. Отин, «коннотативные онимы с развивающимися значениями, вероятно, являются одной из ономастических универсалий, присущей лексике большинства языков» [Отин 2003: 58]. Некоторые из этих имен имеют интернациональный характер: в самых различных языках используются такие коннотативные онимы, как *Вавилон, Содом, Эльдorado, Аркадия, Лас Вегас*. Вместе с тем арсенал онимов, активно используемых во вторичных значениях, имеет национальный характер. Он обусловлен историей и культурой соответствующего народа, тесно переплетен с социальными потрясениями, которые ярко запечатлелись в народном сознании. Для комплекса таких имен характерна постоянная изменчивость, неразрывная связь с событиями, которые находятся в центре общественного внимания на том или ином этапе развития страны. Поэтому вполне закономерно, что арсенал российских коннотативных урбонимов в постсоветский период постоянно обновляется: с одной стороны, по-прежнему активно используются некоторые значения, возникшие в советскую и досоветскую эпохи, с другой – возникают коннотативные значения у новых онимов, но они нередко быстро уходят из активного употребления. Можно предположить, что рассмотренные коннотативные значения урбонимов *Пикалево* и *Кондопога* едва ли ожидает долгая жизнь.

Авторы медийных текстов, ориентированных на массовую коммуникацию, должны учитывать, что вторичные значения урбонимов (и иных топонимов) обычно связаны с единичными и уникальными феноменами, знания о которых не всегда долго сохраняются в памяти лингво-культурного сообщества. Так, современные студенты (некоторым исключением, возможно, являются будущие политологи, социологи и историки), как правило, уже не помнят, где находился М.С. Горбачев во время путча, а также где именно лидеры России, Украины и Белоруссии приняли решение о прекращении существования Советского Союза. А этот уровень эрудиции делает невозможным правильное

восприятие соответствующих коннотативных онимов *Форос* и *Беловежская пуца*. Именно этим и можно объяснить недолгий срок активного использования в средствах массовой информации большинства прецедентных онимов. Можно предположить, коннотативная составляющая в названиях Кондопога и Пикалево в ближайшие годы окажется значимой лишь для немногих читателей высокотиражной прессы.

P.S. При содействии профессора Арто Мустайоки данная статья была направлена на рецензию доценту университета Хельсинки Janne Saarikivi – известному специалисту в сфере финско-балтийско-славянских языковых контактов. Ниже приводится отрывок из рецензии, в которой для Кондопоги предлагается совершенно иная этимология.

Кондопога – это прозрачное название. Оно состоит из двух частей. 1. kontu – «однорвное поселение»; 2. rohia – залив, губа. Однако уже невозможно определить, было ли это место наименовано впервые в карельском языке или название представляет вепсский субстрат. Теория, согласно которой, название города переводится как «Медвежий угол» – это всего лишь народная этимология. Также нет никакого основания переводить это название как «святое место». Это всего лишь типичное народное объяснение любого непонятого названия субстратного происхождения. Похожие объяснения часто встречаются на русском Севере.

То что ударение в этом названии в местном диалекте на первом слоге – это закономерность адаптации прибалтийско-финских названий в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеенко Ф.Л. Русское словесное ударение. Словарь имен собственных. – М., 2001.
- Андерсон Р. О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).
- Байбурин А.К. Локальное сознание: случай Кондопоги // Etnolingwistika. № 19. Lublin, 2007.
- ВикипедияЯ – Свободная энциклопедия URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
- Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь справочник. – М., издательство АСТ, 2003.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
- Осборн М. Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет-тьма» // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).
- Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2.
- Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). – М.: Наука, 1969.
- Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.

© Нахимова Е.А., 2010

Немирова Н.В.
Сыктывкар, Россия

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС
В ЗЕРКАЛЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Прецедентные феномены рассмотрены как репрезентанты компонентов политического сценария «современный экономический кризис», для которого характерны три модели формирования контекста: мифологизация, демифологизация, антимифологизация.

Ключевые слова: Прецедентные феномены, политический сценарий «современный экономический кризис», мифологизация, демифологизация, антимифологизация.

Сведения об авторе: Немирова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и коми языков.

Место работы: Коми государственный педагогический институт.

Контактная информация: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25.
E-mail: nvnemirova@yandex.ru.

Nemirova N.V.
Syktyvkar, Russia

MODERN ECONOMIC CRISIS
IN TERMS OF PRECEDENCE:
MYTHS AND REALITY

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. Precedent phenomena are considered as representatives of the components of the political script «modern economic crisis». Three models of forming of context are characteristic for the script: mythologization, demythologization, antimythologization.

Key words: Precedent phenomena, the political script «modern economic crisis», mythologization, demythologization, antimythologization.

About the author: Nemirova Natalya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian and Komi Language.

Place of employment: Komi State Pedagogical Institute.

Современный газетный политический текст, по справедливому замечанию А.П. Чудинова, «должен оцениваться только в дискурсе, т. е. с учетом конкретных условий его создания и функционирования» [Чудинов 2007: 73]. А.П. Чудинов подчеркивает, что в содержание политического дискурса должны быть включены «все присутствующие в сознании говорящего (пишущего) и слушающего (читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст» [Чудинов 2002: 74].

Одной из острых современных проблем, влияющих на мировую политическую ситуацию, является экономический кризис 2008-2010 гг., который развивался по следующему «сценарию»: «Первые недели 2008 года практически все российские и зарубежные эксперты считали ситуацию в мировой экономике благополучной... 22 января мировые биржи сотрясло первое падение. Вслед за ним последовал ряд новых биржевых обвалов. Фондовые рынки планеты оказались дестабилизированы. Усилилась инфляция, начали резко расти цены на продовольствие» [Кризис глобальной экономики и Россия].

Современные исследователи экономических преобразований в России последних десятилетий подчеркивают, что «с 1992 года в российском обществе восторжествовала и возобладала либерал-монетаристская идеология реформ», ориентированная на становление «рыночной экономики», однако «до настоящего

времени в России никак не складывается полноценная экономика западного типа». Негативным следствием реформ, проводимых в России, является «значительное социальное и имущественное расслоение общества», которое произошло «в результате приватизации государственной собственности» [Исаев, Баранов, 2008].

Экономический кризис 2008-2010 гг. обострил эти противоречия до предела; он оказал огромное влияние на жизнь многих людей, на действия политиков, поэтому этой проблеме посвящено большое количество публикаций в современных газетах.

Т. Ванн Дейк отмечает, что СМИ «полагаются на общедоступные знания и суждения в связном и всем понятном изображении тех событий, которые требуют организации знаний в форме сценариев: сценариев о гражданской войне...» и т.п. [Дейк ван 1989: 128]. Термин «политический сценарий» применим, по моему мнению, и для номинации экономического кризиса 2008-2010 гг., так как «политическая и экономическая сферы общества неразрывно связаны и представляют собой взаимодействие государства, гражданского общества и личности, то есть основополагающих определителей любого общественного устройства» [Исаев, Баранов, 2008].

М.В. Пименова, анализируя концепт «Политика», пишет: «Политика в русской языковой картине мира предстает как некая неконтролируемая стихийная сила, которая, после некоторой обработки с помощью некоторых технологических процессов, превращается в некий продукт, предмет или тип интерперсональных отношений, поддающийся контролю, управляе-

мый и даже отрепетированный, где каждый политический деятель исполняет отведенную ему роль, а вся политика – это театр, за кулисами которого разыгрывается тайный спектакль с незримо присутствующим ведущим. Однако, в отличие от театра, политика связана с областью не эмоциональных и эстетических, а этических и рациональных оценок» [Пименова 2005: 38]. Следствием «неконтролируемости», «стихийности» политики в русском национальном социуме является большое количество мифологических представлений в русской политической картине мира.

Таким образом, одной из ярких черт публикаций, посвященных острой проблеме современного экономического кризиса, является мифологичность, которая создается различными языковыми средствами, включая и прецедентные феномены (ПФ).

Термин «прецедентный текст», впервые использованный Ю.Н. Карауловым, актуализировал исследования различных аспектов прецедентности [Караулов 2006: 216-217]. Введенные В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, Д.В. Багаевой термины «прецедентный феномен» (ПФ), обозначающий родовое понятие, и «прецедентный текст» (ПТ), «прецедентное высказывание» (ПВ), «прецедентная ситуация» (ПС), «прецедентное имя» (ПИ) для обозначения видовых понятий позволяют проанализировать системные отношения прецедентности в рамках таксономических категорий [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997: 64].

А.П. Чудинов отмечает, что прецедентность, являясь одной из форм диалогичности, представляет собой «диалог культур во времени и пространстве», «делает изложение более интеллектуальным, формирует новые смыслы, вводит текущие события в общеисторический и культурный контекст» [Чудинов 2007: 62].

Ю.А. Сорокин подчеркивает, что «итеративность... прецедентных текстов... является указанием на аттрактивность тех или иных ценностей (политикем), представленных в политическом дискурсе как некотором коммуникативном единстве, состоящем не только из самого текста, но из сопровождающего его... поля знаний, мнений, установок и оценок, принадлежащих ... автору» [Сорокин 2006: 266].

Прецедентность, как процесс отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества, способствует формированию как реальных, так и мифологических представлений о том или ином событии, о той или иной личности и т.п.

Анализ ПФ, использованных для характеристики современного экономического кризиса, показывает, что они могут являться репрезентантами мифологических представлений об этом «сценарии».

Е.И. Шейгал подчеркивает «важную роль мифа в политической коммуникации», обусловленную «фантомностью политического сознания», «фидеистическим отношением к слову», «магической функцией политического дискурса». Миф в политическом дискурсе, по мнению исследователя, – это «принимаемые на веру стереотипы массового сознания», «способ интерпретации актуальных явлений, вызывающих интерес или беспокойство», «смыслонесущая реальность, неизмеримо более сильная, нежели реальность как таковая» (последний компонент включен Е.И. Шейгал в дефиницию мифа со ссылкой на А.М. Лобок) [Шейгал 2004: 133].

К признакам мифа Е.И. Шейгал относит гиперболитичность, аксиоматичность, неверифицируемость, внерациональность [там же: 135-136].

Типология мифологем по характеру референции Е.И. Шейгал «основана на классификации Д. Ниммо и Дж. Комбса»: базовые мифы, мифы «они и мы», героические мифы, псевдомифы. Классификация «мифологем по характеру политического субъекта-мифоносителя» Е.И. Шейгал включает «два типа»: «а) общенациональные мифологемы»; «б) групповые мифологемы». С аксиологической точки зрения Е.И. Шейгал вслед за П. Гуревичем выделяет мифы-идиллии и мифы-кошмары, к первым в современном политическом дискурсе относит мифы о рынке, приобщении к мировой цивилизации, религиозном возрождении России, которые «раскрывают светлую картину желанной или воплощенной идиллии, спасительной утопии»; ко вторым – мифы о кознях врагов, о будущем, о заговоре, которые «стремятся персонафицировать злую силу» («наиболее часто упоминаемые враги – коммунисты, демократы, сионисты, олигархи, пресса») [там же: 145-148].

Современные мифы об экономическом кризисе, представленные по типу референции мифами «они и мы», героическими и псевдомифами, относятся к общенациональным мифам-кошмарам.

Прецеденты, используемые в публицистическом контексте, позволяют усилить смысловую «плотность» мифа, так как ПФ обладают потенциальной многообразностью. Эта особенность ПФ – существование в виде комплексного образа, сложного представления – была отмечена В.В. Красных [2004: 121].

Журналисты, анализируя современную экономическую ситуацию в России, делают попытку преодолеть «идиллическое» мифологическое представление о рыночной экономике и ее глобализации.

Эта мысль еще до начала кризиса была высказана одним из участников круглого стола «Литературной газеты», опубликованной под заголовком «В бывшем царстве, многонациональном государстве...» (2007, № 22-23) историком и публицистом А. Фурсовым: «Возникает противоречивая ситуация: когда основная масса населения страны объективно была готова к

строительству нации-государства на руинах коммунистического центроверха, экс-коммунистическая верхушка вкупе с криминалитетом и иностранным капиталом начала строить корпорацию-государство, поскольку именно последнее адекватно «глобальному финансовому Франкенштейну» – глобальной экономике, которая не просто криминальна, а в которой грань между криминальной и легальной сферами стерта... Если глобализация не соответствует нашим интересам, почему бы не подставить ей ножку, не поработать над этим вместе с теми, кого она обрекает на ничтоизацию, – а таких в мире 80%. Но такая работа требует адекватного знания о мире и о нашем месте и положении в нем, об уязвимых точках мира, о том, где его «кощеева игла».

ПИ Франкенштейн (Источник прецедента (ИП) – название художественного фильма «Франкенштейн» (1931г.; реж. Джеймс Уэйл)) и ПВ «кощеева игла» как один из сказочных артефактов убедительно характеризуют те негативные последствия, которые, по мнению автора, влечет за собой глобализация экономики, особенно в российской действительности.

Глобализация и мировой рынок – понятия взаимосвязанные: «Глобализация (глобализм) – возрастание роли внешних факторов (экономических, социальных и культурных) в воспроизводстве всех стран-участниц этого процесса, формирование единого мирового рынка (рынков) без национальных барьеров и создание единых юридических условий для всех стран» [Глобализация].

Итак, миф о рынке в приведенном выше контексте «перемещается» в разряд мифов-кошмаров о мировой глобализации – Франкенштейне; таким образом, новые мифы подвергаются демифологизации.

В начале кризиса газетные публикации были посвящены проблемам, которые являются своеобразными «маркерами» кризисных процессов в экономике.

Одной из таких проблем является проблема финансовых пирамид, миф о которых относится к разряду мифов-кошмаров. Финансовые пирамиды названы Е. Скобликовым «предтечей прогресса и кризиса» [Скобликов]. Финансовая пирамида – «финансовая структура, формирующая доход фирмы за счет денежных средств от продажи ценных бумаг большому количеству новых клиентов, привлекающая вкладчиков быстрым оборотом и высокой ликвидностью акций и использующая поступающие средства как способ наживы» [Толковый словарь русского языка начала XXI века 2007: 731].

В статье А. Калединой «Финансовые пирамиды для богатеньких Буратино» («Известия», 2008, № 52) анализируются причины, заставляющие человека вкладывать деньги в финансовые пирамиды (автор называет их «Рогами и копытами» новейшего исторического периода): «Финансовые пирамиды, как Ленин, жили,

живы и жить будут. Есть где развернуться, пока не перевелись богатенькие Буратины, которые не прочь закопать свои пять золотых на Поле чудес», – а также предупреждает «дорогих граждан»: «Должны же понимать: чем больше доходность, тем выше риск. Грубо говоря, чем больше кусок сыра в мышеловке, тем она мощнее».

В заголовке, в лиде, в основной части и в заключении статьи использованы многочисленные прецеденты. ПВ «Богатенький Буратино» восходит к телефильму «Приключение Буратино» (сценарий И.И. Веткиной; реж. Л. Нечаев, 1975) по сказке А.Н. Толстого «Золотой ключик» (1936) [Душенко 2005 (1): 78], в которой черепаха Тортилла называет Буратино «доверчивым дурачком с коротенькими мыслями» – именно это значение актуализируется в контексте статьи). ПС также «заимствована» из сказки А.Н. Толстого. ПВ «Рога и копыта» восходит к сатирическому роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931) и имеет значение «образное определение ловко организованного мошеннического предприятия» [Берков 2005: 428]. ПВ «Финансовые пирамиды, как Ленин, жили, живы и жить будут» является трансформацией строк из стихотворения В. Маяковского «Комсомольская» (1924): «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить» [Душенко 2005 (1): 276]. В контексте также использована трансформированная поговорка «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

К разряду мифов «они и мы» относятся публикации, в которых авторы ставят целью развенчать миф о «бедственном» положении депутатов Госдумы и олигархов во время экономического кризиса.

В статье с говорящим заголовком «Депутатский пир во время кризиса» («Мир новостей», 2009, № 25) О. Стулов и М. Лепина саркастически замечают: «Бюджет нашей Госдумы равен бюджету не самого отсталого полумиллионного российского города». ИП – «Пир во время чумы» восходит к названию маленькой трагедии А.С. Пушкина; имеет устойчивое значение «О веселой, беспечной жизни во время какого-либо общественного бедствия» [Берков 2005: 371].

В аналитической статье С. Белковского «Не последний банкет олигархов» с подзаголовком «Кто нагреет руки на экономическом кризисе?» использовано трансформированное ПВ «Волк в овечьей шкуре». Автор пишет: «И в российских, и особенно в западных СМИ постоянно выходят статьи, где в плаксивых тонах описывается судьба «несчастливых» магнатов. Якобы они оказались в полной зависимости от хищного и коварного Российского государства и будут вскоре поглощены им, как маленькие ягнята большим волком». ИП – Новый завет: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф., 7,25); ПВ имеет значение «О лицемере,

скрывающем свои хищные мысли под маской добродетели, кротости» [Берков 2005: 89]. В одной из частей публикации, озаглавленной «Волк и ягнята», С. Белковский разоблачает «ягнят» в шкуре «волка»: «На поправку финансового здоровья после первого удара кризиса «Русский алюминий» получил от государства кредит в размере \$4,5 млрд., «Альф-Групп» – \$2 млрд., «Евраз» – \$1,8 млрд., «Интеррос» – \$750 млн. и т.д.».

В последних примерах фактологическая точность, проявляющаяся в указании на конкретные финансовые затраты государства на содержание Госдумы и «помощь» олигархам, служит показателем антимифологизации.

В газете «Известия» опубликован материал, подготовленный А. Пономаревой, «Депрессия великая и невеликая», в лиде которого содержится отсылка к ПС: «Ровно 80 лет исполнилось Великой депрессии, точкой отсчета которой принято считать день биржевого краха Уолл-стрита. Выход из самой страшной за всю историю рецессии затянулся на долгие десять лет. Считается, что тот катаклизм стал причиной Второй мировой войны. Сейчас многое экономисты проводят аналогии. В день юбилея «Известия» обратились к экспертам с вопросом: нынешний кризис – повторение Великой депрессии?» (02.11.2009).

В справке «Известий» указан источник данного ПВ, восходящего к ПС: «Великая депрессия (англ. Great Depression) – рецессия мировой экономики, начавшаяся в 1929 году и закончившаяся в начале 1933-го. Но вплоть до 1939 года мир преодолевал последствия кризиса. Кризис не только сильно затронул наиболее развитые страны Запада, включая США, Канаду, Великобританию, Германию и Францию, но и коснулся других государств». Текст относится к числу креолизованных текстов: в нем присутствует иконический компонент и сопровождающая его подпись: «Портрет Флорес Томпсон стал символом Великой депрессии. Ни одна другая фотография того времени не произвела такого впечатления, как «Мать – мигрантка»».

В данной публикации приведены высказывания специалистов в области экономики, которые считают, что Великая депрессия, в отличие от современного экономического кризиса, «была следствием слишком быстрого развития системы капиталистического производства». Экономисты высказывают диаметрально противоположные прогнозы развития кризиса 2008-2010 гг.: «В следующем году экономика покажет уверенный рост» (В. Иноземцев) и «Нынешний кризис будет длиннее и масштабнее кризиса 30-х годов, который длился ... почти три года» (М. Хазин).

Эта публикация – пример мифологизации (экономические прогнозы) и антимифологизации (попытки установить параллели между двумя экономическими кризисами, как правило, вызывают сомнения и возражения у экономистов).

Ироническая тональность свойственна аналитической статье А. Лившица «Русфляция» («Известия», 07.10.2009), в которой автор вводит окказиональный экономический термин «русфляция», используя ПФ: «Суть (термина дефляция – *Н.Н.*) известна по старым учебникам: относительное перепроизводство, падение цен, банкротство, безработица. Иными словами, кризисная классика. Как в XIX веке или во времена Великой депрессии... В России, однако, ситуация уникальная. На потребительском рынке продолжается инфляция. В остальной экономике дефляция. Везде эти несчастья идут друг за другом. Только у нас – вместе... Получается какая-то русфляция. Умом ее понять можно. Аршином общим измерить нельзя. Остаётся верить. В мудрость тех, кто стоит у руля».

Контаминация ПФ позволяет автору выразить негативное отношение к процессам, происходящим в экономической жизни России, и создать новый миф – миф о «русфляции». ИП-1 – стихотворение Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить; У ней особенная стать, В Россию можно только верить». ПВ в анализируемом контексте имеет значение – «...иронически – о непредсказуемости, хаотичности, алогичности, свойственных российской жизни» [Берков 2005: 512]. ИП-2 – Стоять у руля. Экспрес. Управлять, руководить чем-либо, возглавлять что-либо, определяя направление развития [Фразеологический словарь русского литературного языка 1995: 286].

Авторы публикаций, посвященных проблеме экономики современной России, делают попытку проанализировать особенности национальной экономики, выявить свойственные ей негативные процессы.

В. Былинский и А. Князев в журналистском расследовании «Преступление без наказания» («Мир новостей», 2009, № 36) пишут о том, что «целая область Российского государства – Орловская – оказалась в роли обманутого простеца, вынужденного выплачивать за чужого дядю огромный долг в 4 миллиарда рублей». ПВ, восходящее к заглавию романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», обычно используется для характеристики ситуаций, в которых преступление, как правило, наказуемо, однако трансформированное ПВ указывает на отсутствие наказания за экономические преступления. В данном контексте точные цифры «финансового обмана» также указывают на реальность произошедшего.

В критической публикации газеты «Аргументы недели» (2009, № 40) «Пиррова победа» ставится проблема производства отечественных двигателей для самолетов: «Внедренные в «Пермские авиалинии» американские лоббисты одержали убедительную победу и захватили наш внутренний рынок... В результате притормозили программу (создание нового двигателя

ПС-90А2 – Н.Н.) так, что этого двигателя как не было, так и нет. Заграница нам «поможет». Только денег тратить надо больше». ИП – Пиррова победа – «О сомнительной победе, не оправдывающей принесенных жертв» (восходит к ПС: эфирский царь Пирр одержал победу над римлянами, стоившую ему больших потерь [Берков 2005: 371]). ПВ, выбранное для заголовка публикации, является абсолютно оправданным, так как в данном контексте речь идет о тех, кто надеялся на экономическую помощь США, однако следствием создания совместного предприятия явилась приостановка важной программы для отечественного самолетостроения.

В контексте также использовано ПВ «Заграница нам поможет», источником которого является текст романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» [Душенко 2005 (2): 188]. Заключение глагола «поможет» в кавычки содержит указание на противоположный смысл, выражаемый словом; это усиливает ироническую тональность контекста и носит отрицательно-оценочный характер.

В данном контексте фактологическая точность содержания реалистична, она позволяет развенчать миф о потенциальной успешности и эффективности предприятия «Пермские авиалинии».

Прецедентные имена российских политиков нового времени также формируют «новую» мифологию. Таким именем является ПИ Чубайс, вошедшее в состав ПВ «Во всем виноват Чубайс!». Эта фраза впервые прозвучала в сатирической телепередаче НТВ «Куклы». Ее прототипом послужила схожая формулировка, с которой в январе 1996 года президент России Борис Ельцин отправил в отставку первого вице-преьера Анатолия Чубайса, – «за низкую требовательность к подведомственным федеральным ведомствам и невыполнение ряда поручений президента России» [Во всем виноват Чубайс].

«Миф о Чубайсе» относится, по типологии Е.И. Шейгал, к героическим мифам, в которых главная роль отводится героям и «антигероям», к числу последних и принадлежит А. Чубайс.

В заголовке статьи А. Бессарабовой «И все-таки виноват Чубайс» («Мир новостей», 2009, № 42) ПВ усиливает смысловую нагрузку источника прецедента, не оставляя сомнений в виновности Чубайса. В публикации анализируются результаты расследования причин аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Автор пишет: «Специалисты неоднократно предупреждали Чубайса, что ГЭС нуждается в новых гидроагрегатах, в замене основного оборудования, объясняя, насколько опасна такая эксплуатация ГЭС... но предостережений никто не услышал. Еще бы, с каждым годом станция приносила прибыли, как никогда за всю историю ГЭС». Безусловно, возлагать всю вину за аварию на одного человека представляется некорректным, однако ни-

кто не снимает ответственности с руководившего долгое время РАО «ЕЭС России» А. Чубайса.

Считается, что кульминация экономического кризиса мировой экономикой пройдена; следствием этого процесса явились как попытки установления причин кризиса, так и многочисленные негативные социально-экономические явления.

В статье Н. Кочетковой «Марксизм-кризисизм» («Известия», 2010, № 50) анализируется одна из ведущих современных тенденций – общественный интерес к работе К. Маркса «Капитал», в которой многочисленные читатели ищут объяснение причин экономического кризиса.

В заголовке, источником которого является составное политическое наименование «марксизм – ленинизм», имеющее следующие значения: 1. Учение Маркса – Энгельса – Ленина, научная система философских, экономических и социально-политических взглядов, составляющих мировоззрение рабочего класса. 2. Наука о познании и революционном преобразовании мира, о законах развития общества, природы и человеческого мышления, о законах борьбы рабочего класса за свержение капитализма и построение социалистического и коммунистического общества' [Словарь русского языка 1986: 230] – использован окказионализм «кризисизм». В комментарии Д. Фельдмана к статье Н. Кочетковой содержится объяснение того, «когда, как и зачем читали «Капитал» Карла Маркса»: «В результате, когда он был удобен – действовали по Марксу, а когда нет – объясняли, что он не догма, а руководство к действию» (ИП – «Марксизм не догма, а руководство к действию» – в этой форме «канонизировано Сталиным («О социал-демократическом уклоне в нашей партии», доклад на V партконференции 1 нояб. 1926 г.)). Формулировка восходит к работе Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1919 г.) («Наша теория не догма, а руководство к действию»), который перефразировал Энгельса [Душенко 2005 (1): 234]. В данном контексте миф о «Капитале» К. Маркса демифологизируется: создается новый миф о «Капитале» К. Маркса, в котором есть ответы на все современные экономические вопросы.

Одной из острых проблем современного российского общества является проблема ЖКХ, которой посвящена публикация А. Лившица «Спасти Петрова» («Известия», 2010, № 50). В заголовке использовано трансформированное ПВ «Спасти рядового Райана», восходящее к одноименному фильму С. Спилберга (1998), в котором отряд из восьми человек отправляется в тыл врага на поиски рядового Джеймса Райана [Спасти рядового Райана]. Автор анализирует скачок цен на услуги ЖКХ и приходит к выводу, что «для пенсионера Петрова происходящее – настоящая катастрофа», так как «ком-

мунальные платежи ныне поглощают весть до-ход», а «откажешься платить» – переселят «в какую-нибудь общагу». И далее дает резко негативную характеристику «реформе» ЖКХ: «Коммунисты называют происходящее «ЖКХ-холокостом». Хлестко. И, к сожалению, близко к истине». Источник прецедента – «Холокост (от англ. holocaust, из др.-греч. ὁλοκαύστος – «все-сожжение») – систематическое преследование и истребление немецкими нацистами и коллаборационистами из других стран миллионов жертв нацизма: почти трети еврейского народа и многочисленных представителей других меньшинств, которые подвергались дискриминации, зверствам и жестоким убийствам [Холокост]. Таким образом, миф о ЖКХ относится к мифам-кошмарам.

Попытки преодоления последствий кризиса, предпринимаемые российским правительством и направленные на сохранение отечественного автопрома, анализируются в статье «Мы наш, мы новый ВАЗ построим...» («Известия», 07.10.2009). В заголовке использовано ПВ, источником которого являются строки из «Интернационала» Э. Потье (русский перевод А.Я. Коца): «Мы наш, мы новый мир построим» [Берков 2005: 285]. Источник прецедента меняет возвышенную тональность контекста на саркастически ироническую, так как автор указывает на реальные проблемы АвтоВАЗа и российского автопрома в целом: 1) «высвобождение его работников», 2) «дополнительный выпуск ценных бумаг», 3) отказ «от выплаты дивидендов акционерам на ближайšie 5 лет», 4) «долги всех автозаводов ... составляют 100 миллиардов рублей». Это позволяет автору развенчать создаваемый миф о возрождении отечественного автопрома.

Статья С. Фаризовой «Бизнес позвали в Кремниевую долину» («Известия», 2010, № 50) посвящена назначению бизнесмена В. Вексельберга на пост главы инновационного центра в подмосковном Сколково, который является одним из масштабных проектов российского правительства, направленных на возрождение национальной экономики.

Устойчивое наименование «Кремниевая долина» восходит к названию «Силиконовая долина» («Кремниевая долина, англ. Silicon Valley) – регион в штате Калифорния (США), отличающийся большой плотностью высокотехнологичных компаний, связанных с производством компьютеров и их составляющих, особенно микропроцессоров, а также программного обеспечения, устройств мобильной связи, биотехнологии и т.п.» [Силиконовая долина]).

«Миф о российской Кремниевой долине» «разрушается» в статье Н. Поповой «Туманный клон Силиконовой долины» с подзаголовком «Для кого создается инновационный центр в Сколково» («Аргументы недели», 2010, № 15). Автор статьи приводит следующие аргументы:

1. «Как можно создать город будущего на голлом месте, без прочного фундамента – научной школы?»;
2. «За 15 прошедших лет Россия потеряла более 700 тыс. ученых»;
3. «О недопустимости строить “Силиконовую долину” в Сколково уже заявили ученые из НИИ сельского хозяйства центральных районов Нечерноземья»;
4. «Против создания русского кремниевого чуда выступают и экологи: русская “Силиконовая долина” сжует лесозащитный пояс Москвы»;
5. «Бизнес-проект “Город Солнца” уведет проблемы погибающей отечественной науки далеко в сторону». В контексте статьи также использовано ПВ «Город солнца», восходящее к заглавию философского произведения Т. Кампанеллы [Город Солнца] и являющееся символическим обозначением всего утопического.

Итак, ПФ используются в мифологизированных и демифологизированных контекстах; итеративность и аттрактивность ПФ формируют фидеистичность и фантомность мифа.

ПФ, использованные в газетном политическом тексте, как одно из средств мифологизации и демифологизации, усиливают смысловую «плотность» мифа, формируя его образные составляющие (образы героев и антигероев, конкретных событий, действий людей, процессов, происходящих в жизни общества, и т.п.). ПФ, не утрачивая связи ни с ИП, ни с предшествующими контекстами употребления прецедента, обладает неким смысловым инвариантом, имеющим, как правило, аксиологическую составляющую. В приведенных выше контекстах ПФ в основном выражают эмоциональные оценки. Антимифологизации, заметим, свойственны рациональные оценки.

Отметим, что контаминация ПФ, представленная в ряде контекстов, обусловлена смысловым «сцеплением» прецедентов (например, Франкенштейн – кощеева игла; Богатенькие Буратины – «Рога и копыта»).

Несмотря на то что «миф обладает чрезвычайно высокой энергией сопротивления по отношению к каким угодно фактам и событиям» [Шейгал 2004: 134], в самой сущности политической мифологизации заложены механизмы антимифологизации, т.е. своеобразные движущие «силы», способствующие его «разрушению», так как реальное положение дел показывает условность, идеалистичность, нелогичность, неverifiedируемость мифа.

Среди политических мифов важное место занимают и мифы-прогнозы (например, миф о российской Кремниевой долине), которые практически сразу подвергаются антимифологизации.

Таким образом, для современных газетных публикаций, в которых содержится анализ экономического кризиса 2008-2010 гг., характерны три модели формирования контекста: мифологизация, демифологизация и антимифологизация.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В.П., Мокиенко В.М., Шележкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с.
- Во всем виноват Чубайс // Википедия. URL: <http://www.wikipedia.org/wiki>.
- Глобализация // Онлайн Энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://www.krugosvet.ru>.
- Город Солнца // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Город_Солнца.
- Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [перевод с англ. и сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; авт. вступ. ст. Ю.Н. Караулов и В.В. Петров]. – М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Душенко К.В. Словарь современных цитат. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. 704 с.
- Душенко К.В. Цитаты из русской литературы. Справочник: 5200 цитат от «Слова о полку...» до наших дней. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. 704 с.
- Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008. 395 с. URL: <http://nicbar.narod.ru/lekziya23.htm>.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. 264 с.
- Красных В.В. Современная научная парадигма: лингво-когнитивный подход // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 120-121.
- Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.
- Кризис глобальной экономики и Россия. Выдержки из доклада Института глобализации и социальных движений [Экспертная группа ИГСО: Василий Колташов, руководитель, Борис Кагарлицкий, Юрий Романенко, Игорь Герасимов]. URL: <http://www.realtypress.ru/search/Kvart/49.html>.
- Нахимова Е.А. Прецедентное поле «Монархи» в дискурсе современных российских СМИ // Политическая лингвистика. № 1 (27). 2009. С. 85-90.
- Пименова М.В. Концепт *политика* и способы его репрезентации // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15 [Урал. гос. пед. ун-т, Отв. ред. А.П. Чудинов]. – Екатеринбург, 2005. С. 32-39.
- Силиконовая долина // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кремниевая_долина.
- Скобляков Е. Кризис и законы финансовых пирамид. URL: <http://crisis-blog.ru/world/krizis-i-zakony-finansovyx-piramid.html>.
- Словарь русского языка: В 4 т. [Под ред. А.П. Евгеньевой]. – М.: Русский язык., 1985-1988. Т. 2. К-О. 1986. 736 с.
- Сорокин Ю.А. Психополитология: лица и факты // Русские и «русскость»: Лингво-культурологические этюды [Сост. В.В. Красных]. – М.: Гнозис, 2006. С. 263-331.
- Спасти рядового Райана URL: <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/371>.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [под ред. Г.Н. Складневской]. – М.: Эксмо, 2007. 1136 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. [Сост. А.И. Федоров]. – Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 1995. Т. 2: Н-Я. 396 с.
- Холокост // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Холокост>.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
- Чудинов А.П. Политический нарратив и политический дискурс // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества [Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. А.П. Чудинов]. – Екатеринбург, 2002. Т. 8. С. 69-77.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

© Немирова Н.В., 2010

Садуов Р.Т.
Уфа, РоссияSaduof R.T.
Ufa, RussiaИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО
ВИДЕОКЛИПА КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА БАРАКА ОБАМЫMUSICAL VIDEO CLIP AS A SPECIFIC
CHARACTERISTIC OF BARACK OBAMA'S
POLITICAL DISCOURSEУДК: 811.11:81'27
ББК Ш 100.3ГРНТИ 16.41.21
Код ВАК 10.02.04

Аннотация. Целью настоящего исследования является анализ специфики использования музыкального видеоклипа в рамках поликодового текста в политическом дискурсе 44 президента США Барака Обамы. В статье предпринята попытка проанализировать видеоклипы, появившиеся во время предвыборной кампании президента. При этом ролики рассматриваются как единое целое, состоящее из трех рядов: вербального, визуально-изобразительного и звуко-музыкального. Особое внимание уделяется исследованию целей и перспектив использования видеоклипа в политическом дискурсе.

Abstract. The aim of the present research is to analyse the specificity of a musical video clip within the polycode text in the political discourse of the 44th US President Barack Obama. The article attempts to analyse video clips, which appeared during the President's election campaign. The footage is regarded as an integrated whole consisting of three rows: verbal, visual and musical ones. Special attention is paid to investigating the aims and prospects of using video clip in political discourse.

Ключевые слова: политический дискурс США, поликодовый текст, видеоклип, Барак Обама.

Key words: the US political discourse, polycode text, video clip, Barack Obama.

Сведения об авторе: Садуов Руслан Талгатович, аспирант факультета романо-германской филологии

About the author: Saduof Rouslan Talgatovich, Post-graduate Student of The Department of Romance and Germanic Philology

Место работы: Башкирский государственный университет

Place of employment: Bashkir State University

Контактная информация: 450077, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 106, кв. 36.

E-mail: rtsf@bk.ru.

В рамках современной научной парадигмы лингвистика демонстрирует устойчивую тенденцию к междисциплинарности при изучении явлений, связанных с передачей и восприятием информации. В связи с этим особый интерес представляют исследования семиотически осложненных, поликодовых текстов. Такая заинтересованность объясняется многообразием новейших средств коммуникации, что предполагает использование различных знаковых систем для передачи сообщения. В частности, в современном политическом дискурсе существует стремление к объединению различных семиотических систем в рамках одного текста.

В лингвистике имеется целый ряд терминов для обозначения подобных текстов. Наиболее предпочтительным, тем не менее, представляется понятие «поликодовый текст», введенное в 1974 году Г.В. Ейгером и В.Л. Юхтом: «К поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены и случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)» [Ейгер, Юхт 1974: 107]. Данный термин используется как оппозиция обычным «монокодовым» текстам, не содержащим иных знаковых систем, кроме языковой.

В этой связи целью настоящего исследования является анализ специфики использования музыкального видеоклипа в рамках поликодового текста в политическом дискурсе 44 президента США Барака Обамы. Его политический

дискурс являет собой пример сложного семиотического пространства, в рамках которого содержатся как монокодовые, так и поликодовые тексты. К первым можно отнести речи и выступления Барака Обамы, а также две написанные им автобиографические книги – «Dreams from My Father: A Story of Race and Inheritance» и «The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream». Ко второй категории относятся тексты, где задействованы две (дико-довые тексты) и более знаковые системы.

Примерами дико-довых текстов в дискурсе Барака Обамы являются как традиционно используемые в политическом дискурсе агитационные плакаты и листовки с изображением политического деятеля, государственной символики и т.д., так и довольно нетрадиционные для политического дискурса семиотически осложненные тексты, к которым, в данном случае, можно отнести комикс.

Большой толковый словарь русского языка определяет комикс как «графически повествовательный жанр: серию рисунков с текстом, образующую связанное повествование, обычно приключенческого содержания» [Кузнецов 2000: 444]. На сегодняшний день Барак Обама стал героем уже восьми комиксов, в том числе героем известного комикса о Человеке-пауке. Представляется, что причиной такого интереса к жанру комикса является его популярность у американского населения, а также возможность передачи сообщения как через текст, так и посредством изображения.

Безусловно, Барак Обама не является первооткрывателем в использовании комикса в политическом дискурсе: в разное время в комиксах появлялись такие выдающиеся фигуры, как Ф. Рузвельт, Дж. Кеннеди, Р. Рейган. Тем не менее до нынешнего президента США такие появления политиков в комиксах были эпизодическими фактами. В дискурсе Б. Обамы, напротив, имеется тенденция к использованию комикса на систематической основе [Садуов 2009: 101-109].

Наконец, как представляется, самой сложной и заслуживающей наибольшего внимания разновидностью поликодового текста является музыкальный видеоклип. Он и стал предметом настоящего исследования.

Предвыборная кампания Барака Обамы была отмечена появлением нескольких качественно исполненных музыкальных видеоклипов. Все они выдержаны в одном стиле и несут примерно одинаковый набор сообщений реципиентам. Самым удачным из созданных видеоклипов стал ролик «Yes we can», исполненный популярным в США музыкантом, солистом группы «Black Eyed Peas» У. Дж. Адамсом-мл (более известным как will.i.am). Помимо него самого, в этом коротком ролике приняли участие выдающиеся деятели в области искусства – актеры, певцы и музыканты.

Необходимо отметить, что Барак Обама стал первым президентом, чей политический дискурс был отмечен настолько активным и успешным использованием популярной музыки как средства агитации. По данным Интернет-ресурса «YouTube», музыкальный видеоклип «Yes we can» был просмотрен более 20 миллионов раз (по состоянию на 04-03-2010), причем основной пик просмотров приходится на первые месяцы после появления клипа [Yes We Can – Barack Obama Music Video]. Согласно исследованию «New York Times», по состоянию на 27 марта 2008 (то есть примерно через два месяца после появления клипа) на разных Интернет-ресурсах он был просмотрен более 17 миллионов раз, а количество упоминаний и ссылок на него не поддается точному подсчету [Finding Political News Online, the Young Pass It On]. Необходимо также отметить, что по данным ресурса «YouTube», географически большая часть просмотров ролика приходится на США, на втором месте Канада, после них следуют Западная Европа, Австралия и все остальные страны мира.

Таким образом, необычайная популярность данного музыкального видеоклипа не подлежит сомнению. Причем, как отмечает «New York Times», целевая аудитория ролика – молодая часть населения США, поскольку, будучи наименее политически активной частью населения (по данным опроса, проведенного компанией «Pew Research Center for The People and The Press»), именно она является основным потребителем массовой популярной культуры и Ин-

тернет-контента [Finding Political News Online, the Young Pass It On].

Отметим, что названный клип гармонично вписывается в концепцию предвыборной кампании Барака Обамы, так как содержит в себе все основные идеи, которые нынешний президент пытается донести до своей аудитории. В этой связи представляется важным более подробно остановиться на анализе структуры музыкального видеоклипа «Yes we can».

В Большом толковом словаре русского языка музыкальный видеоклип определяется как «короткометражный видеофильм, сопровождающий какой-либо музыкальный номер, эстрадную песню, рекламу» [Кузнецов 2000: 129]. Следовательно, он рассматривается как произведение кинематографа, и по этой причине, согласно Т.А. Винниковой, его структура может быть описана как трехкомпонентная структура кинематографического текста:

- вербальный ряд;
- визуально-изобразительный ряд;
- звуко-музыкальный ряд.

При этом вся поликодовая информация поступает к зрителю по двум каналам – визуальному и аудиальному. Поэтому в данном случае можно говорить и о полимодальности текста: «тот факт, что кинотекст выступает как текст полимодальный, то есть оказывающий вербальное и невербальное воздействие на реципиента в разных модальностях, максимально приближает его к реальной среде функционирования языка» [Винникова 2009: 9-10]. Другими словами, из неоднородной семиотической информации, поступающей к реципиенту, в его сознании складывается единая проекция воспринимаемого текста, более богатая и разнообразная, чем если бы для передачи данной информации использовалась лишь одна знаковая система. Тем не менее каждая из семиотических систем несет в себе определенную информацию, которая отсылает нас ко всему политическому дискурсу Барака Обамы.

Вербальный ряд, как представляется, выступает преобладающим и главенствующим элементом в рассматриваемом клипе: именно он несет большую часть смысловой нагрузки ролика и содержит в себе текст, напрямую связывающий ролик с дискурсом политика. Визуально-изобразительный и звуко-музыкальный ряды являются лишь необходимым дополнением к клипу, способствующим созданию стереоскопического эффекта восприятия: первый представляет собой последовательность изображений, второй – музыкальное сопровождение, которые по отдельности не несут в себе практически никакой смысловой нагрузки (запомним, что речь не идет об их собственном эстетическом воздействии). Только вербальный ряд, состоящий из реально существующей речи Барака Обамы, может придать клипу тот смысл и общую целевую направленность, ко-

торами он, в итоге, обладает. Ролик состоит из отрывков одной речи Барака Обамы, произнесенной им в Нью Гэмпшире 8 января 2008 года. По сути, слова Обамы являются словами клипа. Они положены на музыку и проговариваются или поются всеми, кто был задействован в ролике. Отметим, что такая организация вокальной партии клипа восходит к «особой, изобретенной Шёнбергом манере Sprechgesang (речевого пения) – полупения, полудекламации» текста, положенного на музыку [Лаул 1999: 317]. При этом отрывки речи были выбраны таким образом, чтобы в них максимальное количество раз повторялись такие языковые формулы, как «Yes we can», «Change», «Opportunity», «Prosperity», «Hope», «We are one nation» и некоторые другие, которые, к тому же, дополнительно многократно повторяются участниками клипа.

Перечисленные языковые формулы часто встречаются в политическом дискурсе президента – в его речах, в листовках, на плакатах – и в силу этого обретают особую важность и знаковую. По сути, они являются кратким выражением концепции его дискурса, «конденсацией» основных идей его кампании. Так, формула «Yes, we can» в клипе усиливает мысль президента о том, что американская нация должна сохранять уверенность в себе и завтрашнем дне Соединенных Штатов:

*E.g. Because nothing worthwhile in this country has ever happened unless somebody, somewhere stood up when it was hard; stood up when they were told – no you can't, and said **yes we can** [Obama].*

*E.g. **Yes we can** reclaim that dream. **Yes we can** heal this nation [Obama].*

*E.g. And tonight, I think about all that she's seen throughout her century in America – the heartache and the hope; the struggle and the progress; the times we were told that we can't, and the people who pressed on with that American creed: **Yes we can**. At a time when women's voices were silenced and their hopes dismissed, she lived to see them stand up and speak out and reach for the ballot. **Yes we can** [Obama].*

«Change» соотносится с основным лозунгом предвыборной кампании Барака Обамы. Это главное обещание президента, то, с чем он ассоциирует себя и свой политический курс – курс на перемены:

*E.g. After decades of broken politics in Washington, 8 years of failed policies from George Bush, twenty-one months of campaigning, we are less than one day away from bringing about **change** in America [Obama].*

*E.g. Tomorrow, at this defining moment in history, you can give this country the **change** that we need. It starts here in Virginia. It starts here in Manassas. This is where **change** begins [Obama].*

«Hope» также соотносится с политическим курсом Барака Обамы – он обещает дать своим избирателям надежду:

*E.g. We may come from different places and have different stories, but we share common **hopes**, and one very American dream [Obama].*

*E.g. We say; we **hope**; we believe – **yes we can** [Obama].*

«Opportunity», «Prosperity» сами по себе являются важными для американцев понятиями, поскольку входят в число их ценностей:

*E.g. So it was for the Greatest Generation that conquered fear itself, and liberated a continent from tyranny, and made this country home to untold **opportunity** and **prosperity** [Obama].*

*E.g. Security and **opportunity**; compassion and **prosperity** aren't liberal values or conservative values – they're American values [Obama].*

Часто названные языковые формулы могут встречаться вместе в рамках очень короткого контекста:

*E.g. This is our time – to put our people back to work and open doors of **opportunity** for our kids; to restore **prosperity** and promote the cause of peace; to reclaim the American Dream and reaffirm that fundamental truth – that **out of many, we are one**; that while we breathe, we **hope**, and where we are met with cynicism, and doubt, and those who tell us that we can't, we will respond with that timeless creed that sums up the spirit of a people: **Yes We Can** [Obama].*

Особое значение для клипа имеет фраза «We are one nation». Создатель и исполнитель клипа, музыкант У. Дж. Адамсом-мл, в своем обращении к поклонникам на официальном сайте клипа «Yes we can» (www.yeswecan.dipdive.com) пишет о том, что именно идея единения нации и вера в светлое будущее Америки, которые он увидел в речи Обамы в Нью Гэмпшире, послужили для него основным толчком к написанию песни:

«That speech made me think of Martin Luther King...

Kennedy...

and Lincoln...

and all the others that have fought for what we have today...»

[The Yes We Can Song].

Поэтому очевидно, что клип имеет своей целью (что также является одной из целей, заявленных в дискурсе Барака Обамы) сплочение американской нации. Будучи представителем афроамериканского сообщества, Обама личным примером несет в массы идею о полиэтничности американской нации, в которой каждый человек имеет равные права и возможности. Эта мысль прослеживается на протяжении всего дискурса президента:

*E.g. This is the meaning of our liberty and our creed – why **men and women and children of every race and every faith** can join in celebration across this magnificent mall, and why **a man whose father less than sixty years ago might not have been served at a local restaurant can now stand before you to take a most sacred oath** [Obama].*

E.g. We are a nation of Christians and Muslims, Jews and Hindus – and non-believers. We are shaped by every language and culture, drawn from every end of this Earth [Obama].

В первом случае Обама говорит о том, что в американском обществе произошли значительные положительные перемены в отношении к чернокожему населению и что в 2009 году представитель афроамериканского сообщества (он сам) получил возможность занять самый высокий государственный пост в стране, где это было бы абсолютно невозможно всего полвека назад. Во втором высказывании Обама говорит о том, что Америка – это страна, где совместно проживают люди разных культур и национальностей, приехавшие со всех уголков Земного шара.

В клипе идея единения нации достигается не только повторением формулы «We are one nation», но и посредством его мультязычности: в ролике можно услышать английский, иврит, испанский, и даже увидеть один искусственный язык – язык глухонемых, что, безусловно, является результатом стремления авторов клипа показать, насколько разнообразным по своему этническому составу является население США.

Таким образом, вербальный ряд сохраняет связь с общей направленностью политического дискурса Барака Обамы, выражая через краткие языковые формулы самую суть его речей.

Значимым дополнением к вербальному ряду является визуально-изобразительный ряд, который заполнен отрывками из видеовыступлений Б. Обамы от 8 января 2008. Кроме того, видеоряд демонстрирует известных деятелей искусства США, которые повторяют за президентом слова из его речи. Всего в ролике участвуют 36 человек: Скарлетт Йохансон (актриса, музыкальный исполнитель), Карим Абдул-Джаббар (бывший баскетболист, актер), Херби Хэнкок (пианист и композитор), Адам Родригез (актер), Альфонсо Рибейро (актер, музыкальный исполнитель, танцор), глухонемая актриса Шошанна Штерн, Келли Ху (фотомодель, актриса), Кейт Уолш (актриса), Майя Рубин (актриса театра и кино) и другие. При этом участники ролика являются выходцами из США, Гавайи (США), Канады, Израиля, Китая, стран Латинской Америки.

Отметим, что отрывки из речи Обамы перемежаются изображениями перечисленных участников ролика. То есть визуально 44 президент стоит в одном ряду с людьми, почитаемыми всей нацией. Безусловно, это свидетельствует о сопричастности Барака Обамы к американской культуре, более того, его идеи отвечают чаяниям американцев: он оказывается достоин того, чтобы его слова повторяли уважаемые страной люди. А некоторые из них даже носят одежду с символикой предвыборной кампании Обамы.

Помимо этого, время от времени видеоряд ролика дополняется надписями знаковых для дискурса Обамы формул «Yes we can»,

«Change», «Hope», «Vote», что, в свою очередь, дополняет вербальный ряд, который также содержит эти языковые формулы. Представляется, что цветовое решение клипа играет не последнюю роль в его оформлении. Строгая черно-белая тональность говорит о серьезности его содержательной стороны. Единственное отступление от этого правила: надпись «Vote» красного цвета в конце клипа. Согласно исследованиям М. Купера и А. Мэтьюз, красный цвет вызывает самую сильную физиологическую реакцию – то есть учащение сердцебиения. «Во всех мировых культурах по мере развития языка красный цвет получил название в числе первых, сразу после белого и черного». Красный является основным из спектра «теплых» цветов. Он невольно обращает на себя внимание, привлекает, вызывает очень сильные эмоции и, в любом случае, не оставляет равнодушным [Купер, Мэтьюз 2001: 11-12]. Более того, на языке современной геральдики красный означает «силу, демократию, революционность, Америку» [Юрьев 2007: 25]. Таким образом, красный цвет в данном случае призван привлечь внимание аудитории, подтолкнуть ее к определенному поступку – проголосовать («Vote»).

Звуко-музыкальный ряд составляет воодушевляющая композиция У. Дж. Адамса-мл., солиста группы «Black Eyed Peas», которая заставляет по-новому взглянуть на речи Б. Обамы. Музыка является важной составляющей психической деятельности индивида, «эмоциональное воздействие музыки таково, что вызывает у многих людей ассоциации» [Ананьев 2003: 457]. О воздействующей силе искусства, и в том числе музыки, писал Л.С. Выготский: «Искусство есть общественная техника чувства, орудие общества, посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа. Правильнее было бы сказать, что чувство не становится социальным, а, напротив, оно становится личным, когда каждый из нас переживает произведение искусства, становится личным, не переставая при этом оставаться социальным» [Выготский 1998: 322]. Исследователи В.С. Жидков и К.Б. Соколов, соглашаясь с Л.С. Выготским, подчеркивают, что «идеологические аспекты в художественном произведении, будучи органически вплетены в ткань живых, зримых художественных образов, воздействуют на сознание человека зачастую незаметно, но весьма эффективно влияют и на мысли, и на чувства, и на поведение» [Жидков, Соколов 2005: 202]. Более подробно о воздействующей силе музыки пишет известный советский психолог Б.Г. Ананьев. В своей статье «Задачи психологии искусства» он поднимает проблему взаимосвязи речевого и музыкального слуха на нейрофизиологическом уровне. Речевой слух и артикуляционный механизм формируются в левом полушарии мозга, в

то время как механизм музыкального слуха, наоборот, в правом. Таким образом, «мозговой субстрат речевого и музыкального слуха не один, и для эффективного развития обоих видов слуха необходима совместная деятельность двух полушарий». При этом автор убедительно доказывает, что неразвитость музыкального слуха или, наоборот, речевого слуха связана с «тормозящим влиянием» со стороны соответствующего противоположного полушария [Ананьев 2003: 459-460]. Таким образом, в рамках одной аудиальной модальности имеет смысл говорить о двух разных типах слухового восприятия, речевого и музыкального, которые, к тому же, относятся к разным отделам головного мозга. И, следовательно, использование звуко-музыкального канала совместно с речевым слухом (в данном случае это текст речи Б. Обамы) имеет своим результатом более активное восприятие содержательной стороны клипа (речи) за счет активизации деятельности обоих полушарий головного мозга, а не одного полушария, как это происходит при восприятии лишь посредством речевого слуха. Кроме того, музыка, использованная в клипе и написанная популярным в молодежной среде исполнителем, несомненно, привлекает к себе, прежде всего, молодую аудиторию, вовлекая ее в политический круговорот.

Отметим, что в истории искусства идея совмещения музыкального произведения и политической речи не является новой. В 1968 году композитор Сальваторе Мартирано сочинил произведение под названием «L's G.A.» для «чтеца, исполняющего партию в противогазе и читающего известную Геттисбергскую речь Авраама Линкольна в сопровождении магнитофонной ленты, слайдов и кино, которые воплощают образы прошлого – войны и разрушения» [Гаврилова 2005: 512].

До С. Мартирано, в 1936 году С.С. Прокофьев написал «Кантату к 20-летию Октября» в 10 частях на слова Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Кантата стала своего рода «апокалиптической коммунистической литургией (грандиозная фреска для двух хоров и четырех оркестров)». По своему драматургическому плану она в некотором отношении воспроизводит схему католической мессы [Прокофьев]. Впрочем, по идеологическим причинам кантата была впервые исполнена лишь в 1966 году.

Таким образом, клип «Yes we can» является мощным средством агитации в поддержку Барака Обамы. При этом ролик гармонично вписывается в концепцию дискурса президента, повторяя и усиливая основные идеи, которые Обама пытается донести реципиентам.

Как уже было сказано выше, «Yes we can» является не единственным клипом, созданным в рамках предвыборной кампании Барака Обамы. 29 февраля 2008 года в Интернете появился ролик «We are the ones», который был также написан и спродюссирован У.Дж. Адамом-мл.

«We are the ones» обрел значительную популярность. По данным Интернет-ресурса «YouTube», ролик просмотрели почти 4 миллиона пользователей (04-03-2010). Причем через шесть месяцев после появления ролика его просмотрели 1,5 миллиона зрителей, а по состоянию на 03-03-2009 – уже 3,5 миллиона пользователей [We Are The Ones Song by will.i.am – Obama].

Вербальный ряд на этот раз составлен не из отрывков речей Обамы. Из его выступлений было взято всего лишь одно предложение: «We are the ones we've been waiting for» [Obama], являющееся частью более широкого контекста:

E.g. You see, the challenges we face will not be solved with one meeting in one night. Change will not come if we wait for some other person or some other time.

We are the ones we've been waiting for. We are the change that we seek. We are the hope of those boys who have little; who've been told that they cannot have what they dream; that they cannot be what they imagine.

Yes they can [Obama].

В данном случае видеоклип опирается на идею Обамы о том, что сама американская нация является выразителем своих идей, желаний, надежд, и только от нее самой и от ее выбора зависит их исполнение.

Ролик составлен из высказываний разных знаменитостей об Обаме: участники клипа рассказывают о том, что думают о нем, кем они его считают, почему они хотят, чтобы именно Обама стал президентом. Как и в предыдущем ролике, в клипе «We are the ones» можно услышать разные языки: английский и испанский. Всего в ролике приняли участие 32 знаменитости: Зои Кравитц (актриса и музыкальный исполнитель), Джессика Альба (актриса), Кейт дель Кастилло (актриса), Джон Легуизамо (актер), Омар Миллер (актер), Джессе Племонс (актер) и многие другие. Национальный состав участников также разнообразен: в клипе приняли участие актеры из США и разных стран Латинской Америки. На фоне слов знаменитостей мы слышим толпу, которая скандирует: «Obama». Периодически знаменитости также начинают скандировать имя кандидата в президенты вместе с толпой. Основной акцент в клипе сделан на слова «This is my America, this is your America, this is our America», что, безусловно, соответствует общему настроению политического дискурса Барака Обамы и уже рассмотренного клипа «Yes we can», где одной из центральных идей является идея единения нации. Кроме того, в рамках заданного политического дискурса названная языковая формула обретает особую важность, поскольку она созвучна словам Обамы о том, что каждый из избирателей, каждый гражданин причастен к политической жизни страны:

E.g. So don't ever forget that this election is not about me, or any candidate. Don't ever forget

that this campaign is about you – about your hopes, about your dreams, about your struggles, about securing your portion of the American Dream [Obama].

Визуально-изобразительный ряд демонстрирует знаменитостей, которые высказывают свое мнение об Обаме. Как и в предыдущем ролике, в данном клипе периодически появляются надписи знаковых для политического дискурса Обамы формул: «We are the ones», «Hope», «Act», «Change», которые в конце клипа сменяются на красную надпись «Vote» (заметим, что клип вновь выдержан в черно-белых тонах). Кроме того, участники клипа демонстрируют репродукцию портрета Обамы, некоторые из них носят одежду с символикой Обамы.

Звуко-музыкальный ряд вновь состоит из композиции, написанной У.Дж. Адамсом-мл., солистом группы «Black Eyed Peas». Музыка, без сомнения, рассчитана на молодую аудиторию и способствует более качественному восприятию содержательной стороны клипа.

Третий клип в поддержку Барака Обамы, «Podemos con Obama», появился 29 мая 2009 года. По примеру У.Дж. Адама-мл., известный музыкальный продюсер Андрес Левин создал клип, где собрал вместе выдающихся испаноговорящих музыкантов и актеров, в результате чего ролик был исполнен полностью на испанском языке. По уровню популярности данный клип значительно уступает двум предыдущим. Согласно статистике Интернет-ресурса «YouTube», он был просмотрен всего лишь порядка 600 тысяч раз (по состоянию на 04-03-2010) [Podemos Con Obama].

Как и в клипе «We are the ones», вербальный ряд заполняют высказывания знаменитостей об Обаме, периодически они скандируют его имя. Визуальный ряд заполнен изображениями более двадцати известных испаноговорящих деятелей культуры. В ролике приняли участие: Алехандро Санс (певец и композитор), Паулина Рубио (певица и актриса), Джессика Альба (актриса), Лин-Мануэль Миранда (композитор и поэт-песенник), Луис Гузман (актер) и многие другие. И снова в клипе присутствуют надписи знаковых для политического дискурса Обамы формул, соответственно, на испанском языке: «Esperanza» (Hope), «Accion» (Action), «Cambio» (Change). В конце клипа они сменяются на надпись «Vote Obama». Цветовая гамма ролика соответствует гамме двух предыдущих клипов, то есть доминирующими цветами являются черный, белый и красный, с той лишь разницей, что в клипе появляется больше ярких цветов, а красный цвет часто становится фоновым цветом. Это объясняется тем, что, согласно исследованию М. Купер и А. Мэтьюз, жители южных штатов, Мексики и Латинской Америки гораздо более склонны носить яркие одежды и видеть яркие цвета, в отличие от жителей северных штатов, привыкших к нейтральной цветовой гамме [Купер, Мэтьюз 2001: 44].

Звуко-музыкальный ряд состоит из композиции, сочиненной Андресом Левином. Композиция исполнена в рамках традиционной для Латинской Америки музыкальной традиции акустической испанской гитары и, безусловно, нацелена именно на испаноговорящую аудиторию слушателей.

Помимо музыкальных клипов в общепринятом понимании, Интернет-ресурс www.yeswecan.dipdive.com, являющийся основным сайтом всего проекта, содержит небольшие отдельные ролики, где 35 знаменитостей из числа участников всех трех роликов еще раз высказывают свое мнение об Обаме, поддерживая его как кандидата на пост президента США.

Таким образом, политический дискурс Обамы отмечен активным использованием музыкальных клипов как средства предвыборной агитации. Как отмечалось выше, целевой аудиторией исследованных видеоклипов стала молодая часть населения США, потому что именно эта возрастная категория американцев смотрит клипы и является потребителем Интернет-контента. Представляется, что такой шаг позволил предвыборной кампании Барака Обамы выйти на качественно новый уровень работы с потенциальным электоратом. В результате опроса, проведенного компанией «Pew Research Center for The People and The Press», во время президентской предвыборной кампании 2008 года политическими новостями регулярно интересуется половина избирателей в возрасте более 50 лет, 39% избирателей в возрасте от 30 до 49 лет и лишь 25% избирателей в возрастной категории моложе 30 лет [Finding Political News Online, the Young Pass It On]. Следовательно, последняя из перечисленных возрастных категорий является наименее политически активной частью населения США, то есть более 2/3 избирателей в данной категории не интересуется политикой. Это так называемый «неучтенный электорат», те, кого политики, как правило, не принимают во внимание в силу их политической пассивности, предпочитая опираться в своих выступлениях на проверенный активный электорат, состоящий из более взрослой аудитории.

Барак Обама, наоборот, делает ставку именно на молодую аудиторию. Двадцать миллионов пользователей, которые просмотрели ролик «Yes we can», относятся к тому самому «неучтенному электорату». Ранее незаинтересованные в политике, они вовлекаются в нее не через телевизионные дебаты, а через ту среду, которая им знакома и понятна, то есть через популярную культуру и Интернет. И в этом смысле, кампания Барака Обамы является, своего рода, уникальной, поскольку 44 президент США стал первым, кто так открыто и уверенно обратился к молодежной среде и Интернету.

Направленность клипа на молодую аудиторию американцев является результатом того, что во время своих выступлений Обама, сам

молодой политик, очень часто обращается к проблемам молодежи:

E.g. And we will keep our promise to every young American – If you commit to serving your community or your country, we will make sure you can afford a college education [Obama].

В своих речах Обама говорит о том, что необходимо привлекать молодежь к участию в политической жизни страны:

E.g. It is with that hope that we began this unlikely journey – the hope that if we could go block by block, city by city, state by state and build a movement that spanned race and region; party and gender; if we could give young people a reason to vote and the young at heart a reason to believe again; if we could inspire a nation to come together again, then we could turn the page on the politics that's shut us out, let us down, and told us to settle. We could write a new chapter in the American story [Obama].

E.g. Looking out at this crowd of young people, I have faith that you will fight this fight too [Obama].

Более того, в одной из своих речей Обама цитирует Роберта Кеннеди, который однажды заявил, что молодежь представляет собой ту силу, которая способна повести за собой, из чего Обама делает вывод, что молодое поколение является не просто важной составляющей электората, а должно стать его основной и самой активной частью:

E.g. The third reason we know that we can change this world is because of men and women like the young people who are here today. Each time we find ourselves at a crossroads, paralyzed by worn debates and stale thinking, the old ways of doing things, a new generation rises up and shows the way forward. As Robert Kennedy once told a crowd of students in South Africa, "It is a revolutionary world that we live in, and thus, it is young people who must take the lead". Because young people are unburdened by the biases or prejudices of the past. That is a great privilege of youth. But it's also a tremendous responsibility because it is you who must ultimately decide what we do with this incredible moment in history [Obama].

В этой связи обращение к молодежной среде, популярной культуре и Интернету весьма гармонично укладываются в концепцию Обамы, направленную на вовлечение молодежи в политическую жизнь страны.

Представляется, что успешное использование видеороликов в рамках президентской предвыборной кампании берет свое начало от ролика «Vote different», который был выложен в Интернет сторонниками Обамы во время «праймериз», предварительных выборов Демократической партии. Упомянутый ролик является видеоизмененной версией рекламного ролика компании «Apple», датированного 1984 годом и снятого культовым американским режиссером Ридли Скоттом. Сюжет ролика основывается на

том, что Хилари Клинтон, соперник Барака Обамы, представлена в образе «Большого брата», вещающего массам с огромного монитора. Ее слушают немые, зомбированные люди-манекены, и лишь одна девушка в футболке с логотипом кампании Обамы решает бросить молот в монитор, транслирующий выступление Хилари Клинтон. Ролик заканчивается словами о том, что 14 декабря начнутся предварительные выборы Демократической партии США и 2008 год не будет похож на «1984»: «On January 14th the Democratic primary will begin. And you'll see why 2008 won't be like "1984"» [Vote different].

В одном из интервью автор ролика «Vote different» поясняет, что заключительными словами он хотел сказать, что сегодня существуют технологии, которые позволяют любому человеку высказать свое мнение, обозначить собственную гражданскую позицию. И в этом смысле Барак Обама является гораздо более перспективным кандидатом, чем Хилари Клинтон, поскольку он видит эти возможности, а значит, гораздо лучше разбирается в современном мире [creator of Vote Different video talks about citizen-created political media].

Отметим, что данный ролик имел значительный успех: по данным популярного Интернет-ресурса «YouTube» на начало 2008 года (спустя примерно 10 месяцев после появления ролика) количество просмотров достигло 2 миллионов, а к сентябрю 2008 года – 5,5 миллионов. На настоящий момент (04-03-2010) ролик был просмотрен почти 6 миллионов раз [Vote different]. В этом ролике определяется основная направленность президентской предвыборной кампании Барака Обамы – ориентация на современные технологии (Интернет) и молодую аудиторию избирателей.

В итоге, как представляется, использование музыкального клипа в рамках политического дискурса Барака Обамы имело несколько целей:

1. Популяризация личности Барака Обамы за счет использования новых технологий.

2. Использование дополнительного канала информации (массовой культуры и среды Интернет) для донесения основных идей, концепции дискурса Обамы.

3. Привлечение к политической жизни «неучтенного электората», категорию наименее политически активных молодых граждан США.

Популярность ролика и количество его просмотров на различных Интернет-ресурсах не оставляет сомнений в успешной реализации всех названных целей.

Примечательно, что созданный в рамках политического дискурса Барака Обамы ролик «Yes we can» в течение всего одной недели спровоцировал появление трех «видеоответов» со стороны партии Республиканцев: «Join.he.is» от 10 февраля 2008 (пародия на will.i.am, псевдоним автора клипа «Yes we can» У.Дж. Адамса-мл) «No, you can't» (от 11 февраля 2008) и

«No, you can't – No se puede» (от 13 февраля 2008). Ответные ролики выглядят как пародии на клип «Yes we can» и отрицают все идеи, которые провозглашаются в оригинальном ролике. Даже названия роликов («No you can't») призваны сокрушить надежду, о которой говорит Обама. Тем не менее, ролики были плохого качества и не имели успеха. Согласно статистике Интернет-ресурса «YouTube» по состоянию на 04-03-2010 первый был просмотрен 2,2 миллиона раз, второй – 1,78 миллионов раз, третий – всего 173,5 тысячи раз. Несмотря на такую слабую реакцию со стороны Республиканской партии, представляется, что в перспективе популярная культура и Интернет вполне могут стать активным сегментом американского политического дискурса и ареной политических сражений [join.he.is, John McCain: No, You Can't, No, you can't – No se puede].

Таким образом, данная статья рассматривает музыкальный видеоклип как поликодовый текст в рамках политического дискурса 44 президента США. Действительно, политический дискурс Барака Обамы является примером уникального текстового пространства, где вступают в тесные отношения отдельные семиотические системы. При этом каждая из систем, пользуясь разными каналами восприятия, по-своему передает определенную порцию сообщения, а, соединяясь вместе, эти системы создают стереозффект, который дает возможность более полно и точно передать сообщение адресату. В этой связи представляется интересным исследование поликодовых текстов в рамках дискурса данного политика. Особая важность исследования политического дискурса Б. Обамы и, в частности, его поликодового аспекта заключается в том, что последний является отражением современных тенденций к стереоскопии в политическом дискурсе, что, безусловно, придает актуальность таким исследованиям.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьев Б.Г. Задачи психологии искусства // Психология художественного творчества: Хрестоматия [сост. К.В. Сельченко]. – Минск: Харвест, 2003. 752 с.

Винникова Т.А. Особенности поликодовой и полимодальной организации кинотекста (на материале художественного фильма «The Queen») // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27 (165). С. 9-11.

Выготский Л.С. Психология искусства. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. 480 с.

Ейгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч. I. – М., 1974. С. 107.

Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и общество. – СПб.: Алетейя, 2005. 592 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. С. 129, 444.

Купер М., Мэтьюз А. Язык цвета. Как использовать преимущества своего цвета для успеха в личной жизни и бизнесе. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 144 с.

Лаул Р.Х. Арнольд Шёнберг // История зарубежной музыки: учеб. для музыкальных вузов. Вып. 6: Начало XX века – середина XX века. – СПб.: Композитор, 1999. С. 304-335.

Садуов Р.Т. Графическая литература как составляющая американского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 3 (29). С. 101-109.

Сергей Прокофьев // Погружение в классику. URL: www.intoclassics.net/news/2009-11-07-10673 (дата обращения: 11.04.10).

Сигида С.Ю. Соединенные Штаты Америки // История зарубежной музыки. XX век. – М.: МУЗЫКА, 2005. С.433-515.

Юрьев Ф. Цветовая образность информации. – Киев: Новый друк, 2007. 320 с.

Creator of Vote Different video talks about citizen-created political media. URL: <http://jilltxt.net/?p=1945> (дата обращения: 11.04.10).

Finding Political News Online, the Young Pass It On // The New York Times. URL: www.nytimes.com/2008/03/27/us/politics/27voters.html?_r=4&hp=&adxnml=1&oref=slogin&adxnmlx=1206666163-YpoMNe/u2DIXJ6Q+JgPILQ (дата обращения: 11.04.10).

John McCain: No, You Can't // YouTube // Статистика и данные. URL: www.youtube.com/watch?v=EUKING8DCUo (дата обращения: 11.04.10).

Join.he.is // YouTube // Статистика и данные. URL: www.youtube.com/watch?v=3gwwqEneBKUs (дата обращения: 11.04.10).

No, you can't – No se puede // YouTube // Статистика и данные. URL: www.youtube.com/watch?v=gI7WwY4a9ro (дата обращения: 11.04.10).

Obama V. Best Speeches of Barack Obama through his 2009. URL: www.obamaspeeches.com (дата обращения: 11.04.10).

Podemos Con Obama // YouTube // Статистика и данные. URL: www.youtube.com/watch?v=wuXqy40F4Co (дата обращения: 11.04.10).

Vote different // YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=6h3G-IMZxjo> (дата обращения: 11.04.10).

Vote different // YouTube // Статистика и данные. URL: www.youtube.com/watch?v=6h3G-IMZxjo (дата обращения: 11.04.10).

We Are The Ones Song by will.i.am – Obama // YouTube // Статистика и данные. URL: www.youtube.com/watch?v=ghSJsEVf0pU (дата обращения: 11.04.10).

Will.i.am The Yes We Can Song // Dip+finition // Dipdive. URL: www.yeswecan.dipdive.com/biography (дата обращения: 11.04.10).

Yes We Can – Barack Obama Music Video // YouTube // Статистика и данные. URL: www.youtube.com/watch?v=jjXuyqcx-mYY (дата обращения: 11.04.10).

© Садуов Р.Т., 2010

Шимчик Т.
Катовице, Польша

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ НА НАЗВАНИЯ ШАХТ
В ПОЛЬШЕ ПОСЛЕ 1918 ГОДА**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Szymczyk T.
Katowice, Poland

**INFLUENCE OF POLITICS ON NAMES
OF COAL MINES IN POLAND AFTER 1918**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.20

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния политики на названия угольных шахт в Польше. Ее история в XX веке подразделяется на несколько периодов, из которых практически каждый был причиной изменений в этих названиях. Была предпринята попытка хронологически описать изменения, происходившие в названиях этих объектов промышленности в зависимости от меняющихся идеологических и политических ориентиров. Если изменения названий в 1918-39 гг. отмечают тенденцию, связанную с обозначением принадлежности угольных бассейнов к Польше, то изменения после 1945 г. подчеркнута идеологичны, названия шахт начинают включать имена и фамилии, а также символы, связываемые с коммунистическим и социалистическим движениями.

Ключевые слова: политика, пропаганда, история, микротопонимы, названия объектов промышленности.

Abstract. The article is devoted to the problem of the impact of politics on the coal mine names in Poland. The history of the twentieth century is divided into several periods, almost each of them was the cause of changes in these names. Attempts to describe the chronological changes in the names of these industrial sites, depending on the changes in ideological and political orientation were undertaken. While the names, changed in the period 1918-39 have a tendency associated with emphasis on belonging to the Polish coal-producing areas, the changes after 1945 are associated with ideology: in the mines names the titles and symbols associated with the communist and socialist movement begin to appear.

Key words: politics, propaganda, history, microtoponyms, names of industrial objects.

Сведения об авторе: Шимчик Томаш, магистр, аспирант кафедры русского языка (научный руководитель: доктор филологических наук Эва Страś).

Место работы: Силезский университет.

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: tomeszym@interia.pl.

About the author: Szymczyk Tomasz, Master, Post-Graduate Student of the Chair of the Russian Language (Supervisor: Doctor of Philology Ewa Straś).

Place of employment: Silesian University.

Как известно, основой существования всякого государства является его экономика. В политическом отношении немаловажно и то, что экономика приносит немалые доходы государственному бюджету. В Польше свыше шестидесяти лет самой важной отраслью промышленности была добыча каменного угля. Начиная с восьмидесятых годов, согласно стандартам Евросоюза, многие шахты закрылись, но, несмотря на это, горная промышленность продолжает оставаться одним из важнейших элементов польской экономики.

Политическая ситуация Польши в XX веке была довольно сложной. Первая мировая война, независимая Польша 1918-39 гг., Вторая мировая война, годы ПНР и, наконец, Польша после 1989 г. Многие находящиеся на территории современной Польши промышленные объекты действовали на протяжении десятилетий во всех указанных историко-политических условиях. Однако явлением далеко не редким было и то, что, в зависимости от политической обстановки, они по несколько раз меняли свое название. Влияние политики (как в годы капитализма, так и социализма) на названия объектов промышленности, на примере польских угольных шахт, может быть в связи с этим и показательным, и интересным.

Залежи каменного угля в Польше концентрируются в трех бассейнах. Самый новый – это Люблинский угольный бассейн (*Lubelskie Zagłębie Węglowe*). Его продолжением является

Львовско-Волынский на Украине. Эти залежи были открыты довольно недавно, поэтому (а также и вследствие сложных геологических условий) там работает лишь одна шахта. В двух других бассейнах добыча угля началась еще в XIX, а в ряде мест даже в XVIII в. В этот ранний период добыча угля велась в Нижнесилезском угольном бассейне, известном также как Валбжихский (*Dolnośląskie Zagłębie Węglowe*, или *Zagłębie Wałbrzyskie*), с центром в городе Валбжихе. Бассейн расположен в непосредственной близости к горной цепи Судетов, что предполагало сложные геологические условия (многочисленные разломы), а в связи с этим высокую себестоимость добычи. Это, а также существенная техническая отсталость и высокая концентрация метана, стало причиной того, что шахты уже не действуют.

Самым большим и важным для Польши, богатым залежами каменного угля является Верхнесилезский угольный бассейн. «[Он] имеет форму треугольника, поверхностью в 5400 кв. км, с вершинами в городах Скавина, Тарновске-Гуры и Острава в Чехословакии [Чешской Республике]. Из них около 4500 кв. км относится к Польше, остальную часть составляет Оставско-Карвинский угольный бассейн (чеш. *Ostravsko-karvinská uhelná pánev*)» [Jaros, Ziemia и др. 1985: 7]. В начале своего существования эти залежи угля, а также и соответствующая территория, были разделены между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией. Послед-

ствия этих разделов, уже не формальные, но культурно-языковые, заметны в известной степени до сих пор. *Домбровский бассейн* (*Zagłębie Dąbrowskie*) – это давняя часть Российской империи. *Верхняя Силезия* (*Górną Śląsk*, нем. *Oberschlesien*) принадлежала Пруссии, а у жителей таких шахтерских городов, как Явожно, Серша или Либенж (земля, известная раньше как *Краковский бассейн* – *Zagłębie Krakowskie*) были документы с австро-венгерским гербом. С обретением независимости и после окончательного определения польско-немецкой границы в 1922 году Верхнесилезский бассейн оказался поделенным между Польшей и Германией. Территория трех упомянутых бассейнов стала полностью польской только в 1945 году.

Количество шахт в Польше менялось. В 1938 году в границах, установленных после Первой мировой войны и трех Силезских восстаний (1919, 1920 и 1921), в Польше действовало 80 предприятий, занимавшихся добычей каменного угля. Это было время капитализма, т.е. практически каждый человек с капиталом мог купить или взять в аренду шахту. По этой причине их было много, от очень крупных, поставлявших уголь на металлургические заводы, до самых маленьких, занимавшихся продажей угля жителям городов и деревень. В послевоенное время происходит национализация промышленности, в том числе и горнодобывающей. Крупные шахты, добывавшие 2-3 млн. тонн угля в год, стали государственной собственностью. После 1945 года нередкой была тенденция к укрупнению и объединению шахт с перерабатывающими заводами.

Независимо от количества добываемого угля, названия шахтам давались с опорой на типовые модели, среди которых можно выделить следующие:

1) Личные имена, как женские, так и мужские – **«Anna»**, **«Flora»**, **«Janina»**; **«Ignacy»**, **«Ferdynand»**, **«Paweł»**. Нередко это были также названия отдельных шахтных стволов. Такие названия могли даваться по имени первого владельца, его жены или дочери. Особым случаем было имя *Барбара*, в таких названиях, как **«Barbara-Wyzwolenie»** и **«Barbara-Chorzów»**. В традиции католической церкви святая Барбара считается покровительницей шахтеров. День шахтера в Польше отмечается 4 декабря, в день святой Барбары. Имя святой в названии шахты имело поэтому функцию оберега.

2) Названия района, города или села, в котором данное предприятие находится (явление очень частотное) – **«Bielszowie»**, **«Bogdanka»**, **«Borynia»**, **«Wałbrzych»**, **«Gliwice»**, **«Mikulczyce»**, **«Sosnowiec»**, **«Jaworzno»**;

3) Имена и фамилии:

а) имена польских князей и королей – **«Mieszko»**, **«Bolesław Chrobry»**, **«Sobieski»**, иногда легендарных – **«Piast»**, **«Ziemowit»**.

б) фамилии польских ученых, занимавшихся горной промышленностью – **«Staszic»**, **«Czczott»**, **«Budryk»**, **«Krupiński»**;

4) Астрологические названия – их только три, но у них интересное происхождение. Как пишет в своем словаре Я. Ярос: „Горно-промышленное товарищество «Сатурн» ... в 1899 г. ... купило у принца Гогенцоллерн-Эринген шахту **«Saturn»** в г. Челябинск, после чего построило шахту **«Jowisz»** («Юпитер»), а затем купило шахту **«Mars»**” [Ярос 1984: 155]. Три названных шахты, сходные по типу своих названий, принадлежали, таким образом, одному владельцу;

5) Название товарищества или фамилия владельца – прежде многочисленная группа, в настоящее время таких названий практически нет – **«Renard»**, **«Giesche»** или упомянутый ранее **«Saturn»**;

6) Политически мотивированные названия – ими займемся подробнее.

Присвоение объектам промышленности политически мотивированных названий было важным орудием пропаганды. Шахты со своим традиционным обликом – копром, флагом, названием – очень хорошо подходили для этого. Все это соответствовало правилам пропаганды, описываемым Г. Блумером [Блумер 1998: 562; Цит. по: Бахтуридзе З. Манипуляция массами в политическом процессе. Дипл. раб., РГПУ им. Герцена; http://agso.narod.ru/docs/iswne/zeynab_manip.htm]. Опираясь на них, можно объяснить процесс приобретения шахтами «политических» названий [http://agso.narod.ru/docs/iswne/zeynab_manip.htm]. Во-первых, такое название часто употреблялось в СМИ и потому поневоле было у всех на слуху. Во-вторых, новые названия присваивались или новопостроенным, крупным и современным шахтам, или тем, которые вписались в историю социалистического движения и на которых работали известные партийные деятели. В-третьих, названия – это чаще всего одно или два слова, легко поэтому запоминаемые. В-четвертых, новые названия закреплялись и распространялись благодаря одноименным названиям учреждений, действующих при поддержке шахты.

Широкое распространение политически мотивированных названий относится к периоду 20-30-х годов прошлого столетия, равно как и ко времени после 1945 г., но начало этому положил не XX век. Так, в 1816 г. название шахты **«Lubecki»** в селе Стжижовице Бендзинского уезда было заменено названием **«Tadeusz»**. Как отмечает Е. Ярос, „в честь министра внутренних дел (Варшавского герцогства) Тадеуша Мостовского” [Ярос 1984: 102]. В 1918 г. Польша становится независимым государством. Ее границы, как на востоке, так и на западе складываются в двадцатые годы. В этот период в Верхней Силезии происходят одно за другим три восстания и вопрос границ решается плебисцитом, по результатам которого северная часть Верхнесилезского бассейна разделяется

между Польшей и Германией. Польскими становятся города Катовице, Хожув, Свентохловице и Рыбник. К Германии отходят Бытом, Забже и Гливице. Создавшаяся ситуация отразилась в наименованиях шахт, оказавшихся на территории Польши. Немецкие названия заменяются польскими. В большинстве случаев это осуществляется путем перевода (калькирования): нем. «**Oheim**» → «**Wujek**» («Дядюшка»); нем. «**Gottesegen**» → «**Błogosławieństwo Boże**» («Благословение Божье»); нем. «**Schleisen**» → «**Śląsk**» («Силезия»); нем. «**Eminenz**» → «**Eminencja**» («Преосвященный»); нем. «**Blücherschächte**» → «**Szyby Blücher**» («Стволы Блюхер»); нем. «**Myslovitz**» → «**Mysłowice**» («Мысловице»); нем. «**Gräfin Laura**» → «**Hrabina Laura**» («Графиня Лаура»). Названия, представленные немецкими сложными существительными, упростились: «**Heinrichfreude**» стала шахтой «**Henryk**», а «**Emanuelsegen**» – «**Emanuel**». Есть и такие названия, в которых польский вариант отличается от немецкого оригинала лишь одной буквой: нем. «**Florentina**», «**Ferdinand**» и «**Charlotte**» были заменены на «**Florentyna**», «**Ferdynand**» и «**Charlotta**». Трудно сказать, что они звучат по-польски, особенно последнее, но все же ближе к польскому произношению. Интересная ситуация произошла в Хожуве. Шахту «**König**» в 1922 г. разделили на две. В названии первой сохранилась калька с немецкого, но с добавлением имени первой польской династии – «**Król Piast**». Вторая часть получила название «**Wyzwolenie**» («Освобождение») в честь выхода Верхней Силезии из-под германской юрисдикции. Интересным было переименование шахты в г. Свентохловице. До 1922 г. шахта называлась «**Deutschland**». В том же году это наименование перевели на польский язык – «**Niemcy**» («Германия»). Исчезло также наименование шахты «**Brandenburg**». После присоединения к Польше вспомнили о славянских корнях города, который был ее названием, и его славянском названии. В 1924 г. именно оно стало новым названием шахты – «**Branibor**». Единственное калькированное в то время название, используемое и в настоящее время, это нем. «**Friedensgrube**» → «**Pokój**» («Мир»). После I-й мировой войны и Силезских восстаний оно передавало настроения и желания местного населения, а в послевоенной Польше хорошо вписывалось в систему социалистических приоритетов. Немецкие названия были также у двух шахт в г. Явожно, до 1918 г. принадлежавшем Австро-Венгрии. В независимой Польше они получили названия в честь польских национальных героев. В результате шахта «**Friedrich August**» стала «**Piłsudski**», а «**Rudolf**» – «**Kościuszko**».

Очередная волна переименований в Верхней Силезии приходится на 1936-37 гг. Причиной этого было ухудшение польско-немецких отношений перед войной. В сложившейся об-

становке у многих шахт, уже получивших менее 15 лет тому назад польские названия, появились такие, которые не напоминали о немецких корнях. Происходит „полонизация управлений шахт и предприятий” [Kopalnia Wawel 1987: 66-67]. Шахты «**Henryk**» и «**Branibor**» переименовываются, соответственно, в «**Szyby Piast**» и «**Wawel**», которая объединяется с рядом стоящей «**Wolfgang**». Однако название «**Wolfgang-Wawel**», будучи политически некорректным, заменяется на «**Walenty-Wawel**», сохраняя от немецкого имени только первую букву. Довольно долго удерживается название шахты «**Gotthard**», преобразуясь в 1935 г. по правилам польской орфографии в «**Gotard**», а уже в 1936 г. получая название «**Karol**». Название «**Szyby Blücher**» в 1934 г. заменяется на «**Szyby Jankowice**». «**Maks**» в 1936 г. переименовывается в шахту «**Michał**» в память о легендарном рыцаре – основателе села Михалковице, в котором она находилась. «**Florentyna**» и «**Ferdynand**» с 1936 г. меняют названия на географические и становятся «**Łagiewniki**» и «**Katowice**». «**Hrabina Laura**» с 1936 г. получает название «**Królewska Huta**», в соответствии с названием города, в котором она находилась. В 1939 г. Крулевска-Хута, Хожув и Хайдуки объединяются в общий городской организм под названием Хожув. И шахта снова меняет свое название, теперь на «**Chorzów**». Соседняя шахта, «**Król Piast**», существовавшая под этим названием с 1922 года, переименовывается в «**Prezydent Mościcki**», в честь польского президента того времени Игнатия Мосцицкого. Все эти меры имели целью подчеркнуть польский характер местностей. Тот же смысл имело переименование шахты «**Deutschland**» в г. Свентохловице, с 1922 г. «**Niemcy**», в шахту «**Polska**» в 1937 г. Последней теряет свое немецкое название шахта «**Böer**». В 1937 г. она становится «**Boże Dary**» («Дары Божьи»).

Во время Второй мировой войны, в период немецкой оккупации, большинству шахт были возвращены их прежние немецкие наименования: «**Katowice**» → «**Ferdinand**»; «**Wujek**» → нем. «**Oheim**». Немецкие названия появились также у шахт Домбровского и Краковского бассейнов: «**Янина**» → «**Johanna**»; «**Klimontów**» → «**Bismarck**»; «**Milowice**» → «**Milwitzgrube**». При этом некоторые из них были названиями новыми, введенными оккупантами на территории Домбровского бассейна, никогда Германии не принадлежавшего. Эти названия функционировали вплоть до освобождения земель в январе 1945 г.

После войны, в 1945 г., меняются границы Польши, в ее состав теперь входит, помимо всего Верхнесилезского, также и Нижнесилезский угольный бассейн. Происходит переименование всех географических и промышленных объектов, в том числе и шахт. При этом используются названия городов, районов, а также личные имена. Незначительные фонетические

поправки вводятся в название шахты «**Dubensko**», переименованной в «**Dębieńsko**» («Дембеньско»). «Дембеньско» можно рассматривать как полонизированную форму. Город, в котором находилась эта шахта, Червёнка-Лещины, расположен в Силезии, диалекты которой близки чешскому языку, утратившему носовые гласные около XI века. Название связано с общеславянским словом *dǫb, чеш. dub. Именно такой вариант лег в основу топонима Dubensko. Нем. **«Beuthengrube»**, **«Gliewitzgrube»**, **«Karsten-Zentrum»** получают польские соответствия **«Bytom»**, **«Gliwice»** и **«Centrum»**. Названия городов приобретают польское фонетическое оформление и соответствующую запись, а компонент *grube* 'шахта' опускается. Другие сложные наименования также упрощаются: напр., нем. **«Ludwigsglück»** («Счастье Людвига») и **«Hedwigswünsch»** («Желание Хедвиги») после 1945 г. сохраняют только имена, а шахты становятся на польский лад **«Ludwik»** и **«Jadwiga»**. Не сохранили имена названия нем. **«Gräfin Johanna»**, превратившись в **«Bobrek»**, по названию района г. Бытом; **«Königin Luise-Ostfeld»** и **«Königin Luise-Westfeld»** («Королева Луиза-Запад» и «Королева Луиза-Восток»), став **«Zabrze-Zachód»** и **«Zabrze-Wschód»** («Забже-Запад» и «Забже-Восток»), по названию города Забже. Интересно, что название **«Королева Луиза»**, не бывшее в 1945 г. политически корректным, в 1993 г. стало названием музея-заповедника при Музее горной промышленности в г. Забже – очень важном пункте на туристической карте региона.

В 1945 г. в границах Польши, как уже было сказано оказались шахты Нижней Силезии, г. Валбжиха и его окрестностей. Практически не изменились названия шахт нем. **«Rudolph»** → **«Rudolf»** и нем. **«Johann Baptista»** → **«Jan Baptysta»** («Иоанн Креститель»). Это последнее наименование с 1946 г. сократилось, сохранив только компонент **«Jan»**. Исчез второй элемент, ассоциирующийся с религией. Две шахты получили названия от своих главных стволов. В результате **«Vereinigte Glücknif Friedenshoff»** стала шахтой **«Victoria»** («Виктория»), а **«Fuchs»** – **«Julia»** («Юлия»). Эту последнюю скоро переименовали в **«Biały Kamień»** от района г. Валбжиха, в котором она находилась. Два предприятия получили названия, подчеркивающие идею исторических границ Польши эпохи средневековья, охватывающих собой Нижнюю Силезию, возвращенную Польше после Второй мировой войны. Шахты **«Furstensteinergruben»** и **«Melchior»** были названы именами первых польских князей династии Пястов – **«Mieszko»** и **«Bolesław Chrobry»**.

В 1945 г. капитализм сменился социализмом, с национализацией всей промышленности. В связи с этим шахты, в названиях которых сохранялись фамилии бывших владельцев, должны были их поменять: „Принятие государ-

ством шахты «Ренард» привело к изменению ее названия. В мае 1946 г. ее назвали «Сосновец», порвав с прежним названием, связанным с длительным правлением иностранного капитала» [Kopalnia Sosnowiec 1976: 106-107]. По той же причине шахта **«Donnersmarck»** получает название **«Chwałowice»**, а **«Giesche»** становится **«Janów»**.

Очень скоро в названиях шахт появляются имена, фамилии и символы, связанные с социализмом и коммунизмом. Именно в это время влияние политики на названия объектов промышленности становится очевидным. Процесс этот не мог не затронуть и такой показательной отрасли, как добыча каменного угля. В изученной нами литературе не удалось найти сведений, затрагивающих проблемы политического аспекта процесса переименований. В ней сообщается только, что их причиной были предложения рабочих коллективов или завкомов партии, однако все эти материалы были изданы до 1989 г. Сопоставляя старые и новые названия, трудно было бы не заметить в них политического влияния.

Первыми были шахтеры из г. Домброва Гурнич, заменившие название **«Paryż»** другим, более подходящим. Париж в сороковые годы ассоциировался со столицей капиталистической Франции, хотя само это название было исторически обоснованным, поскольку ее владельцами были французские промышленники. Факт переименования получает такое объяснение: „Шахта в силу постановления коллектива от 21.10.1945 г. получила название **«General Zawadzki»** в честь Силезско-Домбровского воеводы [генерала Александра Завадзкого], работавшего на ней шахтером в межвоенное время” [Jaros, Ziemia и др. 1985: 165]. Похожая ситуация имела место в Янув (район г. Катовице). У местной шахты „до 30 сентября 1946 года было название **«Janów»**” [Szaraniec 2001: 50], после чего она получила новое наименование – **«Wieczorek»** («Вечорек»), в честь Юзефа Вечорека, деятеля польской компартии, работавшего на этой шахте в довоенный период и погибшего в немецком концлагере Аушвиц-Биркенау.

Социалистическая пропаганда, особенно в 40-50-е годы, представляла польскую довоенную власть как фашистскую, и именно подобное представление вызвало переименование шахты **«Prezydent Mościcki»** в **«Prezydent»**.

Значительное место занимал в социалистической пропаганде Польши Винцент Пстровски. Его имя связано с очень важным явлением 50-х гг. – со стахановским движением. Происходивший из бедной деревни Келецкого воеводства, он был вынужден уехать в поисках заработка. Сначала работал шахтером в Бельгии, где познакомился с коммунистическим движением. После 1945 г. вернулся в Польшу и, работая на шахте **«Jadwiga»**, обратился к рабочим с письмом, в котором призывал их участ-

воват в социалистическом соревновании. После чего был объявлен первым польским ударником труда. Через год Пстровски умер. Смерть его была немалой потерей для социалистической пропаганды, однако он навсегда остался одним из символов того времени. Шахта, на которой он работал, получила название «**Pstrowski**», „по предложению совета завода и дирекции шахты «Ядвига» в г. Забже-Бискупце, поддержанному дирекцией Забжанского объединения Горной промышленности» [Broekese, Sałka, Pytrus 1963: 34]. С коммунистическим движением связано также название шахты «**Marcel**» в городке Радлин Водзиславского района. Марцель было псевдонимом погибшего во время гражданской войны в Испании коммунистического деятеля Юзефа Коляжа, работавшего до этого на шахте «**Emma**», которая в 1949 г. и получила это новое имя.

При назывании шахт использовались имена не только отечественных деятелей. Так, в честь председателя Французской коммунистической партии Мориса Тореза в 1950 г. имя его («**Thorez**») было присвоено валбжихской шахте «**Biały Kamień**». Выбор этот в данном случае был отчасти оправданным. Вплоть до 50-х годов еще не были выселены из Валбжиха специалисты немецкой национальности, однако больший процент коллектива составляли шахтеры, возвращавшиеся из эмиграции из Франции и Бельгии, и коммунистическое движение, с которым они там столкнулись, ассоциировалось для них с Морисом Торезом. Судьба семей многих из этих шахтеров была также судьбой семьи Эдиты Пьехи, певицы, народной артистки СССР. В 30-е годы ее родители выехали во Францию, где она и родилась. Отец вскоре умер, а после войны она с матерью и отчимом-коммунистом переехали в Польшу и поселились в городке Богушув (около Валбжиха, нынешнее название Богушув-Горце), где ее отчим работал на одной из шахт.

Две шахты получили новые названия от фамилий политических деятелей из стран социалистического лагеря. В 1950 г., в память умершего годом раньше Первого секретаря Болгарской коммунистической партии Георгия Димитрова, имя его было присвоено шахте «**Centrum**» в г. Бытом. Новое название «**Dymitrow**» окончательно разрывало связь с ее прежним немецким названием «**Karsten-Zentrum**». В 1953 г. та же участь постигла уже переделанное до этого на польский лад название шахты «**Eminencja**» в г. Катовице («Превосвященный», если перевести на русский язык, «**Eminenz**» до 1922 г.). В 50-е гг. религиозные отнесения были неуместны. Кроме того, после смерти Сталина, Катовице были переименованы в *Сталиноград*, и в городе с таким названием не могло быть шахты подобного рода. К тому же в 1953 г. умер президент Чехословакии Климент Готвальд, и «**Eminencja**» была переименована в «**Gottwald**», „по политическим

причинам» [Kopalnia Kleofas 1992: 105], на что прямо указывает изданная в 1992 г. монография. Та же монография, в частности, произошло несколько позже объединение шахт «Клеофас» и «Готвальд» под общее название «Готвальд» объясняет тем, что „политика взяла верх над традицией” [Kopalnia Kleofas 1992: 107]. К слову сказать, переименование г. Катовице в Сталиноград повлекло за собой такое же переименование шахты «**Katowice**» (1953-1956 гг.). Перед этим название «**Stalin**» получила шахта «**Sosnowiec**». „Высокие производственные показатели, патриотизм коллектива ... во время первых, сложных послевоенных лет, богатое революционное прошлое – вот основные причины того, что шахта в декабре 1949 г. была названа именем Иосифа Сталина [Kopalnia Sosnowiec 1976: 107-108]. В 1956 г. и шахте «**Сосновец**» и городу **Катовице** возвращаются прежние наименования.

Свое место в названиях шахт занял и первый президент социалистической Польши Болеслав Берут. После Второй мировой войны в г. Явожно были объединены шахты «**Piłsudski**», «**Jan Kanty**», «**Leopold**» и «**Sobieski**», образовав одну большую шахту «**Jaworzno**». В 1954 г. «**Jan Kanty**» и «**Leopold**» вновь становятся отдельными шахтами, а оставшаяся шахта получает название «**Bierut**», что имело немалую пропагандистскую силу, так как заменило собой название «**Piłsudski**», данное ей в 1919 г. в честь одного из создателей независимой Польши, столь нелюбимого послевоенной властью. Название «**Bierut**» продержалось до 1963 г., когда шахту соединили с шахтой «**Kościuszko**». Новое предприятие опять получило название «**Jaworzno**», которое просуществовало вплоть до его ликвидации в 90-е годы. В 1954 г. шахты «**Jan Kanty**» и «**Leopold**» снова стали самостоятельными. Однако их вскоре объединили, а новая шахта получила название «**Komuna Paryska**».

С другим событием, важным для послевоенной политики, связано название еще одной шахты. Речь идет о новом названии шахты «**Saturn**». „9 ноября 1948 г. здесь [на шахте «Сатурн»] была проведена заводская конференция Польской рабочей партии, в ходе которой было избрано 14 делегатов на районную конференцию ПРП. Одновременно участники собрания поддержали инициативу завкомов Польской рабочей партии и Польской социалистической партии по изменению названия шахты на «**Czerwona Gwardia**» в честь революционных рабочих отрядов, созданных Советом рабочих депутатов в 1918 г. в Домбровском бассейне.” [Kopalnia Czerwona Gwardia 1983: 109-110]. Совет рабочих депутатов и Красная гвардия надолго стали элементом революционных традиций на территории Домбровского бассейна.

1950-е годы принесли с собой наибольшее количество переименований, однако и в после-

дующее время бывали случаи, которые можно рассматривать в политико-пропагандистском контексте. Важным в историческом отношении был 1967 год, в котором СССР, Польша и все остальные соцстраны отмечали 50-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Имя ее вождя В.И. Ленина получают судостроительная верфь в г. Гданьске, один из заводов горной промышленности, а также и шахта: „... в 50-ю годовщину Октябрьской революции и 25-ю возникновения Польской рабочей партии заводская партийная организация обратилась с заявлением об изменении названия шахты «**Wesoła**» на «**Lenin**»» [Ławnik, Skiba, Rozynek и др. 2002: 31-32]. Это название получила одна из новейших в то время польских шахт, и власть гордилась как шахтой, так и ее названием. В свое время это было использовано социалистической пропагандой. Когда первый польский космонавт Мирослав Гермашевски, во время торжественного проезда по стране должен был встретиться с шахтерами, то для этого была избрана именно шахта «Ленин».

Очередные изменения названий были связаны с польскими датами. В 1974 г. широко отмечалась 30-я годовщина манифеста Польского комитета национального освобождения (22 июля 1944 г.), считавшегося началом установления социалистической власти в Польше. В 60-е и 70-е годы в Польше было построено несколько новых шахт, в частности в являвшемся до тех пор курортом городе Jastrzębie-Zdrój (Ястшембе-Здруй). Одна из шахт называлась «**Zofiówka**», по наименованию деревни, в которой она находилась. В память о событиях 1944 г. ей было решено дать новое название – «**Manifest Lipcowy**» («Июльский манифест»). И, что интересно, именно шахтеры «Июльского манифеста» были одними из главных участников волны забастовок, направленных против социалистической власти в 1980 году. В честь тридцатилетия Польской народной республики новая шахта в селе Павловице Пщинского района получает название «**XXX-lecia PRL**». Задолго до этого, в 1961 году, название «**1 Maja**» получила только что построенная шахта в г. Водзислав-Слёнски, именно в этот день, 1 мая 1961 г., она добыла свою первую тонну угля. Связанное с социализмом название получила также новопостроенная шахта в г. Жоры. В период строительства она имела название «**Świerklany**», а на момент открытия стала шахтой «**ZMP**» (сокращенное обозначение Союза польской молодежи, созданного в 1948 г. и действовавшего до 1957 г., что, однако, не помешало использовать эту аббревиатуру в названиях нескольких горнопромышленных предприятий).

Новые названия продолжали появляться на карте польской горной промышленности. В 1974 г. после объединения шахт «**Mortimer-Porąbka**» и «**Klimontów**» образовалось новое предприятие, получившее название «**Czerwone**

Zagłębie» («Красный бассейн»), которое, как и упомянутая «Красная гвардия», вписывалось своим названием в историю революционных движений в Домбровском бассейне конца XIX-го – начала XX-го веков. Домбровский бассейн в то время был самым развитым промышленным округом Королевства Польского и одним из важнейших в Российской империи, отмеченным к тому же многочисленными забастовками рабочего класса. Во время революционных событий 1905 года, в ходе их подавления, войсками было убито и ранено ок. 70 человек. Социалистические и коммунистические партии пользовались здесь симпатией и поддержкой, отсюда и пошло название *красный бассейн*. Все это неизменно использовалось как местной, так и центральной властью, особенно в 70-е годы, когда Первым секретарем ПОРП был Эдвард Герек, родом из этих мест. Упомянутое определение, хотя чаще всего иронически, используется и в настоящее время, когда хотят подчеркнуть левые традиции региона, в котором именно такие партии пользуются немалой поддержкой во время выборов. Как в Домбровском бассейне живы традиции красного бассейна, так в соседней Силезии в памяти остались Силезские восстания (1919-1921 гг.), которые в немалой мере способствовали присоединению части этих земель к независимой Польше. Если в Домбровском бассейне патроном и пропагандистом этих традиций был Эдвард Герек, то в Силезии такой фигурой был Ежи Зентек, тогдашний Катовицкий воевода. В память об участниках этих восстаний объединенные шахты «**Bytom**» и «**Radzionków**» получили название «**Powstańców Śląskich**».

Большинство рассмотренных названий, связанных с символами, именами и историческими событиями эпохи социализма, были изменены в 1989-1990 гг. Изменение политической системы, как и в 1945 г., обозначило изменения в экономике. Многим шахтам в этот период возвращаются прежние наименования. По итогам референдума коллектива в мае 1990 г. шахта «**Dymitrow**» снова становится «**Centrum**». Подобным образом «**Generał Zawadzki**», «**Lenin**», «**Manifest Lipcowy**» и «**Thorez**» возвращаются к прежним своим названиям «**Paryż**», «**Wesoła**», «**Zofiówka**» и «**Julia**». Крупные шахты принимают названия одной из своих частей. «**Czerwona Gwardia**», объединенная с шахтами «**Czeladź**» и «**Milowice**», вернулась к названию «**Saturn**», без учета названий двух упомянутых предприятий. Не сохранилось также название «**Gottwald**»: „1 января 1990 г. ее коллектив, представляемый профсоюзом и дирекцией, обратилась с просьбой вернуть историческое название шахты «**Клеофас**» вместо существующего до сих пор «**Gottwald**» ... Министерство промышленности вернуло шахте прежнее название» [Kopalnia Kleofas 1992: 109]. Интересная ситуация произошла с названием шахты

«Czerwone Zagłębie», которую, как уже говорилось, образовали шахты «Мортимер-Поромбка» и «Климонтув». После объединения произошла ликвидация части, известной как «Мортимер», и „в 1992 г. шахту переименовали в «**Porąbka-Klimontów**»” [Góra 2000: 79]. На шахте «**Komuna Paryska**» также прекратила деятельность часть, представлявшая ранее шахту «Лепольд», и вернулось название «**Jan Kanty**». Совершенно новые названия получили шахты «**XXX-lecia PRL**» и «**ZMP**». В обоих случаях образцом послужили названия соответствующих местностей: первая стала шахтой «**Pniówek**», вторая – «**Żory**».

Вместе с тем есть и такие названия, которые пережили период изменений. До сих пор существуют «Вечорек» и «Марцель», по фамилии и псевдониму деятелей польской компартии. Шахта «Пстровски» оставалась под этим названием вплоть до своей ликвидации. В конечном итоге шахта попала в частные руки и только после этого изменила название на «**Siltech**», от слов *Силезия* и *техника*. Шахты «**1 Maja**» и «**Powstańców Śląskich**» закрылись, что и стало причиной упразднения этих названий.

Названия шахт, как можно было заметить, меняясь довольно часто, неизменно отображали в этих своих изменениях, все повороты новейшей истории Польши, очень часто в пропагандистском и политическом ключе. Обретенная в 1918 г. независимость, присоединение западных земель, бывших до этого под германским правлением, требовали подчеркивания принадлежности соответствующих территорий к Польше. И, наоборот, немецкие названия, введенные во время Второй мировой войны, были элементом германизации. После 1945 г. шахтам давались названия, тесно связанные с политикой, которые стали элементом теперь уже социалистической пропаганды. В литературе до 1989 г. такие изменения представляются чаще всего как решение рабочего коллектива. Политический аспект четко прослеживается в изданной в начале 90-х гг. монографии, посвященной шахте «Клеофас», где присвоенное ей название «Готвальд» комментируется как разрыв с традицией [Kopalnia Kleofas 1992: 107].

Влияние истории и политики на названия шахт нетрудно заметить. Однако намерения власти не всегда находят поддержку у населения. В Силезии, уже после приобретения шахтой нового названия, жители продолжали использовать предыдущее. А стоило им привыкнуть к этому новому, часто политически мотивированному, опять происходило переименование. Старые названия сохраняются не только в памяти населения, их нередко можно встре-

тить в некоторых официальных наименованиях, фиксирующихся документами.

Как показал проведенный анализ, названия шахт, в зависимости от политических симпатий рабочего коллектива и власти, менялись довольно часто. Но независимо от названия, каждый, кто хотя бы раз посетил шахту или имел дело с горной промышленностью, знает, как тяжел труд шахтера. И самое главное, чтобы изменения названий не оказывали влияния на уровень безопасности в шахтах, чтобы шахтеры могли работать, каждый раз успешно возвращаясь домой, чего автор статьи, правнук и внук шахтеров, желает им от всей души.

ЛИТЕРАТУРА

Jaros J. Słownik historyczny kopalń węgla na ziemiach polskich. – Katowice: Śląski Instytut Naukowy, 1984.

Kopalnia Czerwona Gwardia [pod red. A. Topoła]. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1983.

Ławnik B., Skiba S., Rozynek T. i inni. 50 lat Kopalni Węgla Kamiennego „Wesoła”. – Mysłowice: KWK Wesoła, 2002.

Broekese J., Całka E., Pytrus L. 100 lat kopalni „Pstrowski” w Zabrze-Biskupicach. – Zabrze: KWK Pstrowski, 1963.

Szaraniec L. Kopalnia Węgla Kamiennego Wieszorek. Zarys monograficzny. – Katowice: KWK Wieszorek, 2001.

Kopalnia Wawel 1752-1987 [pod red. J.Jarosa]. – Katowice: Śląski Instytut Naukowy, 1987.

Góra S. Kopalnia „Porąbka Klimontów” w zarysie dziejów. Sosnowiec-Piekary Śląskie: Plik, 2000.

Jaros J., Ziemia J., Ziemia M., Dłużewski E. Kopalnia „Generał Zawadzki” 1785-1985. – Katowice: Śląski Instytut Naukowy, 1985.

Kopalnia Sosnowiec. Dzieje zakładu i załogi (1876-1976) [pod red. H. Rechowicza]. – Katowice: Śląski Instytut Naukowy, 1976.

Bula A., Dybula S., Kucharzewski A., Rabsztyń B., Wilczok G., Żak A. 150 lat kopalni węgla kamiennego „Katowice”. – Katowice: KWK Katowice, 1973.

Kopalnia „Kleofas”: 1792-1992 [pod red. R. Borowego]. – Katowice: Danrom, 1992.

Блумер Г. Коллективное поведение // Психология масс. – Самара 1998, с. 562.

Бахтуридзе З. Манипуляция массами в политическом процессе. Дипл. раб., РГПУ им. Герцена. URL: http://agso.narod.ru/docs/iswne/zeynab_manip.htm.

URL: <http://pl.wikipedia.org>.

Słownik języka polskiego [pod red. M. Szymczaka]. – Warszawa: PWN, 1978.

(цит. из источников на польском языке в моем переводе – Т.Ш.)

© Шимчик Т., 2010

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Дементьев В.В.
Саратов, Россия

Dementyev V.V.
Saratov, Russia

РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ
И КОММУНИКАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ
У А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

RUSSIAN CULTURAL
AND COMMUNICATIVE VALUES IN THE
WORKS BY ALEXANDER SOLZHENITSYN

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГЧТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Аннотация. В статье рассматриваются базовые русские национальные культурные ценности в творчестве А.И. Солженицына на материале трех его произведений: исторической эпопеи «Красное Колесо», в которой исторические события осмысливаются через призму нравственно-оценочной оппозиции «народного – революционного», и мемуаров «Бодался теленок с дубом» и «Угодило зернышко промеж двух жерновов», в которых личность самого Солженицына, его поступки и отношения с людьми объясняются через ту же нравственно-оценочную оппозицию.

Abstract. This article discusses the basic Russian national cultural values in the works by Alexander Solzhenitsyn on the material of three of his works: the historical epic “The Red Wheel”, in which historical events are comprehended through the prism of the “national – revolutionary” moral-evaluative opposition, and memoirs “The Oak and the Calf” and “Landed Grain Between Two Millstones”, in which the personality of Solzhenitsyn, his actions and relationships with people are explained through the same moral-evaluative opposition.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, русские культурные ценности, оппозиция «народного – революционного».

Key words: Alexander Solzhenitsyn, Russian cultural values, the “national – revolutionary” opposition.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовский государственный университет.

Place of employment: Saratov State University.

Контактная информация: E-mail: dementevvv@yandex.ru.

Постановка проблемы. При рассмотрении ценностных ориентиров в коммуникации, изображенной в произведениях Солженицына (Мы используем принятые в солженицыноведении обозначения для произведений А.И. Солженицына: КП – «В круге первом», РК – «Раковый корпус», БТД – «Бодался теленок с дубом», УЗ – «Угодило зернышко промеж двух жерновов», Об – «Образованщина»; для Узлов тетралогии «Красное Колесо»: А14 – «Август Четырнадцатого», О16 – «Октябрь Шестнадцатого», М17 – «Март Семнадцатого», А17 – «Апрель Семнадцатого»), обращает на себя внимание отличие реконструируемой картины от таких картин у других писателей [см. напр.: Степанов 2005], а также картин, реконструируемых на материале русской общезыковой паремииологии, лексики и идиоматики.

личные ситуации общения, типы языковых личностей, жанры общения, представляют собой доброкачественный материал для изучения целого ряда аспектов русской коммуникации, в том числе коммуникативных ценностей.

Во-первых, в художественных произведениях Солженицына в целом как будто бы меньше внимания уделяется коммуникативным ценностям, чем таким общественным идеям, как обличение лжи и злодеяний революции и воспевание русской национальной культуры, традиций, характера.

Наш анализ осуществлялся в соответствии с единой методикой, разработанной в [Дементьев, Фенина 2005], которая обуславливала выбор материала: **лексика**, прежде всего оценочная, использованная писателем для именования коммуникативных единиц (включая их компоненты и отношения) и констатирующих факторов (ситуация, участники общения, типы языковых личностей и коммуникативной компетенции); **текстовая** репрезентация коммуникативных типов и варьирования (прежде всего в репликах персонажей, а также в рефлексивах, содержащихся в авторской речи и несобственно-авторской речи).

Во-вторых, здесь гораздо менее явно, чем у других писателей, проявляется важная для русской общезыковой картины мира категория русской **персональности**, оппозиция [Р] ~ [-Р].

Мы опираемся на достижения коллоквиалистики, дискурсивного и разговорного анализа и теории речевых жанров [Leech 1983; PPP 1973; 1983; Карасик 2002; Жанры речи 1997-2009], при этом для нас имеет особое значение теоретическая и практическая проблема изучения разговорной речи на материале художественного диалога. В частности, принципиальным является положение о преимущественной доле стилизации и незначительной – типизации разговорной речи в художественном диалоге [Кожевникова 1970; Полищук, Сиротина 1979]. При анализе художественного диалога

Мы исходим из того, что отображенные в русской художественной литературе коммуникативные факторы, включая типичные и нети-

мы оперируем понятием жанрово-ролевой сценки – отображенные в художественных произведениях и фольклоре четко жанрово определенные ситуации общения, которыми, в идеале, следует заполнить всё речевое пространство [Дементьев 2010а]. При реконструкции индивидуальных картин коммуникативной компетенции у писателей нами используются принципы речевого портретирования, разрабатываемые в [Седов 1999].

Русская персональность существует в русской коммуникации, речи и языке в виде глобальной оценочной шкалы (как редуцированный вариант – оппозиции), охватывающей собой многие явления русской коммуникации, речи, языка. Данная шкала / оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом персонального, личностного и межличностного – и начала социального, неличностного (официального, ритуального). Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, Р (personal), то наличие Р, [Р] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие Р, [-Р] оценивается отрицательно. Оппозиция [Р] ~ [-Р] рассматривалась нами [Дементьев 2007].

У Солженицына как будто бы снимаются многие значимые противопоставления внутри общекультурной русской картины (в том числе коммуникативной), такие как тема «дружеского искреннего круга» и «светского круга» (ср. у Пушкина). В частности, «светское» почти не противопоставлено «задушевному» в «Красном Колесе».

В то же время, по нашему мнению, категория русской персональности, оппозиция [Р] ~ [-Р] – причем именно в том ценностно-культурном значении, какое она имеет в русской общезыковой и общекультурной картине мира, – присутствует в картине мира А.И. Солженицына, более того – является очень важной для пафоса его творчества, общественной деятельности, хотя конкретное речевое выражение данной оппозиции у Солженицына отличается от общезыковой оппозиции [Р] ~ [-Р] и от оппозиций, реконструируемых у других русских писателей.

По нашему мнению, данную оппозицию у А.И. Солженицына можно адекватно определить только в контексте всего его творчества, и прежде всего – в контексте двух, на первый взгляд, почти не имеющих точки соприкосновения произведений – исторической эпопеи «**Красное Колесо**», в которой представлена наиболее полная и последовательная в творчестве Солженицына картина русской национальной (народной) культуры и ее ценностей, и мемуарных сочинений «**Бодался теленок с дубом**» и «**Угодило зернышко промеж двух жерновов**», в которых подробно описано поведение самого А.И. Солже-

ницына (точнее – личности Солженицына, предстающей в данных текстах: их жанровая принадлежность позволяет нам условно ставить знак равенства между образом автора-повествователя и личностью самого А.И. Солженицына, хотя данное решение и не бесспорно).

Именно в «Красном Колесе» наиболее четко, на наш взгляд, обозначена нравственно-оценочная культурная оппозиция «**народного ~ революционного**», по сути представляющая собой разновидность общекультурной оппозиции [Р] ~ [-Р] и являющаяся наиболее принципиальной для пафоса данного произведения, как и всего творчества Солженицына, определяющая видение Солженицыным и описываемых исторических событий, и русской истории и культуры в целом, и русской коммуникации и приоритетов и норм в ней, и собственной роли, *русской боли* и борьбы. В то же время в «Красном Колесе» данная культурная оппозиция имеет сравнительно немного коммуникативных проявлений.

В мемуарах же, для правильного понимания которых оппозиция «народного ~ революционного» является абсолютно необходимой, на первый план выходят многие собственно **коммуникативные** моменты: в данных текстах ярко и подробно описано коммуникативное поведение самого А.И. Солженицына и многих его товарищей, врагов и «просто» собеседников и приведены замечательно яркие и глубокие размышления писателя, касающиеся коммуникативных аспектов.

Следует отметить, что в современном солженициноведении [Лосев 2000; Слово пробивает себе дорогу 1998; Между двумя юбилеями 2005; Лакшин 2008; Виноградов http] в целом много внимания уделяется разным особенностям личности А.И. Солженицына. Характеристики, приписываемые ему разными авторами, которые по-разному оценивали личность и творчество писателя, часто отличались повышенной эмоциональностью, а иногда носили экстремальный и полярный характер. Среди авторов этих мнений – многие известные и, безусловно, достойные люди, которые были обижены поведением, отношением к ним Солженицына – то есть, собственно говоря, коммуникативными моментами.

В то же время практически никогда, насколько нам известно, произведения А.И. Солженицына не анализировались с позиций коммуникативной лингвистики, а личность А.И. Солженицына не становилась объектом систематического лингвоперсонологического анализа.

Оппозиция «народного ~ революционного» в «Красном Колесе» А.И. Солженицына. Русский общенациональный концепт *народ* относится к выраженным ценностно-ориентированным концептам (о типах концептов см.: [Карасик 2002; Антология концептов 2005-2008]). В эпопею А.И. Солженицына «Красное Колесо»

данный концепт сохраняет эту типологическую особенность.

В настоящей статье концепт *народ* в «Красном Колесе» анализируется нами, главным образом, через систему русских культурных ценностей, находящихся выражение в описании поведения персонажей и авторской (в том числе несобственно-авторской) речи. Оценочные измерения имеют преимущественно оппозитивную или шкальную природу [Арутюнова 1998], поэтому описание ценностно-ориентированных концептов удобно осуществлять по оппозитивной модели.

Оппозиции «*народ ~ революция*» и «*народ ~ толпа*» в «Красном Колесе» связаны с важными для русского языка и культуры содержательными категориями. Названные оппозиции активно использовались советскими идеологами для создания мифологической («партийной») картины революции и русского народа в начале XX в. Эти же оппозиции используются Солженицыным для разоблачения официальной лжи о революции (и, возможно, для создания новой концептосферы – «солженицынского русского народа», «солженицынской революции»).

Предлагаемая нами модель описания концепта *народ* в «Красном Колесе», естественно, не полна. Нами были выделены некоторые компоненты, которые, как нам кажется, представляли особый интерес для А.И. Солженицына и активно использовались им, что было связано с целями, которые ставил перед собой писатель, общим пафосом произведения.

К важнейшим, с нашей точки зрения, оппозициям, формирующим содержание общенационального концепта *народ* в русском языке (для трех периодов: русского языка позднесоветского периода, когда писалось «Красное Колесо», русского языка начала XX века, к которому относится повествование, и современного русского языка) и культуре и переосмысливаемые (незначительно или значительно) в эпоху «Красное Колесо», относится, прежде всего, оппозиция «*народ ~ власть*», которая является универсальной или почти универсальной [Невинская 2006; Язык и власть 2003]. Не менее важной, чем «*народ ~ власть*», является оппозиция «*народ ~ интеллигенция*». Судя по всему, данная оппозиция четко оформляется в русской культуре приблизительно к Серебряному веку или несколько раньше. Оппозиции «*народ ~ интеллигенция*» посвящали исследования, статьи, эссе многие философы, критики, писатели, начиная со статьи А.С. Блока «Народ и интеллигенция» (1908) и сборника «Вехи» (1909) – см. обзоры в: [Глебкин 2002; Интеллигенция – власть – народ 1992; Степанов 1997; Тулаев 1990]. По-видимому, именно эта оппозиция (точнее, постоянное взаимодействие оппозиций «*народ ~ интеллигенция*» и «*народ ~ власть*») в наибольшей степени определяет своеобразие русского концепта *народ*.

Об этой второй оппозиции (в СССР) А.И. Солженицын говорит в БТД: «в нашей стране ... произнеси похвально слово «народ» – и уже это воспринимается как «бей интеллигенцию!» (увы, образованщину на 80%, а из кого *народ* состоит – и вовсе неведомо...), произнеси похвально «деревня» – значит угроза городу, «земля» – значит упрёк «асфальту».

Немного позже этой проблеме Солженицын посвятит большую статью Об (1974), в которой, сравнивая современную ему «советскую интеллигенцию» с дореволюционной (описанной в сборнике «Вехи»), подчеркивает: объединение людей в группу только по социальному, профессиональному признаку или по признаку наличия образования бессмысленно, нынешняя «интеллигенция» больше, чем «народ», участвует в распространении и укреплении лжи, а следовательно, утратила право так называться. Именно на нравственной основе (образование может быть «приложено» после) и путем личных жертв может быть осуществлено настоящее единение, выделена новая элита.

Оппозиции типа «*народ ~ отщепенцы / инакомыслящие*», а также такие понятия, как «*воля народа*», «*клятва именем народа*», которыми любят оперировать авторитарные правители, принимающие непопулярные решения (в советском тоталитаризме к ним добавились «*враг народа*» и попытки отождествлений типа *народ = трудящиеся, народ и партия едины*), тоже, по-видимому, не являются специфическими для русского языка (и вряд ли являются по-настоящему важными для осмысления русского концепта *народ*), как и взгляд на *народ* через метафорическую оппозицию большой / маленький *народ ~ большие / маленькие* представители власти, вожди – данная оппозиция в целом тоже характерна для недемократического общества, как отмечают А.В. Будаев и А.П. Чудинов [Будаев, Чудинов 2008: 87; Чудинов 2006].

Наконец, как для русского общенационального концепта *народ*, так и для «солженицынского русского народа» являются важными оппозиции типа: «*народ ~ население*», «*народ ~ электорат*».

В этой связи следует вспомнить, что один из наиболее ненавистных самому Солженицыну персонажей РК аппаратчик Павел Русанов (а вместе с ним – тысячи представителей советской номенклатуры) оперирует оппозицией «*народ ~ население*»: *Русановы любили народ – свой великий народ, и служили этому народу, и готовы были жизнь отдать за народ. Но с годами они всё больше терпеть не могли – населения. Этого строптивого, вечно уклоняющегося, упирающегося да ещё чего-то требующего себе населения.*

Русановская оппозиция «*народ ~ население*», первый член которой принадлежал идеологии и терминологии официальных докладов и правдинских передовиц, второй – неофициальной, обыкновенной жизни «простых людей», входит в содержательную и оценочную оппози-

цию [Р] ~ [-Р], существовавшую в русском языке и культуре как сталинской эпохи, так и в другие периоды XX века (несомненно, и ранее).

Можно добавить, что «новая» лексическая оппозиция «*электорат ~ народ*», актуальная для современного российского политического дискурса, представляет ту же оппозицию [Р] ~ [-Р], что «*народ ~ население*», хотя место члена *народ* в ней изменилось.

В позднесоветскую эпоху, когда писалось «Красное Колесо», русское слово *народ* с его богатейшим коннотативным шлейфом все еще чрезвычайно активно эксплуатировалось коммунистической идеологией – естественно, такую особенность восприятия современного ему читателя Солженицын также должен был учитывать – ср.:

Года до 33-го за дуновение русского (сиречь тогда «белогвардейского», а ругательно на мужиков – «русопятского») чувства казнили, травили, ссылали (вспомним хотя бы донесительские статьи О. Бескина против Клюева и Клычкова). Исполдволь чувство это разрешали, но – красно-перемазанным, в пеленах кумача и с непрременным тавром жгуечега атеизма (БТД).

Как уже было сказано, ценностно-ориентированный концепт *народ* рассматривается нами, прежде всего, через **русские национально-культурные ценности**, которые осмысляются в «Красном Колесе» как средоточие многовековой, прежде всего православной, мудрости, нравственности, а также красоты и поэзии – быта, обычаев, общения, языка, которые вступали в неразрешимый конфликт с революционными интернационально-антинациональными ценностями, главная из которых – *нравственно все, что идет на пользу революции*.

Русские ценности в эпопее А.И. Солженицына (выражаемые, прежде всего, в разговорах, спорах, внешних и внутренних монологах героев, а также более опосредованно – через общие поведенческие стратегии, жизненные линии) делятся на 1) принадлежащие крестьянам, 2) передовому образованному слою – офицерам, ученым, инженерам, писателям, а также некоторым представителям высшего света и духовенства.

Между этими двумя «правдами» у Солженицына нет антагонистического противоречия – всё это честные люди, любящие Россию, стремящиеся служить ей. Важно, что эти люди способны *понять* друг друга: офицеры Воротынцев и Саня Лаженицын, инженер Дмитриев находят общий язык с многими «людьми из народа»: солдатами, офицерами – тоже вчерашними солдатами, рабочими (Благодаревым, Чернегой, Гвоздевым).

Люди же честные и бесчестные никогда не смогут договориться: так, не могут найти общего языка Воротынцев с генералами из штаба после Самсоновской катастрофы, Столыпин – с думскими депутатами, старый Томчак (разбогатевший крестьянин, который в годы войны, несмот-

ря на убытки, очень много сделал для обеспечения Действующей армии товарами и продовольствием) – со своим «испорченным» сыном.

Тем заметнее на этом фоне, что революционеры подменяют «правду» партийной этикой, что показано в споре Воротынцева и Лепартовича:

– *Партийные разногласия, прапорщик, это рябь на воде.*

– *<...> А какие ж разногласия существенны тогда?*

– *Между порядочностью и непорядочностью, прапорщик (А14).*

«Народной правде», то есть системе русских национально-культурных ценностей, противостоят социалистические ценности: всё, что не идет непосредственно на пользу революции, включая Правду, веру в Бога, любовь, доброту, долг, патриотизм, чистую совесть и внутреннее достоинство, а также добрые межличностные отношения и честное душевное общение, отходит на второй план либо вовсе отменяется.

От этой же максимы производны **коммуникативные** ценности революционеров: их разговоры основаны на лжи, ненависти, тактических увертках, полны подозрительности и презрения к собеседнику, здесь мгновенно разрываются отношения из-за малейших разногласий:

На всю жизнь усвоил Ленин: никому никогда не верить, ни к кому никогда ни мазка сентиментальности (О16).

Ленин открыто ненавидит Россию и русскую народную культуру:

И что ж можно вымесить из российского кислого теста! И зачем он родился в этой роковой стране?! Четвертушкой ли крови он связан так, что привязала судьба к дрянной российской колымаге? Четвертушкой крови, но ни характером, ни волей, ни склонностями нисколько он не состоял в родне с этой разляпистой, растяпистой, вечно пьяной страной. Ничего не знал Ленин противнее русского амикошонства, этих трактирных слез раскаяния, этих рыданий якобы загубленных натур. <...> Да не хуже, чем этим полутатарским языком, он овладел бы и тремя европейскими, потрудясь больше (О16).

Именно глобальное противопоставление «народного ~ революционного» в эпопее Солженицына в значительной степени заменяет традиционную для русской культуры и языка (см.: [Дементьев 2010b]) оппозицию «задушевного ~ светского».

Отрицательные качества, приписываемые светской культуре через призму народности, – фальшь, антинародность, холодность и даже «мода» – теперь прямо (и в гораздо большей степени: светская культура, в отличие от революционной, все же знала преимущество по отношению к главным, пусть весьма непоследовательно отобранным, лучшим достижениям мировой культуры) выражаются Революцией, вступая с народными ценностями в непримирим-

мое противоречие. Задушевность совершенно чужда вождям революционеров. Это и не может быть иначе, поскольку им необходимо постоянно *скрывать* от собеседника (как массового, так и индивидуального) свою сверхзадачу.

Следует отметить, что на фоне разворачивающихся грозных событий «светский фон» показан иногда даже вполне симпатичным (возможно, тоже как часть культуры уходящей России): таким «светским», с навсегда привитыми привычками внешней сдержанности, вежливости, приветливости, предстает в эпопее Николай II. В семье Смысловских, куда приходят после ссоры Воротынцев с женой Алиной, отношения строятся, с одной стороны, на любви и взаимопонимании, с другой – заполнены вполне «светскими» занятиями, развлечениями. Важная часть их совместного времяпрепровождения – изящное музицирование, при этом, как говорит после вечера Алине Воротынцев, в этих занятиях особенно подкупает легкость, непринужденность, самоирония, которые были свойственны поведению «светского человека».

Впрочем, Солженицын показывает и губительную роль *светской* (тоже антинародной) культуры: это царское правительство – косное и немощное, сановные старцы, думающие только о своих креслах. Изображение такой «светской» власти в М17 выльется в масштабный приговор всей двухвековой «Петербургской империи»:

Так заканчивался двухсотлетний отечественный процесс, по которому всю Россию начал выражать город, насильственно построенный петровскою палкой и итальянскими архитекторами на северных болотах, НА БОЛОТЕ, ГДЕ ХЛЕБА НЕ МОЛОТЯТ, А БЕЛЕЕ НАШЕГО ЕДЯТ, а сам этот город выражался уже и не мыслителями с полок сумрачной Публичной библиотеки, уже и не быстрословыми депутатами Государственной Думы, но – уличными забияками, бьющими магазинные стёкла оттого, что к этому болоту не успели подвезти взавал хлеба.

Именно такова логика «Красного Колеса»: Колесо (=революцию – см.: [Шешунова 1999]) раскачали с двух сторон сановники («правые») – и «левые» (где не менее, чем собственно революционеры, антинародны, равнодушны, лживы, корыстны и безответственны все думские «крикуны» – кадеты, либералы).

В целом же критическое изображение светского общества и общения не становится для автора важной задачей, поскольку вырождающееся дворянство, как однозначно явствует из эпопеи, не может принять настоящего участия в развернувшейся борьбе: ни ослабить натиск революционных сил, ни предложить конструктивных мер спасения.

Зато очень много внимания уделяется русским **крестьянам**, соответственно русским народным (крестьянским) национально-культурным ценностям – ср. образы отца и сына Богдаревых, старого Томчака, в поведении и всей жизни которых постоянно подчеркивается

линия Правды, показывается, какие «отступления от Правды» в общей жизненной позиции, биографии человека могут вызвать недоверие («*В которой посудине дёготь бывал – уже и огнём не выжжешь*») (О16)).

В целом складывается впечатление, что крестьянские ценности не только ближе к Правде, но и устойчивее, чем у пролетариата, который легче обмануть. Так, оплели паутиной лжи честного рабочего Козьму Гвоздева, выбранного в Рабочую группу при правительстве, два «секретаря», революционных демагога – Гутовский и Пумпянский.

Но больше всего девальвируются народные ценности в **толпе**.

У *толпы*, в изображении А.С. Солженицына, отсутствуют представления даже о базовых ценностях: быть честным, справедливым, помнить об интересах товарища. Все это логично оборачивается отсутствием какой бы то ни было ценности человеческой личности, самой человеческой жизни. Как видим, оппозиция «народ ~ толпа» в этом отношении оказывается достаточно близка ключевой для автора оппозиции «народного ~ революционного». Солженицын разоблачает официальную ложь о революции, состоящую в том, что социалистическая революция тщательно, с чувством любви и сострадания к угнетенным трудящимся готовилась высоконравственными теоретиками-марксистами – революция, по Солженицыну, есть только «*бунт бессмысленный и беспощадный*», она совершается *толпой*, которая не знает ни закона, ни нравственности, ни жалости, ни созидания. Величайшая мечта Ленина, как и всех революционных вождей, – «*пусть все случится само, а он придет на готовое*»:

А Ленин ждал – чтобы случилось что-нибудь. Чтобы какая-нибудь попутная материальная волна перекинула бы его челночок – в уже сделанное (О16).

В эпопее находим целый ряд размышлений Солженицына о толпе и ее роли в революции:

В толпе человек перестаёт быть самим собой, и каждый перестаёт думать трезво. Чувства, крики, жесты – перенимаются, повторяются как огонь. Кажется: толпа никому не подчиняется? – а легко идёт за вожаком. Но и сам вожак вне себя и может не сознавать себя вожаком, а держится – на одном порыве, две минуты, и растворяется вослед, уже никто. Лишь уголовник, лишь природный убийца, лишь заряженный мстью – ведёт устойчиво, это – его стихия! (М17).

Как будто с известного антропологического, психологического, национального, сословного типа – сдёрнули верхнюю кожу, и у всех сразу проступила жестокость.

И – жутко становилось, будто ты попал не в свой народ и на другую планету, и здесь можно ждать всего (М17).

Нечеловеческая (часто совершенно бессмысленная) **жестокость** толпы, кощунства, которые вершатся «именем революции»:

Схватывали их, одного по пятеро, тут же по морде били для начала, но – лишь для начала. А потом с руками извёрнутыми, выломанными – да вытаскивали их наружу, где простор для боя легче. Одни кричали, ругались, другие стонали, третьи просили.

Нет уж, у нас теперь не упросишься! Нет уж, дорвались! Много вы над нами поцарствовали, а теперь мы над вами!

– Братики!.. Ради Бога!.. Дети остаются...

Бей, кромсай их в мясо, не слушай! Ишь ты, дети! Добивай, чем схватил – палками, прикладами, штыками, камнями, сапогами в ухо, головы в мостовую, кости ломай, топчи их да втаптывай, да поплясывай!

Ещё от кого последнее:

– Бра-атики...

А как нас хватали – тогда не братики были? Эй, кто своих добил, дохрипел – иди нам помогай, доплясывай! (М17).

По Театральной площади две образины тянули маленькие санки, и к ним привязанный труп городского на спине. Из встречных останавливались и со смехом спрашивали, как «фараон» был убит. А двое мальчишек лет по 14 бежали сзади и старались всадить убитому папиросу в рот.

Трупы убитых городских сбрасывали и в помойные ямы (М17).

В то же время, как показывает Солженицын, толпу иногда можно переубедить, если удастся найти какой-нибудь эффектный аргумент: заставить принять неожиданно нравственное, милосердное решение, отказаться от казни, более того – заставить искренне полюбить того, кого минуту назад были готовы растерзать:

Нет, уже не остановить:

– Отойди! – кричат озлобленные красные повязки. – Не ваше дело! Отойди, и вас зацепим!

Но солдаты мешали собой. А один крикнул:

– Калеку бьёте, герои тыловые!

И вот это – дрогнуло по кругу:

– Где калека?

– А вот! – показали на Всеволода Некрасова. – Вот! – и на ногу его.

Отдав винтовку, один из рабочих подошёл и стал щупать ногу Всеволода через брюки, ниже, ниже. Крикнул как о манекене:

– Верно! Нога деревянная!

И – застывший чёрный резкий полукруг как размылся, зашевелился, распался:

– Кале-ека...

– Ногу-то отдал...

– Чуть-чуть ошибка не вышла, ишь ты...

Да ещё ж оставалось, кого расстреливать, – стоял высокий открытый штабс-капитан и молоденький маленький прапорщик, – нет, теперь и они были помилованы за ту ногу. Рассыпался полукруг – и подошли как виноватые, подошли как бы уже друзья:

– Да шинелки-то есть у вас? Вы ж обмёрзнете.

– Поди, им шинелки принеси.

– Там – раненый у нас унтер, – сказал Сергей.

– Сейчас мы его в лазарет! – это солдаты-выручатели. Но совсем незнакомые лица, не узнавали их братья.

– Да вы покурите, – сожаловала теперь толпа.

– Да садитесь поешьте, самовар ваш стынет (М17).

Отдельные люди из толпы случайно становятся лидерами, выкрикивают лозунги и руководства к действиям. Обычно такие призывы содержат мгновенно воспринимаемый образ конкретного врага (но, как видим, может быть и наоборот). Автор подчеркивает: лозунги лидеров делает наиболее действенными не любовь к народу, не «правда» и даже не «передовая теория», а крик, воздействие на простейшие инстинкты толпы.

Складывается впечатление, что вожди революции тем удачливее, чем безнравственнее. Многое здесь становится ясно, если сравнить поведение думца Керенского, меньшевика Гиммера и Ленина: первый – ничтожный «крикун» (хотя по-своему искренний), только в этом качестве он побеждает своих гораздо более умных и значительных товарищей по Думе во время революции:

И только что не разрывая на груди присидевшуюся однозкемпляную куртку:

– Я вас прошу: или исключить меня из своей среды – (из солдатской) – или безусловно мне доверять!

Сразу же – буря аплодисментов и полнейшее солдатское доверие (А17).

Солженицын подчеркивает, что Керенский восхищен и очарован революционными толпами, которыми он до поры до времени может управлять, планы же на будущее имеет самые неопределенные, как и все левые думцы.

Меньшевик Гиммер – хитрый прагматик, вынашивающий многоходовые комбинации. Солженицын подробно показывает, что думает, говорит и делает (как правило, вещи эти очень сильно расходятся) Гиммер:

Конечно, не выбрасывать открыто антивоенных лозунгов. Мы их пока молчаливо припрятали, и это совершенно верно: пока царизм ещё не побеждён окончательно, пока революционная власть ещё не освоилась и не укрепилась – нельзя нам допускать раскола с цензовыми кругами. Напротив, мы по-прежнему должны подталкивать буржуазию углублять и закреплять революцию (М17).

Гиммер лучше, чем Керенский, понимает природу революции и не строит иллюзий относительно Торжества Справедливости. В то же время, как ни странно, он верен определенным этическим представлениям – этике своей партии. Его цель (о ней он не говорит прямо ни со своими противниками, ни с «простыми исполни-

телями») – приход партии к власти, внутренне единое, но коллективное партийное правительство.

Но и Гиммер в конце концов оказывается сметен самым бессердечным, самым жестоким и беспринципным из вождей – Лениным, чьи ложь и цинизм просто не знают границ:

Надо так же демонстративно порвать с Гриммом <...> Да просто – звонко порвать! Да чтоб всю вину на него же и свалить! (М17).

Да отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым (М17).

Для Ленина, по сути, не существует никакой этики, он манипулирует и даже жертвует своими товарищами по партии с такой же легкостью, как политическими противниками. Цель революции для него – уже не власть для своей партии, а власть лично для себя. Этими планами Ленин не делится ни с кем.

Итак, в эпоху «Красное Колесо» и толпа, и сообщество революционеров с их «передовыми» идеями включаются в базовую для всего произведения (и для всего творчества А.И. Солженицына) нравственно-оценочную оппозицию «народного ~ революционного», которая соотносится с другими содержательными (прежде всего нравственно-оценочными) оппозициями, значимыми для русской культуры и языка XIX, начала XX и середины-конца XX веков.

Коммуникативные ценности А.И. Солженицына в его мемуарах. Повторяем, оппозиция [Р] ~ [-Р], понимаемая как нравственно-оценочная оппозиция «народного ~ революционного», присутствует и в мемуарах Солженицына «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», хотя более отчетливо данная оппозиция прочитывается в контексте всего творчества (и самой жизни) Солженицына.

В мемуарах Солженицына, как и в «Красном Колесе», почти нет выраженного противопоставления «задушевного» и «светского», хотя ряд высказываний Солженицына раскрывает другой коммуникативно-речевой аспект оппозиции [Р] ~ [-Р] – канцеляритоподобные явления и их место в русском языке:

Народная речь – питание поэзии. (На том стою и я.) Молодого человека нашей страны облепляют: выхолощенный язык, опустошающий мысль и чувство; телевизионная суэта; беготня кинофильмов. (И – спорт. И – партпрос.)

... более всех испортили русский язык социалисты в своих неряшливых брошюрах и особенно – Ленин.

Анализируя место А.И. Солженицына в отечественной литературе, роль, которую его творчество и сама жизнь сыграли в развитии общественного сознания, системы литературных жанров и языка, необходимо отметить, что все творчество А.И. Солженицына посвящено Сверхзадаче, которую Солженицын понимал

как написание всей *правды* о трагической русской истории XX века, воспевание русской национальной культуры, истории и русского характера. В этом Солженицын (как и Пушкин) видел свой долг и предназначение; с этим критерием он неизменно сверял свою этику и «правду», каждый конкретный жизненный шаг (в том числе – коммуникативное поведение), а также жизненные позиции, «правду» и поведение всех остальных людей. От этой максимы производны все более частные ценности Солженицына, в том числе – система поддающихся реконструкции коммуникативных ценностей. Прежде всего, Солженицын никому не прощал измены этому высокому Служению и – прощал себе и другим отдельные поступки, которые могли противоречить общепринятой (общекультурной и общезыковой) системе ценностей, если они были продиктованы необходимостью Служения.

Как автор мемуаров, Солженицын не мог не видеть, что его собственное поведение во многом противоречит той самой картине (включая коммуникативные ценности), которую он рисует в своих художественных произведениях. Повторяем, нами только отчасти реконструируется картина коммуникативной компетенции и коммуникативных ценностей, например, на материале психологических романов Солженицына КП, РК. Лучшие образцы коммуникации, избранные Солженицыным, во многом сопоставимы с такими образцами, картинами коммуникативных ценностей у других писателей (Толстого, Достоевского) и доказывают, как высоко он ставит, любит тип честного, простодушного, обаятельного собеседника, рассказчика, слушателя (Зубовы, Вега из РК), причем представляют этот тип не только современники Солженицына (середина или конец XX в.), но и дореволюционные персонажи, реальные или вымышленные. Соответственно наиболее отвлеченные Солженицыну персонажи (Русинов из РК, Ленин и Парвус из КК, О16 и далее) полностью лишены всех этих качеств. Именно поэтому Солженицын объяснял себе и читателю, что его писательский долг, как он сам его видел и понимал, не позволял ему «отвлечься»:

Однако, я не умер (при моей безнадежно запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращённая мне жизнь с тех пор – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель).

Так понимаемый долг обрекает Солженицына на исключительное самоограничение:

Безопасность приходилось усилить всем образом жизни, в Рязани, куда я недавно переехал, не иметь вовсе никаких знакомых, приятелей, не принимать дома гостей и не ходить в гости – потому что нельзя же никому объяснить, что ни в месяц, ни в год, ни на праздники, ни в отпуск у человека не бывает свободного часа; нельзя дать вырваться из квартиры ни атому

скрытому, нельзя впустить на миг ничьего внимательного взгляда <...> На работе среди сослуживцев никогда не проявлять широты интересов, но всегда выказывать свою чуждость литературе...

Об этом аскетизме Солженицына, подчинении всего отпущенного жизненного времени и сил одной Сверхзадаче (всё, что мешало ее выполнению или отвлекало от нее, безжалостно изгонялось из жизни, распорядка, поведения, коммуникации; в полной мере это касалось отношений Солженицына с людьми, даже ближайшими товарищами) писала Л.К. Чуковская («Процесс исключения»):

Долгая беседа (если только не о работе и не о том, что эту работу рождало) – это отдых, праздность, а Солженицын и праздность – две вещи несовместимые. Будто он в какую-то минуту – я не знаю за что и не знаю когда – сам приговорил себя к заключению в некий исправительно-трудовой лагерь строжайшего режима и неукоснительно следил, чтобы режим выполнялся. Он был сам для себя и каторжник и конвойный. Слежка его – за самим собою – была, пожалуй, неотступнее, чем та, какую вели за ним деятели КГБ. Урок рассчитан был на богатырские плечи, на пожизненную работу без выходных, а главным инструментом труда была полнота и защищенность одиночества. Вечная торопливость, которой на людях был обуян Солженицын (столь удивлявшая и сердившая его знакомых), была неистовой спешкой к средоточию и глубине: к выполнению урока.

В мемуарах Солженицына получают объяснение многие (хотя не все) моменты, неоднозначно, а иногда враждебно толкуемые разными комментаторами, объясняются поступки, которые многим казались просто бесчеловечными, например, отказ уступить террористам, когда писатель получал угрозы расправиться с детьми (*решение принято сверхчеловеческое: наши дети не дороже памяти замученных миллионов*) или периодические отказы прийти на встречу с редколлегией «Нового мира»:

...Твардовский уже четвёртый день меня ищет, рвёт и мечет – а где меня искать? <...> Не могу я каждый раз дёргаться, как только дёрнутся внешние условия. Вот поеду через три дня, переживёт Твардовский. Бесчеловечно к ним? – но они ко мне не заботливей: за эти годы на все их вызовы являться – я б и писателем перестал быть.

В мемуарах Солженицына находим большое число очень резких, крайних, категоричных оценок (в том числе коммуникативных) людей реальных, известных, чье (коммуникативное) поведение осмыслено и проанализировано Солженицыным с большой психологической глубиной, профессионально-писательским вниманием к слову, интонациям, жестам своих «персонажей». По сути, многие характеристики, которые Солженицын дает людям, представляют собой настоящее исследование в рамках коммуникативистики, а на материале их поло-

жительных и (гораздо чаще) отрицательных характеристик складывается очень интересный «коммуникативный кодекс Солженицына».

По понятным причинам нас, прежде всего, будут интересовать **нравственные** характеристики, которые А.И. Солженицын давал людям. Здесь, кажется, он выше всего ставит **русскую боль** – ее наличием или отсутствием практически полностью определяются отношение Солженицына к данному человеку, общий нравственно-этический портрет этого человека в мемуарах Солженицына, как и отдельные характеристики, из которых строится портрет.

Именно отсутствие *русской боли*, которое Солженицын постепенно обнаруживает у Сахарова, обуславливает в конечном счете разрыв, несмотря на самые лучшие другие нравственные характеристики Сахарова в мемуарах Солженицына:

...чудом было в советском государстве появление Андрея Дмитриевича Сахарова в соннице подкупной, продажной, беспринципной технической интеллигенции.

...этот человек, как князь Нехлюдов у Толстого, в какое-то утро почувствовал, а скорей – от рождения вечно чувствовал, что всё изобилие, в котором его топят, есть прах, а ищет душа правды.

...беззащитно побрёл Сахаров от сытой, мордатой, счастливой касты – к униженным и оскорблённым.

В современном солженицыноведении и сахароведении высказываются разные точки зрения на причины, почему разошлись два великих подвижника. В частности, некоторые исследователи их биографий утверждают, что инициатива разрыва исходила от Сахарова, который, с одной стороны, был принципиально не согласен с целым рядом идей Солженицына (в частности, изложенных в «Письме вождям», где шла речь об усилении влияния России в мире, приоритетности освоения русского Северовостока и неприоритетности права на эмиграцию), с другой – был обижен на Солженицына за несколько нелюбезных высказываний о его жене, Елене Боннер.

Но несомненно, что позиции этих людей во многом принципиально расходятся, и Солженицын видит во взглядах и позиции Сахарова опасную ошибку, о чем он прямо говорит в мемуарах:

По тому, как Сахаров преодолевает советский гнёт, как он протестовал против вторжения в Афганистан, можно лишь восхищаться его неуклонным спокойным бесстрашием. Однако на жизненном своём пути, развивая душевно и выстраивая всечеловеческие проекты, Сахаров dokonечно выполняет свой долг перед демократическим движением, перед “правами человека”, перед еврейской эмиграцией, перед Западом — но не перед смертельно больной Россией. Многих истинных русских проблем он не поднимает, не защищает так самозабвенно и горячо. Произнёс

и сам он один раз эту сакраментальную (но не его и не свойственную ему) мысль: "Народ без исторической памяти обречён на деградацию", — однако не применил её к народу русскому. Думая о будущем России, мы не смеем оставаться равнодушными к тому, что Сахаров нам вносит и что обещает. Он показывает на высоком уровне возможности русской совести — но будущее наше он рисует безнационально, в атрофии сыновнего чувства. От нашего тела рождён замечательный, светлый человек, но весь порыв своей жертвы и подвига он ставит на службу — не собственно родине. Как и для всех февралистов: Сахарову достаточно свободы — а Россия там где-то поблекла.

Неужели попросту: нет русской боли?..

Хотя — я не смею его обвинять в этом: освобожденческо-февральским воздухом у нас отравлены были многие-многие, и сам я на себе это испытал, еле выбрался, так затемнена истина. В Сахарове — доносящим ударом поражает нас "освобожденческая" доктрина XIX века.

Отметим, что сравнение с «февралистами» приобретает у Солженицына сакраментальный оттенок в контексте «Красного Колеса», где он возлагает на деятелей Февральской революции значительную часть вины за все то, что произошло с Россией после.

А.И. Солженицын высоко ставит в человеческом, нравственном отношении редактора «Нового мира» Твардовского — за честность, искренность, мужество, бескорыстную преданность литературному делу. Складывается впечатление, что Солженицын готов простить Твардовскому очень многое: вспышки ярости, иногда несправедливые решения — но не отсутствие русской боли, которым оборачивается в конечном счете искренняя вера в коммунизм и атеизм Твардовского:

Так и атеизм, очень необходимый для этого выступления, был своеобразным, искренним убеждением всей редколлегии «Н. Мира», включая, увы, Твардовского.

— Я зна-аю, — возбуждался он к спору и раскуривался, — вы ж — за церкви! за старину!.. (— Да не плохо бы и крестьянскому поэту тоже...)

Сюда же можно отнести, например, антирелигиозность, отсутствие интереса к Белому Движению, казачьей теме у Люши Чуковской.

Впрочем, несмотря на отсутствие Русской Боли (или ее непосредственных составляющих, таких как православие), все перечисленные люди (Сахаров, Твардовский, Люша Чуковская) предстают в мемуарах Солженицына в конечном счете в положительном свете, в отличие от настоящих врагов.

Кроме «русской боли», к нравственным достоинствам по А.И. Солженицыну относятся преимущественно общечеловеческие (и общехристианские) качества: честность, справедли-

вость, способность чувствовать чужую боль, мужество (особенно гражданское), отказ от личной выгоды. Несколько реже упоминается писательский / творческий талант (впрочем, очень многие люди, упоминаемые Солженицыным, были люди известные, талантливые либо занимающие высокое или заметное место в обществе именно в силу своего несомненного, «честного» таланта). По всей видимости, талант сам по себе не случайно реже отмечается Солженицыным, поскольку он полностью теряет цену, когда соединяется с какими-то (достаточно одного) из главных, совершенно, по Солженицыну, непростительных грехов.

Главным таким грехом, как явствует из всего творчества, всей деятельности, гражданской позиции Солженицына на протяжении всей его жизни, является **сознательное служение социалистическому строю, власти / идеологии** (а следовательно, **во вред России**). Солженицын называет и истинные причины, толкающие людей на такой путь: это различные формы **участия во лжи**.

Интересно, что, описывая своих врагов, Солженицын не допускает и мысли об их *искреннем* служении идеалам социализма: вся логика повествования А.И. Солженицына убеждает, что у этих «защитников» социализма могут быть только корыстные цели. Впрочем, если эти идеи кто-то разделяет *искренне*, без корыстолюбивых и властолюбивых соображений, — А.И. Солженицын готов это простить (как Твардовскому или Льву Копелеву); позиция же В.Я. Лакшина, с точки зрения А.И. Солженицына, совершенно иная — не борьба за Правду, Свободную Литературу и Русскую Идею, а приспособленчество, забота о «теплом» месте сначала секретаря и главного критика «Нового мира», потом (после разгона «Нового мира») — новой «обеспеченной» должности:

Это уже теперь не только наш журнал, но в каком-то смысле и т в о й — высшего положения нет и не будет для критика, пишущего по русски, а ты достиг его моложе пушкинского возраста, так будь же не по возрасту оглядчив, и именно для общего литературного дела береги этот журнал от слишком опрометчивых рядовых редакторов, которым лишь бы продвинуть материал, даже с антисоветским душком, послать в цензуру «на пробу», подвергая журнал смертельной опасности.

... расчёт на долголетний путь заставляет искать стабильности.

Уходящие члены редколлегии — не сопротивлялись, не боролись, оказали покорную сдачу, кроме Твардовского — и не пожертвовали ничем, шли на обеспеченные служебные места...

Солженицын подчеркивает, что участвовать во лжи человека может подтолкнуть честолюбие, уязвленное самолюбие (первая жена):

Всегда ли так насыщения требует уязвленное самолюбие, и тем большего, чем

больше зрителей? Когда самолюбие, наверно – всегда. Но – пойти и за тайной полицией?.. Не каждая.

или страх за себя:

Кстати, слышал я потом, что он (А.Г. Дементьев – В.Д.) происходил из богатой купеческой семьи; по возрасту должен был тот быт ещё захватить. Из опасений ли анкетных он так выпирал в ортодоксальность? Бывает. Ведь и Софронов кажется...

Сюда же Солженицын относит способность перешагнуть / замолчать несправедливость (эти качества А.И. Солженицын осуждает и в себе):

<...> на каждом жизненном шагу сталкиваясь с чванством, грубостью, дуростью и корыстью начальства всех ступеней и всех учреждений и иногда имея возможность меткой жалобой, решительным возражением что-то очистить или чего-то добиться – никогда себе этого не разрешать, не выделяться ни на плечо в сторону бунта, борьбы, быть образцовым советским гражданином, то есть всегда послушным любому помыканию, всегда довольным любой глупостью. <...> Это было очень нелегко! Как будто не кончилась ссылка, не кончился лагерь, как будто всё те же номера на мне, нисколько не поднята голова, нисколько не разогнута спина и каждый погон надо мною начальник. Всё негодование могло уkipеть только в очередную книгу, а этого тоже нельзя...

Я – смолчал. С этого мига – добавочный груз на моих плечах. О Венгрии – я был никто, чтобы крикнуть. О Чехословакии – смолчал. Тем постыдней, что за Чехословакию была у меня и особая личная ответственность: все признают, что у них **началось** с писательского съезда, а он – с моего письма, прочтённого Когоутом.

Складывается впечатление (прямо А.И. Солженицын об этом практически никогда не говорит), что **идеал** его отношений с людьми – совместная большая, самоотверженная работа (часто это означает просто помощь А.И. Солженицыну в его труде, борьбе) **для блага России**. Ближайшие люди – это соратники, единомышленники, которые все свое время и силы отдают этому великому совместному делу, не тратя его на удовольствия, в том числе – радости личного дружеского общения. Единомышленники **не** обсуждают свои межличностные отношения и жизненные позиции друг друга: нравственная позиция, «то, чего человек стоит», проверяется делом, и после такой проверки выяснение отношений – такая же недопустимая трата времени, как и фатическая беседа.

Это качество А.И. Солженицын ценил в первой жене (до разрыва):

Безопасность приходилось усилить всем образом жизни <...> – жена строго выдерживала этот режим, и я это очень ценил.

это же впоследствии – во второй:

...госбезопасности не повезло на мою вторую жену. Аля не только выдержала эту

атаку, но не упустила течения обязанностей. Шла работа, и семья жила, и малыши ещё не скоро поймут, что их младенчество было не совсем обычное.

Следствием этой установки на молчаливое взаимопонимание при интенсивной совместной работе становится еще одно весьма существенное отличие коммуникативного поведения и ориентиров в нем А.И. Солженицына от картины, реконструируемой у других писателей, как и общеязыковой картины, – **ненависть к праздным беседам**, каковая ненависть распространяется даже на продолжительные беседы с людьми близкими, тем более – неблизкими или чуждыми:

Время ценя, а зубоскальство застольное нисколько, я отклонял многие знакомства, в академических особенно был разочарован...

<...> разные знаменитости, вроде академика Капицы, вроде Шостаковича, ищут со мною встреч, приглашают к себе, ухаживают за мной, но мне даже и не почётна, а тошна эта салонная трескотня – неглубокая, ни к чему не ведущая, пустой перевод времени.

Искренняя (как складывается впечатление по текстам Солженицына) убежденность в единственной верности такого типа отношений с людьми, безусловно, помогала ему в его борьбе; в то же время именно она время от времени «подставляла» Солженицына под очень болезненные удары, к которым он, именно в силу этой убежденности, не был готов. Так, например, А.И. Солженицын испытал большую боль, когда оказалось, что не разделяет его общественные, национальные и религиозные взгляды Люша Чуковская.

Установка на отсутствие ценности праздноречевого общения, изгнание его из своей жизни приводит к тому, что в мемуарах А.И. Солженицына отображено очень мало положительной гармонизирующей фатики – зато много ситуаций, когда он уходит от такого общения (иногда на него за это обижаются, например Твардовский):

Теперь, после нашей великой победы, отчего было не посидеть за большим редакционным столом, попить чайку с бубликами, покалякать то о важном, то о пустяшном? «Все писатели так делают, например Симонов, – шутливо внушал мне А. Т., – прилично сядут, неторопливо покурят. Куда вы всё торопитесь?» А я туда торопился, что на пятом десятке лет ещё слишком много ненаписанного разрывало меня, и слишком стойко стояли глиняные, однако и железобетонные, ноги неправды.

Дружный внутренний порыв влѣк их обоих (Твардовского и Виктора Некрасова – В.Д.) в ресторан, а мне было легче околоть, чем переступить тот порог <...> и вырвались они от меня и пошли пить лимонад. Я проводил их как потерянных: такой у века темп, а им времени некуда девать.

Иногда Солженицын уходит от информативно-доверительного общения просто «по

инерции», хотя понимает, что был, возможно, не прав:

День по дню пождал я его (Твардовского – В.Д.) в редакции, созванивался с дачей, – наконец решено было 24-го ноября ехать мне в Пахру, и вызвался со мною Лакшин. Выехали мы утром в известинской чёрной «волге» ещё в лёгком пока снегопаде. Было у меня чтение в дорогу срочное, но не вышло, занимал меня спутник разговором. Это многим дико, а у меня инерция уже принятой работы и тянет обязательно доделывать по плану, хотя посылается единственный, может быть, случай – вот поговорить с Лакшиным, с которым никогда, почему-то, не выходило. Да при шофёре-стукаче какой и разговор? Много было пустого, а всё-таки на заднем сиденьи негромко рассказал он мне интересное...

В то же время, как ни странно, у А.И. Солженицына **мало и отрицательной фатики**: так, несмотря на большое число изображаемых в мемуарах «ударов», которые он наносит по своим врагам, – подчеркивается, что удары были целесообразны расчетом и соображениями целесообразности, а не искренними непосредственными эмоциями:

Он вот чего боялся, умелого сдержанного Лакшина призвал и с ним вместе готовился меня уговорить и настроить, чтоб я был сдержан там, чтоб не высказывал, не сшибался репликами, не взрывался от гнева – ведь заключают, ведь тогда я пропал, они же все опытные петухи.

Столько времени мы знакомы с А. Т. – и совсем друг друга не знаем!..

– Открою вам тайну, – сказал я им. – Я никогда не выйду из себя, это просто невозможно, в этом же лагерная школа. Я взорвусь – только по плану, если мы договоримся взорваться, на девятнадцатой минуте или – сколько раз в заседание. А нет – пожалуйста, нет.

Очень большая редкость – настоящая ссора. Солженицын описывает такую ситуацию с Твардовским, добавляя, что это был «Так, разговор», которым едва не закончились все наши отношения, но при этом подчеркивает, что таким этот разговор был со стороны и с точки зрения его собеседника, он же почти всё время сохранял спокойствие, контролировал ситуацию:

Всё же накал этого бранного разговора был так велик, что, раздражённый моим круговым несогласием и упрямством, А. Т. вскочил и гневно крикнул:

– Ему... в глаза, он – «божья роса»!

Я все время старался помнить, что он – заблудившийся бессильный человек. Но тут, теряя самообладание, ответил с гневом и я:

– Не оскорбляйте! От надзирателей я ведь слышал и погрубей!

Он развёл руками:

– Ну, если так...

Три сантиметра оставалось, чтобы мы поссорились лично. А это было совсем ни к

чему, это только затемняло важную картину раскола двух литератур. Но присутствующие предупредили взрыв, все его не хотели (кроме, думаю, Дементьева).

Мы кончили сухим рукопожатием.

Увы, борьба требовала скрытности, запрета на выражение чувств, о своих планах Солженицын не мог говорить заранее даже наиболее близким людям, даже в наиболее дружеском общении («прятки», по выражению самого Солженицына):

Прощался я от наперсного разговора, – а за голенищем-то нож, и показать никак нельзя, сразу всё порушится.

В отличие от многих других людей, изображенных в мемуарах Солженицына, в его отношениях с Твардовским отмечается много моментов, похожих на настоящую, с точки зрения самого Солженицына, близость, дружбу, сердечность – и подробно анализируются причины, сделавшие эти отношения такими – как и то, почему они **не** переросли в настоящую дружбу:

Я не спешил бунтовать против его покровительства, не рвался доказывать, что к сорока четырём годам уж какой отпился, такой отпился. Но – не может быть подлинной дружбы без хотя бы признаваемого равенства. А. Т. преувеличивал соотношение наших кругозоров, целей, и жизненного опыта. Важнейшей частью своего опыта он считал хорошее знание иерархии, ходов заседательских, телефонных и закулисных. Но он преувеличивал охватность и долготу всей этой системы. Он не допускал, что эту систему можно не признать с порога. Он не допускал, что в литературе или политике я могу разглядеть или знать такое, чего не видит или не знает он.

У него была расположенность к покровительству молодым, не было способности объединяться с равными.

Со мной пережил он вспышку новой надежды, что вот нашёл себе друга. Но я не заблуждался в этом. Я полюбил и его мужицкий корень; и проступы его поэтической детскости, плохо защищённой вельможными навыками; и то особенное природное достоинство, которое проявлялось у него перед врагами, иногда – перед вышестоявшими (в лицо, – а по телефону чаще терялся), и оберегало его от смешных или ничтожных положений. Но слишком несхожи были прошлое моё и его, и слишком разное мы вывели оттуда. Ни разу и никогда я не мог быть с ним так откровенен и прост, как с десятками людей, отменённых лагерной сенью. Ещё характеры наши как-то могли бы обталкиваться, обтираться, приновляться – но не бывает дружбы мужской без сходства представлений, без зоркости и внимательности к другому.

Вероятно, еще одним следствием установок на «молчаливое взаимопонимание» является то, что А.И. Солженицын никогда **не говорит**

плохо ни о ком из своих соратников / помощников, – хотя не мог не замечать, что далеко не все из них «идеальны», не мог не знать многих их неприглядных поступков и черт характера (за пределами их отношений с А.И. Солженицыным), что о них говорят другие люди.

Это, например, А.С. Берзер, впоследствии получившая немало гневных, уничижительных характеристик со стороны своих бывших коллег (В.Я. Лакшин называл ее «новомирской интриганкой»):

с Берзер <...> мы быстро и тепло сдружились

Твардовский <...> редко её принимал и несправедливо не любил (то ли не оценивал её художественного вкуса, трудолюбия и отдачи всей себя интересам журнала, то ли ревновал к авторам, которые все с ней дружили и постоянно толклись в отделе прозы).

трудолюбивая Берзер, вернейшая лошадка «Н. Мира», которая тянула без зазора.

Юрий Штейн (брат первой жены) в мемуарах Солженицына упоминается мимоходом, но всегда как друг и соратник (а это, как мы говорили, лучшие человеческие характеристики в оценке Солженицына); в оценках других людей Юрий Штейн нередко выступает как ничтожный «прихлебатель».

Приведем в этой связи рассказ В. Войновича об «общении» с Солженицыным, кончившемся разрывом отношений. Предмет спора касался конфликта Войновича с парижским издательством «ИМКА-пресс»: Войнович грозил судом редактору издательства Никите Струве, который был издателем и другом Солженицына:

И вдруг звонит мне в Германию Юрий Штейн. <...>

– Слушай, я тут был у Исаича в Вермонте, а к нему как раз приехал Струве и жаловался на тебя, что ты собираешься подать на него в суд. Так вот Исаич просил меня передать тебе его мнение. Он мне его продиктовал и хочет, чтобы ты его записал. У тебя карандаш и бумага есть? Записывай.

Я сказал: "записываю", хотя делать этого не собирался. О чем потом пожалел. Все-таки документ следовало бы сохранить в подлинном виде. Но я не записал и воспроизвожу по памяти. Послание никакого обращения не содержало. Ни имени-отчества, ни просто имени и уж, конечно, принятого эпитета вроде "дорогой" или "уважаемый", а начиналось прямо со слова "стыдно". "Стыдно русскому писателю судиться с издателем из-за гоноров". И что-то еще в этом духе, кратко, грубо и выразительно.

<...> Если я и рассердился, то в первую очередь на себя. Какой бы Солженицын ни был хам, он ведь не с каждым позволяет себе так обращаться. Неужели я дал ему повод думать, что со мной можно и так? Еще ведь и потому позволяет, что я вроде бы как свой.

Я, как мне кажется, человек тихий, вежливый, держусь скромно, производя на некото-

рых людей ошибочное впечатление. Но ведь и я, хотя в лагере не сидел, прошел школу жизни, где "феня" к иностранным языкам не относится.

– А у тебя есть бумага и карандаш? – спросил я вкрадчиво Штейна.

– Есть! – отозвался он по-военному.

– Тогда запиши мой ответ. Приготовился?

– Приготовился.

– Пиши...

Мой ответ был тоже кратким и очень невежливым. Меня потом некоторые люди спрашивали, как же это я посмел? А вот так и посмел. Не ответить на такое обращение, ничем его не заслужив, я не мог, а другого ответа адресат бы не понял (В. Войнович. Портрет на фоне мифа).

Опуская конкретные позиции Солженицына, Войновича и Струве, остановимся на роли Ю. Штейна в этой ситуации: как видим, с точки зрения Войновича она ничтожна и только повредила Солженицыну. Вот что об этом конфликте пишет сам Солженицын:

Перед ним (Войновичем – В.Д.) я, сверх того что существую, провинился тем, что как-то, на неуверенном старте его западной жизни, передал через друзей (выделено мною – В.Д.) непрошенный совет: не пользоваться судом для решения его денежных претензий к эмигрантскому издательству, поладить как-нибудь без суда; он буквально взорвался, ответил бранью.

Есть все основания полагать, что А.И. Солженицын и другим людям передавал такие же «советы» – и тоже через Ю. Штейна, который, вероятно, вел себя с ними так же. Мог ли Солженицын не понимать, что обижает людей, – как и то, что его репутации вредят такие люди, как Штайн? Но, по-видимому, и тут Солженицын «всё прощает за личную преданность себе».

Самые хвалебные характеристики Солженицын дает И. Шафаревичу – за русскую боль. В изображении же других людей Шафаревич – человек далеко не достойный (В. Войнович, например, называет его «зоологическим антисемитом»).

Возвращаясь к типу дружеского общения в мемуарах Солженицына, отметим, что писатель не только обладал многочисленными речевыми знаниями и умениями (коммуникативной компетенцией), соотносимыми с данным типом (что видно из художественных произведений Солженицына, в которых данный тип общения описан), но и видел в нем средство для достижения некоторых поставленных целей. Солженицын не раз демонстрирует, что замечательно умеет придавать своему поведению черты дружеского, когда у этого есть, с его точки зрения, необходимость (например, морально поддержать какого-то важного человека, склонить его к принятию правильного решения):

Наша встреча была 16 марта. Я вошёл весёлый, очень жизнерадостный, он встретил

меня подавленный, неуверенный. <...> Мой путь уже был втайне определён, я шёл на свой рок, и с поднятым духом. Видя подавленность А. Т., мне хотелось подбодрить и его. <...> я старался теперь перенастроить А. Т.: что снятие из ЦК и Верховсовета было для него не общественным падением, а высвобождением, что таким образом положение его и журнала всё более приближаются к пушкинским: вы – свободный поэт, ведущий независимый журнал. <...> Итак, хотя 8 месяцев мы не виделись и были как бы в разрыве, и в начале он меня встретил с обиженностью, и была взаимная боязнь новой обиды, боязнь неловко коснуться, – теперь свободно потёк разговор, интересный для него и для меня: моя цель всегда была, чтоб они хоть добровольный-то намордник сняли.

Создание лаконичных, но при этом ярких, запоминающихся портретов людей относится к часто отмечаемым особенностям Солженицына-художника. В его мемуарах при создании портретов людей реальных, по большей части известных обращает на себя внимание сочетание обычно нескольких самых общих нравственных характеристик с несколькими как будто случайными, но чрезвычайно яркими внешними характеристиками (здесь частотны метафоры и языковая игра: свинокартошка Прокофьев, жердяй и заика Михалков, недобрая пиковая дама Серебрякова, собутыльник Твардовского, мутный Сац, ископаемый марксист-догматик Лифшиц, лысый, (но!) изворотливый, бесстыдный и осмотрительный Поздняев). Очень важно при этом, что и нравственные характеристики человека (как это в целом свойственно русскому коммуникативному поведению, в котором отмечаются повышенное внимание к нравственным вопросам, склонность к нравственным оценкам – см., например [Вежбицкая 2002; Орлова 2005]), и внешние характеристики его поведения имеют очень существенное коммуникативное измерение. В результате художественный портрет в мемуарах Солженицына является практически всегда и ярким р е ч е в ы м портретом:

Распалённым яростным кабаном выглядел Дементьев к концу своего монолога, и положить бы сейчас перед ним полтора страница моей повести – он бы, кажется, клыками их разметал.

...А. Кондратовичу – маленькому, как бы с ушами настороженными и вынюхивающим носом, дёрганному и запуганному цензурой. <...> Лицо Кондратовича как бы приспособлено к убеждённому выражению уже имеющегося, уже названного мнения.

Так же строятся и портреты положительных «героев» мемуаров А.И. Солженицына, где отмечаются, с одной стороны, внутреннее достоинство, искренность, открытость, с другой – внешнее обаяние:

Сахаров –

С первого вида и первых же слов он производит обаятельное впечатление: высокий

рост, совершенная открытость, светлая мягкая улыбка, светлый взгляд, тёпло-горланый голос и значительное грассирование, к которому потом привыкаешь. <...> Я был, наверно, недостаточно вежлив и излишне настойчив в критике, хотя сообразил это уже потом: не благодарил, не поздравлял, а всё критиковал, опровергал, оспаривал его мемуардум, да ещё без хорошо подготовленной системы, увы, как-то не сообразил, что она понадобится. И именно вот в этой моей дурной двухчасовой критике он меня и покори! – он ни в чем не обиделся, хотя поводы были, он ненастойчиво возражал, объяснял, слабо-растерянно улыбался, – а не обиделся ни разу, нисколько – признак большой, щедрой души.

Твардовский –

Он был крупный, кругом широкий <...> Твардовский соответственно моменту держался с достойной церемонностью, однако и сквозь неё сразу поразило меня детское выражение его лица – откровенное детское, даже беззащитно-детское, ничуть кажется не испорченное долголетним пребыванием в высоких слоях и даже обласканностью тронном. <...> Я полюбил и его мужицкий корень; и проступы его поэтической детскости, плохо защищённой вельможными навыками; и то особенное природное достоинство, которое проявлялось у него перед врагами, иногда – перед вышеставленными (в лицо, – а по телефону чаще терялся), и оберегало его от смешных или ничтожных положений.

Шафаревич –

Глыбность, основательность этого человека не только в фигуре, но и во всём жизненном образе, заметны были сразу, располагали. <...> А ещё Шафаревичу прирождена самая жильная, плотная, нутряная связь с русской землёй и русской историей. <...> Шафаревич, всегда такой сдержанный, избегающий выразить чувство с силою, не показалось бы оно чрезмерным, ответил, весь вытягиваемый изнутри, как рыба вытягивает внутренности крючком:

– Да невозможно жить не в России!

Так выдохнул «невозможно» – будто уж ни воздуха, ни воды там не будет.

Иногда А.И. Солженицын отмечает, что первое впечатление оказывалось ошибочным: (как и у Пушкина) безнравственные люди могут имитировать дружеское общение:

Дементьев –

подкатился и ещё один, тоже крупный и тоже кругом широкий, да просто-таки симпатяга, еле сдерживающий своё добродушие. Этот второй оказался Дементьев. <...> Он никогда не бывал пусто-чванен, надут, и это облегчало существование ему самому и членам редакции. К нему не боязно было обратиться любому редактору, ничто тут не зависело, как у Твардовского, от дурного или милостивого настроения. Дементьев всегда был настроен делово, живо выхватывал суть,

и какую статью или абзац можно было посоветовать протолкнуть, – набросив ширмочку, переставив слова – пособлял непременно. Он не безразличен был, как Закс, к тому, какой получится журнальный номер, он способствовал, чтоб журнал был и посвежей, и посочней и даже поострей – но всё в рамках разумного!

Лебедев –

неввысокий, очень интеллигентный, простой и во взгляде и в обращении человек <...> Меня поразила его непохожесть на партийных деятелей, его безусловная тихая интеллигентность (он был в безобразных очках, только стёкла и поблескивали, оставалось впечатление как от пенсне). Может быть потому, что он был – главный благодетель и смотрел ласково, я его и охватил таким...

Но такое впечатление сохраняется недолго:

Я долго у него просидел, рассматривал – и всё более незначительным, ничем не отмеченным казался мне он. Невозможно было представить, чтоб в этой гладенькой головке была не то чтобы своя политическая программа, но отдельная мысль, отменная от партийной. Просто накал скороды после XXII съезда был таков...

Вполне естественно, что такая фальшь проявляется, прежде всего, в поведении представителей «Советской власти» – партийных функционеров, чиновников из Союза писателей, носителей революционной риторики и идеологии.

Как уже говорилось, именно революционно-интернациональной идеологии Солженицын приписывает фактически все недостатки, соотносимые с правым членом оппозиции [P] ~ [-P].

Интересно, что «светское» содержание, в общезыковой картине включаемое в правый член оппозиции [P] ~ [-P], у Солженицына также противопоставлено революционному / советскому содержанию. Так, Солженицын изображает встречу в Секретариате Союза писателей, сатирически разоблачая «светские» претензии секретарей Маркова и Воронкова:

Начался гостинный разговор: о том, что это – дом Ростовых и как его берегут; и как графиня Олсуфьева, приехав из заграницы, просила его осмотреть (со смаком выговаривал Воронков «графиню», представляю, как он перед ней вертелся – и как бы ту графиню пошёл расстреливать в 17-м); и что за тканые портреты Толстого (18 миллионов петель), Пушкина и Горького украшают стены этого полузала. От моей спины до окна, открытого в знойный неподвижный день, было метров шесть. Но сохранение моей драгоценной жизни так волновало Воронкова, что вкрадчиво он осведомился, не дует ли мне, а то у них «коварная комната».

Фальшь революционно-интернациональной идеологии, соотносимой у Солженицына с правым членом оппозиции [P] ~ [-P], таким обра-

зом, оказывается и сильнее, и опаснее традиционной (для прошлых эпох) светской фальши русской культуры: фальшивым является даже светское поведение представителей Советской власти!

Главную культурно-историческую, нравственно-этическую и эстетическую ценность для А.И. Солженицына составляла русская народная культура; в воспевании ее лучших достижений и наиболее достойных представителей и обличении всего, что враждебно ей, разрушает и губит ее (прежде всего революционно-интернационального движения), состоял главный пафос творчества Солженицына. Одной из важных составляющих русской традиционной культуры у Солженицына выступает русская традиционная коммуникация, куда им включаются и традиции *задушевного* общения, и *светского* общения – как неотъемлемой принадлежности «прошлой» России.

Проведенное исследование позволяет говорить об актуальности для А.И. Солженицына коммуникативной категории русской персональности, оппозиции [P] ~ [-P]. Однако данная общекультурная и общезыковая оппозиция существенно переосмысливается Солженицыным: в его творчестве (в том числе – мемуарах) она предстает как в большей степени культурно-политическая оппозиция и в меньшей – коммуникативная. В контексте всего творчества А.И. Солженицына данная оппозиция понимается не как противопоставление «дружеского круга» и «светского круга» (как, например, у А.С. Пушкина), а как базовая нравственно-оценочная оппозиция «народного ~ революционного».

Анализ мемуаров А.И. Солженицына (как и ряда опубликованных текстов воспоминаний о нем, написанных разными людьми) приводит к выводу, что он мало подвергает оценке с точки зрения оценочной шкалы [P] ~ [-P] (как и с точки зрения других нравственно-оценочных шкал) свою собственную коммуникацию. Солженицын считал делом, «главной целью» своей жизни написание всей *правды* о трагической русской истории XX века, и для более успешного выполнения этой цели считал допустимым значительно отступать от тех норм и требований, которые предъявляются к поведению и речи человека в соответствии с названными оценочными шкалами (в том числе от норм, которые могут быть реконструированы на основе художественных текстов самого Солженицына). Судя по мемуарам, в жизни, а не в художественных текстах Солженицын как бы освобождает себя от обязанностей следовать нормам «лучших» традиционных русских типов общения (*задушевного* общения и *светского* общения) и требований, ими предъявляемых, во имя возрождения России и традиционной русской культуры (а следовательно, как ни парадоксально, – во имя возрождения лучших традиционных форм общения).

Солженицын «прощает» это и своим соратникам (или просто людям, помогающим ему), практически никогда не осуждает их за отступление от норм – и обычно не фиксирует это отступление.

В общей этической оценке людей критерии, которые могут быть реконструированы по художественным текстам Солженицына, и оценки, даваемые самим Солженицыным реальным людям в его мемуарах, меньше расходятся: главным критерием, по которому люди оцениваются однозначно положительно (и им прощаются «мелкие» отступления от других норм социального поведения), для Солженицына является *русская боль*; сюда же следует отнести такие общечеловеческие и общехристианские качества, как честность, справедливость, способность чувствовать чужую боль, мужество (особенно гражданское), отказ от личной выгоды. Отсутствие *русской боли* (действительное или мнимое) всегда является непреодолимым препятствием, не позволяющим Солженицыну по-настоящему сблизиться с человеком, даже если в остальном этот человек заслуживает очень большого уважения Солженицына.

Не прощается, прежде всего, сознательное служение социалистическому строю, революционно-интернациональной идеологии. Причинами, толкающими людей на такой путь, по Солженицыну, не может быть искренняя вера в идеалы социализма, а только корыстолюбие, властолюбие, честолюбие или страх, побуждающие людей *участвовать во лжи*.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев А.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008.

Вежицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). – М., 2002.

Виноградов И. Еще о Солженицыне, «национальной идее» и «особом» русском пути. URL: http://solzhenitsyn.ru/modules/sections/index_op_viewarticle_artid_249.html

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. Вып. 16.

Дементьев В.В. Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. Вып. 7.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М., 2010а.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности в зеркале медиа: «задушевность» vs. «светскость» vs. «гламурность» в современной русской прессе // Stylistyka XIX. 2010. – Opole, 2010b.

Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генерика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи. – Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.

Жанры речи. – Саратов, 1997-2009. Вып. 1-6.

Интеллигенция – власть – народ: Антология. – М., 1992.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

Кожевникова Кв. Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы). – Praha: Universita Karlova, 1970.

Лакшин В.Я. Солженицын и колесо истории. – М.: Вече, 2008.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М., 2009.

Лосев Л. Солженицын и Бродский как соседи // Звезда. 2000. № 5.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994.

Между двумя юбилеями (1998-2003): Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах [Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин]. – М.: Русский путь, 2005.

Невинская М.Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006.

Орлова Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). – Омск, 2005.

Полищук Г.Г., Сиротинина О.Б. Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. – М., 1979.

Русская разговорная речь. – М., 1973.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983.

Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики. – Саратов, 1999. Вып. 28.

Седов К.Ф. Жанры «праздноречевой» коммуникации: болтовня, светская беседа, разговор по душам // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2006. Вып. 6.

Слово пробивает себе дорогу: Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962-1974 [Сост.: В. Глоцер, Е. Чуковская. Вступ. ст. Л. Чуковской]. – М.: Русский путь, 1998.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М., 2005.

Народ и интеллигенция [сост. П.В. Тулаев]. – М., 1990.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М., 2006.

Шешунова С.В. Движение огненного колеса (А.И. Солженицын и Дж.Р.П. Толкиен) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – М., 1999.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. – L.; N.Y., 1983.

© Дементьев В.В., 2010

Иванова С.В.
Уфа, Россия
Конова М.А.
Оренбург, Россия

Ivanova S.V.
Ufa, Russia
Konova M.A.
Orenburg, Russia

**АНТИКРИЗИСНЫЕ
МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ PR-ТЕКСТАХ
(по материалам официального сайта
компании FANNIE MAE)**

**CRISIS MANAGEMENT
MANIPULATIVE STRATEGIES
IN PROFESSIONAL PR-TEXTS
(on FANNIE MAE site materials)**

УДК 659.4:81'42
ББК Ш 100.3

ГЧТИ 16.21.33
Код ВАК 10.02.04

Аннотация. Данная статья посвящена описанию антикризисных манипулятивных стратегий в профессиональных PR-текстах. Анализ, проведённый авторами, даёт возможность выявить целый ряд эффективных манипулятивных стратегий, позволяющих преодолеть в сознании адресата кризис доверия к институту ипотечного кредитования в США.

Abstract. This paper addresses the issue of crisis management manipulative strategies in professional PR-texts. The research conducted by the authors, enables to reveal a variety of efficient manipulative strategies, which help overcome a credibility gap in the mind of potential customers in relation to mortgage lending institution in the USA.

Ключевые слова: антикризисная манипулятивная стратегия, кризис доверия, поликодовый PR-текст, эмпатия, миссия организации.

Key words: crisis management communicative strategy, credibility gap, polycode PR-text, empathy, mission statement.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и перевода.

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Intercultural Communication and Translation

Место работы: Башкирский государственный университет.

Place of employment: Bashkir State University.

Контактная информация: 450071, г. Уфа, ул. Менделеева, д. 213, кв. 30.
E-mail: ivasv@rambler.ru.

Сведения об авторе: Конова Маргарита Анатольевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков социально-гуманитарных специальностей.

About the author: Konova Margarita Anatolyevna, Senior Lecturer, Foreign Languages for Arts Department.

Место работы: Оренбургский государственный университет.

Place of employment: Orenburg State University.

Контактная информация: 460005, г. Оренбург, пр. Победы, д. 107, кв. 50.
E-mail: margaret_konova@yahoo.com.

По мнению многих экспертов, текущий так называемый «глобальный экономический кризис» является, прежде всего, кризисом доверия, являющимся естественным следствием обманутых ожиданий и невыполненных обязательств. Будучи частью человеческого сознания, доверие как феномен не может не реализовываться в сфере социальных взаимоотношений на уровне коммуникации (общения). В силу всего этого целью любой репаративной, или, иными словами, компенсаторной компании в момент финансового кризиса является восстановление репутации и доверия клиентов, а также привлечение новых инвесторов.

Прагматические причины такой направленности действий совершенно очевидны: во время кризиса доверия, когда прежние договоренности и правила кредитообеспечения сделок рушатся, компании нуждаются в оборотных средствах для поддержания нормальной жизнедеятельности. Эти оборотные средства могут дать только новые клиенты. Основные схемы должны работать быстрее – чтобы лучше ориентироваться, оперативнее реагировать на бы-

стро меняющуюся обстановку, выдвигать новые приоритеты. В проведении компаний такого рода значимую роль играют соответствующие PR-тексты.

Данная статья имеет своей целью выявление наиболее значимых антикризисных манипулятивных стратегий в PR-текстах современного экономического дискурса. Исследование позволяет раскрыть новые аспекты взаимодействия языка, познания и общества, а также более чётко выявить и описать особенности когнитивной и интерпретативной составляющих мыслительного процесса, направленных на решение задач, стоящих перед изучаемым типом PR-текстов.

Безусловно, проблема репаративной / компенсаторной направленности PR-текстов экономического дискурса в период кризиса напрямую связана с проблематикой речевого воздействия и, уже, речевой манипуляции. Несмотря на значительное количество работ, посвященных проблеме речевой манипуляции [Карамурза 1999; Почепцов 2000; Шейгал 2000, 2002; Jowett, O'Donnell 2006; T. van Dijk 2006 и др.],

специфика манипулятивного воздействия в кризисном дискурсе представляется недостаточно изученной. Этим обстоятельством объясняется выбор темы и объекта исследования.

Задачей исследования является описание наиболее характерных манипулятивных антикризисных стратегий, направленных на преодоление кризиса доверия в PR-текстах. Авторы не претендуют на описание всего комплекса стратегий такого рода, поскольку ограничиваются в своём исследовании только материалами, помещёнными на сайте американской компании Fannie Mae. Однако представляется, что данный материал является весьма показательным в силу той пусковой роли, которая данная компания сыграла в самом начале кризиса. *Объектом исследования* являются прагматически значимые фрагменты экономического кризисного дискурса. *Предметом исследования* являются антикризисные манипулятивные стратегии экономического кризисного дискурса.

Фактологическая основа исследования – кризис ипотечного кредитования в США (2007-2010) и события, сопровождавшие его и получившие достаточный резонанс во всем мире. *Материалом для исследования* послужили рекламные материалы, аналитические статьи, отчёты о финансовой деятельности американского ипотечного агентства Fannie Mae (Фанни Мэй), размещённые на официальном сайте компании www.fanniema.com.

Материалы для исследования в основном представляют собой *поликодовые тексты*. Вслед за Г.В. Ейгером и Л. Юхтом, которые в 1974 году вычленили оппозицию монокодовых и поликодовых текстов, «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)» [Ейгер 1974: 107]. В современном звучании определение поликодового текста принадлежит А.Г. Сонину. Поликодовыми он называет «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин 2005: 117].

Необходимо отметить, что поликодовый текст может иметь разновидности в зависимости от количества участвующих при его создании семиотических систем. Так, Л.М. Большаянова называет газетный текст, сопровождаемый фотоизображением *лингвовизуальным комплексом*: «Фотоизображение и его вербальное сопровождение, иными словами, вербальное сопровождение фотоизображения, образуют особую коммуникативную единицу – лингвовизуальный комплекс (ЛВК), вербальный и изобразительный конститuentы которого находятся в отношениях взаимодополнения» [Большаянова 1987: 54].

Нельзя не упомянуть и термин «креолизованный текст». Термин «*креолизованные тексты*» принадлежит отечественным психолингвистам Ю.А. Сорокину и Е.Ф. Тарасову. «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990:180]. Креолизованный текст, таким образом, выступает разновидностью поликодового текста, ибо в нем участвуют две семиотические системы. Е.Е. Анисимова также пользуется данным термином, при этом уточняя, что креолизованный текст совмещает в себе вербальный и иконический (изобразительный) ряды [Анисимова 2003: 11].

Таким образом, в организации поликодовых текстов принимают участие элементы разных семиотических систем, при этом обычный вербальный текст, как правило, сопровождается невербальными компонентами. К невербальным компонентам поликодового текста относятся: графическая сегментация текста, расположение на бумаге, шрифтовой и цветовой (колористический) наборы, типографские знаки, цифры, средства иконического языка (рисунки, фотографии, таблицы, схемы и др.) Союз вербальных и невербальных средств языка призван наиболее полно раскрыть содержание каждого из них, то есть вербальный и невербальный контексты взаимодополняют и усиливают друг друга.

Анализ показывает, что PR-продукция компании Fannie Mae в силу весьма щекотливого положения, занимаемого ей на рынке ипотечного кредитования, носит совершенно определённый характер. Fannie Mae (Federal National Mortgage Association – федеральная государственная ипотечная ассоциация) — крупнейшее американское ипотечное агентство. Fannie Mae финансирует более 20% всех ипотечных кредитов в США. Fannie Mae занимается поддержкой вторичного рынка ипотеки. На фоне ипотечного кризиса акции Fannie Mae с начала 2008 года по середину июля того же года потеряли свыше 80% стоимости. 7 сентября 2008 года агентство было взято под контроль государственного Федерального агентства по жилищному финансированию, генеральный директор был отправлен в отставку.

Вполне естественным является тот факт, что в создавшейся кризисной экономической коммуникации манипулятивное начало должно только усиливаться, и роль манипуляции возрастает буквально в геометрической прогрессии. Компания Fannie Mae не составляет исключения в этом плане, поскольку на практике ей пришлось столкнуться с финансовым, управленческим, психологическим кризисами. Ещё в декабре 2006 года Fannie Mae подала иск против своего официального аудитора KPMG (KPMG — одна из крупнейших аудитор-

ских компаний мира, входит в Большую четверку; оказывает профессиональные услуги в сфере аудита, налогообложения, права, финансового и управленческого консультирования в более чем в 150 странах), требуя возмещения ей \$2 млрд., в том числе \$1 млрд., потраченного на пересмотр отчётности. В иске Fannie Mae указано, что аудитор подтверждал отчётность агентства, не соответствующую бухгалтерским стандартам US GAAP (Generally Accepted Accounting Principles – общепринятые принципы бухгалтерского учета) по многим основным параметрам, проигнорировав более 30 бухгалтерских ошибок. Для исправления ошибок в отчётности агентству пришлось нанять 2800 независимых бухгалтеров, юристов и консультантов, а также выплатить \$400 млн. в целях урегулирования претензий государственных органов [Бочкарёва, Оверченко 2006].

Компании пришлось пересмотреть свою управленческую стратегию. В отличие от PR-текстов докризисного периода, в создании которых использовались стратегии приукрашивания действительности, политкорректности, апелляции к быстрому обогащению, материалы, размещенные на официальном сайте www.fanniema.com сегодняшнего дня имеют совсем другую цель – *выжить в суровых условиях кризиса*. Для достижения этой цели необходимо кардинально поменять свою коммуникативную позицию во взаимодействии с партнерами и клиентами – *стать максимально честным в отношениях с ними*.

Изменение исходной коммуникативной позиции, т.е. того послания, с которым компания выходит к своим партнерам, обеспечивает дальнейшее изменение манипулятивных стратегий. Манипулятивная стратегия предполагает реализацию глобального намерения при осуществлении скрытого воздействия на адресата. Манипулятивные стратегии предполагают, таким образом, систему вербальных и невербальных средств, направленных на скрытое управление партнёром по коммуникации в интересах адресанта. Анализ динамики развития манипулятивного процесса с соответствующим изменением манипулятивных стратегий даёт возможность моделировать их схемы и вполне достоверно судить как о мотивах их применения, так и об арсенале возможных лингвистических средств (вербальном и невербальном инструментарии), которые могут быть при этом задействованы.

Под *речевой манипуляцией* в данной работе понимается вид скрытого речевого воздействия, совершаемого в интересах манипулятора и направленного на модифицирование в модели мира реципиента уже существующих знаний, мнений, отношений посредством различного рода стратегий [Голубева 2009: 8]. При этом весьма важно учитывать, что в основе понимания речевой манипуляции лежит тезис о том, что данные высказывания автоматически соз-

дают ожидания, направляющие реципиента к пониманию значения говорящего. Данный тезис является ключевым в концепции эффективного общения Г.П. Грайса, американского логика, создателя лингвистической прагматики. Инсайту Г.П. Грайса принадлежат базовые нормы речевого общения: 1) максима количества (Будь информативен!); 2) максима качества (Будь искренен!); 3) максима релевантности (Говори по существу!); 4) максима ясности (Говори ясно!), которые в своей совокупности составляют *принцип кооперативности* [Грайс 1985:223].

В кризисной коммуникации *нарушение хотя бы одного из постулатов Грайса неизбежно ведет к более сильному проявлению кризиса доверия*. Соответственно, в данном случае речь идет о коммуникации, результат которой должен быть предопределен, предсказан, а, следовательно, постулаты речевого поведения должны быть строго соблюдены, хотя бы чисто внешне.

Для проведения анализа необходимо непосредственно обратиться к структуре сайта компании Fannie Mae и рассмотреть рубрики, тексты, документы, размещенные на нём. Проведенный анализ даёт возможность выявить целый ряд удачных стратегий, позволяющих преодолеть *кризис доверия* в сознании адресата (в данном случае – это потенциальные клиенты и инвесторы фирмы).

Так, на главной странице сайта агентства размещены призывы, которые, по сути своей, являются миссией данной организации (Mission Statement):

- *Know Your Options*
- *Many of today's homeowners are facing tough choices – let us help you take action.*
- *Refinance or modify your mortgage*
- *Foreclosure Alternatives*

Эти четыре неполных, но ёмких предложения представляют собой программное заявление компании (Mission Statement). *Миссия организации* – одно из основополагающих понятий стратегического управления. Как говорил один из основоположников и лидеров российской школы менеджмента О.С. Виханский: «Миссия – это философия и предназначение, смысл существования организации» [Виханский 1995: 38].

Обычно миссия формулируется в двух вариантах. Короткий вариант миссии представляет собой несколько коротких предложений – некий слоган, направленный, прежде всего, на формирование имиджа организации в обществе (можно смело утверждать, что в данном случае представлен именно короткий вариант миссии).

Второй – расширенный вариант миссии чаще всего формулируется для внутреннего пользования и должен подробно раскрывать все необходимые аспекты миссии, среди них:

цель функционирования организации, область деятельности организации, философия организации, методы достижения поставленных целей, методы взаимодействия организации с обществом (социальная политика организации). В рубрике *IN THE NEWS* на сайте компании печатаются программные заявления, пресс-релизы, прогнозные отчёты, декларируется принцип лёгкого доступа к информации, и т.д. Некой манипулятивной тактикой можно считать тот факт, что полный текст миссии ВСЕГДА помещается в конце каждого материала, опубликованного на сайте Fannie Mae:

E.g. Fannie Mae exists to expand affordable housing and bring global capital to local communities in order to serve the U.S. housing market. (Т.е. весь мир будет платить и покупать облигации нашей компании, а лучше от этого будет только клиентам нашего агентства). *Fannie Mae has a federal charter* (federal charter – банковский чартер федеральных органов, дающий право ведения банковских операций) *and operates in America's secondary mortgage market to enhance the liquidity of the mortgage market by providing funds to mortgage bankers and other lenders so that they may lend to home buyers. Our job is to help those who house America.*

Также на главной странице сайта агентства чётко обозначен круг реципиентов информации – владельцы домов, покупатели, деловые партнёры, инвесторы (*HOMEOWNERS; HOMEBUYERS; BUSINESS PARTNERS; INVESTORS*). Все они – потенциальные клиенты компании, на их деньги она рассчитывает, с их помощью надеется выйти из кризиса.

Для каждого из своих клиентов компания разработала предложения по сотрудничеству, постаравшись облечь их в наиболее доступную форму. К примеру, владельцам домов, в большинстве своём из-за кризиса оказавшимся в затруднительном положении, агентство предлагает программу под названием *MAKING HOME AFFORDABLE*.

Рис.1. Рекламный слоган компании Fannie Mae

Слово *affordable* (что значит, по данным словаря *The New Oxford American Dictionary* (NOAD), “inexpensive; reasonably priced”) весьма хорошо вписывается в антикризисную стратегию адресата, поскольку кризис, будучи переломным моментом в жизни общества и каждого конкретного индивида, выводит проблему вы-

живания на первое место. В рамках антикризисного менеджмента происходит резкое смещение в структуре потребностей в сторону базисных потребностей, по шкале А. Маслоу, в частности к 4-му уровню, уровню экзистенциальных потребностей, обеспечивающих безопасность существования, комфорт, постоянство условий жизни. В этом отношении необходимо напомнить, что всего в иерархической пирамиде потребностей американского психолога А. Маслоу выделено 5 уровней потребностей: первый уровень составляют потребности *духовные* (познание, самовыражение); на втором уровне находятся потребности, обеспечивающие *престиж* (самоуважение, достижение успеха и высокая оценка); третий уровень составляют *социальные* потребности (социальные связи, привязанность, забота о другом); четвертый уровень представлен потребностями *экзистенциального* плана (безопасность существования, комфорт); и, наконец, пятый уровень потребностей составляют *физиологические* потребности (голод, жажда, половое влечение). Кризисная ситуация выводит человека в систему более примитивных реакций и более простых коммуникативных систем, из представителя социальной группы он превращается в человека толпы. В результате спрятанные до этого его биологические реакции выходят на первый план, оттесняя реакции социального порядка.

Сам призыв *MAKING HOME AFFORDABLE* можно рассматривать как *креолизованный текст*, то есть текст, совмещающий две знаковые системы: вербальную и иконическую. В данном случае авторы сайта поместили прямоугольное графическое изображение со слоганом *MAKING HOME AFFORDABLE*, которое является гиперссылкой на страницу с дополнительной информацией. Таким образом, с помощью процесса креолизации был расширен диапазон семиотических кодов, участвующих в донесении сообщения до реципиента. Известно, что наибольшее эмоциональное воздействие поликодовый текст производит на реципиента в том случае, если семантический и образительно выраженный аспекты совпадают. С этой целью используются такие компоненты, как цвет (колористика), масштаб, графика и ряд других. При написании слогана *MAKING HOME AFFORDABLE* используются красный и синий цвета. Слоган располагается на фоне схематично нарисованных крыш домов, тоже красного и синего цвета, над крышами расположен значок SM (service mark – знак обслуживания, зарегистрированный знак, которым предприятия сферы услуг обозначают оказываемые ими услуги для индивидуализации своей деятельности; знаки подобного рода применяются предприятиями в сфере транспорта, страхования, банковского дела, бытовых услуг).

Эффективное воздействие слогана основано на контрасте ахроматического (белый фон) с насыщенными цветами (красный и синий цвета

букв и изображения крыш домов). Масштаб также активно используется для придания экспрессивности изобразительному компоненту поликодового текста. В данном случае буквы слогана все прописные. В написании слов применяется разный шрифт, и буквы не выходят за границы текста.

«*We're Here to Help*» (Мы здесь, чтобы помочь), – говорят создатели сайта от имени своих заказчиков (компании Fannie Mae). В данном случае можно говорить об использовании такого психологического механизма, как ЭМПАТИЯ (т.е. понимание эмоционального состояния другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир):

E.g. (1) Fannie Mae is committed to supporting and aiding in the efforts to stabilize the housing market.

(2) If you're struggling to pay your mortgage, the Making Home Affordable (MHA) program may offer the help you need.

Соответственно, можно говорить о реализации манипулятивной стратегии, которая действует те же лексические единицы, что используются при выражении эмпатии. Представляется, что это одна из главенствующих стратегий данного типа дискурса. Сама семантика слов *support* (to help sb/sth by giving sympathy), *aid* (to help sb), *help* (to be useful to sb; to make it easier for sb to do sth; to assist sb), *struggle* (to try to overcome a problem; to make one's way with difficulty), *worry* (to be anxious and troubled about sb), *refinance* (finance (something) again, typically with new loans at a lower rate of interest), *modify* (make partial or minor changes to (something), typically so as to improve it or to make it less extreme), направлена на выражение сочувствия, понимания и практически выраженного благоприятствования. Используя данные лексические средства, компания хочет передать, что она сопереживает эмоциональному состоянию, в котором находятся её клиенты-заёмщики, и всячески, в том числе и вполне реально, способствует облегчению их положения.

Помимо приведенной выше рекуррентной лексики, механизм эмпатии также реализуется с помощью использования условных предложений I типа, а также вопросов от 1-го лица в рубрике *Foreclosure Prevention FAQs* (*foreclosure* – потеря [лишение] права выкупа (переход права собственности на заложенное имущество к кредитору в том случае, если должник не смог своевременно погасить долговые обязательства; FAQ (от frequently asked questions) – ср.: сокр. ЧаВо, часто задаваемые вопросы (комп. жарг.):

E.g. (1) I am worried about foreclosure. Where can I turn for advice?

(2) I have an adjustable-rate mortgage (ARM) that's about to reset. Can I refinance through Fannie Mae?

Создатели текста намеренно воспользовались таким приёмом: воображение живо рисует

несчастливого, бедного заёмщика, неуверенного в себе человека, который вот-вот окажется на улице из-за того, что не сумел вовремя заплатить по кредиту. Но заёмщик не останется один на один со своими проблемами, компания спешит на помощь, предлагает выход:

E.g. (1) An experienced housing counselor can help you review your personal financial situation and plan for the future. Contact the Homeowner's HOPE™ Hotline at 1-888-995-HOPE (4673).

(2) Contact your mortgage company to determine if you qualify for a refinance.

Невольно напрашивается шутовское название данной стратегии: «ЧИП И ДЕЙЛ СПЕШАТ НА ПОМОЩЬ», по аналогии с названием известного диснеевского мультсериала (англ. «Chip 'n Dale Rescue Rangers»). Главными героями мультсериала являются бурундуки Чип и Дейл, а также трое друзей, которые вместе образуют «Команду спасателей». Кроме того, в вышеприведенных примерах реализуется и другая стратегия, стратегия АПЕЛЛЯЦИИ К АВТОРИТЕТУ («*experienced housing counselor*» – опытный советник по ипотечному кредитованию, «*contact your mortgage company*» – обратитесь в своё ипотечное агентство). Таким образом, на помощь идет не просто команда сочувствующих, но команда знатоков своего дела.

Ещё одна рубрика сайта называется *BEWARE OF SCAMS* (*scam* – жулик, мошенник, аферист). Это своего рода подробная инструкция по борьбе с мошенниками на рынке ипотечного кредитования. Многие нечестные на руку люди стараются сыграть на страхах и неуверенности заёмщиков и предлагают на первый взгляд выгодные, но опасные комбинации. Fannie Mae, в свою очередь, выпустило подробную «инструкцию по употреблению», в которой содержатся полезные советы (*TIPS*):

E.g. Scam artists prey on struggling homeowners and often target defendants named in foreclosure proceedings. Don't let them take advantage of you, your situation, your house or your money. The best way to avoid becoming a victim is to get informed and ask a lot of questions. – Виртуозы-мошенники охотятся на заёмщиков, находящихся в бедственном положении, и часто выбирают в качестве жертв ответчиков по делам, связанным с лишением права выкупа заложенного имущества. Не позволяйте им обманывать Вас, не позволяйте им нагреть руки на Вашей ситуации, Вашем доме или Ваших деньгах. Чтобы не стать жертвой мошенников, задавайте бесконечные вопросы и получайте всю нужную информацию [Перевод наш – С.В.И., М.А.К.]. Эту стратегию можно назвать СТРАТЕГИЕЙ 911 («Девять-один-один» – телефонный номер для вызова полиции, скорой помощи или пожарной бригады в США).

Для потенциальных покупателей (HOME-BUYERS) предлагается своя программа действий:

- Overview
- Home Buying Process
- Avoiding Predatory Lending
- Understanding Escrow
- Support for Renters
- HomePath.com

Рис. 2. Рекламный слоган программы для будущих домовладельцев

Инструкция для будущих домовладельцев предваряется рекламой:

*E.g. Buying a new home is **the biggest purchase** most will ever make. No one can afford to come in uninformed or unprepared. **Fortunately, we're here to help.** No matter if you are starting out or starting over, when **you spend a few minutes** on our site **you'll have what you need to become a savvy homebuyer** (savvy – смысловой, толковый, образительный (амер.разг.); **savvy consumer** – опытный, грамотный, продвинутый потребитель).*

Складывается впечатление, что для того, чтобы купить дом, достаточно ответить на вопросы анкеты (*spend a few minutes*), перевести деньги, нажать на кнопку и ждать результат (*you'll have what you need to become a savvy homebuyer*). Думать нет необходимости вовсе, сайт полон инструкций и пошаговых наставлений.

Также в этой части сайта будущих домовладельцев предостерегают от того, чтобы они не попались в зубы хищникам-спекулянтам (т.е. конкурентам Fannie Mae), которые предлагают грабительский процент по ипотеке:

*E.g. When shopping for a mortgage loan, homebuyers need to be aware of **predatory lending practices**. These **unscrupulous activities** can increase the cost of homeownership and **rob the borrower** of equity in the home.*

Здесь с помощью выражений, в черных красках рисующих портрет потенциальных конкурентов («**predatory lending**» – хищническое / грабительское кредитование, «**unscrupulous activities**» – аморальная деятельность, «**rob the borrower**» – ограбить заёмщика), реализуется стратегия СВОЙ – ЧУЖОЙ.

Себя же компания позиционирует как борца за справедливость, для неё прибыль неважна, главное, чтобы простым американцам было хорошо:

*E.g. Fannie Mae works **to promote** responsible lending and **combat** predatory lending and mortgage fraud. We **want** people to buy homes they can afford over the long term. We do this by **offering** home mortgage products and **supporting** homebuyer education and counseling.*

Глаголы **promote, combat, support, want, offer**, а также оппозиция прилагательных **responsible – predatory** направлены на реализацию стратегии ДОБРЫЙ ДЯДЯ.

Экспрессивные клишированные выражения (*the time for change has come, that's what's at stake*) придают значимость и пафос, необходимые для создания соответствующего эмоционального настроения. Эмфатический эффект достигается благодаря нарастанию, анафоре и параллельным синтаксическим конструкциям, акцентирующим важность выбора, который должны сделать потенциальные клиенты.

В колонке BUSINESS PARTNERS (деловые партнёры) реализуется иная речевая стратегия – стратегия ОБЩЕГО ДЕЛА или РАВНОГО ПАРТНЁРСТВА посредством инклюзивных местоимений *we, our, us*, интенционально объединяющего компанию и клиентов, использованием слов с семантикой единения (**united, join, partners**):

*E.g. (1) **United** in a common cause. **Join us** in **our** efforts to provide liquidity and restore confidence in today's housing market.*

*(2) **We** work with **our** business **partners** to provide: safe and reliable mortgage products, web-based technology, attractive loan execution options.*

Колонка INVESTORS (инвесторы) предваряется следующим программным заявлением:

*E.g. In September 2008... **we entered into an agreement with Treasury** (Как известно, компания Fannie Mae в 1968 году стала публичной компанией, но по-прежнему спонсируется властями США. Правительство США – гарант стабильности для любого инвестора на американском и мировом рынке), *which was amended in May 2009. In return for the consideration and fees detailed in the agreement, Treasury has committed to provide up to an aggregate of \$200 billion in funds to Fannie Mae....**

Наряду с этим, везде, где это возможно, компания декларирует свое участие в социальных программах помощи по кредитованию:

*E.g. (1) **Help the Homeless** – Fannie Mae's Help the Homeless Program engages entire community and raises \$5.8 million.*

*(2) **Fannie Mae's Annual Effort Mobilizes Community to Help Prevent and End Homelessness.***

Очевидно, происходит реализация стратегии ГУМАНИЗАЦИИ ИМИДЖА КОМПАНИИ, т.е. представление компании как человека, знакомого с проблемами простых людей и готового им помочь.

Таким образом, исследуемый период отличается усилением потребности в манипулиро-

вании массовым сознанием в силу ряда объективных причин: прежде всего, *необходимо восстановить доверие потребителей*. Сложное взаимодействие экономических и политических интересов различных сил в обществе влияют на процесс порождения антикризисных экономических текстов, а также изменяют привычный арсенал манипулятивных речевых стратегий, направленных на преодоление кризиса доверия.

Анализ монокодовых, вербальных, и поликодовых, в том числе креолизованных, текстов позволяет говорить о существовании нескольких типов антикризисных, репаративных, стратегий. Рассмотренные материалы сайта агентства ипотечного кредитования Fannie Mae дают возможность выделить наиболее распространенные стратегии. К наиболее частотным манипулятивным стратегиям можно отнести *стратегию гуманизации имиджа компании*, а также стратегию конструирования дискурса «*общего дела*». Весьма эффективно работают такие стратегии, как апелляция к авторитету, «Чип и Дейл спешат на помощь», «Добрый дядя», «Стратегия 911», «СВОЙ – ЧУЖОЙ». Все эти антикризисные стратегии объединены концептуально – их главное назначение восстановить доверие, позиционируя себя честным, открытым добролюбом.

Выявлению данных стратегий способствует лингвистический анализ вербально выраженного содержания, значимой стороны других семиотических систем, задействованных при создании антикризисных PR-текстов экономического дискурса. Данные стратегии эксплицируются посредством анализа как лексического содержания – лексической семантики (словарных дефиниций, коннотаций), так и грамматического компонента – синтаксических конструкций, грамматических форм и т.д. Весьма важным при раскодировании манипулятивных стратегий является использование таких методик, как интент-анализ, контент-анализ, обращение к дискурсивному, концептуальному, психолингвистическому, когнитивному уровням конструирования текста.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Изд. центр «Академия», 2003. 128 с.

Беляков И.М. Особенности баннерной интернет-рекламы как поликодового текста (лингвистический аспект): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 2009. 24 с.

Большакова Л.С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 4. С. 19-24.

Большакина Л.М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. – М., 1987. С. 50-56.

Бочкарёва Т., Оверченко М. Пусть ответит аудитор // Ведомости, № 236 (1763). URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2006/12/14/117665> (дата обращения: 14.12.2006).

Виханский О.С. Стратегическое управление – М.: Гардарики, 2002. 296 с.

Голубева Т.М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Нижний Новгород, 2009. 22 с.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. № 16: Лингвистическая прагматика. С. 222-223.

Ейгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореца. Ч. I. – М., 1974. С. 103-109.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4. – М.: УРСС, 2006. 288 с.

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. – М., 2005. 220 с.

Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. С. 178-187.

The New Oxford American Dictionary, Second Edition [ed. Erin McKean]. – Oxford University Press, 2005. 2051 p.

URL: <http://www.fanniemae.com>. (дата обращения: 25.03.2010).

© Иванова С.В., Конова М.А., 2010

Каган Е.Б.

Екатеринбург, Россия

**МЕТАФОРЫ ИЗ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА
«МИР НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ»
В ЗАГОЛОВКАХ РОССИЙСКИХ,
АМЕРКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ СМИ**

УДК 070: 81'373.612.2

ББК Ш 107

Аннотация. СМИ являются важным, инструментом формирования социальной реальности. Какую роль играет метафора в заголовке статьи и как она влияет на наше восприятие? В статье представлен сопоставительный анализ метафоры неживой природы, используемой в заголовках печатных СМИ России, Великобритании и Америки.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, заголовок, сопоставительный анализ.

Сведения об авторе: Каган Елена Борисовна, аспирант.

Место работы: Институт международных связей, г.Екатеринбург.

Контактная информация: 620062, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 62/2, кв. 17.

E-mail: lena-kagan@yandex.ru.

Kagan E.B.

Ekaterinburg, Russia

**METAPHORS WITH THE SOURCE DOMAIN
«INANIMATE NATURE»
IN THE HEADINGS OF RUSSIAN,
AMERICAN AND ENGLISH MASS MEDIA**

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.51

Код ВАК 10.02.20

Abstract. Mass media are instrumental in the creation of social reality. What role does a metaphor in the heading play, and how does it influence our perception of an article?

The article presents the contrastive analysis of the metaphor of inanimae nature, used in the newspaper headings of Russia, Great Britain and the USA.

Key words: cognitive linguistics, conceptual metaphor, heading, contrastive analysis.

About the author: Kagan Elena Borisovna, Postgraduate Student.

Place of employment: Institute of International Relations, Ekaterinburg.

В процессе изменения научной парадигмы гуманитарного знания на рубеже веков в центре внимания оказалась деятельность человека, позволяющая ему ориентироваться в мире, практически осваивать, познавать и понимать его.

Этот переход на постижение «глубинных» связей и отношений в природе оказал влияние и на методы изучения языковых систем, в которых стали вскрываться «глубинные» структуры, скрытые за ними смыслы, закономерности их трансформаций в ходе организации высказывания, где ведущая роль принадлежит не только говорящему, но распространяется и на адресата, т.к. успех коммуникативной деятельности зависит именно от понимания последнего [Шмелева 2001: 57].

В этом контексте активизировался интерес к метафоре. Дж. Лакофф и М. Джонсон, чья теория метафоры взята в основу данного исследования, трактуют метафору и как фигуру речи, и как фигуру мысли. Причем метафоры, будучи субъективными и эмоциональными, связаны с общественным опытом, т.е. в определенной степени объективно отражают общие закономерности в национальной метафорической картине мира. Вот почему исследование базисных метафор позволяет выделить и проанализировать особенности ментальности той или иной нации, провести кросскультурные сравнения, выявить национальные стереотипы, ценностные ориентации и зафиксировать как общие для стран представления о картине мира, так и выделить свойственные отдельной лингвокультурной общности метафорические доминанты [Лакофф 2004: 104].

Средства массовой информации являются неотъемлемыми компонентами социального

бытия современного человека. По мнению исследователей, наша картина мира только на десять процентов состоит из знаний, основанных на собственном опыте. Все остальное мы знаем из книг, газет, радио и телепередач, Интернета.

Современные СМИ «чутко» реагируют на все инновационные процессы в обществе, социальные перемены не только в содержательном, но и языковом плане [Будаев 2008; Чудинов 2008]. Любой текст СМИ содержит, с одной стороны, комплекс идей, присущих автору, его взгляд на описываемые явления, интерпретацию политической и социальной ситуации, с другой стороны, определенный набор языковых средств, используемым создателем текста для языкового оформления своих позиций. Одним из важнейших признаков языка современных СМИ является метафоричность. Используя выражение В.Г. Костомарова, по дискурсу СМИ и заголовкам газет в частности можно говорить о «языковом вкусе эпохи» [Костомаров 2005: 36].

Живая и неживая природа издавна служит своего рода моделью, в соответствии с которой человек представляет социальную реальность. Ассоциативно-образный компонент значения слов, объединенных архилексемой «природа», несет в себе черты древней мифологической картины мира. Ценный анализ мифов как «символической формы» дал немецкий ученый Э. Кассирер, указавший, что на определенной стадии развития человечества мифы есть единственная и тотальная система, в терминах которой воспринимается весь мир. При всей кажущейся простоте представления наших предков о мироустройстве в действительности были сложны и противоречивы. Известно, например, что восточнославянская мифология

изначально наделяла одних и тех же богов, духов или демонов как добротой, так и злобной мстительностью, и «плохие» черты проявлялись у них не менее часто, чем «хорошие», но не всегда явно. Добродушный и сговорчивый дух дома, покровитель семьи домовый, вдруг осерчав, из кроткого делается своенравным, сварливым и враждебно настроенным к тем, с кем живет под одной крышей [Кассирер 1990: 35].

Проведенный нами анализ заголовков российской, американской и английской прессы 2008-2010 годов позволяет сделать вывод о том, что традиционная для национального сознания народов этих стран природная лексика продолжает активно использоваться при характеристике социальной и духовной жизни общества. Обнаружено, что природоморфные образы составляют 9,5% среди метафорических заголовков в проанализированных российских газетах, 12,3% – в американских газетах и 11,9% – в английских газетах.

Достаточно широка фреймо-слотовая структура метафорической модели «Жизнь социума – это мир неживой природы», но наибольшее число заголовков относится к фреймам «Физические явления, законы природы» – «Physical facts, laws of nature» (77), «Земля» – «Earth», (75), «Вода» – «Water» (102).

В настоящей статье мы не ставим целью проанализировать указанные фреймы полностью, остановимся только на слотах с наибольшим числом метафорических заголовков, отобранных нами в ходе анализа.

Прежде всего, необходимо выделить фрейм «Физические явления, законы природы». Прагматический потенциал метафор этого фрейма можно сформулировать следующим образом: экономическая, политическая и духовная жизнь общества подчинена определенным законам, которые, как и законы природы, необходимо познавать, кроме того, они обязательны для исполнения.

Осмысление мирового финансового кризиса, серьезных изменений экономической ситуации в рассматриваемых странах в заголовках газет происходит через неблагоприятные погодные явления, ассоциации с сейсмическими сдвигами, наступлением тьмы. Ср.: *Латвия уходит в тень* (Взгляд, 14.04.2009), *Кризис погрузил тысячи россиян во тьму* (КП, 12.09.2009), *Финансовый шторм утопил Блехина* (АиФ, 06.05.2009), *Туманность счастья* (МК, 12.01.2010).

In the Shadow of FDR and Reagan (Wall Street Journal, 03.11.2008), *Violence Erupts at Gaza Border as U.S. Envoy Arrives in Region* (Chicago Tribune, 16.03.2009), *Bloomberg Bullish on Jobs While Others Forecast Gloom* (NY Times, 10.04.2009), *Global crisis storms into a Miami haven* (Washington Post, 11.07.2009), *IRA*

Change Helps Retirees Ride Out the Storm (Newsweek, 15.06.2009).

Britain is ready to take advantage of this seismic shift (Guardian, 15.04.2009), *The problem with all this economic doom and gloom* (Financial Times, 01.01.2010), *Turbulence hits the currency markets* (Daily Telegraph, 16.12.2008), *Crisis has seen power shift and the East emerge from West's shadow* (Financial Times, 02.03.2009), *Be in no doubt, Britain too is in the centre of this storm* (Guardian, 29.08.2009), *How a local squall might become a global tempest* (Financial Times, 07.08.2008).

Выход из кризиса, напротив, ассоциируется с рассветом и оттепелью: *CNN покажет рассвет* (Взгляд, 14.02.2010), *After Weekend Financial Huddle, No Sign That Lenders Will Thaw* (USA Today, 16.03.2009), *Warming Trends Alter Conservation* (NY Times, 19.18.2009), *Dow Drops 5.7% Despite Signs of Thawing Credit* (International Herald Tribune, 05.09.2009).

Probation service faces 'meltdown' over cuts (Financial Times, 12.06.2009), *The history of the financial meltdown* (Financial Times, 18.11.2009), *Michael McCarthy: At long last, the winds of change blow the right way* (Telegraph, 20.12.2009).

Известно, что единственно возможное место существования человека – суша, поделенная на континенты, материи, острова. И чем территория больше, тем больше ресурсов и возможностей у тех, кто ее занимает. Через заголовки российских газет перед читателем предстает картина неблагоприятия в стране: *Запойный остров* (Эксперт, 09.10.2009), *«Остров фантазий» завел московские власти в тупик* (МК, 24.04.2009), *Континент без менеджеров* (АиФ, 17.02.2010). Островами, хотя страна не является островным государством, ограничивается пространство деятельности американцев: *Food label jungle is hard to navigate* (Chicago Tribune, 05.03.2010), *Isle of Denial* (Newsweek, 18.02.2009), *An Island of One's Own* (Newsweek, 10.03.2009). В Англии ситуация рисуется более напряженно, несмотря на выбор таких же метафор: *French police crack down to clear migrants from their 'jungle'* (Times, 24.04.2009), *M&S wrong to desert Continent, says Rose* (Times, 01.03.2010), *Tears and fights as French police clear Calais 'Jungle'* (Times, 22.09.2009).

Метафорическое осмысление действительности осуществляется и через пространственные оппозиции, на которых базируется большинство значимых для человека понятий, таких как Хороший – это верх, Плохой – это низ. Неслучайно в период кризиса в слоте «Ландшафт» фрейма «Земля – The Earth» преобладают лексемы «дно», «яма», «пропасть». Подобные метафоры очень характерны для российской прессы. Ср.: *До дна осталось 16 про-*

центров (МК, 22.06.2009), *Промышленность в поисках нового дна* (Независимая газета, 16.04.2009), *Нефтяная пропасть* (АиФ, 31.07.2009).

Американская и английская пресса также активно использует подобные метафоры: *Obama Recasts the Fund-Raising Landscape* (Chicago Tribune, 05.12.2009), *General Motors, Driven to the Brink* (Newsweek, 14.12.2009), *Democrats Widen Their Senate Edge* (NY Times, 13.02.2009), *Why China Is Becoming The 'Black Hole' Of Global Markets* (Newsweek, 23.06.2008), *The week that brought Gordon Brown to the brink. Can he survive?* (The Observer, 11.02.2010), *Bank of England believes recession has probably bottomed out* (Times, 21.10.2009), *EU pitfall for Gordon Brown* (The Independent, 05.03.2009).

Неустойчивость, ненадежность экономической ситуации метафорически передается и через лексемы «почва, песок, грязь», входящие в слот «Собственно земля / почва» – «Soil»: *Почва уходит из-под льгот* (КП, 04.07.2008), *Бытовая почва с примесью национализма* (Взгляд, 12.11.2008), *Миллионы – в песок* (Независимая газета, 18.09.2009).

The taste of the earth (Newsweek, 12.01.2008), *Diplomacy: Temptations Of "Virgin Soil"* (Newsweek, 30.09.2008), *Sand Trap* (USA Today, 11.08.2009), *Green Buds In The Mud* (NY Times, 17.05.2009).

Deflation danger is an economic quicksand (The Observer, 21.08.2009), *Scorcese, DiCaprio explore new ground in gothic thriller* (The Independent, 07.02.2010), *The MBA graduates taking the moral high ground* (The Independent, 19.01.2010), *Irish Mud Run* (NY Times, 15.11.2009).

Другим универсальным источником для концептуализации социальной сферы человеческой деятельности является гидронимная сфера, что во многом определяется непосредственно наблюдаемыми качествами и состояниями воды, с которыми явно связаны ее символические признаки. В процессе метафоризации в дискурсе СМИ актуализируются такие признаки воды, как ее вездесущность, всепроникаемость, движение. Концепт «текущая вода / живая вода», проецируемый на область политики, экономики, общественных отношений, вызывает ассоциации с непрерывным движением, силой, изменением, развитием, неспокойным характером и т.д. В противовес ему концепт «стоячая вода / мертвая вода» ассоциируется с застоем, затхлостью. Таким образом, посредством оценочного противопоставления текущей / живой и стоячей / мертвой воды в дискурсе СМИ реализуется бинарная оппозиция «развитие – застой».

В заголовочных комплексах газет России, США, Англии так называемые аква-метафоры представлены достаточно широко 32, 40 и 30 соответственно. Вода, будь то только струйка, или волна, или поток, «работает на измене-

ния», неся с собой в том числе беспокойство и даже угрозу. *Не тихая гавань* (Ведомости, 03.02.2010), *Черное море вопросов* (Взгляд, 06.09.2009), *Великий потоп в Госдуме* (Независимая газета, 11.03.2009), *Черная капля раздора* (АиФ, 29.05.2009).

В США: *China: A Torrent of Change* (Newsweek, 23.11.2009), *A Sea of misery* (USA Today, 11.08.2009), *The Dollar Deluge* (NY Times, 10.02.2009), *Stream Of Lies* (Wall Street Journal, 04.04.2009), *Wave of layoffs in U.S., Europe show* (Chicago Tribune, 05.12.2009).

В Англии: *Commercial property: Torrent of projects slows to a dribble as lending dries up* (FT, 04.11.2009), *'Torrent' of job cuts on way, says survey* (FT, 31.10.2008), *Piracy soars on wave of Somalia attacks* (FT, 22.04.2009), *Tide of change flows against fishermen* (FT, 02.03.2010), *Political anger drives timing of White House leak* (The Observer, 17.06.2009).

Областью притяжения метафорических выражений с источником «состояние воды» является, главным образом, финансовая деятельность и собственно финансы. Мировой финансовый кризис вызвал в России таяние валютных резервов и пенсионные испарения: *Пенсионные испарения* (Ведомости, 03.02.2010), *Валютные резервы тают на глазах* (Независимая газета, 16.04.2009), *Шойгу и мутная вода* (АиФ, 25.01.2009); в англичанах породил страх: *Syria seeks weapons deal with Russia amid 'Cold War' ripples* (The Independent, 07.05.2009), *Early share lift evaporates amid fears over forced selling* (Times, 22.09.2009); привел к растеканию предупреждений о возможном экономическом коллапсе в США: *Warning over collapse in capital flows* (NY Times, 13.02.2009).

Повышенное внимание лингвистов в изучении состава пейзажа, архитектоники природных реалий к исследованию метафоры *дороги*, значимости этого понятия для политического дискурса объясняется тем, что эта метафора как никакая другая способна отражать динамизм и событийность мира.

Концепт «дорога» является традиционным для российской ментальности. Метафорический образ дороги связан с мучительным поиском Россией своего пути развития, устремленностью в будущее: *Медвежьей тропой* (Ведомости, 03.02.2010), *Тропой Букашкина* (КП, 04.07.2008).

Для национального американского сознания традиционно понятие «highway», которое определяется в большей мере культурно-историческим опытом нации и концентрирует в себе коренную идею американцев о свободе выбора, о движении вперед. Это движение не является гладким, возможно сбиться с пути: *One Step Off The Superhighway* (USA Today, 11.08.2009).

Как американцы, так и англичане нередко идут узкими тропами: *Obama's Path to Faith Was Eclectic* (Chicago Tribune, 05.12.2009), *Marc Ja-*

cobs's Magic Lane (NY Times, 13.02.2009), *David Tyler sees a path to fast growth for Sainsbury* (FT, 22.04.2009), *Terry Adams: I didn't always follow path of Jesus* (The Independent, 07.05.2009); дорога может также быть каменистой: *On a rocky road to Dunbankin* (The Observer, 17.06.2009), *The Road Ahead (It's Bumpy)* (Newsweek, 23.11.2009).

Проведенный сопоставительный анализ заголовков российских, американских и английских СМИ со сферой-источником «Неживая природа» еще раз подтверждает мысль о том, что, с одной стороны (мы смотрим на мир или нам предлагается смотреть) очень схоже» [Шмелева 2001: 5], а с другой стороны, «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф 2004: 106]. Сферы-источники в российских, английских и американских СМИ представляют собой иерархически организованное целое и образуются фреймами «Физические явления, законы природы», «Земля», «Вода», однако конкретное их наполнение в русскоязычных и англоязычных СМИ не вполне совпадает.

В нашем исследовании находит подтверждение высказывавшееся ранее предположение (А.Н. Баранов, А.П. Чудинов) о связи политических метафор с экономической и социальной ситуацией в обществе. Так, милитарная метафора, криминальная и зооморфная метафоры оказываются особенно востребованными в период обострения общественно-политических отношений. Согласно нашим исследованиям, метафоры, образованные на базе концептуальной области «Неживая природа», также активно употребляются в кризисные периоды в качестве аналитического средства осмысления проблемной ситуации. Причем наибольшее число метафор относится к слотам «Ландшафт» и «Погодные явления» и составляет 42,1% и 46,2% (Россия), 41,4% и 58,8% (США), 33,3% и 55% (Англия) соответственно.

Метафорические модели, созданные на базе концептуальной области «Неживая природа», не обозначают действительность, а интерпретируют ее. Потенциал метафоры особенно ярко проявляется в семантических следствиях

из нее. В этом отношении очень показательны метафоры физических явлений и ландшафта. При метафорическом представлении экономического и финансового кризисов в качестве неуправляемых природных стихий проявляются принципиально разные способы поведения. С одной стороны, метафоры акцентируют внимание на чувстве незащищенности человека, с другой стороны, на идее поиска пути из сложившейся ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология: монография [Урал. гос. пед. ун-т]. – Екатеринбург, 2008.

Будаев Э.В. Метафорический образ России в современном мире. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009.

Будаев Э.В. Политический язык и метафора: интерпретация и изменение мира // Политическая лингвистика. 2008. № 26.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М: Гардарики, 2005.

Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры: Сб. [Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой]. – М., 1990.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: [пер. с англ.; под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова]. – М., 2004.

Современный толковый словарь русского языка. – М: Ридерс Дайджест, 2004.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография [Урал. гос. пед. ун-т]. – Екатеринбург, 2001.

Чудинов А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).

Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. 2001. Т. 7.

© Каран Е.Б., 2010

Каслова А.А.,
Чернова Н.А.

Екатеринбург, Россия

**КОНЦЕПТ УСПЕХ / SUCCESS
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Kaslova A.A.,
Chernova N.A.

Ekaterinburg, Russia

**CONCEPT USPEK / SUCCESS
IN RUSSIAN AND ENGLISH WORLD
VISUALIZATION THROUGH LANGUAGE**

УДК 81'27

ББК Ш 100

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию концепта УСПЕХ / SUCCESS в языковых картинах мира русского и английского языков. Проведен компонентный анализ рассматриваемого концепта, а также представлена его фреймово-слотовая репрезентация на материале газетно-публицистических текстов.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, компонентный анализ, фрейм, слот.

Сведения об авторе: Каслова Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода.

Место работы: Уральский гуманитарный институт.

Контактная информация: E-mail: nastyacastle@rambler.ru.

Сведения об авторе: Чернова Надежда Алексеевна, специалист отделения Иностранных языков и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский гуманитарный институт.

Контактная информация: E-mail: misschernova1987@mail.ru.

Прочно войдя в разряд «рабочих» понятий лингвистики, термин *концепт* не получил до сих пор однозначного толкования, актуальность изучения которого связана, в первую очередь, с возможностью анализа менталитета, мышления носителей того или иного языка. Представители лингвокультурного сообщества в повседневной жизни пользуются языком, хранящим культурную информацию, передающуюся из поколения в поколение. Составляющие языка играют важную роль в формировании личности, национального характера, менталитета. Способ концептуализации действительности в разных языках отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков, т. е., «...француз всегда будет видеть мир из своего языкового окна, русский – из своего, китаец – из своего и т.д. Люди, говорящие на разных языках, живут в разных мирах, а вовсе не в одном и том же, на который навешаны лишь разные языковые ярлыки» [Даниленко].

Наиболее продуктивное исследование лингвистической репрезентации национального сознания видится нам в сопоставительном аспекте, т.к. «национальный менталитет дает о себе знать только в присутствии другого менталитета...» [Караулов 2000: 191]. Языковая картина мира репрезентируется по-разному в зависимости от лингвокультуры, которую она манифестирует. Сопоставление составляющих ее компонентов позволяет проанализировать их с позиций уни-

ГСНТИ 16.21.51
Код ВАК 10.02.20

Abstract. The article gives comparative analysis of the concept USPEK / SUCCESS in Russian and English world visualization through language. The authors described componential analysis of the concept and characterized its representation by means of frames and slots. The analysis is based on the texts of newspaper-publicist style.

Key words: concept, world visualization through language, componential analysis, frame, slot.

About the author: Kaslova Anastasia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of Theory and Practice of Translation.

Place of employment: Ural Institute for the Humanities.

About the author: Chernova Nadezhda Alekseevna, Specialist of the Branch of Foreign Languages and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural Institute for the Humanities.

версальности и национальной специфики, выявить лингвокультурные несоответствия.

Успех и успешность стали неотъемлемой частью западной и российской культуры. В средствах массовой информации постоянно рассказывается об успешных людях во всех сферах жизни – артистах, певцах, бизнесменах, политиках. Понятие успеха и успешности культивируется в современном обществе, что не может не оказывать влияния на сознание личности.

В работах А. Адлера, М. Вебера, В. Зомбарта, К. Мангейма, Э. Фрейда, Э. Фромма и других исследователей успех рассматривается с позиций социологии, философии, психологии. В связи с этим, интерес к феномену успеха с точки зрения лингвистики является вполне объяснимым.

По данным британских лексикографических источников, ядро и периферийные компоненты концепта SUCCESS можно представить следующим образом.

Ядро концепта SUCCESS в английской языковой картине мира:

- result, happy outcome (результат, счастливый исход дела);
- accomplishment, attainment (выполнение, завершение);
- fame, being known (слава, известность).

Периферийные слои данного концепта выглядят следующим образом:

- a high position in something (высокая позиция);

- a lot of money (много денег);
- respect (уважение);
- to try to do (efforts) (прилагаемые усилия, попытки что-либо сделать);
- admiration (восхищение);
- others: aim, purpose, wealth, social status, luck, something that people like, effect, to work in a satisfactory way, to intend, prosperity, advance, succession (другое: цель, богатство, социальный статус, удача, то, что нравится, результат, удовлетворительная работа, намерение, процветание, продвижение вперед, последовательность).

В результате проведения компонентного анализа концепта УСПЕХ в русской языковой культуре по данным лексикографических источников нами было выявлено, что ядро данного концепта репрезентируется следующим образом:

- достижение желаемого, цели;
- общественное признание (одобрение, внимание, репутация, слава);
- удача.

Периферию данного концепта составляют:

- хорошие результаты;
- успех в срок;
- другое: спорина в деле; удачное старание; успехи в учебе; прогресс; благоденствие; процветание; совершенствование; счастье; польза; успех в ухаживании, флирте; победа; честь.

В соответствии с полученными данными можно сказать, что в целом ядро концептов УСПЕХ и SUCCESS совпадает, т.к. содержит компоненты – достижение желаемого результата, популярность, общественное признание. Главным отличием репрезентантов рассматриваемого нами концепта является наличие семы *удача* в его лексико-семантической структуре в русском языке. Следует обратить внимание не только на наличие данной семы, но и ее частотность в отличие от английского языка, где данный компонент встретился нам лишь в одном лексикографическом источнике.

Анализируя культурные доминанты в русском и английском языках, В.И.Карасик отмечает, что «для русской лингвокультуры характерен акцент на везении и учете средств, используемых для достижения цели (моральный аспект), для английской – акцент на успехе как таковом, символизация успеха, акцент на усилиях индивида <...> отсюда следует, что в английской культуре успех напрямую связывается с усилиями личности, в русской – с везением и способностями человека» [Карасик 2002: 169]. Частично данная лингвокультурная специфика связана с влиянием фольклорного языкового сознания, когда герой сказок «мог всю жизнь пролежать на печи, а потом одномоментно достичь успеха в его понимании – стать богатым или жениться на царевне, победить злого врага и т.д.» [Хрынина 2008: 123-124].

Периферийные компоненты концепта УСПЕХ / SUCCESS обнаруживают как сходства

(благополучие, процветание, польза), так и различия. В структуре концепта УСПЕХ мы не нашли таких составляющих, как: деньги, восхищение, эффект, социальный статус, цель, намеряться, которые манифестируют концепт SUCCESS. С другой стороны, уникальным для русской языковой картины мира является наличие таких компонентов, как: успевание во времени, успех в учебе, совершенствование, счастье, победа, честь.

Для построения фреймово-слотовой структуры концепта УСПЕХ / SUCCESS в русской и английской языковых картинах мира мы анализировали контексты из периодических изданий и художественной литературы.

SUCCESS – MOVEMENT

УСПЕХ – ДВИЖЕНИЕ

Типовые слоты, составляющие данный фрейм, представляют *успех* в английской языковой картине мира как движение вперед/назад (по горизонтали) или вверх/вниз (по вертикали)

Ориентационные метафоры пространственного (горизонтального или вертикального) перемещения типа вперед/назад или вверх/вниз, по утверждению авторов теории метафорического моделирования, согласованы с базисными ценностями, принятыми в американском обществе [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1991]. Реально существующие и глубоко укоренившиеся культурные и социальные приоритеты отражены в системе ориентационных метафор, наиболее значимыми из которых являются GOOD IS UP (ХОРОШЕЕ – ВЕРХ), MORE IS UP (БОЛЬШЕ – ВЕРХ). Описанные социальные стереотипы, репрезентированные в текстах СМИ, отражаются в структуре концепта SUCCESS, представляя достижение успехов как движение вверх, улучшение качества, увеличение количества, интенсивности признака, выражающего рассматриваемое явление, что согласовано в сознании коммуникантов с пространственными метафорами БОЛЬШЕ – ВЕРХ и ХОРОШЕЕ – ВЕРХ. В связи с этим, стремление к тому, чтобы быть успешным, достижение успеха, актуализирует позитивные смыслы и связано с продвижением вверх. В рассмотренных нами контекстах такого рода смыслы выражаются посредством таких словоупотреблений как *at the top; to climb \ rise to the top position; to ride on the crest of the wave; to be at the peak; to come out on top.*

Things are looking up (букв. смотрят вверх) *at home, too* [Комсомольская правда, 2009]. *Can Cirque du Soleil's Guy Lali berté keep his circus business flying high* (букв. летящий высоко)? [Комсомольская правда, 2009]

Вербализация успеха как счастья является частью английской языковой картины мира и также находит свое выражение в словах, оценивающих его по шкале ВЕРХ – НИЗ. *I'm feeling up* (Я в приподнятом настроении); *That boosted my spirits* (Это подняло мое настроение); *My spirits rose* (У меня поднялось настроение); *You're in high spirits* (Вы в хорошем (букв. высоком) на-

строении); *Thinking about her always gives me a lift* (Мысли о ней всегда воодушевляют (букв. приподнимают) меня).

Движение по вертикали, а именно движение вперед также выявляет положительную оценочную семантику в системе ценностей англичан и находит свое отражение в языке.

These findings explain why Tony Blair's party remains just ahead in voting intentions (букв. остается впереди) [The Economist, 2009]. *America pushes ahead* (букв. стремится вперед) *with bilateral, regional and global trade* [Braine J. Room at the Top].

Аналогичные ценностные характеристики можно выявить и в русской лингвокультуре. В рамках данного фрейма актуализируются похожие ассоциации, имплицированные в составляющих концепта УСПЕХ.

Отличительной особенностью является специфика глаголов движения, манифестирующих движение по вертикали или горизонтали. Для русской лингвокультуры частотным является не только представление о том, что достижение успеха – это движение, но и ассоциативные признаки, связанные с этим движением, включающие, например, скоростные характеристики или трудоемкость процесса.

Мы живем в горизонтальном, плоском мире, где небо лежит на плечах. Карабкаться не то чтобы некуда, а незачем [Аргументы и факты, 2009]. *Благодаря этому семимильными шагами развивается фармацевтическая промышленность в нашем регионе* [Аргументы и факты, 2009]. *Начните выполнять смелые и дерзкие изменения все сразу, и вы удивитесь скорости своего успеха* [Комсомольская правда, 2009]. *Внешние обстоятельства могут повлиять на скорость, с которой вы движетесь к успеху* [Комсомольская правда, 2009].

SUCCESS – ACHIEVEMENT

УСПЕХ – ДОСТИЖЕНИЕ

Составляющие данного фрейма в английской ЯКМ содержат идиоматические выражения с номинацией *success: to make a success* (достичь успеха), *little success / ill success* (безуспешно), *well-deserved success* (заслуженный успех), а также глаголы с семантическим компонентом *достижение: to achieve, to succeed, to attain, to manage*.

I need a thousand dollars to begin with and to make a success of it (и достичь успеха) [Waugh E. A Handful of Dust]. *Against our expectations, Mr. Thaksin has managed broadly to keep his election promises* (удалось полностью сдержать свои предвыборные обещания) [The Economist, 2009]. *There were a great many pictures of Conservative notabilities: they shared a sort of mean sagacity of expression, with watchful eyes and mouths like spring traps, clamped hard on the thick juicy steak of success* (букв. толстый и сочный кусок успеха) [Braine J. Room at the Top].

Аналогичным образом происходит актуализация концепта УСПЕХ в русской лингвокультуре.

ре.

Он достиг вершины мастерства [Аргументы и факты, 2009]. *ООО «Сотек» - одна из лидирующих в своем круге строительных компаний* [Комсомольская правда, 2009]. *Я настоятельно рекомендую Вам прочитать истории успеха выдающихся людей или поговорить с теми вашими знакомыми, которые добились значительных результатов в жизни* [Аргументы и факты, 2009]. *Китайским властям удалось сделать то, что от них никто не ожидал* [Аргументы и факты, 2009].

Кроме того, достижение желаемого результата, успех для русского человека ассоциативно связаны с победой. В.И. Карасик считает, что в английской лингвокультуре успех ассоциируется с карьерой, богатством и славой, а в русской – с победой в бою, достижениями в познаниях и завоевании симпатий [28, с. 204].

И все-таки я знаю, что я по жизни победил [Аргументы и факты, 2009]. *Россия завоевывает мировой рынок зерна* [Комсомольская правда, 2009]. *...кто победил в «молочной» войне...* [Аргументы и факты, 2009]?

SUCCESS – WEALTH

УСПЕХ – БОГАТСТВО

Представление успеха как благосостояния, богатства, экономической выгоды, прибыли является традиционным в западных культурах. Данный фрейм является самым продуктивным, а его составляющие содержат большое количество синонимических номинаций, эксплицирующих материальную составляющую успеха. Частотность словоупотреблений также указывает на конвенциональную природу таких соответствий.

All Grade One husbands have inherited fortunes (богатство) [Braine J. Room at the Top]. *Now, with profits booming* (когда доходы стремительно увеличиваются), *balance sheet strengthened, investors are expecting the boss to get the firm back on track* (вновь поставит компанию на ноги) [The Economist, 2009]. *Supporters of all main parties are optimistic about the economic outlook* (экономическом благосостоянии) *for the country and their families* [The Economist, 2007]. *The film was commercial success* (стал лидером кассовых сборов) *but many critics hated it* [The Economist, 2007]. *The Texas giant is yet another oil firm to reap a windfall* (которая неожиданно сорвала куш) *from last years' surge in oil prices* [The Economist, 2007].

Успех выражается не только в материальном благосостоянии индивида, но и компаний, предприятий, а также экономическом благосостоянии граждан страны, успешном развитии бизнеса, стабильности экономической системы и т.д.

В результате смены ценностных ориентаций в современном мире для русского человека успех также связан с богатством и материальной составляющей, поэтому актуализация анализируемого концепта происходит посредством типовых словоупотреблений: *преуспевающий человек, успешно зарабатывать, успешный*

трейд, коммерческий успех и т.д.

Подводя итог нашей работы, можно с уверенностью сказать, что вот уже более 10 лет мы успешно зарабатываем [Комсомольская правда, 2009]. Успешному трейду нужно обучиться не только в теории, но и на практике [Комсомольская правда, 2009]. С небольшой амфибии S-38, рассчитанной на двух пилотов и 8 пассажиров, начался коммерческий успех нашей компании [Аргументы и факты, 2009].

Однако следует отметить, что в количественном отношении русские репрезентанты концепта УСПЕХ значительно уступают английским.

SUCCESS – LUCK

УСПЕХ – УДАЧА

Удача – явление незакономерное, непрогнозируемое, не всегда подвластное человеку. Она почти живая субстанция, может внезапно прийти, а может также неожиданно покинуть. В русской языковой картине мира, как и в речи англичан, удача непредсказуема, не поддается логическому объяснению, ее нельзя приручить.

...you aren't going to give up playing just when the luck's running your way (когда тебе сопутствует удача) [Braine, J. Room at the Top]. I suppose we are lucky (нам посчастливилось) to be able to afford to live here [The Economist, 2007].

Несмотря на наличие данного фрейма в структуре изучаемого концепта, частотность его репрезентации гораздо ниже в английском языке, чем в русском, что обусловлено отличиями лингвокультур – для русского менталитета более характерен акцент на везении, для английской – на усилиях индивида.

Россиянам повезло родиться в стране, «упакованной» в нефть и газ [Аргументы и факты, 2009]. У отца осталось всего 20 долларов, но вложил он их очень удачно – купил билет на концерт Сергея Рахманинова [Комсомольская правда, 2009].

Вера в чудо – древний и самый сильный архетип человечества, особенно знаменательный в структуре российского менталитета [Карасик 2002: 205]. Нельзя не отметить наличие большого количества пословиц, поговорок, идиом в паремнологическом фонде русского языка, имплицитно значимых удаче, везения в жизни индивида. *Не было ни гроша, да (и) вдруг алтын; не светило, не горело, да вдруг припекло; один карась сорвется, другой сорвется, третий, Бог даст, и попадет; пан либо пропал; либо грудь в крестах, либо голова в кустах; удача – брага: удастся – было пито, не удастся – было бито; коли выйдет – будет пиво, а не выйдет – квас; либо полковник, либо покойник; либо мед пить, либо битю быть.*

Часто, говоря об успехе, носители русского языка имеют в виду удачу. Однако, не смотря на то, что семантика этих понятий близка, их суть имеет отличия, т.к. успеха добиваются, зарабатывают, за него борются, а удачу привлекают, приманивают, она как сверхъестественная сила, которая не поддается простому пониманию. Кро-

ме того, удача в русской лингвокультуре часто предстает в образе птицы, синей птицы, поймать за хвост которую дано не каждому («Синяя птица» – песня группы «Машина времени»; «Птица цвета ультрамарин» – рассказ Кирилла Бенедиктова и т.д.).

SUCCESS – STRENGTH (УСПЕХ – СИЛА)

Данный фрейм практически не находит отражения при описании концепта УСПЕХ в русской языковой картине мира. Отсутствие значения силы в «русском успехе» И.В. Ерофеева объясняет тем, что Россия испокон веков почитает святых, слава и подвиги которых не связаны с какой бы то ни было концентрацией вокруг определенного «Его». Быть милым миру, у русского человека значит жить в гармонии, любви друг к другу. На западную же систему ценностей повлияла протестантская философия, где при ударе по одному плечу не нужно подставлять другое, как это заложено в христианстве, а ответить тем же – око за око, зуб за зуб [Ерофеева].

Earlier hopes of a strong recovery (на полное восстановление. Букв. сильное восстановление) *in the second half of this year are now fading* [The Economist, 2008]. *Yet after four years as prime minister, Mr. Thaksin is still going strong* (букв. до сих пор силен) [The Economist, 2008]. *For a start, Mr. Thaksin is likely to be in a stronger position* (более прочную позицию. Букв. более сильную позицию) *in parliament* [The Economist, 2009].

Для русского человека нехарактерно добиваться успеха с применением силы, а в английской культуре, считается, что успех это удел сильных, уверенных людей.

УСПЕХ – ВРЕМЯ

Зачастую успешность того или иного предприятия зависит от времени, которое на него отведено, если времени достаточно, то приложении достаточных усилий мы можем ожидать хороших результатов, если же времени нет, то приходится либо делать что-то впопыхах, либо согласиться с неудачей. Данная идея представлена в структуре концепта УСПЕХ: *Ульяновский авиационно-промышленный комплекс совсем чуть-чуть не успел, чтобы встать на ноги до развала Союза. Мотостроительный цех так и не успели ввести в строй. Правда, успели наладить выпуск военно-транспортных версий Ан-124 «Руслан»* [Аргументы и факты, 2009]. Время является ограниченным ресурсом, которым необходимо научиться управлять, только тогда человек может стать успешным, т.е. успеть.

Данное положение подтверждается проведенным нами компонентным анализом, в результате которого было выявлено, что в русскоязычных лексикографических источниках *успевание во времени* является достаточно частотным компонентом смысла при определении составляющих концепта *успех*. В английской же культуре, время, скорее, подчинено человеку (ритуальный распорядок дня, приема пищи и т.д.).

Таким образом, содержание фреймово-слововой структуры концепта SUCCESS / УСПЕХ в

русской и английской языковых картинах мира позволило выявить универсальные и национально-специфичные компоненты, как на фреймовом уровне, так и в содержании рассмотренных нами словоупотреблений.

Как видно из приведенного выше материала, общими фреймами являются: УСПЕХ – ДВИЖЕНИЕ / SUCCESS – MOVEMENT, УСПЕХ – ДОСТИЖЕНИЕ / SUCCESS – ACHIEVEMENT, УСПЕХ – БОГАТСТВО / SUCCESS – WEALTH, УСПЕХ – УДАЧА / SUCCESS – LUCK.

Содержание первого фрейма универсально для обоих языков. Положение наверху, движение вверх – являются маркерами успешного человека.

Несмотря на одинаковое название данных фреймов, их структурные компоненты все же несколько различны. Например, в русской языковой картине мира мастерство, искусное умение также являются компонентами значения концепта УСПЕХ, тогда как в английской лингвокультуре – это, скорее, яркий имидж, лоск, блеска и чистота.

Деньги и богатство являются неотъемлемыми составляющими успеха, но в английских СМИ ссылки на материальную составляющую успеха более частотны.

Компонент значения *удача* присутствует в структуре обоих концептов, однако для русского человека, успех, основанный на везении, даже более естественен, чем тот, который стоил усилий. Данное наблюдение связано с национальным менталитетом русского народа, в языковом

фонде которого успех определяется через удачу, а иногда они становятся идентичными понятиями.

Компонентный анализ британских лексикографических источников показал, что значение *luck (удача)* составляет лишь периферию изучаемого концепта в английской языковой картине мира.

Фреймы УСПЕХ – ВРЕМЯ и SUCCESS – STRENGTH манифестируют лингвокультурный диссонанс в английской и русской языковых картинах мира, что соответствует характеристикам национального поведения и характера представителей двух стран.

ЛИТЕРАТУРА

Даниленко В.П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгребера URL: <http://www.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>.

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Художественная литература, 1984. 399 с.

Ерофеева И.В. Концепт «УСПЕХ – СЛАВА» в дискурсе современных СМИ. URL: www.krugosvet.ru.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. 537 с.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. с. 166-205.

Хрынина Е.Н. Анализ интерпретационного поля концепта «УСПЕХ» в русском языке // Вестник Ставропольского государственного университета. – Ставрополь: СГУ, 2008. № 54. С. 122-127.

© Каслова А.А., Чернова Н.А., 2010

Распаева Г.Д.
Челябинск, Россия

Raspaeva G.D.
Chelyabinsk, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА
С СУБСФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ
«НОВЫЙ ЗАВЕТ»**

**PRECEDENT NAMES
WITH THE SUB-SOURCE SPHERE
«NEW TESTAMENT»**

В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

IN L. N. TOLSTOY'S WORKS

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.21.51
Код ВАК 10.02.01

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования прецедентных имен с субсферой – источником «Новый Завет» в произведениях Л.Н. Толстого. Сделан вывод о том, что библейские имена (Иисус, Иаков, Иоанн, Павел, Петр, Мария Магдалина, Пилат и др.) играют важную роль в смысловой и эстетической организации толстовских произведений, обеспечивая связность и цельность текстов.

Abstract. The article deals with the problem of using precedent names with the sub-source sphere “New Testament” in L. N. Tolstoy’s works. It was concluded biblical names (Jesus, James, John, Paul, Peter, Mary Magdalene, Pilate, etc.) play an important role in semantic and aesthetic organization of the writer’s texts. The names help to make the texts coherent and complete.

Ключевые слова: прецедентное имя, Л.Н. Толстой, религия, Новый Завет.

Key words: precedent name, L.N. Tolstoy, religion, New Testament.

Сведения об авторе: Распаева Гульжан Джамбуловна, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка.

About the author: Raspaeva Gulzhan Dzhabulovna, Senior Teacher of the Chair of Business Foreign Languages.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454134, г. Челябинск, ул. Куйбышева, д. 84, кв. 1.
E-mail: gdraspaeva@csu.ru.

Произведения Л.Н. Толстого имеют непосредственную связь с религиозной философией, созданной писателем, в основе которой лежат заповеди Иисуса Христа, данные им своим ученикам. Писатель не раз подчеркивал, что в его религии идет речь о смысле и назначении человеческого существования, его нравственной значимости, об отношении к близким и ко всему миру. Он считал, что «эта религия находится в согласии с разумом и современными знаниями, он рекомендовал вести добрую жизнь в любви со всеми, советовал поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой» [Сухов 2001: 118]. Религия Л.Н. Толстого, ядром которой считается нравственная проповедь Иисуса Христа, изложенная в Евангелиях, сводится к совокупности нравственных заповедей.

Библия имела огромное значение в жизни и творчестве писателя. Е.Б. Белоусова отмечает, что «произведения писателя имеют больше точек соприкосновения с Новым Заветом, чем с Ветхим» [Белоусова 2000: 147]. По нашим подсчетам, писатель использовал 44 новозаветные цитаты в эпиграфах и 79 подобных цитат в основных частях своих текстов. Помимо этого в его произведениях встречаются имена ветхозаветных героев: Адам, Ева, Енох, Авраам, Исаак, Ревекка, Иаков, Иосиф, Моисей, Сепфора, Гедеон и другие; имена новозаветных персонажей: Иисус Христос, Эммануил, апостолы Иаков, Матфей, Иоанн, Лука, Петр, Павел, Дева Мария, Иоанн Креститель, Пилат, Мария Магдалина.

В центре нашего исследования находится Новый Завет, ставший источником прецедентных имен, зафиксированных в произведениях Л.Н. Толстого.

Для современной лингвистики характерен повышенный интерес к проблемам прецедентности (В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Ю.Н. Караулов, Г.Г. Слышкин, Н.В. Немирова и др.). В настоящем исследовании за основу приняты следующие определения. «Прецедентность в лингвистике – это процесс отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества» [Немирова 2003: 146]. «Прецедентные феномены реализуются в форме прецедентных текстов, прецедентных высказываний, прецедентных ситуаций, прецедентных имен» [Красных 1997: 64]. «Прецедентное имя – имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, имя – символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [Гудков 2003: 108].

Среди новозаветных героев, использованных писателем в своих произведениях, первое место занимает имя Иисуса Христа (80,6%). Данное имя олицетворяет большой спектр образов и символов, что привело к многократному употреблению его Л.Н. Толстым в своих текстах. Например, символ единородного Сына Господа Бога, сошедшего на грешную землю из Небесного Отчего дома для искупления грехов человечества.

«Мало того, что мы сами знаем это – Христос, сын бога, сошел на землю и сказал нам, что эта жизнь есть мгновенная жизнь, испытание, а мы все держимся за нее и думаем в ней найти счастье» [Толстой 1987. Т. 4: 243].

Иисус Христос представляет символ Божьего Агнца, берущего на Себя грехи мира и одержавшего победу над сатаной, злом.

«— Про агнца ... про агнца открываю ... тот юноша с агнцем был. А сказано: агнец победит я, всех победит ... и кто с ним, те избрании и верни» [Толстой 1987. Т. 11: 486].

Имя Христос олицетворяет суть Божьего закона, состоящего из десяти заповедей, в основе которых лежит любовь к Богу и ближнему.

«Скажите им, что по закону **Христа** надо сделать обратное: если тебя ударили по одной щеке, подставь другую, — сказал англичанин, жестом как будто подставляя свою щеку ...» [Толстой 1987. Т. 10: 548].

Следующим прецедентным именем по частотности является имя апостола Иоанна (2,7%). Иоанн был учеником и последователем Иисуса Христа, написавшим Евангелие, послания к церквям, книгу Откровения, в которой он описывает события последних дней перед вторым пришествием Христа. Именно Апокалипсис был упомянут Л.Н. Толстым в своих текстах, так как писатель не раз размышлял над будущим человечества, кульминацией борьбы добра и зла, в которой добро одержит победу над злом, тираними, разжигателями войн и бедствий, как, например, Наполеон Бонапарт.

«Пьеру было открыто одним из братьев-масонов следующее, выведенное из Апокалипсиса **Иоанна Богослова**, пророчество относительно Наполеона» [Толстой 1987. Т. 5: 83].

Имя Понтий Пилат (2,7%), имеющее одинаковое количество употребления в текстах, так же как и имя Иоанн, представляет образ сложного персонажа, перед которым стояла дилемма: отпустить невинного Иисуса или пойти на уступку, удовлетворяя требование толпы и фарисеев, распять Христа. Этот кульминационный момент, связанный с данным именем, находится в произведении «Анна Каренина».

«— Это увещание **Пилатом**. Матфея глава XXVII, — сказал он, чувствуя, что губы его начинают трястись от волнения» [Толстой 1987. Т. 8: 43].

В толстовских текстах используется имя Иоанна Крестителя (1,9%), олицетворяющего пророка, возвестившего пришествие Христа. Проповедуя покаяние, крестивший Иисуса, Иоанн, будучи в тюрьме, усомнился в Его спасительной миссии. Для этого Иоанн отправляет своих учеников к Иисусу, чтобы Он дал ответ на вопрос: является ли Он Христом? Эта ситуация упоминается писателем в тексте «Где любовь, там и бог».

«Прочел он про сотника, прочел про сына вдовы, прочел про ответ ученикам **Иоанновым** и дошел до того места, где богатый фарисей позвал господу к себе в гости и прочел о том, как женщина-грешница помазала ему ноги и омыла их слезами, и как он оправдал ее» [Толстой 1987. Т. 9: 262].

В произведениях представлены апостолы: Марк (1,9%), Матфей (1,9%), Петр (1,9%), Павел

(1,9%), Лука (0,9%), Иаков (0,9%), написавшие послания верующим, в которых описана жизнь спасителя. Герои Л.Н. Толстого читают благовестие апостолов, находя в них ответы на многие вопросы, решения своих жизненных проблем.

«Случилось раз, поздно зачитался Мартын. Читал он Евангелие от **Луки**» [Толстой 1987. Т. 9: 261].

«— Вот оно, из послания апостола **Иакова**, — сказал Алексей Александрович» [Толстой 1987. Т. 8: 330].

Имя Марии (0,9%), матери Иисуса Христа, олицетворяет кротость и смирение. Данное имя высоко почитается в православной вере, поэтому при описании церковной службы писатель упоминает это имя.

«...хор торжественно запел, что очень хорошо прославлять родившую Христа без нарушения девства девицу **Марию**, которая удостоена за это большей чести, чем какие-то херувимы, и большей славы, чем какие-то серафимы» [Толстой 1987. Т. 10: 144].

В текстах писателя находится имя Марии Магдалины (0,9%), которая известна своим обращением из падшей женщины в верную последовательницу Христа. Она была одной из тех, кому явился Христос после своего воскресения. Эти события были запечатлены апостолом Марком в Евангелии, которое упоминается писателем в описании церковной службы.

«... и священником очень внятно было прочтено место из Евангелия Марка, в котором сказано было, как Христос, воскресши, прежде чем улететь на небо и сесть по правую руку своего отца, явился сначала **Марии Магдалине**, из которой он изгнал семь бесов, и потом одиннадцати ученикам ...» [Толстой 1987. Т. 10: 143].

Итак, проведенное исследование свидетельствует, что в произведениях Л.Н. Толстого активно используются имена с субсферой-источником «Новый Завет». Это связано с тем, что Новый Завет играл огромную роль в жизни писателя. Используя постулаты Евангелия, писатель построил свою религиозную философию, которая нашла отражение в его текстах. Новый Завет тесно переплетается с сюжетами, главными героями, их мировоззрением. Доминирование имени Иисуса Христа (80,6%) объясняется тем, что центром философии писателя является Христос, его заповеди, моральный облик. Ситуации, связанные с именами Иоанна Крестителя, Марии Магдалины, Понтия Пилата, помогают писателю показать сюжетные линии произведений. Л.Н. Толстой намеренно вовлекает своих героев в борьбу добра и зла, ставит перед ними сложные жизненные задачи, решения, которые они находят, читая Евангелие, что объясняет употребление имен апостолов и учеников Христа. Использование новозаветных имен способствует созданию ярких, благородных персонажей, отражающих мировоззрение и нравственные принципы Л.Н. Толстого. Прецедентные имена явля-

ются «одним из средств обеспечения связности и цельности текста, они усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал текста» [Нахимова 2007: 147]. Удачное использование прецедентного имени – мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования картины мира в его сознании.

ЛИТЕРАТУРА

Белоусова Е.Б. Библия в восприятии Л.Н. Толстого // Литературная учеба. 2000. № 2. С. 124-158.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феноме-

ны в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университет. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена, восходящие к текстам Н.В. Гоголя, в современной коммуникации // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 143-148.

Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // Известия УрГПУ. Лингвистика. 2003. № 11. С. 146-154.

Сухов А.Д. Л.Н. Толстой и религия // Философия и общество. 2001. № 1. С. 115-129.

Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. – М.: Правда, 1987.

Распаева Г.Д., 2010

Скворцов О.Г.

Екатеринбург, Россия

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ
И КОРПУСНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ
ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
«LIGHT / DARKNESS»
В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

УДК 81'37

ББК Ш 103.2

Аннотация. В статье рассматриваются особенности компонентного и корпусного анализа в зарубежных исследованиях, посвященных семантической сфере «свет / тьма». Выделяются закономерности совмещения и взаимодействия различных лингвистических методов.

Ключевые слова: семантическая сфера; корпусная лингвистика; компонентный анализ; «свет / тьма».

Сведения об авторе: Скворцов Олег Георгиевич, кандидат филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности, заведующий кафедрой общей лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Институт международных связей, г. Екатеринбург.

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 33, оф. 40.

E-mail: ims@ims-ural.ru.

При исследовании семантической сферы «Light / Darkness» в современной зарубежной лингвистике активно используются самые различные эвристики, связанные с методологией риторики и стилистики, дискурсивным анализом, идеями когнитивной и гендерной лингвистики, а также многими другими лингвистическими направлениями [Скворцов 2009]. К числу этих направлений в полной мере относятся компонентный анализ и корпусная методология.

Основываясь на парадигматико-систематическом представлении о языке, специалисты по компонентному анализу видели цель исследования в описании минимальных единиц плана содержания, получивших разные названия (семмы, семантические признаки, семантические маркеры, семантические компоненты, семантические множители, фигуры плана содержания, дифференциальные признаки, семантические примитивы, компоненты значения и др.). Наиболее часто метод компонентного анализа использовался для анализа рядов парадигматически связанных слов, имеющих в значении интегральную сему, но различающихся минимум по одному дифференциальному признаку.

Применительно к семантической сфере «Light / Darkness» этот метод использовал Р. Майрал Усон [Mairal Uson 1989-1990]. Автор провел компонентный анализ лексем *light* и *darkness* и описал типологию семантического поля на основе анализа отношений этих двух лексических единиц. С одной стороны, автор показывает, что лексические единицы рассматриваемого поля организованы в парадигму, а с

Skvortsov O.G.

Ekaterinburg, Russia

COMPONENTIAL
AND CORPUS APPROACHES
TO THE ANALYSIS
OF THE 'LIGHT / DARK'
FAMILY
IN FOREIGN LINGUISTICS

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07

Код ВАК 10.02.19

Abstract. In the article peculiarities of Componential and Corpus approaches to the analysis of the semantic sphere 'Light / Dark' in foreign linguistics are considered. Regularities of combining and interrelating different linguistic methods are given special attention to.

Key words: semantic sphere; corpus linguistics; componential analysis; 'Light / Dark'.

About the author: Skvortsov Oleg Georgievich, Candidate of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities, Head of the Department of General Linguistics and Intercultural Communication

Place of employment: Institute of International Relations (Ekaterinburg).

другой стороны, предпринимает попытку продемонстрировать, что структурирование и функционирование семантического поля зависят не только от формального типа оппозиций, но и от типа экстралингвистических отношений, которые они организуют. Т.е. задачей исследования становится не только традиционное описание семантических компонентов, но и стремление показать, как лексика проходит процесс категоризации и объективизации в человеческом интеллекте, в данном случае в интеллекте английского писателя Дж. Мильтона.

Для описания парадигмы семантического поля «Light / Darkness», автор собрал корпус лексем, в который вошел широкий набор единиц: *light, glimmering, bright, unobscured, lucid, shine, illumine, radiant, darken'd, Night, day, deep, depth, darksome, starless, opacous, gloomy, dim, dawn* и др. Анализ показал, что все примеры описывались биполярной структурой: + Light / – Light. Другими словами, декомпозиция каждой единицы на семмы позволила обнаружить, что план содержания каждой лексеммы, с одной стороны, содержал общий признак «наличие света» или «отсутствие света», с другой – характерные только для данной единицы признаки, отличающие лексемму от других единиц ЛСП. Напр.:

light: (+light), (+bright).

bright: (+light), (+full intensity), (+shining)

radiant: (+light), (+shining), (light in all directions).

У рассматриваемых лексем есть общий признак, который один ответственен за объе-

динение всех лексем в одну парадигму. Однако внутри парадигмы каждая единица в определенном контексте нейтрализуется, благодаря существованию других дистинктивных сем, характерных для каждой лексемы. Рассматриваемое семантическое поле основывается на привативных оппозициях, т.е. на оппозициях типа «наличие X / отсутствие X». ЛСП «Light / Darkeness» – биполярное поле, основанное на двух конститутивных единицах, находящийся в антонимическом отношении друг к другу. В подобной биполярной структуре нет архисемемы или архилексемы, потому что два сектора, на которые разделяется ЛСП, не могут нейтрализоваться. Помимо трудности обнаружения архилексемы для обоих полюсов к особенностям рассматриваемого ЛСП относится тот факт, что семы маркированы позитивно во всех лексемах, содержащих сему (+light).

Семантическое поле, структурированное по частеречной принадлежности, выглядит у Р. Майрала Усона следующим образом.

	Light		Darkness		
	ADJECTIVES	VERBS	NOUS	ADJECTIVES	VERBS
Day	Bright	Illumine	Depth	Dark	obscure
Light	Gay	Shine	Shades	Gloomy	Dark'n'd
Brightness	Lucid	Lights	Night	Nocturnal	Darkens

Автор считает, что внутри каждой категории лексическая единица содержит особый тип оппозиции и нейтрализуется согласно семантическим компонентам в определенном контексте.

Научное изучение рассматриваемой семантической сферы отражает эволюцию самой лингвистической науки. Поэтому вполне закономерно, что исследование Р. Майрала Усона, выполненное на рубеже 1980-90-х гг., не ограничивается исключительно компонентным анализом. Лингвист рассматривает, как человек сквозь собственный интеллект формализует вербальную субстанцию и упорядочивает общезыковую парадигму. Взяв за основу творчество Дж. Мильтона, Р. Майрал Усон показывает, что в интеллекте известного писателя мы имеем дело со специфической парадигмой – религиозным сценарием. Всю лексику Дж. Мильтона, относящуюся к рассматриваемому ЛСП, Р. Майрал Усон разделил на три антонимические группы. Первая группа включала лексемы *day* и *night*, вторая – *light* и *darkness*, третья – *Fire* и *the Sun*. С одной стороны, выявляются традиционные, общезыковые коннотации и семантические связи, с другой – авторское видение. Если для описания Бога, дня, добра, справедливости используется лексика, содержащая сему (+light), а понятия сата-

ны, ночи, зла связаны с наличием семы (+dark или -light), то антонимическое противопоставление огня (как орудия сатаны в борьбе против Бога) и солнца (содержащего только мелиоративные коннотации) – идиолектная особенность, индивидуальный способ структурирования лексико-семантического поля известным писателем.

Интересные размышления предложены сторонниками **теории релевантности**, поднявшими проблему неоднозначности в выборе прямых и переносных значений в семантике света / тьмы. Эвристики этой теории демонстрирует Б. Кларк на примере анализа произведения Р. Карвера "Little Things". Б. Кларк детально останавливается на сложном случае: фразе писателя *but it was getting dark on the inside too*, которая в равной степени может относиться к описанию психологического состояния и физического окружения [Clark 1996]. Исследователь задается вопросом, как читатели должны определить, что в данном случае нужно использовать психологическую, т.е. метафорическую интерпретацию? Отчасти этому способствует распространенность метафоризации негативных эмоций с помощью образов тьмы в английском языке. Но этого еще недостаточно, чтобы делать вывод о такой интерпретации. Никакой контекст или информация на протяжении всего произведения не препятствует и физической интерпретации этой фразы, согласно которой в комнату стало попадать меньше света, потому что на улице вечерело. Теория релевантности утверждает, что интерпретация совместима с принципом релевантности, если она не приводит к неоправданным усилиям, но обе интерпретации приводят к адекватным усилиям. В таком случае теория утверждает, что первая принятая интерпретация, обнаружившая совместимость с принципом релевантности, является единственным приемлемым вариантом. Если физическая интерпретация более доступна, т.е. вызывает меньшее усилие для понимания выражения, то психологическая интерпретация отвергается, и наоборот. Но в данном случае и это правило не работает, так как обе интерпретации в равной степени доступны.

При равной доступности двух интерпретаций теория релевантности предлагает два объяснения. Первое состоит в том, что затруднение интерпретации связано с неправильной оценкой автором когнитивных ресурсов адресата. Второе основывается на допущении, что автор намеренно оставляет несколько равнозначных вариантов интерпретации, что и выбирается Б. Кларк в качестве объяснения этой фразы.

Несмотря на активную экспансию теории концептуальной метафоры в методологическом поле лингвистики, исследователи часто вносили в программные постулаты теории коррективы. Сомнения в некоторых положениях теории

концептуальной метафоры нашли эмпирическое подтверждение в **корпусной лингвистике**. Последователи этого направления придерживаются мнения, что интуиции недостаточно для достоверного прогнозирования естественной речи, а именно на интуиции были основаны постулаты теории концептуальной метафоры. Как отмечает Э. Дейнан, «корпусная лингвистика во многом поддерживает когнитивную теорию метафоры, однако корпусные данные подвергают сомнению детали теории» [Deignan 2005b]. Для верификации этих сомнений Э. Дейнан обратилась к корпусному исследованию лексем *light* и *dark*.

Для сторонника корпусной лингвистики большое значение имеет выбор корпуса для исследования. Методологическая процедура выбора корпуса обычно проходит через несколько этапов. Для начала исследователь должен определиться с тем, что он будет считать корпусом. Ч. Мейер [Meuer 2004] выделяет два основных подхода к определению этого понятия. В первом случае корпусом считается любая совокупность текстов, во втором – относительно большая совокупность естественных текстов, которые хранятся в готовом для компьютерной обработки виде.

Далее исследователю необходимо определить, нужен ли ему специализированный или неспециализированный (общезыковой), отрывочный или полнотекстовый, открытый (пополняемый) или закрытый корпус. Так как цель исследования Э. Дейнан заключается в анализе закономерностей функционирования лексем *light* и *dark* в естественном языке, для изучения использовался знаменитый корпус Bank of English – неспециализированный, полнотекстовый, открытый корпус естественных текстов английского языка, доступный в электронном виде. Возможность компьютерной обработки материала позволила провести анализ лексем *light* и *dark* с помощью изучения конкордансов. Для исследования был выбран корпус лексем *light* / *dark* (по 1000 единиц), учитывая дериваты и грамматические формы, а также синонимы *gloomy* и *bright*. Омонимичная форма *light* со значением «not heavy» из анализа исключалась.

Конкордансы с лексемой *light* позволили выделить три концептуальные метафоры: KNOWN IS LIGHT, GOODNESS IS LIGHT, HAPPINESS IS LIGHT. Наиболее частотной оказалась метафора KNOWN IS LIGHT. Конкордансы с лексемой *dark* и ее дериватами отразили реализацию концептуальных метафор UNHAPPINESS IS DARK, UNKNOWN IS DARK, EVIL IS DARK.

Э. Дейнан выяснила, что в грамматическом отношении лексемы *light* и *dark* функционируют различно. *Light* как прилагательное со значением «bright» почти не употребляется метафорически, в то время как метафорическое употребление прилагательного *dark* широко распространено. Прилагательное *light* используется

как метафора только в коллокации *light years* в качестве реализации концептуальной метафоры DIFFERENCE IS PHYSICAL DISTANCE. Примеры метафорического использования глагольных форм тоже немногочисленны. К ним относятся употребления фразового глагола *light up* (как реализация концептуальной метафоры HAPPINESS IS LIGHT). Почти всегда этот глагол используется с лексемами *face* и *eyes*. Значительная группа глагольных примеров относится к устойчивым выражениям *to come to light* и *bring to light*.

Если прилагательное *dark* используется в метафорическом значении гораздо чаще, чем прилагательное *light*, то глагольная метафора *darken* занимает незначительную нишу в общем корпусе, сопоставимую с глагольными метафорами *light* и почти полностью представленную устойчивым выражением *darken someone's door*.

Дисгармонию в систематичности проекций выявляет анализ лексем *bright* и *gloomy*. Рассмотрение примеров употребления лексемы *gloomy*, одного из синонимов *dark* в буквальном значении, продемонстрировало, что в отличие от лексемы *dark* ее синонимы *gloomy* / *gloom* используются только для описания сферы-мишени UNHAPPINESS, но не UNKNOWN. Также и синоним *bright* используется для концептуализации сфер-мишеней HAPPINESS и OPTIMISM, но не употребляется для осмысления домена KNOWLEDGE, хотя и используется для описания хороших умственных способностей.

Неожиданные выводы корпусный подход позволил получить и при рассмотрении семантических отношений в сфере-мишени. Казалось логичным предположить, что метафоры *light* и *dark* будут использоваться как антонимы в сферах-мишенях EMOTIONS, KNOWLEDGE, GOODNESS и EVIL, но корпусные данные показали, что подобное противопоставление нехарактерно для английского языка. Эти лексемы тяготеют к разным сферам притяжения метафорической экспансии. Большинство метафорических употреблений *light* связано со сферой KNOWLEDGE, в то время как *dark* обычно используют для описания сферы UNHAPPINESS.

Также метафорические значения распределены неравномерно по частям речи: метафора *light* обычно употребляется как существительное, а *dark* как прилагательное. Даже когда метафоры *light* и *dark* относятся к одной и той же части речи, они не являются антонимами (как, например, в выражениях *in the light of* и *in the dark*). Относительно антонимичными являются только выражения *(be) in the dark*, *shed* и *cast / give light*, а также *light up* и *darken*, используемые для описания выражения эмоций на человеческом лице. В случае, когда *dark* и *light* встречаются в одинаковом окружении значение словосочетаний различно. К примеру, *dark years* – это годы грусти и отсутствия надежды, в то время как *light years* относится к обозначению

нию расстояния или психологической дистанции.

Полученные результаты, по мысли Э. Дейнан, свидетельствуют о недостатке систематичности проекций, которую следовало бы ожидать при использовании принципа инвариантности и постулатов теории концептуальной метафоры. Исключением являются только неконвенциональные метафоры. Свежие метафоры *light* и *dark* используются только для тех сфер-мишеней, которые уже задействованы в концептуальных метафорах, что подтверждает идею о том, что парадигматические отношения доступны для эксплуатации при разработке новых значений слов. Вместе с тем количество свежих метафор в корпусе очень мало, подавляющее число метафор с семантикой света и тьмы – устойчивые выражения.

Автор считает, что это объясняется экстралингвистической природой света и тьмы. *Light* используются для того, чтобы говорить об известных вещах, а *dark* – о неизвестных, что обусловлено онтогенетическим опытом взаимодействия с окружающей средой. Свет связан с позитивно оцениваемыми чувствами уверенности, безопасности, радости, в то время как тьма вызывает негативно оцениваемые чувства небезопасности, меланхолии и физического неудобства. Таким образом, перенос концептуального содержания из понятийных сфер LIGHT и DARKNESS в сферы KNOWLEDGE и EMOTIONS основан на метонимии. Метонимическая мотивация в совокупности с кросс-доменной проекцией позволяют отнести фигуративные употребления *light / dark* к группе метафор, основанных на метонимии (*metonymy-based metaphors*). Следовательно, нарушение принципа инвариантности и слабое проявление систематичности концептуальных проекций объясняется тем, что метафоры *light / dark* относятся к особой группе фигуративных выражений, основанных на метонимической проекции, что отличает их от собственно метафор, типа ARGUMENT IS WAR, в которых систематичность выражена довольно отчетливо.

Иначе применил методы корпусной эвристики Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black 2008]. В его изыскании на предмет концептуализации депрессии доказано, что, хотя в 90 % случаев осмысления депрессии используется метафора DEPRESSION IS DESCENT, наибольшей продуктивностью обладает метафора DEPRESSION IS DARKNESS.

Методы корпусной лингвистики помогают глубже понять взаимоотношения между единицами лексико-семантических полей и концептуальными метафорами. Так, К. Саллеван выявила, что близкие концептуальные метафоры HAPPINESS IS LIGHT и KNOWING IS SEEING могут быть выражены только определенными лексемами. К примеру, *sunny person* употребляется только в значении «cheerful person» (относится к метафоре HAPPINESS IS LIGHT), *brilliant person*

используется только в значении «intelligent person» (относится к метафоре KNOWING IS SEEING), в то время как *bright person* может выражать любое из двух значений и относится к обеим концептуальным метафорам [Sullivan 2006]. Также данные корпусной лингвистики позволили показать, что лексемы *light* и *dark* способны репрезентировать концептуальную метафору KNOWING IS SEEING, но только в устойчивых выражениях *be in the dark*, *come / bring to light* и *shed light on* [Cameron, Deignan 2006].

Как ответвление корпусной лингвистики можно рассматривать изыскания в области **квантитативной стилистики**. Именно это направление М. Стаббс указал в качестве методологической основы для своего анализа лексики света и тьмы в творчестве Дж. Конрада. Компьютерная обработка материала позволила построить конкордансы и определить особенности дистрибуции лексики света и тьмы, проследить частотность прямого / переносного употребления рассматриваемой лексики, рассмотреть разнообразие видов тропеического использования данной лексики [Stubbs 2005].

В лексикографическом контексте представляет интерес книга Дж. Райта [Wright 2001], в которой в форме тезауруса представлен «язык гражданской войны в США». Из нее можно узнать, что именно в рассматриваемый период получило распространение выражение как *dark as hell's cellar*, прозвища *darky*, *chained lightning*, *old blue light* и *charcoal nigger*, ругательство *By lightning!*, наименования военных подразделений *The Light Division* и *Lightning Brigade*.

Как показывает настоящий обзор, при исследовании семантической сферы «Light / Darkness» в современной зарубежной лингвистике активно используются компонентный анализ и корпусные исследования. При этом нередко приходится наблюдать совмещение подходов, когда компонентный анализ дополняется элементами сопоставительного исследования, а при корпусной методике учитываются достижения когнитивной лингвистики или теории дискурсивного анализа. Квантитативный анализ лексем может сочетать методы когнитивной и корпусной лингвистики. Методологический синтез – закономерная черта развития современной лингвистики, эволюционирующей в сторону интердисциплинарности исследований. Лингвисты все чаще стали совмещать методологически различные подходы, надеясь получить новые результаты и увидеть прежде скрытые аспекты анализируемых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

Скворцов О.Г. Риторическое направление в исследовании семантической сферы «Light / Darkness» (по материалам политической коммуникации) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28).

Barker W. Lunacy of Light: Emily Dickinson and the Experience of Metaphor. – Carbondale, Ill.: Southern Illinois University Press, 1991. 218 p.

Cameron L., Deignan A. The Emergence of Metaphor in Discourse // *Applied Linguistics*. 2006. Vol. 27(4).

Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

Charteris-Black J. The Blackbird on the Shoulder – Gender & Metaphors of “Depression”. Paper presented at the “7th International Conference on Researching and Applying Metaphor (RaAM 7)” on “Metaphor in Cross-Cultural Communication,” held at the University of Extremadura, Spain, 2008.

Clark B. Stylistic analysis and relevance theory // *Language and Literature*. 1996. Vol. 5. № 3.

Deignan A. *Collins Cobuild English Guides 7: Metaphor*. – London: Harper Collins, 1995.

Deignan A. *Metaphor and Corpus Linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005.

Goswami U., Brown A.L. Melting chocolate and melting snowmen: Analogical reasoning and casual relations // *Cognition*. 1989. Vol. 35.

Meyer Ch.F. *English Corpus Linguistics: An Introduction*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. Vol. 53.

Stubbs M. Conrad in the computer: examples of quantitative stylistic methods // *Language and Literature*. 2005. Vol. 14. № 1.

Sullivan K. Frame-Based Constraints on Lexical Choice in Metaphor // *Proceedings of the 32nd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Berkeley, CA: BLS, 2006.

Waite B., Osborn M. Attitudinal Effects of Selected Types of Concluding Metaphors in Persuasive Speeches // *Speech Monographs*. 1966. Vol. 33. № 2.

© Скворцов О.Г., 2010

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В соответствии с традициями нашего журнала раздел «Из истории политической лингвистики» включает переводы на русский язык зарубежных исследований, относящихся к начальным этапам развития политической лингвистики. Мы публикуем как «классические» исследования, оказавшие заметное влияние на становление и эволюцию политической лингвистики, так и статьи, которые ярко демонстрируют специфику того или иного научного направления. В предыдущих выпусках журнала были широко представлены исследования первой половины прошлого века, выполненные в рамках квантитативной семантики и контент-анализа, риторического критицизма и политической семиотики, стилистики и психоанализа. В настоящем выпуске публикуется перевод статьи профессора Дональда А. Стрикленда «On Ambiguity in Political Rhetoric: Defeat of the Rat Control Bill in the House of Representatives, July 1967», которая была впервые напечатана в 1969 году в журнале «Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique» (Vol. 2, No. 3, с. 338-344). Исследование выполнено в русле лингвопрагматики, популярного направления американской политической лингвистики, оказавшего значительное влияние на развитие интент-анализа политической коммуникации, особенно анализа речевых стратегий и тактик.

Стрикленд Д.А.
Иллинойс, США

Перевод Калыгиной М.Ю.

О НЕЯСНОСТИ

В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ:

ОТКЛОНЕНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТА О БОРЬБЕ С КРЫСАМИ В ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНГРЕССА США В ИЮЛЕ 1967 ГОДА

УДК 81'27: 808.5

ББК Ш 100.3

Аннотация. Демократические режимы находят-ся под влиянием различных форм политической риторики, которые уменьшают роль аргументации и логики в процессе принятия государственных решений. Настоящий очерк анализирует текст известных дебатов в Конгрессе США по поводу Законопроекта о контроле над крысами. Пункт за пунктом, в порядке простой очередности были рассмотрены выступления членов Конгресса, чтобы определить степень их неясности и двусмысленности. Оказалось, что противники законопроекта (республиканцы, консерваторы или демократы Юга) прибегали к подобному типу высказываний в четыре раза чаще, чем его сторонники (республиканцы, либералы и демократы). Было также обнаружено, что во время дебатов значение обсуждаемых проблем намеренно искажалось, а также появлялись дополнительные, провокационные вопросы. Статья заканчивается несколькими гипотезами по поводу нерешенных проблем законодательных дебатов с точки зрения социальной психологии.

Ключевые слова: политическая риторика, двусмысленность, дебаты, Конгресс США, законопроект.

Сведения об авторе: Дональд А. Стрикленд.

Место работы: Северо-Западный университет Иллинойс, США.

Сведения о переводчике: Калыгина Мария Юрьевна, аспирант, ассистент кафедры гуманитарных и социально-педагогических дисциплин.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 624130, Свердловская обл., г. Новоуральск, Театральный пр-зд, д. 9, кв. 60.

E-mail: kmi77@mail.ru.

Strickland D.A.
Illinois, USA

Translated by Kalygina M.Yu.

ON AMBIGUITY IN POLITICAL RHETORIC: DEFEAT OF THE RAT CONTROL BILL IN THE HOUSE OF REPRESENTATIVES, JULY 1967

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. Democratic regimes are committed to various forms of political rhetoric, which diminish argumentation and rationalism in the process of legitimation. The essay analyzes the text of the well-known debate in the United States House of Representatives on the Rat Control Bill. Step by step the author examines the Congressmen's speeches in order to determine the degree of ambiguity and vagueness. It was found the opponents of the Rat Control Bill (who were all Republicans, Conservatives or southern Democrats) made irrelevant utterances about four times as often as did the proponents (Republicans, Liberals and Democrats). The meaning of the problems under discussion was deliberately mutilated and we also could find some additive emotional questions. Several hypotheses come to mind in the course of the study, but they must await further research for their resolution in the network of social psychology.

Key words: political rhetoric, ambiguity, debate, the United States House of Representatives, bill.

About the author: Donald A. Strickland.

Place of employment: Northwestern University, Illinois, USA.

About the translator: Kalygina Mariya Yuryevna, Post-graduate Student, Assistant Teacher of the Department of the Human and Socio-pedagogical Disciplines.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

624130, Novouralsk, Theater Square, d. 9, apt. 60.

Демократические и недемократические политические системы испытывают двойственное влияние рационального дискурса: с одной сто-

роны, любые политические руководители не могут руководить эффективно, пока они не найдут общий язык друг с другом, с другой сто-

роны, чем демократичнее режим, тем лучше избиратели представляют, что именно и зачем делают их представители, и тем больше руководители знают, что их избиратели требуют и почему.

Поэтому рассмотрение роли неясного изложения мыслей в риторике демократов заслуживает внимания. В данной работе мы не хотим отрицать того, что двусмысленность и утаивание правды являются политической необходимостью. Даже если бы не было ситуаций, где «благороднейшая ложь» служит во спасение большинства граждан (ср. благополучия руководителей), то, бесспорно, существует множество случаев, где такт, дипломатия и человеческая интуиция подсказывают нам, как наиболее корректно преподнести правду. Выделим два мощных психологических стимула к двусмысленности, которые превосходят тактичность и жадность.

Первый стимул состоит в том, что неясность ведет к загадочности, а загадочность стимулирует недовольства и желания. Стадия, на которой ситуации придается таинственность, сменяется стадией эмоционального возбуждения и спада напряжения с переходом к стереотипу.

Второй стимул к двусмысленности – это наше желание мира и сплоченности. Это желание не исполнится, если ошибки руководителей будут сразу же становиться достоянием общественности или если политические диссиденты будут продолжать ныть и жаловаться. По мнению Льюиса Мамфорда, неясность в языке политики берет свое начало в монархической форме правления (фараон никогда *точно* не знал, к чему могут привести его приказы) и является неотъемлемой частью нашего современного технологического общества (по этой же самой причине) [The Myth of the Machine 1967].

Цель данного эссе заключается не в том, чтобы исследовать уместность политического лицемерия, а, скорее, в том, чтобы внести вклад в развитие политической семантики [Lasswell, Leites 1965], дополнить ранее проводимые исследования примерной типологией двусмысленных высказываний. Выражаем благодарность за вдохновение К. Леви-Строссу, Н. Лейтесу, К.Н. Ллуэллину и М. Эдельману. Данное исследование не следует путать с философским анализом политического языка, проведенным, например, T.D. Weldon, The Vocabulary of Politics (Baltimore, 1955), или Brian Barry, Political Argument (London, 1965).

Однако если не нарушаются определенные этические нормы, двусмысленность может иметь преимущества, тогда как в других случаях политическое лицемерие отравляюще действует на демократические процессы. Добавим, что двусмысленность в высказываниях также является важным симптомом душевного расстройства, так как характеризует речь людей, страдающих шизофренией [Wender 1967: 332].

В нашем повседневном языке понятие «двусмысленное выражение» имеет две главные

коннотации: (1) высказывания, которые слушатель считает неясными или бессмысленными, и (2) высказывания, которые воспринимаются как намеренно двусмысленные. Интересный подробный анализ видов двусмысленных выражений представлен в работе William Empson, *Seven Types of Ambiguity* (London, 1963). В данной работе мы не следуем подходу Эмпсона, основывающемуся на анализе литературных материалов, так как данный подход является слишком строгим относительно наших данных. Кроме этого, Эмпсон не уделяет должного внимания запутыванию и негативному эффекту двусмысленности в таком виде, в котором нам бы хотелось осветить обозначенный феномен в настоящей статье. В обоих случаях мотивом двусмысленных выражений служит желание обмануть, ввести в заблуждение или закодировать информацию (т.е. общаться с помощью меньшего количества слов). Когда предполагаемый мотив – обман, мы называем это «лживость». Когда предполагаемый мотив – уклонение от принятия жестких решений и создание иллюзии консенсуса, мы называем это «запутывание».

В качестве примера политической риторики были выбраны дебаты в Палате представителей США (H.R. 11000. Текст дебатов можно найти в официальном издании Конгресса США "Конгрэшил рекорд" от 20 июля 1967 г.), связанные с Законопроектом о борьбе с крысами. В своем выборе мы руководствовались следующими соображениями: отклонение этого законопроекта в Палате (цель законопроекта H.R. 11000 – узаконить выделенные государством в 1968 и 1969 г. 20 миллионов долларов в качестве программы материальной помощи местным органам власти для борьбы с крысами) было связано с городскими расовыми беспорядками 1967 года; дебаты проходили во время беспорядков в Ньюарке и Детройте, то есть было бы трудно поспорить, что дебаты должны быть обычными просто потому, что обстановка и последствия были обычными. Эмоциональная атмосфера во время прений была привычно напряженной – ровный монотонный ритуал «Замечаний» в зале заседаний Парламента. Само название Законопроекта содержало в себе неуместную аллюзию (слово «крыса» – очень распространенный американизм, которым называют антисоциалиста или неугодного человека).

После заключительных прений совещательного органа прошло голосование. Голосование в свою очередь показало реальное отношение конгрессменов к Законопроекту. Содержание Законопроекта было достаточно определенным и лаконичным (выделение государственных средств городу на дератизацию), таким, что можно было безошибочно определить степень важности-неважности проблемы.

Важность, скажете Вы, трудно оценить. Многообразность дискурсивной речи мешает всяким измерениям *с самого начала*; и конечно, следует согласиться, что любые *политические*

дебаты очень трудно поддаются количественному измерению.

Политические дебаты – это социальное явление, в котором каждый участники по-своему определяет суть проблемы; и именно на этих различных подходах к проблеме основывается критерий важности. Поэтому в данной работе мы не столько пытаемся предложить *семантическое* измерение важности, сколько измерение *неясности* на том основании, что каким бы ни было Ваше видение проблемы, высказывание становится менее и менее важным, потому что оно становится сомнительным либо совсем теряет коммуникативную функцию.

Не следует оставлять без внимания тот факт, что цель некоторых высказываний – преднамеренно привести в замешательство, обмануть, вызвать гнев и т.д. Однако следует подчеркнуть, что любой процесс принятия решений, связанный с оценкой реальности и распространением информации о реальных событиях, должен обладать высокой степенью недвусмысленности коммуникации.

Предлагаемая нами шкала, с одной стороны, проста, а с другой – объемна. Поэтому статистически важные данные, собранные по этой шкале, оказались показательнее данных, полученных с помощью более совершенной семантической шкалы. По данной шкале, высказывания, в которых *нет* неясности или двусмысленности, относятся к группе с индексом «0». Высказываниям, в которых присутствует косвенный намек, *двусмысленное выражение* или игра слов, присваивается индекс «1». Высказывания с неясным или двойным смыслом, выходящим за пределы индекса «1», получают индекс «2».

Термин «Неясность» используется здесь для обозначения высказываний, которые в контексте не содержат никакой информации либо содержат несколько возможных значений (и поэтому несут мало информации или совсем не содержат таковой, подобно «шуму» в теории коммуникации). Неясность следует отличать от неопределенности и абстракции, а также от эмоциональности, ценностных суждений и переопределения проблем.

Более того, в данной работе термин «неясность» относится к суждению автора (меня самого), который понимает смысл дебатов, политический контекст и логические последствия речей. Ввиду отсутствия методов, проверка истинности результатов данной исследовательской работы не проводилась.

Единицей анализа в данной работе является предложение с любым количеством слов, характерным для синтаксиса английского языка, в котором имеется не менее одного подлежащего и одного сказуемого, а также не более одной основы. Предложение с одним подлежащим и двумя сказуемыми будет считаться дважды.

Так как цель данного исследования топографическая – предположить, какие скрытые модели (если таковые имеются) можно обнаружить в определенном примере полиморфного поведения законодательной власти – нет необ-

ходимости выдвигать какие-либо гипотезы к моему подходу. Однако уместность некоторых гипотез рассматривается в заключительной части нашей работы.

Таблица 1

	Отношение говорящих	Частотный показатель	Кол-во выступавших	Кол-во предложений
Показатель общей неважности неуместности	за против	.056 .203	11 10	322 290
Показатели общей неважности: речи, состоящие из более, чем 30 предложений	за против	.050 .204	6 4	233 235
Показатели абсолютной неважности («2»)	за против	.003 .024	11 10	322 290
Показатели абсолютной неважности («2»): речи, состоящие из более, чем 30 предложений	за против	.004 .030	6 4	233 235

Полученные данные представлены в виде (а) показателей частотности (Ввиду того, что раскодировка информации производится разными реципиентами, проверка значений по данным показателям не проводилась, что не гарантирует достоверность значений. Описание способа обоснования, применяемого в данной работе, можно найти в D.A. Strickland and P.R. Kress, "Tests of Significance in Political Analysis," in M. Haas, ed., *Statistical and Quantitative Methods* (Evanston, forth coming)) по «шкале неясности» и (b) выявления логических и семантических приемов, которые переключают внимание от обсуждаемой темы (финансирование городской программы по контролю над крысами).

Приведенные частотные данные представлены в виде показателя неясности на определенное количество предложений: например, частотность .03 значит, что *средний* показатель двусмысленных (индекс «1») и неясных (индекс «2») высказываний для говорящего составил 3 единицы на 100 предложений. Первые два раздела таблицы отражают соотношение позитивного (позиция «за») и негативного (позиция «против») отношения говорящего к проблеме по трехмерной шкале неясности и двусмысленности, которая была описана выше. Показатель «абсолютной неясности» представляет данные, получившие крайнюю отметку («2») по данной шкале.

Суммируя полученные данные, мы пришли к выводу, что противники Законопроекта о борьбе с крысами (все они республиканцы или южные демократы) допускали неопределенность в своих высказываниях примерно в четыре раза чаще сторонников Законопроекта; и количественные показатели оказались в четыре раза больше у тех, кто говорил дольше. Противники Законопроекта произносили неясные утверждения (следует отличать от двусмысленных выражений) в восемь раз чаще сторонников; в отношении тех, кто говорил дольше, разница в показателях немного сократилась.

Одним из вариантов толкований полученных данных является то, что противники любого законодательного акта оказываются успешнее сторонников в сборе аргументов и отвлекающих маневров. Данный аргумент не является убедительным, поскольку обе стороны заинтересованы в победе при голосовании. Другой вариант толкования показывает, что *насколько* сторонники на этот раз были искуснее в рациональном дискурсе и лучше говорили по существу дела, намеренно занимая такую позицию из тактических соображений; *настолько* и противникам не хватило умения говорить по существу.

Из второй части статьи, где описывается тактика уклонения в аргументации, мы видим, что проблема с крысами в городах не была оставлена без внимания в правительстве США. Предпринималась попытка одновременно представить доказательства и решить проблему; однако создается впечатление, что основное усилие направлено на то, чтобы «размыть» границы вопроса до неузнаваемости или запутать, отвлечь внимание слушателей. Ниже приведен список категорий, отражающий большинство тактик уклонения и подходящий для описания дебатов по Законопроекту о борьбе с крысами. С другой стороны, данные тактики являются достаточно агрессивными и резко снижают уровень важности обсуждаемого вопроса.

В данном исследовании мы различаем два вида уклонения: (1) расширение рамок рассматриваемого вопроса и (2) усиление эмоционального напряжения дискуссии. Первая тактика уклонения знакома студентам, которые изучают аспекты ведения переговоров [Ikle 1964]. Вторая тактика связана с усилением эмоциональности, снижающей аналитические способности многих людей и вызывающей чувства и представления, не свойственные для разума в спокойном состоянии. По причине того, что каждая политическая партия, участвующая в дебатах, убеждена в своей правильности видения данного вопроса, мы не будем строго разделять эти категории, взятые отдельно и вне контекста.

РАСШИРЕНИЕ РАМОК ВОПРОСА

Объединение нескольких вопросов в один

Несколько выступающих заявили, что вопрос государственной помощи городской программе по борьбе с крысами может быть правильно сформулирован только при наличии од-

ного или нескольких дополнительных вопросов по данной теме, например:

Органы власти. Одни выразили озабоченность тем, что федеральное правительство «поглощает» местные органы управления; другие предположили, что государственный проект разрушит личную инициативу.

Обобщение. Некоторые выступающие настаивали на том, что истинная проблема касается вредителей и их уничтожения. Также была упомянута проблема борьбы с дроздами, воробьями и змеями и статистика по укусам животных (включая укусы лам).

Прагматика. Выступающие заявили, что ни одна подобная программа не сработает, а если даже и сработает, то работа будет выполнена не федеральным агентством, так как ни одна подобная проблема ранее не была решена. (Республиканец Хэйли предложил выпустить на улицы кошек; республиканец Петтис предложил ввести денежное вознаграждение, которое выдается властями за выполнение работы, представляющей ценность для общества.)

Сравнения. Сравнение, конечно, является нормальной и необходимой мерой в оценке различных программ. Однако подобная процедура имеет определенные последствия, а именно, объединяет две проблемы и заставляет некоторых людей подолгу дискутировать о их различиях и сходствах (например, о большом количестве возможных вариантов). Защитники Законопроекта о борьбе с крысами подняли в надежде, например, вопрос о военных расходах, в том числе на войну во Вьетнаме, что стоимость их программ покажется относительно низкой.

УСИЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

Восторг-негодование. Хотя законодательные дебаты могут проводиться в атмосфере ликования и негодования, интересно заметить, что в данном случае предполагается негодование. Даже в том случае, если сторонники Законопроекта будут удовлетворены «демонстрацией ужасов» и проигнорируют мольбы о счастливом и светлом будущем.

Косвенный намек. Во время дебатов можно было услышать частое упоминание о дроздах, змеях, крысах и т.д. Поскольку на тот момент главным обсуждаемым событием было волнение чернокожих в Ньюарке, справедливо признать, что подобные акценты являлись выражением правительственного недовольства в адрес чернокожих бунтовщиков. И сторонники, и противники законопроекта (что широко освещалось средствами массовой информации) говорили о «разновидности двуногих крыс» и «разновидности четвероногих крыс». Представитель южных республиканцев Бройхилл предсказал появление «крысиных членов комиссии», «крысиных попечительских советов», а также украшал свою речь такими фразами, как «эксперт по крысам» и «по-крысиному быстро» (в качестве игры слов) (аллюзия к выражениям «rat smart» и «rat now» – прим. пер.).

Эпитеты. Косвенный намек способен вызвать раздражение оппонентов, что приводит к

смене эмоциональной атмосферы дебатов; но, как мы знаем, второе значение никогда не появляется внезапно. Использование в речи эпитетов свидетельствует об очевидной и нескрываемой цели выступающего спровоцировать слушателей. В настоящих дебатах, противники называли Законопроект «смешным», «постыдным», «нелепым» и «чудовищным».

Недоверие. Обе стороны предположили, что противники и их эксперты были дезинформированы, введены в заблуждение и, возможно, некомпетентны. Такое провокационное поведение, в большей мере свойственное противникам законопроекта, проявлялось в значительной степени на уровне намеков и не было подкреплено фактами. В некоторых перепалках характер недоверия производил впечатление, будто соперники намеренно обманывали друг друга и скрывали правду.

Доведение до абсурда. Некоторые из вышеперечисленных способов заимствуют подобную разновидность насмешки. Таким образом, в результате умелой манипуляции концептуальными категориями насмешка прослеживается в следующих предложениях: Являются ли крысы разновидностью миграции в природе? Должно ли правительство нести ответственность за укусы других представителей фауны, например, жуков и белок? Может быть, кто-нибудь в правительстве уже создал данный Законопроект, так как по всем другим вопросам законы уже приняты? И так далее. В других случаях составные части предложения были сильно изменены, чтобы программа в итоге получилась очень дорогостоящей, непосильной для всех органов местной власти или совсем разорительной и бесплодной, нерезультативной.

В данной статье проведено исследование случаев привнесения неясности в высказывания и способов, препятствующих рациональности, на примере дебатов в Палате представителей США по законопроекту оказания государственной поддержки городским властям в борьбе с грызунами. Мы пришли к заключению, что неясные и двусмысленные выражения значительно реже звучали в речах сторонников законопроекта (демократов и либеральных республиканцев), чем противников (республиканцев и демократов-южан).

Было выявлено несколько риторических тактик, направленных либо на отвлечение внимания от обсуждаемой темы, либо на усиление эмоциональной составляющей дебатов, что препятствовало дальнейшему рациональному обсуждению вопроса.

В ходе исследования появилось несколько гипотез, которые, однако, требуют дальнейшего изучения.

(1) Чем продолжительнее дебаты, тем больше согласие сторон, в том числе между вновь образовавшимися фракциями.

(2) Чем продолжительнее дебаты, тем реже звучат общие термины в выступлениях сторон,

имеющих различные точки зрения на решение проблемы.

(3) Чем продолжительнее дебаты, тем больше появляются отдельных вопросов, которые представляются якобы важными.

(4) Участники дискуссии, которые допускают большее количество неясных и двусмысленных высказываний, в меньшей степени способны ясно выразить свои мысли по обсуждаемому вопросу.

(5) Выступающие, которые создают эмоциональное напряжение, в большей степени рассчитывают на неясность и двусмысленность в достижении цели.

(6) Те, кто больше полагается на неясность-двусмысленность, чаще используют риторические тактики разобщения, обобщения и различные виды эмоциональной провокации.

Несмотря на то, что данные гипотезы нуждаются в более детальном и расширенном исследовании, чем представленное в данной работе, нам, возможно, удалось дать общее представление о вопросах, которые волнуют исследователей поведения в политической науке. В частности, мы касались вопросов (1) перехвата внимания, (2) исключения появления альтернативных или двойных формулировок обсуждаемого вопроса, (3) окончания прений.

Полученные данные показывают очевидность того, что формулировка вопросов и последствия неуместности и двусмысленности в дебатах рождают совокупность дегенеративных высказываний, даже если обсуждаемая проблема и политический контекст требуют серьезного размышления.

В наше время излишне задавать вопрос, присутствуют ли подобные тенденции в законотворческих дискуссиях; интересует лишь одно: почему мы перестали верить в разумные рассуждения демократических собраний? Критика многолюдного, индустриализированного и бюрократизированного общества заставила нас осознать опасности манипуляции и мистификации. Тем более, если политики могут удобно спрятаться в тени намеренной неясности, то социологи и ученые не могут позволить себе подобного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana, Ill., 1964.

Edelman M. Myths, Metaphors, and Political Conformity // Psychiatry. 1967. 30 (Aug.). P. 217.

Ikle F.Ch. How Nations Negotiate. – New York, 1964.

Lasswell H.D., Leites N. The Language of Politics. – Cambridge, Mass., 1965, first published 1949.

The Myth of the Machine. – New York, 1967.

Wender P. Communicative Uncertainty: Some Comments on the Rhetoric of Confusion // Psychiatry, 1967. 30 (Nov.). P. 332.

© Стрикленд Д.А., 1969

© Калыгина М.Ю. (перевод), 2010

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ

Амиров В.М.,
Чудинов А.П.

Екатеринбург, Россия

РОССИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
ПОД ГНЕТОМ ЦЕНЗУРЫ

УДК 070
ББК Ч 610.1

Аннотация. Рецензия на книгу Л.М. Макушина «Цензурный режим и журналистика: от "чужунного" устава 1826 года до закона о печати 1865 г.» – В 2 кн. Кн. 1. 264 с.; Кн. 2. 228 с. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.

Ключевые слова: история СМИ, цензура, цензурный режим, пресса, законодательство о печати.

Сведения об авторе: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати.

Место работы: Уральский государственный университет им. А.М. Горького.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, к. 437.

E-mail: vestnik-va@mail.ru.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.

E-mail: ar_chudinov@mail.ru.

Монография Л.М. Макушина представляет собой системную и глубоко структурированную попытку проанализировать роль цензуры как государственного института в становлении и развитии российской периодической печати. Тот факт, что для исследования и анализа берется достаточно узкий по историческим меркам период, никак не влияет на масштаб разработки проблемы. Ведь эти годы вместили в себя и тридцатилетнее царствование Николая I с восстанием на Сенатской площади и периодом реакции, затронувшей все стороны жизни российского общества, и «оттепель» великих реформ Александра II. Цензурный режим, регулировавший во многом взаимоотношения власти и прессы, менялся вместе с изменениями в обществе и во многом предопределял развитие прогрессивной мысли в России. В этом смысле монографию Л.М. Макушина трудно переоценить, поскольку она отслеживает и анализирует смысл изменений, отраженных в регламентирующих жизнь журналистики указах и других государственных документах.

Представляется оправданным, что при определении модели анализа автор использует сочетание сразу нескольких аналитических методик: документальный и сравнительный анализ идут в канве исторического повествования, выступающего в качестве основы. Таким образом, обеспечивается понимание неразрывной

Amirov V.M.,
Chudinov A.P.

Ekaterinburg, Russia

THE RUSSIAN JOURNALISM
UNDER OPPRESSION OF CENSORSHIP

ГЧТИ 16.21.27
Код БАН 10.01.10

Abstract. The review of the book L.M. Makushina «Censorial regime and journalism: from the "cast-iron" regulations of 1826 to the press law of 1865».

Key words: History of mass-media, censorship, censorial regime, press, the legislation about the press.

About the author: Amirov Valeriy Mihailovich, candidate of philology, associate professor.

Place of employment: Ural State University named after A.M. Gorky.

About the author: Chudinov Anatoliy Prokopievich, Vice-rector for Academic and Innovative Activities, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

связи модернизации цензурного режима в соответствии с модернизацией общественно-политического устройства самой Российской державы.

Цензура как институт контроля за распространением сведений через средства массовой информации существует практически во всех странах мира. Представление о том, что демократический принцип свободы слова исключает всякое цензурирование в принципе, является, по меньшей мере, наивным, поскольку любое государство свято хранит свои секреты. Другое дело, что реализация принципа свободы слова предполагает невмешательство цензуры в идеологию журналистского текста. То есть, цензуре подвергаются сведения, четко очерченные законодательством, а не мнения авторов публикаций.

Россия в поисках приемлемого для себя цензурного режима прошла большой и противоречивый путь, и монография Л.М. Макушина фиксирует и раскрывает один из самых интересных и острых периодов формирования цензурного режима, исходя из принципиально важной идеи о том, что на этих исторических этапах российское самодержавие переживает несколько фаз трансформации. Соответственно и цензурный режим проходит свои ступени перестроек, что отражается на темпах и качестве развития периодической печати.

«Чугунным» современники называют цензурный устав, утвержденный императором Николаем 10 июля 1826 года и содержащий 230 параграфов. Этот устав отражал максимально жесткий подход, принятый во властных структурах после восстания декабристов 1825 года. Устав пресекает всякое вольнодумство, запрещая любые публикации, содержащие даже предложения о каком-либо государственном переустройстве. При этом, согласно этому документу, имевшего, в нынешнем юридическом понимании, статус закона, цензурный контроль осуществлялся в двух уровнях – общегосударственном и ведомственном. Каждому ведомству вменялось в обязанности осуществлять цензуру по своему направлению, причем, отметим, что цензура эта носила предварительный характер. Любые материалы, касающиеся вопросов государственного управления, не могли быть опубликованы без согласия соответствующего министерства. Вместе с тем Устав обеспечивал видимость справедливости принимаемых цензурных решений: для предотвращения произвола вводилась коллегиальность.

Несмотря на удобность такого документа для власти, она прислушалась к обществу, протестовавшему против мелких придирок цензоров, и уже через два года был разработан новый Устав, в котором число параграфов было сокращено вдвое. Л.М. Макушин выделяет некоторые принципиальные новации этого регламентирующего документа для развития печати. В частности, цензуре отныне запрещалось править авторский слог, что, несомненно, положительно влияло на качество журналистских и литературных материалов. Другим принципиальным новшеством было отсутствие списка конкретных запрещений. Вместо этого для прессы того времени устанавливались некие пределы, в рамках которых она могла работать. Имели место и другие важные новации.

В целом, как совершенно справедливо отмечает автор монографии, Устав 1828 года был достаточно большим шагом вперед и дал прессы определенные послабления. Вместе с тем, после принятия тяжелого, но все-таки понятного для прессы и книгоиздателей Устава, появилось много ведомственных циркуляров, которые вводили дополнительные ограничения поверх параграфов основного документа. Тем самым, обозначилась традиция создания подзаконных актов, которые на самом деле и регулировали принципы и процесс цензорского контроля. То есть, лишённые возможности прямого цензурирования газетных материалов, ведомства разработали массу уложений, которые позволяли им весьма вольно, а самое главное – в свою пользу, трактовать положения Указа. В монографии приводится много примеров такого чиновничьего «подрегулирования», которое компенсировало послабления, данные государем-императором.

Однако, несмотря на все сложности, новый документ дал прессы возможности для значительного количественного и качественного роста, в чем убеждает приведенная статистика. Этот рост продолжался до конца сороковых годов девятнадцатого столетия, когда, с одной стороны, по Европе прокатилась волна революций, и революционная угроза была весьма серьезно воспринята при дворе, а с другой – неудачное течение русско-турецкой войны привело к очередной волне давления на свободу прессы. Для систематизации контроля за прессой был создан в 1848-м году специальный Комитет. Комитет осуществлял контроль, не исходя из юридических принципов, заложенных в Уставе, он работал скорее «по восприятию». Общество получило очередной конфликт юридического и административного начал в вопросе организации цензурного режима. При этом административное начало, приходит к выводу автор книги, каждый раз брало верх над юридическим. Этот вывод автор подтвердит и при исследовании еще одного важного периода истории России и ее прессы – периода великих реформ.

Модернизация общественной жизни при Александре II шла вместе с коренной модернизацией экономики. Вслед за Ф. Тютчевым современники называли время, наступившее в начале царствования Александра II, «оттепелью». Хотя основные усилия власти были направлены на завершение Крымской войны и минимизацию понесенных потерь, происходят определенные события, свидетельствующие о понимании важности коренных изменений в общественной жизни. Среди высшего чиновничества, отвечающего за цензурный режим, растет критика методов, господствовавших в этой сфере при Николае I. Пресса активно обсуждает многие модернизационные инициативы власти, среди которых революционная – готовящаяся отмена крепостного права. В этих условиях царское правительство в период 1858–1861 годов ищет новую идеологию цензурного режима. Сутью этой идеологии, с одной стороны, должна была быть однозначная поддержка самодержавия, а с другой – предоставление той степени гласности, которая обеспечивала бы поддержку проводимых реформ. Именно поэтому на первом этапе отменяется ведомственная цензура. Однако не меняется главное – предварительный принцип цензурирования материалов прессы, что позволяет удерживать газеты и журналы в рамках дозволенного, несколько смягчив жесткость цензурных требований.

Таким образом, небольшие, но значимые преобразования 1858–1861 годов стали первой ступенью больших реформ, необходимость которых стала окончательно понятной после отмены в 1861-м году крепостного права. Правительство, осуществляющее радикальные преобразования, призванные изменить жизнь им-

перии, нуждалось во взаимодействии с общественностью. Взаимодействию, которое невозможно было осуществить, не дав определенной, но гораздо более широкой гласности. Так появились сначала Временные правила 1862 года, содержащие всего тринадцать параграфов и вводящие дифференцированный подход к периодике. Достоинством Временных правил было наличие более или менее точных критериев цензорских оценок. То есть, отныне цензор должен был более руководствоваться буквой закона, а не весьма вольно трактуемым его духом. Это резко локализовало полномочия всемогущего цензорского аппарата.

Но окончательный перелом в балансе взаимоотношений цензоров и редакторов произошел в 1865 году после подписания императором Александром II Закона о печати, в котором содержится Указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати». Документ упразднил главный бич прессы – предварительную цензуру, введя вместо нее послепечатный контроль. Отныне ответственность за соблюдение цензурного режима возлагалась на самих редакторов изданий, а цензуре, сосредоточенной в МВД, предписывалось осуществлять контроль за соблюдением режима.

Выглядит совершенно оправданным, что Л.М. Макушин не останавливается в своем анализе на этом счастливом для прессы моменте истории. Он идет дальше, обнаруживая тенденцию, в полной мере характерной и для современного российского общества. Хотя Закон дал средствам массовой информации вольную, на деле все оказалось совсем не так просто. Главный документ очень быстро оброс подзаконными актами и инструкциями, нивелирующими его либеральное значение. Реально цен-

зорские полномочия сохранили министерства и ведомства. Епархиальные архиереи продолжают осуществлять цензурный контроль за синодальными изданиями. Кроме того, никак не потеряли реальных цензорских полномочий губернские и уездные начальники.

Так прогрессивный по форме и содержанию Закон о печати был «скомпенсирован» многочисленными гласными и негласными документами и инструкциями, в значительной мере «нейтрализовавшими» его силу. Административное право в очередной раз победило юридическое. Выявление этой закономерности, которая отчетливо распространяется и на новейшую российскую историю – несомненная удача монографии Л.М. Макушина. Она позволяет под новым углом взглянуть на происходящие в современном российском медийном пространстве процессы, а также на уже раздающиеся среди ряда политиков призывы ограничить доступ граждан к Интернету, привести во всемирную паутину элементы цензурирования.

Монография написана языком, который, при всей серьезности поставленных автором перед собой исследовательских задач, дает возможность ознакомиться с книгой не только специалистам, но и широкому кругу читателей, всем тем, кому интересны не самые известные страницы истории Отечества. Умение объяснить сложное просто, рассказать о научном популярно – это немалое искусство, которым владеет далеко не каждый.

В целом монография Л.М. Макушина «Цензурный режим и журналистика от «чугунного» устава 1826 года до закона о печати 1865 г.» – большой шаг вперед в изучении истории российской печати.

© Амиров В.М., Чудинов А.П., 2010

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узко специализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представления рукописей и на иных языках. Публикация статей производится на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т.е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

2. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.

3. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

4. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Это относится ко всем авторам, в том числе к начинающим исследователям (аспирантам и др.).

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А.П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т.е., помимо основного текста, содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы;

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75-85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. С. 340-342.

МОНОГРАФИИ:

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. ... канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. – Ярославль, 2003. 350 с.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. С. 125-128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логина Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

Уважаемые коллеги!

С 13 по 16 сентября 2010 года Уральский государственный педагогический университет совместно с Уральским отделением «Российской ассоциации лингвистов-когнитологов при финансовом содействии фонда «Русский мир» проводит международную научную конференцию **«Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры»**.

Для участия в конференции необходимо до 15 июня 2010 года прислать по электронному адресу (ap_chudinov@mail.ru):

- заявку (по форме, данной в приложении № 1);
- тезисы выступления в электронном варианте (Word 0.7) объемом 2 страницы (требования к оформлению представлены в приложении № 2)

Конференцию планируется провести на базе отдыха в живописных окрестностях Екатеринбург.

Оргвзнос при личном участии – 600 рублей (стоимость публикации тезисов и одного экземпляра сборника, а также участия в культурной программе).

Все участники конференции, внесшие оргвзнос, без дополнительной оплаты обеспечиваются проживанием в скромных двух-трехместных номерах и питанием. За дополнительную оплату возможно проживание в более комфортабельных номерах.

Оргкомитет имеет возможность оплатить дорогу в Екатеринбург и обратно поездом 5 российским и 5 зарубежным участникам.

Оргвзнос при заочном участии – 300 рублей (стоимость публикации тезисов и одного экземпляра сборника, а также пересылки автору одного экземпляра сборника).

Тезисы выступлений на конференции будут опубликованы до начала конференции.

От уплаты оргвзноса освобождаются доктора наук, выступление которых планируется на пленарном заседании.

Приложение 1. Форма заявки на участие в конференции

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)
2. Ученая степень, ученое звание
3. Место работы и должность
4. Почтовый адрес и электронный адрес, контактный телефон
5. Тема выступления
6. Форма участия: личное участие или стендовый доклад в заочной форме

Приложение 2. Требования к оформлению тезисов

1. Объем – не более двух печатных страниц, 12 кегль, полуторный интервал (по 40 строк на странице), поля – 2 см сверху, снизу, справа, слева.
2. Электронный вариант в формате Word или в формате RTF.
3. Нежелательны сложные для воспроизведения таблицы, схемы, рисунки и т.п.
4. Перед названием указывается фамилия, имя отчество автора и (в скобках) город, в котором работает участник конференции.
5. Оформление списка литературы и сносок (если они требуются) по правилам, принятым в журнале «Политическая лингвистика» (см. сайт cognitiv.narod.ru).